

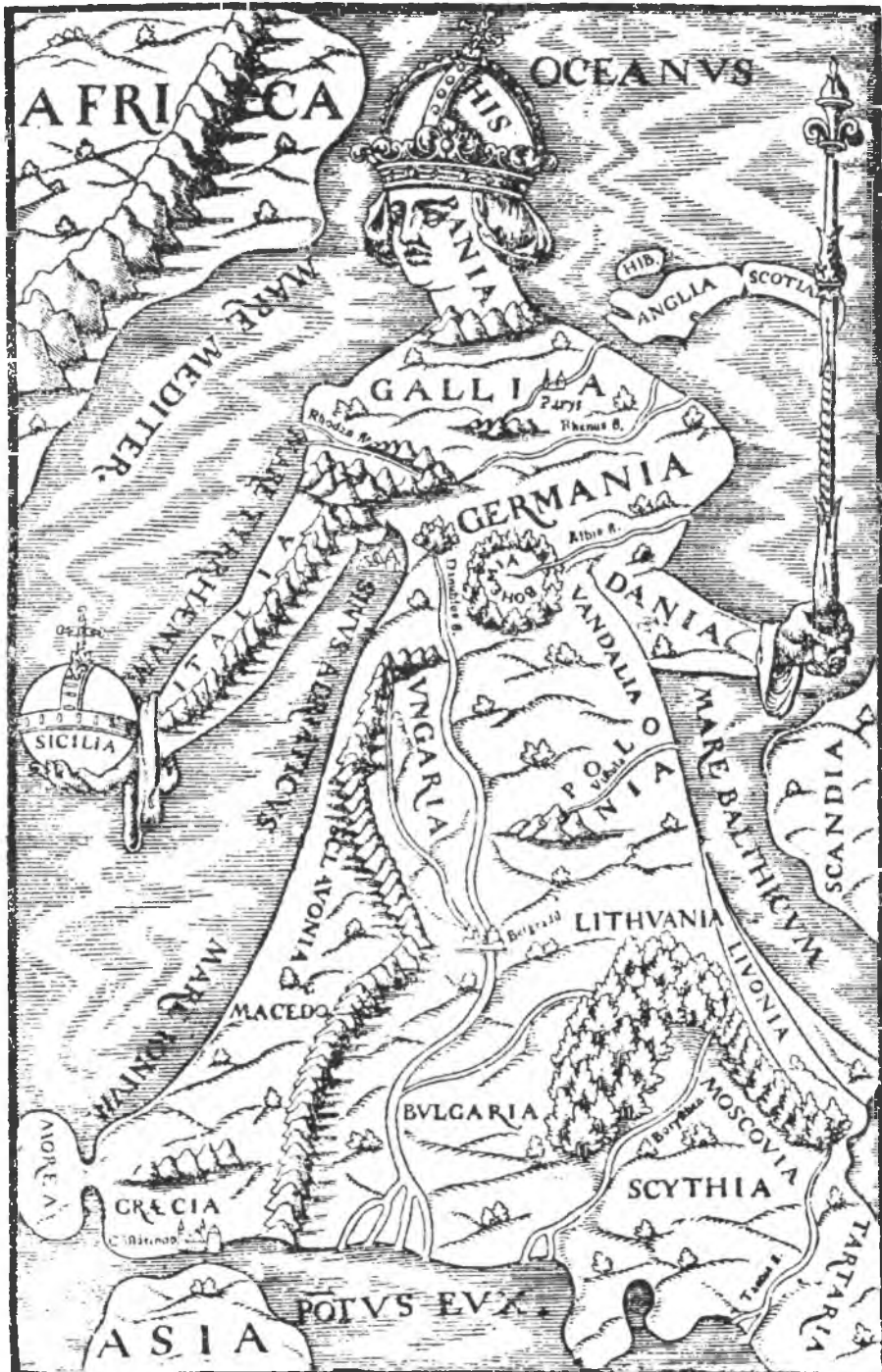
Т.Д.Валдвая

Искушение
Европы

Гардарика

Искушение
Европы

AFRICA

OCEANVS

HIS
ANGLIA SCOTIA

MARE MEDITER.

GALLIA
Paris
Rhenus B.

GERMANIA
Albis R.

DANIA

VANDALIA

POLONIA

UNGARIA

LITHVANIA

BVLGARIA

SCYTHIA

TARTARIA

ASIA

POTVS EVX.

SICILIA

GRÆCIA
Macedonia

MARE VADIVM

MARE ADRIATICVM

MARE BALTICVM

VIDVNS

SINVS ADRIATICVS

DANIA

POLONIA

VANDALIA

GERMANIA

GALLIA

ANGLIA SCOTIA

HIS

OCEANVS

AFRICA

Т.Д.Валовая

Искушение Европы

Исторические профили

Гардарика

МОСКВА

1998

УДК 94(4)
ББК 63.3-8
В12

Валовая Т.Д.

В12 **Искушение Европы: Исторические профили.** — М.: Гардарика, 1998. — 400 с.

ISBN 5-7762-0065-2 (в пер.)

В этой книге шестнадцать портретов исторических персонажей. Короли, рыцари и прекрасные дамы, гуманисты, полководцы, реформаторы жили в разное время и в разных уголках Европы. Все они не просто яркие, неординарные личности с удивительными судьбами. Все они творили историю, и женщины руководствовались прихотями сердец не более, чем мужчины. Даже самые взбалмошные и прелестные кокетки в делах государства следовали голосу рассудка. Решая судьбы Европы, они, хотя и дети своего времени, были истинными европейцами, романтиками, очарованными великой идеей европейского единства.

УДК 94(4)
ББК 63.3-8

ISBN 5-7762-0065-2

© «Гардарика», 1998
© «Юристъ», оформление, 1998
© Т.Д. Валовая, 1998

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОЛОГ

От единства ...

7

1. ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ:
Предыстория единства
13

2. КОНСТАНТИН:
Креститель Европы
39

3. КАРЛ ВЕЛИКИЙ:
Европейская идея
61

4. ЮДИФЬ:
Разрушительница очага
89

5. АННА ЯРОСЛАВНА:
Королева, которой нет в братской могиле
109

6. ФРИДРИХ БАРБАРОССА:
Тень великой империи
123

7. АЛИЕНОР АКВИТАНСКАЯ:
Повелительница двух королевств
147

8. КАРЛ ЧЕТВЕРТЫЙ:
Отчим империи
171

9. ЛОРЕНЦО ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ:
Принц Возрождения
191

10. МАРИЯ БУРГУНДСКАЯ:
Колыбель европейских войн
223

11. ИЗАБЕЛЛА КАСТИЛЬСКАЯ:
Последний бросок на юг
245
12. ЭРАЗМ РОТТЕРДАМСКИЙ:
Первый гражданин Европы
271
13. МИШЕЛЬ НОСТРАДАМУС:
Европейский пророк
291
14. ПЕТР ВЕЛИКИЙ:
Реформатор Третьего Рима
309
15. НАПОЛЕОН:
Тысячу лет спустя
337
16. ЕЛИЗАВЕТА АВСТРИЙСКАЯ:
Европейская Кассандра
371
- ЭПИЛОГ
...К единству
395

*Моим родителям
посвящается*

ПРОЛОГ От единства...

Государство, недавно еще единое, разделено на три части, и никого уже нельзя считать императором; вместо государя — маленькие правители, вместо государства — один только кусочек.

Общее благо перестало существовать, всякий занимается своими делами, собственными интересами...

Что же случилось с соседними народами? Все они, издревле объединенные узами согласия, в настоящее время, когда союз порван, будут раздираемы печальными раздорами...

*«Жалоба о разделе империи»
дьякона Флора Лионского (IX век)*

Все люди родились равными — гласят первые строки конституции Америки. Европа родилась единой — так начала бы я будущую конституцию объединенной Европы.

Действительно, Европа уже была единой. Она возникла единой. Это было больше тысячи лет назад, во времена Карла Великого. Если посмотреть на карту его империи и карту Европейского общества в момент его рождения, в 1957 году, различия очень несущественны.

Именно Карл Великий дал Европе ее современное геополитическое измерение. То, что было до него, Европа античности, — это скорее Средиземноморье, колыбель цивилизации. И, наверное, не случайно, согласно легенде, Европа — это имя дочери одного из царей Малой Азии, похищенной восплавленным к ней страстью всемогущим Зевсом. Та Европа, действительно, лежит больше на юге и на востоке, она включает и азиатский берег, и берег африканский.

Лишь при Карле Великом Европа стала «узнаваемой». Не случайно сегодня многие политики стран Европейского союза говорят о том, что они предпочли бы в процессе расширения ЕС идти по стопам Карла Великого, а не римских императоров.

Конечно, у Европы Карла Великого были повивальные бабки: Юлий Цезарь, император Константин и ... пророк Магомет.

Юлий Цезарь дал Европе новую географию. Завоевав Галлию и Британию, он сместил границы римского государства резко на север. Без Цезаря Европе было бы негде родиться.

Император Константин дал Европе ее душу. Сделав христианство официальной религией Римской империи, он создал идейную основу для будущего воссоединения частей этой империи. И Карл Великий, и его последователи будут стремиться к единству христианского мира, а значит, Европы.

А Магомет? Последователи пророка были теми скульпторами истории, кто от неотесанного куска мрамора, который представляли в VII–VIII веке остатки Римской империи, отсекали все лишнее и тем самым сформировали контуры Европы. Действительно, рождение мусульманства и его триумфальное шествие по Евразии и Африке, жертвами которого всего за 70 лет после смерти пророка Магомета стали не только персидская империя, но и азиатская и африканская части Римской империи, во времена античности воспринимались как неразрывное целое с ее европейской частью, содействовали хирургическому вычленению того, что реально могло быть единым и здоровым организмом.

Империя римских Цезарей единой долго оставаться не могла, в ней было слишком много разных рас, наций, религий, традиций, великих цивилизаций прошлого. Европа античности, помнящая еще египетских фараонов, царей иудейских и ассирийских, свершения Александра Македонского, была слишком большой и слишком разной.

То, что от нее осталось, возродилось единым. Эта «новая» Европа помнит только одну великую цивилизацию — греко-римскую, которая дала ей ее культуру. У этой Европы одна раса, одна религия, одно прошлое. Более того, триумф мусульманства дал на многие века Европе общего врага, а общий враг всегда содействует единению. Не случайно впервые в анналах истории слово «европеец» появилось в 732 году, когда неизвестный летописец написал, что под руководством Карла Мартелла, деда Карла Великого, «европейцы» остановили нашествие мусульман и не допустили их продвижения на север Европы.

Но Европа Карла Великого просуществовала только семьдесят два года. И с той поры Старый Свет долго и мучительно идет к своему новому единству. В этом — смысл европейской истории за последние двенадцать веков. И обретение, наконец, утраченного единства — один из главных итогов завершающегося второго тысячелетия.

История Европы — это история притягательной женщины, которую на каждом шагу подстерегают искушения, пылкие атаки и даже, увы, грубое насилие. Европой пытались обладать многие — римляне, преодолевшие в своем завоевательном броске Апеннины, варвары-германцы, пришедшие из дремучих восточных лесов, гунны и венгры, выходцы из азиатских степей, викинги и славяне, покинувшие северные края, арабы, которым полюбилась Испания...

Европа отдавалась многим, но им не покорялась. Они покорялись ей. Не Европа навсегда становилась римской, германской или венгерской, это пришельцы становились европейцами, это они усваивали ее нравы, традиции, культуру. Соблазнить Европу не удалось никому. Это она соблазнила все пришедшие в нее за эти тысячелетия такие разные народы. Соблазнила *европейской идеей*, идеей единства.

... Эта книга началась с Карла Великого. Ее замысел родился в его древней столице, Аахене. Аахен — пограничный город между Германией и Бельгией, и в силу обстоятельств достаточно часто путешествуя поездом из Брюсселя в Москву и обратно, я всегда проезжала Аахен, где поезд тогда стоял по два часа — граница все-таки, таможенные и прочие формальности. Аахен и представлялся мне обычным привокзальным, приграничным городком, ничем не примечательным, каких много.

Но оказалось, что Аахен — первая столица Европы, в нем не стерты еще следы его основателя, Карла Великого. Сохранился храм, хотя и перестроенный, воздвигнутый им в начале IX века. Не случайно по-французски город называется Экс-ля-Шапель, «храм в Эксе». Дворец Шарлеманя, хотя и не существует более, дал фундамент нынешней Аахенской ратуше. Словом, Аахен — один из наиболее завораживающих городов Европы.

Так из вынужденной стоянки на границе родилась эта книга, появились ее герои. Мне хотелось рассказать о Европе, истории ее единства, о европейцах, которые вольно или невольно или способствовали этому единству, или разрушали его.

... После Карла Великого началась пора крушения. Но оно не происходило в одночасье. ностальгия по прошлому преследовала ев-

ропейцев на протяжении столетий. Романтики тосковали по прошлому, прагматики приветствовали рождение наций.

Этот европейский дуализм и отражают мои герои. Юдифь символизирует рождение наций-государств. А Барбаросса — из другой плеяды: он по-прежнему верит в империю. Анна Ярославна меняет горизонты Европы. Отныне Запад знает о своем могучем восточном соседе. Алиенор провозглашает рождение межнациональных конфликтов. Карл IV олицетворяет признание неизбежности становления наций и попытку примирить их интересы. Мария Бургундская — обреченность этой попытки и начало многовековой полосы европейских войн.

Изабелла Кастильская вновь символизирует рождение наций, но в отличие от Юдифи — путем единения, а не дробления. Испанка пролагает путь вперед. Лоренцо и Эразм — европейцы-космополиты, которых в Европе той эпохи очень мало. Но они все-таки есть, они мыслят в масштабах европейской цивилизации. Нострадамус осмысливает прошлое Европы и предсказывает ее будущее — гибель той Европы, которую мы знаем. Петр Великий закрепляет границы Европы — он реформирует Россию, делает ее частью европейской цивилизации, но не частью Европы. Наполеон открывает эпоху нового европейского передела. Елизавета пророчески бежит из этой Европы, в которой ей страшно. Подобно Нострадамусу, она предчувствует ее гибель...

Таковы мои герои. Конечно, я не претендую на полноту рассказа или какую-то четко осознанную логику их отбора. Герои сами появились на страницах этой книги. За те годы, что писалась книга, я жила с ними, прониклась духом ушедших эпох. Я побывала в местах, где они жили и свершали свои деяния, я побывала, наконец, на могилах всех своих героев. Я была в Базельском соборе, на берегу величавого Рейна, где покоится Эразм, в подземельях Вены, где лежит Елизавета Австрийская, в Брюгге, где нашла последний приют Мария Бургундская, в Гренаде, где завещала себя похоронить Изабелла Кастильская, во Флоренции, где похоронен Лоренцо Медичи, не говоря уже о могилах Наполеона или Петра. Ничто не говорит о жизни человека больше, чем его последний приют...

Герои этой книги жили в разных уголках Европы. Я стремилась избежать великого соблазна прочитать историю Европы как историю Франции. Любого историка, изучающего прошлое Европы, неизбежно подстерегает опасность прийти к выводу, что именно Франция лежит в ее центре. Не было ни одного крупного европейского конфликта, в котором не участвовала бы Франция. Я постаралась рассказать о возникновении вражды между Францией и Гер-

манией, между Францией и Англией, между Францией и Австрией, и вместе с тем рассказать о европейцах во всей их многоликости.

Наконец, когда читаешь исторические труды, кажется, что историю делают мужчины — короли, императоры, папы, философы, революционеры. Или есть другая крайность — «популярная история», где все объясняется прихотями женских сердец, ради которых мужчины совершают великие дела. «И море, и Гомер — все движется любовью», — писал Мандельштам.

Мне же хотелось показать, что женщины Европы творили историю на равных с мужчинами, причем они руководствовались прихотями сердец не более, чем мужчины. Конечно, в их жизни чувства играли немалую роль, но даже самая взбалмошная и самая любимая моя героиня, Алиенор Аквитанская, в делах государства руководствовалась не столько сердцем, сколько трезвым рассудком и здравым смыслом.

Конечно, эта книга представляет собой очень личное, очень субъективное прочтение истории Европы. Это не столько нейтральный рассказ о людях и событиях, сколько взгляд человека, пережившего распад Советского Союза и парад суверенитетов на постсоветском пространстве. Человека, не скорбящего по советскому прошлому, но испытывающего ностальгию по нашему былому единству, по не разделенной границами одной шестой части суши, по многонациональной Евразии без братоубийственных войн и кровавых конфликтов.

Всматриваясь в глубину веков, нельзя не увидеть параллелей между тем, что происходило многие столетия назад при крушении Европы и тем, что происходит на наших глазах сегодня в Евразии. Многие параллели грустны и печальны. И вместе с тем история рождает надежду. Если Европа прошла этот трудный путь от единства к единству, то неизбежно, что и Евразия пройдет этот путь. Более того, придет к единству с Европой. Хотелось бы только, чтобы этот путь был в сотни раз короче и чтобы он не был столь трагичен и кровав. Ведь можно научиться на ошибках других. Об уроках европейской истории — эта книга.

ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ:
Предыстория единства

Склонившись перед счастливой судьбой этого человека и позволив надеть на себя узду, римляне считали, что единоличная власть есть отдых от гражданских войн и прочих бедствий.

Плутарх

1. ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ: ПРЕДЫСТОРИЯ ЕДИНСТВА

История единства Европы берет начало в Риме. Рим же начинается с Капитолийского холма, на котором, согласно легенде, вскормленный волчицей Ромул заложил в 753 году до Рождества Христова Вечный город, подарил ему свое имя — «Roma», и стал его первым царем. Но если быть совсем точными — то не Рим был основан за 753 года до рождения Иисуса, а напротив, это сын Божий родился в 753 году после основания Рима. Именно таким образом в VI веке уже нашей эры один англосаксонский монах вычислил дату рождения Христа. А за точку отсчета бралось основание Рима, с которого началась европейская история.

Современная единая Европа тоже родится на Капитолии — именно там, в Капитолийском дворце, в 1957 году будет подписан договор о создании Европейского сообщества, ныне ставшего Европейским союзом. Между этими двумя событиями — двадцать семь столетий и сотни императоров, королей и принцев, стремившихся заручиться благословением Рима в своем желании объединить под своей, разумеется, властью народы Европы.

... Между 753 и 510 годами до н.э. в Риме сменилось семь царей. За это время произошло первое единение в истории Европы: бесповоротно слились воедино три народа — этруски, латиняне и сабиняне. Родились римляне.

В 509 году до н.э. Тарквиний Гордый поплатился тронем за смерть не менее гордой Лукреции, обещанной его сыном и в отчаянии наложившей на себя руки. С крови и насилия началась история римской республики. Она стала историей бурных, необузданных страстей, нескончаемых войн, кровавых схваток между враждующими патрицианскими фамилиями, то есть потомками первых римлян, власть которых постепенно начали оспаривать и выходцы из низшего сословия, «новые граждане Рима», плебеи.

Постепенно разбогатевшие плебеи завоевывали все гражданские права. Рождалась новая аристократия «нобилей», которые сумели захватить и удержать власть, выпущенную из рук наследниками древних патрициев. Эта аристократия, точнее, олигархия, сосредоточила в своих руках должности, по закону доступные всем.

Однако на власть римских нобилей, заступивших на место патрициев, вскоре тоже нашлись претенденты — еще более «новые» римляне, так называемые всадники, которые делали состояние ростовщичеством, торговлей и откупом налогов — занятиями, запретными для благородных римлян.

Вплоть до середины I века до н.э. власть в Риме, однако, формально принадлежала народу. Именно Рим изобрел атрибуты демократической власти, которыми пользуется нынешний цивилизованный мир — сенат как законодательную и судебную власть, консулов как власть исполнительную.

Два консула избирались ассамблеей всех свободных граждан Рима на год. Они должны были уже иметь политический опыт и пройти через предыдущие должности, так называемые магистратуры, пробыв квесторами и преторами. Именно Рим — родоначальник системы номенклатуры, когда, раз попав в нее, чиновники далее тасуются как карты в колоде. Представители римской политической элиты за годы карьеры могли перебивать генералами и сенаторами, юристами и священнослужителями.

Консулы обладали практически неограниченной властью — но только на год. В случае, если республике угрожала опасность, вместо них мог быть назначен единоличным диктатор — сроком на шесть месяцев. Народная ассамблея собиралась только для того, чтобы избрать должностных лиц Рима и одобрить предложенные ими законы. Сенат же представлял собой по сути дела Совет старейшин: в него входили все бывшие должностные лица республики. Именно с сенатом советовались консулы в отношении проводимой ими государственной политики. Когда число сенаторов резко возросло, в нем проводились «чистки», пользуясь которыми тот или иной консул или диктатор избавлялся от недругов.

Позднее в Риме начали избирать также народных трибунов — около 20 человек на год, которые должны были отстаивать интересы простых граждан и должны были быть доступны им 24 часа в сутки. Народным трибуном мог быть избран только плебей. Такое сложное устройство республики длительное время оказывалось достаточно эффективным и обеспечило возвышение Рима.

Рим распространил первоначально свое влияние на всю Италию. А с 240 года до н.э. начался марш железных римских легионов. Своей мерной поступью они заставили содрогнуться ласковое Средиземное море. Они стерли с лица земли Карфаген. Настал, казалось бы, апофеоз римской славы. Опаснейший противник, действительно угрожавший Риму, повержен. Вечный город отныне и в ближай-

шие шесть столетий может спать спокойно. Не случайно один из римских военачальников меняет формулу официальной молитвы. Он просит богов не об увеличении, а о сохранении римского могущества. Но завоевание мира продолжается. Железные легионы пройдут всю Грецию, выйдут на берега Азии. Рим колонизует все Средиземноморское побережье. Римляне так и назовут Средиземное море — «Mare Nostra», «Наше море».

На протяжении долгих столетий, вплоть до I века н. э. Рим живет в состоянии перманентной войны, войны, которая ведется без плана и без цели. Военные авантюры Рима продиктованы то стремлением пополнить казну, то захватить новых рабов, то дать возможность очередному полководцу отпраздновать военный триумф и затем пересест в кресло консула.

Так родится Римская империя, хотя она долго еще будет именовать себя республикой. Но главное, родится — нет, пока еще не Европа, — но европейская цивилизация. Рим становится колыбелью европейского объединения и его духовной опорой.

До римлян Средиземноморье и Европа были мозаикой племен и народностей, языков и культур. Здесь сосуществовали величайшие цивилизации Греции и Египта и едва вышедшие из детства племенные общины. Рим уравнивает всех. Он приобщит все покоренные им народы к достижениям античности.

Однако в начале его триумфального шествия у Рима нет даже собственной культуры. И он заимствует ее у греков, включая мифы о богах Олимпа. Но то, что было в Греции уделом немногих, Рим разнесет во все уголки империи. Если греки — мыслители, ученые, философы, то римляне — прежде всего люди дела. Греко-римская цивилизация — первый пример единства теории и практики.

И в то же время римские власти признавали космополитическую природу своей империи, ее этническое многообразие. Конечно, шла бесспорная эллинизация духовной жизни, но она не уничтожала духовной силы других цивилизаций — египетской, иудейской, малоазиатской. Империя Цезарей была последней великой империей, строившейся прежде всего на военной силе и не имевшей под собой «идеологической» базы. Императоры позднейших веков всегда будут отталкиваться от идеи — то стремиться объединить «христианский мир» как Шарлемань и его последователи, то приобщить народы Европы к идеалам французской революции как Наполеон. Риму же не нужны оправдания своей экспансии какой-либо высшей целью. Он просто верит в свое величие и предназначение.

И потому, подчиняя себе античный мир, римляне не посягают на души подданных. Покоренные народы должны исправно платить налоги, следовать римским законам, но они могут свободно молиться собственным богам, будь то боги египтян или иудеев. Более того — в пантеон римских богов исправно вносились новые — Кибела, Митра, Изиды и другие. Убежденные плюралисты в религии, римляне считали, что чужие боги только укрепляют империю. Веротерпимость Рима не подлежит сомнению.

Мне могут возразить: а преследования первых христиан, их мученические казни на кресте или арене со львами? А разрушение иудейского храма в Иерусалиме и последовавшие за этим гонения на евреев?

Да, Рим в штывы встретил рождение христианского учения. Но не потому, что счел его религиозной ересью. Сначала потому, что христиане отказались от «чести» включить своего бога в сонм языческих божеств, на что с радостью шли те же египтяне. Затем — своим неприятием народных забав — боев гладиаторов. И наконец, вскоре Рим распознал, что проповедуемые первохристианами идеалы социальной справедливости, всеобщего братства и равенства могут подорвать не только устои Римской империи, но и устои классового общества в целом. Христа и его последователей распнут не за их веру, а за — пусть не очень явный! — призыв к социальному равенству. Лишь когда христианское учение станет *церковью*, когда оно, забыв об идеализме первых мучеников, адаптируется к реалиям общества, в котором возникло, оно станет приемлемым, более того, необходимым для Рима.

Точно так же отнюдь не религиозной нетерпимостью были вызваны и гонения на евреев. Священный символ иудейской веры, «второй Храм», возводился на месте разрушенного за пять столетий до того храма царя Соломона царем Иудеи Иродом Великим — тем самым, повелевшим осуществить избиение младенцев в Вифлиеме, и с полного благословения римской власти. Во времена Христа еврейская вера — официальная религия Иудеи, и ничто, казалось бы, не предвещает грядущих трагедий. Лишь идущий на Голгофу евреев Христос уже знает будущее. Оплакивающим его женщинам он говорит: «Не плачьте обо мне, дочери Сиона, плачьте об Иерусалиме и о своих детях».

Его пророчество сбылось. В 66 году н.э. началось восстание населения Иудеи против Рима. Оно потоплено в крови. Храм, возведенный Иродом Великим, разрушен, от него осталась только когда-то ограждавшая его стена, та самая Стена Плача, к которой и по сей

день приходят верующие иудеи, чтобы попросить милости у своего бога. Само слово «Иудея» вычеркнуто разгневанным Римом с географической карты мира. Отныне эта земля станет именоваться Палестиной — по имени соседей иудеев, их злейших врагов, филистимлян. Но карает Рим не за веру, а за бунт. Те же народы, которые не оспаривают власти Рима, сохраняют и богов, и храмы, и обычаи.

Покоряя другие страны, Рим превращает их в провинции, которыми управляют назначенные сенатом проконсулы — сроком на один год. Наместники и римские военачальники получают в провинциях практически неограниченную власть и возможность сделать несметное состояние. Никогда в истории — вплоть до времен конкистадоров — не будет более таких возможностей для быстрого личного обогащения, но неперемное условие этого — активная политическая жизнь. Назначения дарует сенат, и для того, чтобы стать богатым, надо быть политиком. Европа не знала и долго еще не будет знать такого имущественного передела, когда в одночасье обогащаются все, кто имеет государственные должности.

Хотя для приумножения состояний есть вполне легальные возможности, наместникам и этого мало, они начинают заниматься неприкрытым воровством. В 149 году до н.э. пришлось даже учредить специальный суд для разбора таких дел. Пока наместник находился при должности, он обладал иммунитетом против судебного разбирательства (вот откуда парламентская неприкосновенность!), но, покинув должность, терял его и мог быть привлечен к ответу.

Принцип ежегодной смены наместников заставлял их «ковать железо пока горячо», разорять временно вверенные им провинции, остающиеся формально собственностью римского народа. Опыт римской республики показал, что лучше иметь правителей, которые не спешат обогатиться сегодня, зная, что они смогут сделать это и завтра. Осознание этого, а также войны и восстания заставляют Рим постепенно отойти от принципа ежегодной смены наместника. Если он управляется с подданными, нет смысла его менять. Так рождается когорта римских генералов, которые, пройдя школу наместничества в провинции, обретают деньги и преданную армию, что позволяет им бороться за высшую власть.

Словом, для амбициозного человека в римскую эпоху существовала только одна арена приложения своих сил и талантов — политика. Никаким иным способом он не мог ни реализовать себя, ни сделать состояние. Активная политическая жизнь, и только она, давала почести, деньги, привилегии.

Все это ужесточало конкуренцию между политическими элитами, приводило к кровавым столкновениям и драмам. Последние семьдесят лет республики ознаменовались жестокими схватками между двумя враждующими лагерями — оптиматами и популярями. Оптиматы, т.е. «лучшие», представляли интересы наиболее знатных слоев населения. Многие из них стремились вернуть традиции древнего Рима, восстановить давние привилегии патрициев. Популяреры, то есть «народные», — более широких слоев граждан римского общества, включая плебс.

Конечно, эта двухпартийная система была весьма условной. Популяреры и оптиматы не были партиями в современном значении этого слова, но все-таки представляли собой достаточно оформленные общественные движения. Как и современные партии, они боролись за власть, не гнушаясь никакими методами. В те времена вполне приемлем был удар кинжала и массовые убийства оппонентов. Что ж, это и происходило. Как и современные партии, они не имели постоянного круга приверженцев. Политики кочевали из одного лагеря в другой в зависимости от перспективы возвышения. А избиратели голосовали за тех, кто больше заплатит. Нужно сказать, что от римской республики выигрывали все ее граждане, даже беднейшие. Они не платили налогов, но имели право голосовать, и их голоса политики, рвущиеся к власти, должны были покупать хлебом, зрелищами и деньгами.

Во главе популяреров стоял одно время Марий, выходец из крестьян, сумевший — редкий случай в Риме — стать военачальником и консулом. Марий не получил никакого образования и всю жизнь презирал эллинскую культуру, которой «учат рабы». Но благодаря своим несомненным данным полководца и личной храбрости он стал символом побед римского оружия в Африке, а также в предальпийской Галлии. Военские триумфы принесли ему политическую власть. Несколько раз он избирался консулом. Вокруг Мариа группируются представители всадничества, то есть зажиточной, но не аристократической части общества, новые граждане Рима, городской плебс, который ненавидит власть сената, олигархии. Одним из приверженцев и последователей Мариа был Цинна, также избравшийся консулом.

Непримиримым противником популяреров был другой талантливый военачальник, Сулла. В борьбе за власть удача сопутствовала то Марию и его сторонникам, то Сулле. Наконец Сулле удалось одержать победу над популярями, а после смерти Мариа и убийства Цинны стать полновластным диктатором Рима.

Сулла вступил в Вечный город как безжалостный победитель. Его первым шагом стали жесточайшие репрессии. На улицах вывешивались проскрипционные списки — перечни тех, кто подлежал казни с конфискацией имущества. В них заносились как политические противники, так и личные недруги Суллы и его сторонников. Началось жесточайшее сведение счетов, доходившее порой до уличной резни.

Чтобы расширить политическую базу своей власти, Сулла отпустил на волю десять тысяч рабов, принадлежавших казненным. Они, а также ветераны Суллы стали его надежной опорой. В дни террора Суллы и начинается политическая биография Цезаря...

Гай Юлий Цезарь родился в 100 году до н.э., и о первых годах его жизни известно очень мало. Семья Цезарей, хотя и знатная, дотеле не давала Риму выдающихся людей. Единственное, чем может гордиться Цезарь, так это тем, что он, по преданию, ведет свой род от Венеры, богини любви. Венера щедро наградила своего потомка. По словам Светония, Цезарь был высокого роста, светлокосый, хорошо сложен, с черными живыми глазами. В одежде Цезарь отличался элегантностью и роскошью. Единственное, что портило его внешность, — ранняя лысина, вот почему впоследствии он так любил носить лавровый венок триумфатора.

В шестнадцать лет Цезарь благодаря родственным связям получает почетную должность жреца Юпитера. Но вскоре случается террор Суллы, и Цезарь совершает первый решительный шаг в своей жизни. Он... не разводится. Какое, казалось бы, это имеет отношение к разыгрывающимся кровавым драмам? Но Цезарь женат не на ком-нибудь, а на Корнелии, дочери убитого Цинны, врага Суллы. Напрасно друзья уговаривают Цезаря развестись, тем более что тот не пылает страстью к жене. Ведь Цезарь и так имеет предосудительное в глазах Суллы родство, от которого, увы, никак не избавиться: его родная тетка Юлия была женой самого Мария!

У Цезаря по-прежнему есть выбор. Он лично ничем не скомпрометировал себя в глазах Суллы, он может, покинув ряды популяров, к которым принадлежит в силу семейных традиций, перейти в лагерь Суллы, получить должности, богатство и почести. Это так легко! Ведь другие молодые аристократы уже переметнулись к Сулле. Тот же Помпей, будущий соперник Цезаря, по приказу Суллы немедленно развелся с женой и вознагражден за это!

Но Цезарь не слушает мудрых увещаний и сохраняет свой брак, назло Сулле. Это — публичная пощечина диктатору, demonstra-

ция политических симпатий, заявка на активное участие в политической борьбе. Цезарю только двадцать лет, и он предпочитает изгнание.

Цезарь находит приют в Малой Азии, у вифинийского царя Никомеда. В будущем политические противники Цезаря будут часто попрекать его «покровительством» Никомеда, намекая, что последний «растлил его юность» и был Цезарю более чем просто другом. Об этом, например, пишет Светоний. Так это было или не так, две тысячи лет спустя судить сложно. Известно одно: в будущем Цезарь будет любить женщин, многих женщин. Их имена сохранит история. Аристократки и царицы, распутницы и холодные матроны, среди них ярко сверкает имя одной, возлюбленной Цезарем, как никакая другая: Сервилия, мать Брута, убийцы Цезаря...

Изгнание Цезаря продолжается недолго. Заступничество родственников и девственных весталок заставляет Суллу сменить гнев на милость. Цезарю разрешено вернуться в Рим. Но он не спешит туда. Что делать там юноше, ничем особо себя пока не проявившему? Его время не пришло.

На протяжении всей жизни Цезаря будет отличать холодный расчет. Лучше быть первым в провинции, чем вторым в Риме — вот его кредо. Цезарь всегда будет отказываться от привлекательных предложений выступить на вторых ролях. Ему нужны только первые. Пока их для него нет, он вообще не играет на политической сцене. Он самосовершенствуется, заводит связи и контакты, формирует репутацию. Словом, он создает залог будущих побед. Цезарь своими руками умело создает миф о том, что он великий политик, который в нужный час будет востребован историей.

Для начала он остается в Малой Азии, где начинает свою военную карьеру. Затем он участвует в борьбе с пиратами, которые терроризируют побережье Средиземного моря. Лишь когда в 78 году приходит известие о смерти Суллы, Цезарь возвращается в Рим. Он проведет там только год. Ему двадцать два года, и он все еще не стремится заявить о себе как политик. Для Цезаря это время ученичества, он наблюдает, изучает.

Постепенно Цезарь создает себе имя. Он ведет себя как убежденный демократ, выступая в суде обвинителем на процессах против бывших крупных должностных лиц республики, опорочивших себя взяточничеством и хищениями. Подсудимые были оправданы — разве может сенат осудить себе подобного! Но Цезарю было важно не столько выиграть процесс, сколько приобрести репутацию неподкупного политика.

Как видим, уже в те времена многие политики начинали свое восхождение ко власти под флагом борьбы с привилегиями и коррупцией власть имущих. Беспроигрышный ход! Парадоксально, а может быть и закономерно, но именно «демократ» Цезарь приведет Рим к империи, к абсолютной монархической власти.

Заставив говорить о себе как о подающем надежды борце за демократию и справедливость для всех, Цезарь решает вновь покинуть Рим. Разумная тактика: ни его имя, ни родственные связи не позволяли ему быть в Риме и вне политики, а быть в ней на вторых ролях он не хочет. Не хочет он и быть втянутым в интриги, сплетни, мелкие ссоры, которые могли бы скомпрометировать его в глазах граждан Рима.

Он отправляется на Родос, где оттачивает свое мастерство оратора. Во времена, когда красноречие считалось чуть ли не главным качеством политика, Цезарь сумел превзойти в этом искусстве всех и уступал пальму первенства лишь блистательному Цицерону.

Затем он вновь присоединяется к римским войскам в Малой Азии, где ему сопутствует военная удача. Вернувшись в Рим, Цезарь опять же не рвется к политической власти. Но он внимательно наблюдает за двумя звездами на римском политическом небосклоне — Крассом и Помпеем, двумя военачальниками Рима, покрывшими себя славой и на штыках верных себе легионов вознесенными ко власти политической.

Помпей начал свою политическую жизнь в двадцать лет, когда, как мы помним, разведясь по приказу Суллы с женой, снискал милость диктатора. Получив позднее назначения в Сицилию, Африку и Испанию, Помпей стяжал беспримерные воинские почести. Во время восстания рабов под предводительством Спартака увенчает себя лаврами другой римский полководец — Красс.

Именно Помпей и Красс — молодые, блестящие, талантливые, казалось бы, могут претендовать на высшую власть в Риме. Они понимают, что соперничество послужит на пользу какой-нибудь третьей силе, и объединяются. Власти хватит на двоих! Улавливая настроения римлян, Помпей и Красс, обязанные своим возвышением Сулле, тем не менее покидают ряды его последователей и переходят на сторону демократов — лагеря, к которому Цезарь принадлежит от рождения. Но Помпею и Крассу Цезарь пока не нужен, им нужен ореол «демократии». Но во всяком случае отныне они формально политические друзья Цезаря. В 70 году Красс и Помпей избираются консулами. Они добились желанной власти.

Став консулом, Помпей проявляет блестящие задатки государственного мужа. В этом он намного превосходит соперника-союзника. Красс все-таки воин, а Помпей — истинный политик. Все сулит ему блестящую карьеру. Карьеру, которую вместо него сделает Цезарь. Почему? Помпей не менее талантлив, чем Цезарь, но у него иной характер. У Помпея нет решительности и смелости порвать связи с прошлым. Никогда ему не удастся преодолеть в себе приверженность к устоявшемуся порядку, он никогда не осмелится растоптать республиканские традиции и сказать: «Я так хочу, значит, это законно». Помпей не менее Цезаря будет рваться к абсолютной власти, но будет стремиться получить ее легальным путем.

Уже позднее, в 62 году, вернувшись после очередных военных побед в Испании, он в соответствии с законом распустит свое войско и будет пытаться получить власть так, как положено. Когда спустя одиннадцать лет после этого теперь уже Цезаря сенат попытается заставить распустить преданную ему армию, тот перейдет Рубикон и начнет гражданскую войну. В этом — разница между двумя характерами, двумя политиками.

Помпей не хочет революции и смерти республики. Он не может сказать прошлому, республиканской идее «нет», даже тогда, когда ее крах станет очевиден. Этот Горбачев периода упадка римской республики будет все время колебаться между разными лагерями и в конечном счете восстанет против себя и тот, и другой. Однако долгое время Цезарь — на стороне Помпея. Он помогает ему советами и связями, видит, что Помпей никогда не решится стать первым и в конечном счете ему не опасен. Более того, поддерживая Помпея, Цезарь укрепляет свой авторитет.

В 68 году Цезарь наконец становится квестором. Это одна из тех должностей, через которые необходимо пройти для права быть избранным консулом. Под его контроль попадает окраинная Испания — нынешняя Андалузия. В этот момент его постигает двойная потеря: умирает тетка, вдова Мария, и жена, дочь Цинны. Узы, связывавшие Цезаря с прошлым, мгновенно рвутся. Но он не пользуется этой возможностью поменять политическую ориентацию. Напротив, Цезарь вновь устраивает публичную демонстрацию. Впервые за долгие годы в момент погребения тетки он представляет изображения Мария. В Риме, где привыкли, что политики в одночасье меняют принципы, такая приверженность идее вызывает уважение.

Находясь в Испании, Цезарь, по преданию, посещает храм Геркулеса и у статуи Александра Македонского со слезами на глазах

произносит: «Александр в моем возрасте уже покорил мир, а Цезарь не совершил ничего, что оставит по себе память».

Окончив службу в Испании, Цезарь возвращается в Рим. На сей раз с твердым намерением свершить великие дела. Для начала он вступает в новый брак. Союз продиктован не сердцем, а политикой: он берет в жены Помпею, родственницу Помпея. Последний не отвергает протянутую руку дружбы, тем более что Цезарь отныне становится сенатором и может быть ему полезным.

В 64 году умирает духовный глава Рима, верховный понтифик, и Цезарь неожиданно для всех выставляет свою кандидатуру. Обычно верховными понтификами становились старейшие политики, для которых эта пожизненная должность становилась венцом карьеры. Но Цезарю только тридцать шесть лет! Тем не менее он, несмотря на скромный «политический стаж», уже настолько популярен у простого люда, что добивается успеха. Цезарь переезжает в роскошную резиденцию, положенную понтифику. Отныне он имеет неограниченную духовную власть. Но ему этого мало: он рвется и к высшей светской власти. И год спустя получает должность претора. Это последняя магистратура перед консульской.

В этот период происходит скандальное событие, которое могло бы положить конец карьере Цезаря, если бы он не сумел достойно выйти из сложившейся ситуации. Цезарь, как уже говорилось, далеко не являлся примером супружеской верности. В этом не отличалась от него и его вторая супруга, Помпея. Среди ее многочисленных возлюбленных был известный римский вертопрах Клавдий, известный склонностью к авантюрам.

Помпея, по должности мужа, должна была председательствовать на одном из священных таинств Рима, празднике Доброй богини. Церемония должна была происходить в доме Цезаря и без участия мужчин. Клавдий решил воспользоваться отсутствием Цезаря, чтобы свидеться с возлюбленной. Передевшись в женское платье, он проник в дом верховного понтифика, но был опознан служанкой.

Осквернение божественного таинства вызвало в Риме страшный скандал. Все ждали, что сделает Цезарь. Последний моментально развелся с женой, но далее не предпринял никаких шагов к наказанию виновного. Возмущенный бездействием верховного понтифика сенат по собственной инициативе решил начать процесс против Клавдия и вызвал Цезаря свидетелем. Однако верховный понтифик заявил, что ему ничего не известно о прегрешениях Клавдия

и об оскорблении великой богини. На вопрос, почему же тогда он развелся с женой, Цезарь ответил бессмертной фразой:

— Моя жена должна быть выше даже подозрений.

Клавдий был оправдан за отсутствием состава преступления, а Цезарь сохранил незапятнанную репутацию. Его выдержка и расчетливость в очередной раз сослужили ему хорошую службу. Многие в Риме думали, что Клавдий стал жертвой интриги недругов Цезаря, которые специально подговорили ничего не подозревающего ловеласа на отвечающую его характеру дерзкую выходку, полагая, что Цезарь будет выведен из себя и устроит скандал, который будет стоить ему политической карьеры. Ведь запятнанная репутация жены станет и его, Цезаря, позором. Но враги просчитались...

Вообще-то вольное поведение жены Цезаря — в традициях Рима. Нравы граждан республики весьма свободны. Им, конечно, еще далеко до оргий Рима императорского, до бесстыдства и преступлений Мессалины и Калигулы. Но римлянки спокойно изменяют мужьям, столь часто, как им это нравится, меняют любовников. Типичная римлянка времен Цезаря — патрицианка Клавдия, прославленная в веках поэтом Катуллом под именем Лесбии. Наверное, она была не изменчивее и не развратнее своих современниц. Но прелюбление и ревность Катулла сделали ее измены бессмертными.

Мужья, как правило, закрывают глаза на неверность супруг и проводят время с женами друзей и легкомысленными девицами. Цезарь в этом не отличается от других. Список его побед над римскими матронами бесконечен. Но он никогда не позволяет ни одной из своих пассий вмешиваться в политику. Даже Клеопатре, озарившей его осень, Цезарь даст только то, что он сам захочет ей дать — не больше и не меньше.

Не будем судить римлян мерками позднейшей христианской эпохи. Римлянки и римляне живут днем насущным. Ведь день за-втрашний — это загробная жизнь, это мрачное царство Харона, которого не избегнет никто, даже самый безгрешный человек. Да и самого понятия греха еще нет, как нет и христианской морали. Римляне просто подражают во всем своим богам. Как можно молиться Юпитеру, соблазнявшему и богинь, и земных дев, и блюсти верность только одной избраннице? И римляне ищут все новые объекты страсти. Могут ли последовательницы Венеры не предаваться любви? И знатные патрицианки ведут себя подобно богине, которой они поклоняются. Они горды и доступны, они ни в чем не уступают мужчинам. Брак — институт политический, мужчины в

него вступают из карьерных соображений, и не один раз, но он — не помеха ни для одного из партнеров искать любовь. Римляне намного проще в своих чувствах, чем европейцы средневековья, которые экзальтированно поклоняются Прекрасной даме как божеству. В Риме ее любят как земную женщину...

Вскоре после истории с женой Цезаря сенат приступает к разделу провинций между преторами. Цезарю достается Испания, где за восемь лет до этого он был квестором. Но Цезарь не может уехать, не заплатив своим кредиторам, а их у него бесчисленное множество. Нужную сумму ссужает ему Красс, и Цезарь отправляется на Иберийский полуостров, в частности, для того, чтобы поправить свои финансовые дела. Вообще Цезарь отличается неистребимой тягой к роскоши. Как отмечал Светоний, «бескорыстия он не обнаружил ни на военных, ни на гражданских должностях». Но, как уже говорилось, это было в порядке вещей.

Вернувшись два года спустя в Рим, Цезарь начинает добиваться консульской должности. Ему удается примирить Помпея и Красса, тем самым поставив их могущество на службу себе. Это исключительно мудрый поступок. Как писал Плутарх, «причиной гражданских войн была не вражда Цезаря и Помпея, как думает большинство, но в большей степени их дружба, когда они сначала соединились для уничтожения власти аристократии, а затем поднялись друг против друга».

Но пока триумвират Помпея, Красса и Цезаря выгоден им всем. В 59 году до н.э. Цезарь избирается консулом. Вступив в должность, он предлагает сенату законопроекты, призванные повысить его личную популярность среди «черни». Цезарь выступает за раздачу земель ветеранам. То, что такие «революционные» идеи выдвигает не какой-нибудь народный трибун, а консул, возмущает римскую аристократию, шокирует сенат. Но Цезарь может рассчитывать на военную поддержку Красса и Помпея, благо что данный законопроект усиливает их популярность в войсках. И он обращается через головы сенаторов непосредственно к народу. Цезарь ведет себя как истый политик-популист, заигрывающий с толпой. Сенат считает поведение триумвирата «ребяческой выходкой», роняющей уважение к сенату, но граждане Рима аплодируют Цезарю!

Цезарь уверенно создает в глазах народа образ сената как противника демократии, как противника реформ, которые он, Цезарь, намерен осуществить на благо народа. И когда придет время ради личной власти ущемить права сената, очарованный Цезарем народ будет ликовать при виде поражения «противников демократии».

Плоть от плоти римской номенклатуры, Цезарь прекрасно понимает, что для обретения безграничной личной власти нужно прежде всего скомпрометировать эту номенклатуру.

Чтобы еще более укрепить свое положение, Цезарь отдает в жены Помпею свою дочь от первого брака, Юлию. Помпею — под пятьдесят, он только что развелся с беспутной женой, в числе любовников которой, кстати, называли и Цезаря. Юность невесты не смущает, однако, ни Помпея, ни Цезаря. Это политическая сделка, выгодная для обоих. Цезарь искренне привязан к дочери, но политика — его первая любовь.

На удивление брак Помпея и Юлии оказывается счастливым. Пятидесятилетний молодожен весь во власти обаяния новой жены, добродетельной и страстной одновременно. Он стремится все больше и больше времени проводить в семейном кругу, не ищет встреч с друзьями и сторонниками, даже несколько теряет интерес к политическим интригам. Не на это ли рассчитывал Цезарь, отдавая сопернику юную и полную жизни девушку?

Сам Цезарь также вступает в новый брак, продиктованный расчетом. Своего нового тестя Цезарь сделает консулом на следующий год, что позволит ему контролировать ситуацию в Риме. Третья жена Цезаря, Кальпурия, не даст ему ни малейшего повода для подозрений, но не подарит, увы, и детей...

Тем временем Помпей получает назначение на Восток, где добивается выдающихся побед, выходя к Евфрату, захватывая Иерусалим, воссоединяя Иудею с Сирией.

Пока Красс и Помпей далеко от Рима, Цезарь потихоньку укрепляет свои дружеские связи, привечая нужных людей. Цезарь щедр — настолько, что вновь влезает в безумные долги. Благо, что консульская должность приносит ему назначение наместником в Галлию. Так открывается новая ипостась Цезаря. До того — он осторожный и расчетливый политик, терпеливо ждущий своего звездного часа. В Галлии он показывает себя не только гениальным полководцем, но и отважным и решительным стратегом.

В Галлии Цезарь завоевывает любовь и преданность своих воинов, которые свершают ради него невозможное и в будущем последуют за ним повсюду. В свою очередь, он всегда рядом с ними, он первый в любом сражении. Слабого здоровья, Цезарь не щадит себя, неся наравне со всеми тяготы походной жизни. Цезарь страдает эпилепсией, болезнью гениев. Но он как бы закаляет свое тело тяжелейшими испытаниями. Он ночь напролет может скакать верхом, идти пешком, переплывать реки. Но Цезарь не только рядом

со своими легионерами, он щедр по отношению к ним настолько, что в дальнейшем те будут готовы ради него убивать своих собратьев, граждан Рима.

За девять лет наместничества, благодаря ряду блестящих кампаний, Цезарь окончательно покоряет Галлию. В те времена Европа севернее Альп населена тремя группами племен — кельтами, германцами и славянами. Кельты, появившиеся в Европе раньше, чем германцы и славяне, одно время населяли чуть ли не весь континент — от Атлантики до Балкан. Но стремительная экспансия Рима вытеснила их на окраины. Сегодня потомков кельтов, говорящих на древних языках, можно встретить лишь в Ирландии, Шотландии, Уэльсе и на западе Франции — в Бретани. Основная же масса кельтских племен, проживавших в Галлии, которой римляне именовали территорию нынешних Франции, Бельгии, Нидерландов и севера Италии, покорилась римлянам и приняла их язык и традиции.

К моменту назначения Цезаря лишь предальпийская Галлия, то есть север Италии, завоевана окончательно. Основная же часть Галлии пока еще не признала бесповоротно власть Рима. Этого добьется Цезарь. Завоевание Галлии — еще одно проявление политической мудрости Цезаря. К этому времени германские племена, населяющие территорию между Рейном и Эльбой, все чаще совершают набеги на запад. Они постепенно надвигаются на галлов, угрожая поглотить их, а затем двинуться на Рим. Иными словами, римское владычество должно или выйти на берега Рейна, или отступить за Альпы. И Цезарь прекрасно понимает это.

Он вступает в Галлию как спаситель, он оказывает поддержку дружественным галльским племенам в их борьбе с германцами. Его осыпают благодарностями и приветствиями. Но вскоре очевидными становятся его истинные намерения. Галлы не знают, как избавиться от своего освободителя. Тогда и начинается собственно галльская война, которая продлится восемь лет, срок исключительно краткий, если вспомнить, что покорение Испании продолжалось двести лет! Галлию завоевывает армия, численность которой никогда не превышала 70 тысяч человек. Не менее удивляет и быстрое подчинение галлов. После первоначального периода мятежей, которые, как мы увидим дальше, Цезарь безжалостно подавит, галлы практически больше не восстают. И это тоже его заслуга. Цезарь обладает даром увлечь молодую, блестящую, чуть легкомысленную нацию личным обаянием, ореолом гения, очарованием и милостью.

Завоевание Галлии и ее ассимиляция в Римскую империю придают Европе новые, более привычные нам очертания. Огромные пространства, населенные варварами, вливаются в организованную структуру римского общества. Здесь, в Галлии, Цезарь впервые ведет себя как император, как неограниченный владыка. Он не просто завоевывает Галлию, он ее *организует*, он создает условия для того, чтобы она вошла в лоно римской цивилизации.

Цезарь понимает космополитизм римского государства. Он чувствует, что бессмысленно пытаться романизировать его восточную часть, где царствуют древнейшие цивилизации Греции и Азии. И он никогда не будет пытаться духовно подчинить их Риму. Напротив, это Рим будет верным учеником эллинской культуры. Но Галлию, развитие которой намного уступает Риму, Цезарь сделает неотъемлемой частью новой римской цивилизации. И благодаря этому римская цивилизация переживет падение Рима под натиском варваров и сохранится на территории Галлии, с тем чтобы потом возродиться в облике цивилизации европейской.

В своих походах Цезарь встречает жесткое сопротивление, прежде всего на территории нынешней Бельгии, Нидерландов и севера Франции. Но те, кто больше всего сопротивлялся входу в Европу, сегодня — самые ярые европеисты. Те, кто больше всего воевал с Цезарем, сегодня — промышленное сердце континента. Цезарь столь успешно приобщает варварский мир к Риму, что несколько столетий спустя эта часть нашего континента станет наиболее процветающей.

Цезарь сам определяет «естественные границы» Римской империи. На севере это море, на востоке — Рейн. Завоевание севера нынешней Франции и территории нынешних Бельгии и Нидерландов дается страшной ценой. В галльских войнах, по подсчетам Плиния, погибнет один миллион двести тысяч человек! Но Цезарь добивается своего.

Более того, Цезарь — первый римлянин, который переправляется на другой берег Рейна, приблизительно в районе современных Кельна и Бонна. Германия внушает римлянам мистический ужас. Даже в более позднюю эпоху Тацит напишет: «Кто мог бы, покинув Азию, Африку или Италию, стремиться в Германию, с ее нескладными очертаниями, суровым климатом, диким и угрюмым ландшафтом?»

Германская экспедиция Цезаря не преследует каких-либо завоевательных целей — лишь устрашение. За три недели, что проводят Цезарь и его войско на правом берегу Рейна, он демонстрирует

германским племенам мощь Римской империи. Ему не нужны новые земли, но он дает понять «соседям», что граница по Рейну нерушима. Завоеванием Германии, как мы увидим, займется девять столетий спустя другой император. Пока же Германия — не Европа, это дикая страна варваров.

Именно во времена Цезаря складывается представление о тождестве Европы и цивилизации. Пока это еще очень зыбкое, неосознанное понятие. Европы как таковой еще нет, нет официально еще и Римской империи, но уже ясно, что границы этой империи есть границы европейской, пока еще евроазиатской, цивилизации. Вне них — мир варваров, мир язычников, мир отсталости. Еще более окрепнет это понятие во времена Константина и Шарлеманя, когда европейская империя станет империей христианской.

Это отождествление Европы и цивилизации пройдет через тысячелетия до наших дней. Когда в конце восьмидесятых — начале девяностых годов бывшие социалистические страны заговорили о «возвращении в Европу», речь ведь именно шла о возвращении в лоно европейской цивилизации.

В этом смысле у России действительно особенная статья. Мы не можем вернуться в Европу: мы никогда не были ее частью. Конечно, нельзя оспорить географию, которая делает нас европейской страной. Но что касается европейской цивилизации, понимаемой как общие традиции, общая история, общая культура, общие принципы, вопрос не так прост. Россия ведь никогда не была провинцией Римской империи, как, например, Румыния, не была частью империи Шарлеманя, как, скажем, Венгрия, не входила в Священную Римскую германскую империю или империю Габсбургов, как Чехия и Словакия. Она всегда была вещью в себе. Ею и остается. У нас своя история, и наша цивилизация, впитав в себя многое из цивилизации европейской, все-таки никогда не была ее неотрывной частью. Это не делает нас ни хуже, ни лучше европейцев. Просто мы — другие, как другие — китайцы или индусы, наследники великих цивилизаций Востока. Только мы наследники самих себя. Наша цивилизация очень молода по меркам истории, и, очевидно, еще далека от своего расцвета...

Но вернемся к Цезарю. Он не довольствуется тем, что побывал за Рейном, он становится первым римлянином, ступившим на Британские острова. Дважды со своими войсками Цезарь побывает в Британии, которую найдет нищей страной, где взять нечего. Но он обозначит ее как сферу жизненных интересов Рима. Вообще воинские свершения Цезаря поражают: без карты, без плана, без

дорог, он сумел интуитивно нащупать границы Европы и оставить на них свой след.

По возвращении из Британии Цезарь находит Галлию в состоянии брожения. То там, то здесь вспыхивают мятежи против римлян, наконец начинается Великое галльское восстание против чужеземцев. Цезарь без колебания утопит его в крови.

Окончательно присоединив Галлию к Риму, Цезарь превзошел все воинские триумфы Красса и Помпея. Они по-прежнему союзники, триумvirат еще существует, но отныне Цезарь в нем уже на правах равного. Он не просто покрыл себя славой: в Галлии Цезарь делает огромное состояние, которое пускает на подкуп нужных людей. Отныне у Цезаря есть все для завоевания политического первенства — и армия, и деньги. Судьба благоприятствует ему — за семь лет, что Цезарь проводит в Галлии, политический Рим деградирует.

Как пишет Плутарх, «государство погружалось в пучину анархии, подобно судну, несущемуся без управления, так что здравомыслящие люди считали счастливым исходом, если после таких безумств и бедствий течение событий приведет к единовластию, а не к чему-либо еще худшему».

Римляне уже не могут жить без обожествления одного человека. Вопрос заключался в одном: кто станет этим единовластным правителем, кто может рассчитывать на поддержку народа, свершая сей противозаконный акт. Круг претендентов узок, поскольку коррупция, стяжательство, интриги компрометируют правящую элиту в глазах народа. Тот же Помпей, официально являющийся наместником в Испании, но предпочитающий не покидать Рим, хотя и пользуется поддержкой знати, с точки зрения толпы несет ответственность за происходящее.

Цезарь же стоит как бы выше этого. И чернь с надеждой смотрит на воина, не впутанного в мелкие политические игры, имеющего блестящую репутацию отважного, щедрого начальника. Не раз еще в европейской истории такая временная удаленность от центра власти сослужит добрую службу амбициозному политику. Достаточно вспомнить Наполеона Бонапарта, вернувшегося из бесславного египетского похода и в одночасье ставшего признанным политическим лидером. Есть и, возможно, еще будут другие примеры...

За время пребывания в Галлии Цезарь упрочил свое личное состояние и приобрел верную армию. И теперь он терпеливо ждет своего часа. Тем временем Красс, наместник в Сирии, убит. Триумvirат распался. Отныне есть Цезарь и Помпей. В свое время, как

говорилось, они закрепили свой политический союз родственным. Но дочь Цезаря Юлия, ставшая женой Помпея, в расцвете лет умирает. Цезарь горько оплакивает ее кончину. У него отныне нет никаких причин быть союзником Помпея. И начинается их ожесточенная дуэль, которая на протяжении нескольких лет будет проходить в разных уголках империи.

Противостояние Цезаря и Помпея начинается как бы помимо их воли. Политические противники Цезаря, прежде всего в сенате, начинают опасаться возрастания могущества представителя демократической партии, им более по нраву Помпей, который, как мы помним, лишь не так давно встал в ряды демократов. Враги Цезаря предлагают освободить его от должности наместника в Галлии, не дожидаясь срока истечения полномочий. Выступивших в защиту Цезаря народных трибунов изгоняют из сената, и они бегут к Цезарю.

Цезарь опережает действия противников, он совершает шаг, который — этого пока еще никто не знает! — означает конец республики. 11 января 49 года до н.э. он переходит реку Рубикон, отделяющую предальпийскую Галлию от Рима, и со своим войском идет на Вечный город. На словах — чтобы спасти республику от ее врагов, восстановить в правах народных трибунов, на деле — чтобы приобрести неограниченную власть. Это, несомненно, акт предательства. Это, безусловно, государственный переворот, какими бы лозунгами это ни прикрывалось. Жребий брошен. Цезарь вспоминает слова Еврипида:

Если необходимо нарушить справедливость,
Славно нарушить ее за корону.
В остальном же будь благочестив.

И Цезарь развязывает гражданскую войну. Сенат поручает Помпею защиту республики. Но у Помпея нет войск в Италии, он вынужден пересечь Адриатику, чтобы мобилизовать армию. Цезарь начинает погоню с упреждающего маневра — он направляется в Испанию, где разбивает легионы, верные Помпею, и завербовывает их остатки на свою сторону. По его собственным словам, сначала надо «сражаться против войска без предводителя», а уже затем — «против предводителя без войска».

После побед в Испании Цезарь настигает Помпея — в Египте. Власти Египта даже не дают Помпею высадиться и убивают его в лодке на полпути к берегу. Цезарь скорбит об этом — он мечтал о честном поединке — и велит отдать Помпею последние почес-

ти. Цезарь высаживается в Александрии, где волею обстоятельств вмешивается в династическую борьбу между молодым царем Птолемеем и его сестрой Клеопатрой, принимая сторону юной царицы.

Клеопатре он дарит трон, свою любовь и сына. Он не делает из Египта провинции, формально сохраняя его самостоятельность. Цезарь лучше других осознает масштабы той власти, которую получают наместники Рима в провинциях. Он не хочет своими руками создавать новых цезарей. Египет под управлением марионеточных фараонов — гораздо ценнее для стратегических планов Цезаря.

Египетская весна — единственная передышка в бурной жизни Цезаря последних лет. Впервые за долгое время он как бы забывает о своей требовательной, но неосязаемой возлюбленной, политике, и находит радость в объятиях реальной женщины.

Клеопатра, холодная и бесстрастная, неспособная к искреннему чувству, создана природой инстинктивно приковывать к себе мужчин. Она гениальная актриса. Она может быть сегодня юной наивной девочкой, нуждающейся в защитнике, завтра — уверенной в себе хозяйкой фантастического дворца, послезавтра — бесстыдной, но желанной распутницей, выражающейся языком лагерной шлюхи. Чары Клеопатры неотразимы. Цезарь только что завершил бурный период своей жизни, и его стремление к земным наслаждениям усиливается недавними успехами и ожиданием новых триумфов. В постели Цезаря уже бывали царицы — жена царя Мавритании, например, но им не сравниться с обольстительной и амбициозной египтянкой.

Идиллическое путешествие Цезаря и его юной — на тридцать лет младше! — царицы по Нилу, утонченная роскошь их совместной жизни вызывают неодобрение, косые взгляды соратников. Но Цезарь, с его потрясающей интуицией, лучше всех знает, когда быть политиком, а когда — просто человеком. Он заслужил несколько кратких недель жизни без борьбы.

Но вскоре приходит время возвращаться к реальности, и он немедленно отплывает в Палестину и Сирию, а затем в Северную Африку, где разбивает римские легионы, выступившие против него. Вернувшись в Рим, Цезарь с интервалом в несколько дней празднует сразу четыре триумфа — по случаю побед в Галлии, Египте, в Малой Азии и Африке. Естественно, над врагами Рима, не над врагами Цезаря. Ничто в эти триумфальные дни не напоминает о главных победах Цезаря — над его наголову разбитыми политическими противниками. Рим празднует победы нации, Цезарь скромно умалчивает о своих личных победах.

Среди узников, покорно следующих в колоннах поверженных врагов, нет римлян, только чужеземцы. Среди них — Арсиноя, сестра Клеопатры, пытавшаяся узурпировать трон Египта, один из сыновей африканского царя Юба и Версингеторг — предводитель восстания галлов. Через несколько дней после триумфа последний будет предан смерти.

По случаю триумфа устраиваются пышные пиры, своей роскошью затмевающие все, что видел Вечный город. Граждане получают зерно, деньги, масло, ветераны Цезаря — земли. Рим украшается новыми монументами. Казалось, что Рим вступает в новую эпоху мира и процветания, что ужасы гражданской войны остались позади. Но это не так. И вскоре Цезарь вновь отправляется в Испанию, где разбивает восставших против него сыновей Помпея. Идет 45 год до нашей эры. Цезарь наконец уничтожил всех сопротивлявшихся. Он выиграл гражданскую войну.

На сей раз Цезарь не удерживается от соблазна отпраздновать свою победу триумфом. Это огорчает многих римлян, даже его сторонников. Впервые Цезарь позволяет себе праздновать победу не над чужеземцами, а над «несчастьями отечества», как пишет Плутарх. До того Цезарь никогда даже не сообщал в донесениях о победах над политическими противниками, словно стыдясь этой славы. Но отныне он забывает, что в гражданской войне не может быть победителей, и ведет себя как триумфатор.

Последний триумф Цезаря, отпразднованный ранней осенью 45 года, превосходит все предшествующие. Для участия в нем приезжает даже Клеопатра, которую римляне воспринимают как чужеземную богиню. В ее поистине царской резиденции толпятся знатные римляне, стремящиеся завоевать дружбу могущественной возлюбленной Цезаря. По Риму ползут слухи, что скоро будет издан декрет, позволяющий Цезарю брать столько жен, сколько необходимо для рождения наследников, и тогда Клеопатра станет законной супругой. Царица Египта пользуется своим влиянием, чтобы получить привилегии для своих подданных. Александрийские купцы, ремесленники, врачи все более прочно обосновываются в Вечном городе.

Обожествление Клеопатры — косвенное признание всемогущества ее покровителя. Более того. Клеопатра, словами и примером, продолжает будить в возлюбленном желание царской власти. Между Цезарем и безраздельной властью отныне не стоит никакая преграда. Он назначается пожизненным диктатором. Сенат осыпает его непомерными почестями. Особым декретом признается

его право носить одежду царей. Месяц, в котором он родился, получает его имя — июль. Цезарь провозглашается «божественным», в его честь возводится храм. Если раньше титул императора был временным, переходящим и его получали полководцы по случаю выдающихся побед, то отныне он закрепляется за Цезарем. К тому же вспомним, что вот уже двадцать лет как Цезарь — верховный понтифик и обладает, следовательно, высшей духовной властью.

У Цезаря нет только титула царя. Все, что он имеет — формально в рамках республиканского устройства. Несколько раз, как бы испытывая терпение народа, окружение Цезаря делает попытки предложить ему регалии царской власти, но улавливая настроения толпы, Цезарь отказывается. Он чувствует, что время для провозглашения монархии еще не созрело. Цезарь полагает, что нужна еще одна выдающаяся победа, после которой Рим окончательно поймет необходимость единоначалия и предложит ему трон. И он начинает готовить поход на Восток, с тем чтобы, выйдя через Азию к Каспию, обогнуть с севера Черное море, покорить скифов и затем с востока Европы вернуться в Галлию, завоевав по дороге германцев и их соседей. Цезарь рассчитывает, что когда он распространит на всю эту огромную территорию владычество Рима, благодарный народ возложит на него тиару царя. Она вряд ли добавит что-либо к его личной власти, но сделает его творение вечным.

Пока же Цезарь понимает, что хотя его власть абсолютна, она не обрела еще важнейшего элемента монархии — наследственности. У Цезаря нет законных сыновей, но он понимает необходимость найти и воспитать преемника. Его выбор останавливается на собственном внучатом племяннике Октавиане, будущем императоре Августе. Он приближает его к себе, начинает поручать восемнадцатилетнему юноше все более ответственные должности. Цезарь даже оставит завещание, где назначит Октавиана своим преемником. И это будет великим для судеб Рима актом, нарушившим все традиции республики.

Как видим, четыре года между Рубиконом и кончиной Цезаря в основном прошли в неустанных сражениях в разных краях Средиземноморья. Бывая в Риме лишь наездами, Цезарь тем не менее сумел наладить эффективную административную машину. Он привел в сенат своих сторонников, ради этого значительно увеличив число сенаторов, а также квесторов и преторов. В отличие от диктатора Суллы Цезарь не проводит репрессий. Он милостивый и гибкий политик. Он стремится перетягивать врагов на свою сто-

рону. Он амнистирует многих сторонников Помпея, стремясь к гражданскому миру.

Его деяния подчинены главной цели — созданию империи. Цезарь меняет систему управления провинциями. Он не хочет, чтобы там возвысился соперник, который посягнет на его, Цезаря, высшую власть. Он практически ликвидирует откупную систему, проводит в провинциях разделение гражданской и военной власти. Он широко начинает предоставлять права гражданства жителям провинций.

Наконец, Цезарь занимается изменением календаря, к тому времени сильно отставшего от природы. Однако и это дает недоброжелателям Цезаря повод для обвинений в стремлении к абсолютной власти. Так, известный оратор Цицерон, когда кто-то заметил, что завтра взойдет «созвездие Лиры», скажет: «Да, по указу».

Так что и в те времена попытки государства контролировать все сферы жизни общества вызывали иронию. Как не удержаться от сопоставления высказывания Цицерона с народным фольклором, родившимся спустя две тысячи лет:

Прошла весна, настало лето,

Спасибо партии за это.

Но в любом случае, несмотря на ворчание республиканцев, зависть политиков, Цезарь достигает высшей власти. Остается ее лишь формализовать. Но задуманный поход на Восток, который должен был увенчать Цезаря короной, не состоится. Стратегический замысел Цезаря понятен не только ему самому, но и его политическим противникам. В Риме зреет заговор, и 15 марта 44 года до нашей эры Цезарь падет под кинжалами убийц. Среди них — Марк Юний Брут, приближенный Цезарем, несмотря на прежнее участие в лагере помпеянцев. Цезарь испытывает к Бруту столь сильную любовь, что в Риме сплетничают о том, что он его родной сын.

Мотивы убийц неоднозначны. В определенной степени они действительно хотели убить деспота, тирана, который попирает ногами республиканские традиции и стремился к царской власти. Но они хотели убить Цезаря и потому, что сами рвались к власти. И Цезарь преграждал им дорогу.

У них не было конкретной политической программы. После убийства Цезаря свобода не воскресла, но власть погибла. Не случайно сенат принял решение амнистировать убийц Цезаря, но одновременно оставил в силе все акты покойного. Заговорщики

вынуждены были бежать из города, и, по преданию, ни один из них не умер своей смертью. Республика была восстановлена, но наследие Цезаря осталось неприкосновенно. И в будущем, не столь отдаленном, назначенный Цезарем преемник, Октавиан, выполнит завещание Цезаря и возьмет в свои руки абсолютную власть.

Цезарь погиб, не успев насладиться полнотой единоличной власти. Это сделают его преемники. Цезарю не удалось стать царем, по-латыни «rex». Ему удалось большее — имя собственное Цезарь станет именем нарицательным во многих языках Европы — «цезарь», «кесарь», «царь». И главное — не успев стать абсолютным монархом, он успел создать Римскую империю. То, из чего несколько столетий спустя родится Европа.

КОНСТАНТИН: Креститель Европы

Возможно ли государю не предвидеть, что разделением империи на пять частей и поставлением пяти самодержцев не только разорит он империю, но и в семействе своем возжет пламень бедственной войны?

*Аббат Милот,
французский историк*

2. КОНСТАНТИН: КРЕСТИТЕЛЬ ЕВРОПЫ

Если Цезарь дал Европе современное географическое пространство, сместив ее центр с берегов Средиземноморья к северу континента, то Константин дал Европе моральное начало, ее душу — христианство. Границы христианского мира долгое время будут определять контуры Европы.

...Между Цезарем и Константином — три с половиной столетия, вместившие в себя расцвет и начало упадка Римской империи. Империи, остающейся формально республикой. Провидческое стремление Цезаря создать наследственную власть как единственную в то время гарантию незыблемости государственного устройства его преемникам не удалось реализовать. Да, императоры стремились еще при жизни назначить себе преемников, усыновляя, казалось бы, наиболее достойных, но это не стало абсолютным законом. По сути дела императором становился сильнейший, поддерживаемый армией. В итоге Римская империя всегда была подвержена политическим катаклизмам, а императоры чаще всего умирали естественной для данной должности смертью — насильственной.

Даже в период расцвета императорского Рима случались ситуации, когда верховную власть оспаривали несколько претендентов. Так было в 62 году н.э., а затем в 192 году, и императором становился тот, кто имел более сильную армию. За неполное столетие, с 192 по 284 год, сменилось 32 императора!

Но став императором, римлянин достигал абсолютной власти. Сохранявшиеся формально республиканские структуры ни в чем не ограничивали его мощи. Во всем послушный народ «демократично» избирал тех должностных лиц, которых называл ему император.

Римская империя строилась на безусловном подчинении императору, с одной стороны, и подчинении всего мира Риму, — с другой. Так возникает «рах гомана» — «римский мир». Раньше от края до края мира народы знали только вечную войну — племени с племенем, города с городом, семьи с семьей. Рим всех умиротворяет. Войны в границах империи прекращаются, население может беспрепятственно путешествовать из одного конца империи в другой, не опасаясь

ясь разбоя. Будут конечно, и смуты, вооруженные конфликты, но они не сравнятся с тем, что существовало до «римского мира». Внутри империи Рим даже не держит мощной армии: его наместники в провинциях обходятся несколькими когортами солдат. Легионы Рима стоят на внешних границах империи. Войны ведутся только на окраинах: против неосторожных варваров, осмеливающихся время от времени прощупать надежность римских форпостов.

В конце III века н.э. Римская империя, однако, начинает клониться к упадку. Рим становится слишком большим, чтобы управляться из одного центра. Более того, империя все чаще подвергается атакам варваров, агрессии извне, и отныне Рим уже не завоевывает, а обороняется. Впервые римские города обзаводятся укреплениями. Крепостные стены и башни возводятся в Риме, Трире и многих других городах Европы.

Все это предопределяет возрастание значимости приграничных районов империи. Именно там, а не в Риме, отныне решается судьба империи. Ее и спасут несколько императоров — безграмотных, необразованных военных, выходцев из иллирийской провинции, что на Дунае, которые модернизируют структуру римского монстра, поделив его надвое, на восточную и западную часть.

Решающую роль в этом сыграет император Диоклетиан, восшедший на престол в 284 году н.э. Уже через два года он начинает понимать невозможность контролировать империю в одиночку. Император не может быть вездесущим, противостоять одновременно и персам, и германцам. Он вынужден доверять командование армией военачальникам, которые часто стремятся узурпировать власть. Из этих потенциальных соперников Диоклетиан решает сделать товарищей и наследников, обезоружив их честолюбие и обеспечив их будущее.

Для начала Диоклетиан берет себе одного соправителя, давая ему равный себе титул — август, «божественный». Диоклетиан тем не менее в римской иерархии остается старшим. Он именуется «сыном Юпитера», а второй август — только «сыном Геракла». Для современников это прозрачная символика: один — правитель, другой — исполнитель. Через несколько лет, однако, становится ясно, что в одиночку не удастся управлять даже половиной империи, и каждый август, в свою очередь, берет себе младшего соправителя. жалуя ему также титул императора, но не августа, а цезаря. Августы выдали за цезарей своих дочерей и пообещали через двадцать лет добровольно передать им власть. Так в Римской империи появляются одновременно четыре императора.

Как видим, раздел Римской империи не был, как нам часто представляется, только итогом военной агрессии извне. Он был предопределен прежде всего внутренними причинами, предпринят самими римскими императорами, которые официально разделили единое государство на два. Конечно, никто тогда не предполагал, что связи между западной и восточной частями единого организма разорвутся столь прочно, что и многие столетия спустя восстанавливать их окажется нелегко.

Из Римской империи родится три великих мира: Запад, Византия, мир ислама. Запад станет Европой, Европой не в географическом смысле, а в политическом. Византия исчезнет, но многие ее традиции и нравы воспримет Россия, которая провозгласит себя третьим Римом. Мир же ислама вообще откажется от античного наследия и перестанет отождествлять себя с римским миром.

Но в момент раздела империи акт сей казался не политическим, а чисто административным. Формально целостность римского государства сохранялась, поскольку на всех официальных документах ставились всегда подписи двух августов. Но какая могла быть целостность, если императоры были в принципе равны в правах и над ними не было третьего, «императорского центра»?

Пока у власти находится инициатор раздела империи, Диоклетиан, видимость единства еще сохраняется. Он всячески подчеркивает свое верховенство над соправителями, и ему это удается. Диоклетиан вводит при своем дворе, который он располагает не в Риме, а в Никомедии, в Малой Азии, восточную пышность. Он первым возлагает на себя императорскую диадему. Остатки республики исчезают в блеске азиатского деспотизма.

Диоклетиан входит в историю и как последний гонитель христиан. К этому времени христианство, возникшее как маленькая религиозная секта в первой половине I века н. э. на востоке империи, становится достаточно распространенной религией. Ее придерживается не только угнетенный люд, но и многие аристократы, для которых христианство — форма протеста против окончательного превращения Рима в восточную монархию, против забвения славных традиций великой республики. Становясь христианами, представители римской знати как бы выказывают презрение этим крестьянам-высочкам, оккупировавшим императорский трон, узурпировавшим и светскую, и духовную власть. Аристократы вынуждены служить императорам, но не хотят быть их духовными подданными. При императорских дворах уже много христиан, занимающих высокие должности. Времена Нерона, времена первых христиан-

ских мучеников, казалось бы, канули в Лету, но при Диоклетиане гонения возобновляются, причем с утроенной силой.

Диоклетиан полагает, что сохранение незыблемости римского порядка и христианство — вещи несовместимые. В античном мире высшей силой на земле почитается государство; оно требует от подданных подчинения во всем. Государство властвует и над религией. Со времен Юлия Цезаря император еще и верховный понтифик, глава греко-римского культа.

Христианская церковь, заявляющая о своей духовной самостоятельности, кажется Диоклетиану опасной — не как верование, а как сила, покушающаяся на устои «пакс романа». И он резко выступает против нее. В 298 году принимается закон, повелевающий всем солдатам принимать участие в жертвоприношениях греко-римским богам. Отказ карается смертью.

В 303 году толпа врывается в христианский храм в Никомедии и разрушает его. Это явная провокация, спланированная императором. На следующий день «по просьбе населения» он издает эдикт, повелевающий разрушить все христианские церкви, прекратить богослужения, книги сжечь, церковное имущество конфисковать. Упорствующие в своих убеждениях лишаются всех гражданских прав — их можно пытаться, казнить без суда и следствия.

Вспыхнувший в императорском дворце пожар служит удобным поводом для обвинения христиан в заговоре против империи. К этому предлогу, как известно, прибегнул в свое время Нерон, им же воспользуется самозванный наследник «Великого рейха» столетия спустя...

Наместники в провинциях усердствуют в гонениях против христиан, докладывая императорам — а их, как мы знаем, четыре — о числе разрушенных храмов и казненных. Лишь один император проводит в жизнь эдикт Диоклетиана формально, без рвения. Это отец нашего героя. Констанций Хлор, цезарь западной части империи. Более того. Желая испытать придворных, он объявляет, что те из них, кто хочет сохранить свои должности, должны отречься от христианства. Некоторые делают это, другие предпочитают оставить службу. Этими-то последними Констанций Хлор и удерживает при себе, заявляя: «Не может быть верен своему императору тот, кто не верен своему богу».

1 мая 305 года после двадцати лет правления Диоклетиан, как и обещал, отрекается от престола, принуждая к этому же своего западного соправителя Диоклетиан отправляется в свой дворец в Сполето, в современном хорватском Сплите, где предается выра-

щиванию роз. Бывшие цезари становятся августами и в свою очередь назначают себе цезарей. Констанций Хлор — младший из августов, он управляет западной частью империи. Сложная система тетрархии вновь краткое время работает нормально — есть два августа и два цезаря. Пользуясь обретенной властью, Констанций Хлор призывает к себе старшего сына, Константина, до того удерживаемого Диоклетианом при дворе в Никомедии в качестве своего рода заложники лояльности своего отца. Таковы традиции...

...Константин родился 27 февраля 288 года¹ на территории нынешней Сербии. Его отец происходил из древнего рода, однако мать Елена — из низшего сословия. Она была служанкой в гостинице, когда Констанций Хлор, в то время простой военачальник, сделал ее своей неофициальной женой. Когда Констанций Хлор становится цезарем, он оставляет Елену и женится на дочери своего августа, но никогда не забывает ни о сыне, ни о его матери.

В момент восхождения отца на императорский престол Константину восемнадцать лет. Крепкий, высокий, стройный, обходительный, он пользуется всеобщей любовью. Он приезжает к отцу, когда тот направляется в Британию усмирять непокорных пиктов и скоттов. Поход успешен. Константин проявляет себя отважным воином и хорошим стратегом. Его любят солдаты, и когда всего несколько месяцев спустя после этого похода Констанций Хлор неожиданно умирает, его войско провозглашает Константина августом Запада, хотя Константин и не являлся цезарем при своем отце.

Август Востока, являющийся по традиции «первым среди равных», не поддерживает претензий Константина и возводит в ранг августа бывшего цезаря Запада, но в качестве компромисса предлагает Константину стать при нем цезарем. Из этого, однако, ничего не выходит. Константин, опираясь на поддержку армии, настаивает на своем. Более того. Ранее отрекшийся под принуждением Диоклетиана бывший август Запада решает вернуться на престол. О претензиях на императорский трон заявляет и его сын. В Римской империи объявляется сразу шесть императоров!

Система «цивилизованного раздела» империи оказывается разрушенной, и слово отныне — за военной силой. Шестнадцать лет — с 307 по 323 год будут продолжаться битвы между римскими императорами, которые окажутся страшнее всех варварских нашествий. В них погибнут десятки тысяч римлян. Удача все более и более

¹ Точная дата рождения не установлена. Встречаются указания на 273 и на 290 год.

улыбается Константину. Все это время ему удается сохранять контроль над северо-западной частью империи, давая при этом отпор нашествиям германских племен, то и дело пытающихся перейти Рейн.

Укрепив свои позиции, Константин начинает борьбу за единоличный контроль над всеми частями империи. В 312 году он осуществляет поход на Италию, где одерживает победу над одним из претендентов на трон. Тот кончает жизнь самоубийством. Как говорят современники, не без давления со стороны победителя. В итоге Константин становится владыкой всей западной части империи.

Тем временем один из «восточных» императоров, Лициний, союзник Константина, успешно разбивает «своего» противника. Остаются два императора — на Востоке и на Западе. И все равно — один лишний.

Но пока Константин и Лициний вынуждены сосуществовать. Константин отдает в жены Лицинию свою сестру. Оформляется фактический раздел империи. Отныне в каждой — свои деньги, свои законы, они даже не обещают поддержку друг другу в борьбе с варварами. Но некоторые политические акты императоры обязуются подписывать вместе. Мир недолог. В 314 году бывшие союзники обращают оружие друг против друга. В сражениях и битвах пройдет еще девять лет. Константину удастся выйти победителем и восстановить единство империи, но какой ценой!

Будущий православный святой совершает одно преступление за другим. Победив Лициния, он обещает ему жизнь, но нарушает клятву. У убитого по его приказу экс-императора, женатого на сестре Константина, остается сын. Вскоре Константин начинает понимать, что в будущем тот станет мстить за отца и дает приказ убить и племянника. Но это лишь начало череды убийств.

Старший сын Константина от его первой жены, Криспус, к этому моменту уже назначен цезарем. Он талантлив, рассудителен и вполне достоин стать наследником империи. Однако его ненавидит вторая жена Константина, императрица Фаустина, мечтающая, чтобы империя досталась ее собственным сыновьям. Почему бы нет? Они же сыновья Константина! Ведь в свое время не побрезговавшей убийством императрице Агриппине удалось устранить от престола Британика, старшего сына ее мужа, и возвести на трон ее собственного сына от первого брака, кровавого Нерона. Агриппину, правда, настигла сыновья благодарность: Нерон, которому наскучила материнская опека, приказал, в свою очередь, убить преступную мать.

Да, римские императрицы — не римские патрицианки времен республики. Те любили, эти — убивают. Те меняли мужей и любовников, эти — судьбы империи, те предавались играм страсти, эти — политическим. Но дело не в женском характере, а в системе. В Риме республиканском карьера мужчины практически не зависела от женщины, хотя достойное родство ей содействовало. В Риме императорском, где нет четкой, расписанной в деталях системы престолонаследия, устранить опасного претендента для императрицы порой не составляет труда. И Фаустина это знает. Разыгрывается греческая трагедия.

В 326 году Фаустина обвиняет пасынка в том, что тот пытался соблазнить ее. Вспыльчивый Константин приказывает казнить сына. Но затем император Константин узнает о невинности сына, оговоренного мачехой, и в свою очередь приказывает казнить Фаустину. Но гибнет не только императрица, но и многие невинные люди. Эти казни внушают римлянам отвращение. Вообще император легко впадает в гнев. Однажды после похода против франков он велит отдать на растерзание диким зверям всех пленных. Римляне открыто называют Константина новым Нероном, и он решает навсегда расстаться с Вечным городом.

Еще при предшественнике Константина, Диоклетиане, Рим перестал быть столицей империи. Система тетрархии требовала четырех столиц, и ими стали Трир и Милан на Западе, Сирмиум и Никомедия — на Востоке. Долгие годы резиденцией Константина был Трир. До сих пор в Трире можно увидеть базилику Константина, возведенную в 313 году.

Но главное его творение — Константинополь. Решив навсегда покинуть Рим, Константин после длительных раздумий останавливает свой выбор на греческом городе на берегу Босфора — Византии, которому он, по примеру первого римского царя, дает свое имя — Константинополь. Гигантское строительство занимает несколько лет, и в 330 году город торжественно освящен.

Перенос столицы в Константинополь делает упадок «старой» Римской империи неизбежным. Новое строительство поглощает огромные деньги, которые приходится отбирать у армии. Войска постепенно начинают роптать. Ослабевают и традиционные институты власти. Да, в соответствии с римскими законами Константин и в новой столице формирует сенат, но это не римский сенат, состоящий из авторитетных представителей знатнейших родов, который может воздействовать на императора. Это — марионетка, видимость представительной власти. Сенат становится рабом Двора.

Обосновавшись ближе к Азии, Константин вносит в Рим элементы восточной деспотии. До того Рим оставался, хоть и формально, республикой, Константин окончательно делает из него монархию. Император отныне не просто пожизненно назначенное должностное лицо, а наследственный монарх, перед которым простираются ниц. Все, что касается государя, становится священным. Он появляется на людях в блестящей одежде, украшенный диадемой, с многочисленной свитой, отделенный строгим этикетом от общения с подданными. Одного философа, упрекнувшего императора в том, что он внимает отныне только льстецам, Константин приказывает казнить по обвинению в колдовстве.

С высоты, на которую вознесся император, спускается придворная иерархия. Император окружает себя отныне не чиновниками, назначенными в соответствии с республиканскими законами, а придворными, имеющими пышные титулы. Именно в этот период появляются обращения «благородие», «высокородие», «сиятельство», «величество». Бывшие «товарищи» становятся «графами». Действительно, римское слово «comes», обозначавшее «товарищ», должность советника при первых императорах, со временем станет основой французского слова «comte», то есть граф, означающего удельного феодала.

Константин понимает необходимость военной опоры режима. Если до него армия стояла в основном на границах империи, то он впервые размещает войска внутри римского государства, дислоцируя их в наиболее значимых городах. Он распускает преторианскую гвардию, не доверяя ей, и вербует для личной охраны императора чужеземцев, германцев.

Константин восстанавливает полновесную золотую валюту и прокладывает дорогу к отмене натуральных налогов и восстановлению хотя и примитивной, но товарно-денежной экономики. Кстати, «продуктовые пайки» и «спецраспределители» — отнюдь не изобретение большевистской номенклатуры. Они существовали при предшественниках Константина, поскольку из-за денежной нестабильности услуги чиновников императору приходилось оплачивать «натурой». В свое время император Диоклетиан, заботясь о благе подданных, ввел «максимумы цен» на основные товары, которые торговцы не смели превышать. Надругательство над законами рынка привело к тотальному дефициту продуктов, и, естественно, рождению номенклатурных распределителей.

Константин, как и Цезарь, равнодушен к изменению календаря. Именно он устанавливает начало нового года 1 сентября,

вводит празднование воскресенья и запрещает в этот день работать.

Но главная новация Константина — введение христианства. Православная церковь даже причислила его за это к лику святых и иногда называет «тринадцатым апостолом». Истинный расцвет христианства действительно связан с именем Константина. В 313 году Константин обнародует Миланский эдикт, согласно которому преследования христиан прекращаются, в империи провозглашается свобода вероисповедания. Этот эдикт подписан и его восточным соправителем — Лицинием, но инициатор, безусловно, Константин.

В итоге, возникнув как маленькая религиозная секта, одна из многих, христианство в эпоху Константина постепенно становится официальной государственной религией. Что подвигло на этот шаг императора, к тому времени еще даже не христианина? Почему он решает оказать поддержку религии, которой следовали в тот момент менее одной десятой его подданных? Ответа нет. Существует легенда, что накануне решающего сражения за трон Константину приснился Христос со знаменем, на котором был изображен крест и надпись: «Сим победиши». И Константин победил...

А возможно, Константину просто понравилось христианство — своей недемократической сущностью. И правда, в других современных Константину религиях не было достаточной внутренней организации, их высшие жрецы не обладали той абсолютной властью над верующими, каковую имели христианские епископы. В христианской церкви Константин увидел руководящую иерархическую структуру, с которой император мог договариваться.

Существуют, конечно, и другие версии. Многие критики императора, в основном из числа гуманистов-просветителей, боровшихся против церкви, ехидно замечали, что Константин принял христианство по весьма низменному мотиву. Дескать, казнив сына, жену, племянника, массу невинных людей, Константин, охваченный ужасом за содеянное, пришел в языческий храм с тем, чтобы вымолить у богов прощение. Но жрец объяснил, что греко-римская религия карает такие злодеяния. После смерти всех людей неизбежно ждет мрачное подземное царство Аида, а преступникам уготованы там страшные муки. И тут вроде бы один еврей из Египта подсказал ужаснувшемуся своей участи императору, что есть новая религия, приняв которую, он сразу получит прощение всех преступлений и в будущем обретет спокойную загробную жизнь в прекрасном раю. Поэтому, дескать, Константин и принял христианство.

Защитники императора отвечают на эти, по их мнению, незаслуженные обвинения тем доводом, что Константин, напротив, сначала искренне принял христианство, а уже затем совершил череду убийств, поддавшись неконтролируемым вспышкам гнева. На мой взгляд, более неуклюжую защиту придумать сложно. Разве может внушать уважение человек, принявший заветы церкви и потом неоднократно с легкостью нарушавший основной из них — «Не убий», словно обрадовавшись, что теперь ему можно грешить и каяться, каяться и грешить...

Да и многие факты свидетельствуют, что даже легализовав христианство и став его могучей опорой, сам император до самой смерти не принимал крещения. Он, бесспорно, сочувствовал идеям христиан и видел в них пользу для империи, но он не был христианином. Искренне верующей была его мать, Елена. Вообще в европейской истории всегда в тени великих правителей — крестителей своих народов — стоят женщины. Рядом с Константином — его мать Елена, с Хлодвигом, крестившим Францию, — его жена Клотильда, с Владимиром — его бабушка Ольга. Эти святые женщины были духовной движущей силой распространения христианства, а вот их орудиями были в общем-то равнодушные к вере воины-государи.

Именно так, думается, было с Константином, который практически до конца своих дней оставался язычником. Ему не было нужды молить об отпущении грехов. Понятие «греха» ему, как любому язычнику, было чуждо. Да, он страдал от того, что совершил немало роковых ошибок, но каяться ему и в голову не приходило. Константин, наверное, искренне рассмеялся бы, узнав о том, что будет причислен к лику святых вместе со своей набожной матерью. Он думал об империи, о Европе, а не о христианстве. Он укреплял церковь как институт власти над подданными, а не как веру, способную дать спасение души.

С точностью, однако, можно сказать: Константин дал христианству гораздо больше, чем христианство дало Риму. В недрах разлагающейся империи христианство становится самостоятельной силой. Подготовило ли оно, вольно или невольно, ее падение?

Некоторые римляне отвечали на этот вопрос утвердительно, поскольку ранние христиане призывали воздерживаться от участия в государственных делах, не идти на императорскую службу. Даже после введения христианства, в конце IV века, император Валент с гневом будет говорить об «этих тунеядцах, которые, чтобы избежать муниципальных повинностей, убегают в уединение и пустыню».

Но эти обвинения беспочвенны. Христианство не разрушило империю, она погибла от прежних болезней. Но оно и не спасло обреченное рабовладельческое государство, на что, наверное, надеялся Константин. Однако в конечном счете христианство сделало возможным появление Европы, которая родится пять столетий спустя после Константина именно как Европа *христианская*.

Первоначально христианство воспринималось жителями западной Римской империи как восточное учение, проповедуемое иностранцами, говорящими на непонятных языках. Первые мученики-христиане — большей частью не римляне, а выходцы из восточных провинций. Именно там проповеди первых христиан о всеобщей братской любви упали на благодатную почву.

Константин не пытался запретить все остальные религии. Миланский эдикт провозглашал свободу любого религиозного культа. Но он перенес столицу империи на Восток, туда, где христианство уже пустило прочные корни. Именно при Константине «обустраиваются» Святые места. Однако главная заслуга в этом матери императора, Елены.

Константин боготворит Елену, он приказывает даже чеканить монеты с ее изображением — это при том, что, как уже говорилось, Елена была низкого происхождения и не имела при жизни мужа титула императрицы. Она отправляется в путешествие в Палестину и оказывается, наверное, самым удачливым любителем-археологом за всю историю. В Иерусалиме Елена находит Голгофу и остатки креста, на котором распяли Христа. В Вифлееме она находит грот, где родился младенец Иисус. В итоге ее путешествия в Святой земле возводятся восемнадцать храмов, в том числе Гроба Господня.

Константин, конечно, неосознанно создает предпосылки для будущего раскола христианского мира. Христианская церковь на Востоке с момента ее официального признания формируется как государственная. Константин, равно как его предшественники, был верховным понтификом языческой греко-римской церкви — кстати, от этого титула он никогда и не отказывался. Религии, убеждения могут меняться, но император, уверен Константин, должен быть всегда высшим духовным владыкой. Важна не суть, а принцип... Взяв христианство под свою защиту, Константин считает себя вправе определить его принципы.

Пока христианская церковь была гонимой, внутри нее не было четко выраженной иерархии. Первым христианам-мученикам не приходило в голову спорить о главенстве друг над другом. Но превращение ее в официально признанную и поддерживаемую госу-

дарством организацию приводит к рождению личных амбиций ее служителей. И Константин сам назначает иерархию чинов. Первым он признает епископа Римского. Нет, не потому, что первым пастырем Вечного города был ближайший ученик Христа, святой Петр, а «по должности». Рим все-таки старейшая столица империи. Вторым, также по значимости города, он делает епископа Константинополя. В обоснование этого приходится срочно придумать легенду, что здесь окончил свои дни святой Андрей, *старший* брат апостола Петра. Только затем идут Антиохия, Александрия и Иерусалим. Это вызывает недовольство духовных лиц последних трех городов, где христианство пустило корни намного раньше, чем в Риме или Константинополе. Но Константин организует церковь по образу и подобию иерархии империи.

Более того. Поскольку христианство дало империи идеологическое единство, для того чтобы его сохранить, необходимо жестоко подавлять любую ересь внутри самой церкви. И именно Константин закладывает традиции непримиримой борьбы с вероотступниками.

В 325 году он впервые собирает 300 епископов со всех уголков империи на первый вселенский собор, призванный дать ответ на некоторые неразрешенные вопросы христианского учения. Константин настаивает на том, что принятые этим Никейским собором решения о божественной, а не человеческой природе Христа стали бы обязательными для всех верующих. Впервые в истории религиозная догма приобретает силу государственного декрета. Отступление от нее становится преступлением против государства. Авторитарная дисциплина, навязанная Константином отцам церкви, готовит почву для будущего устройства Европы, духовное единство которой долгие века будет строиться на обязательном веровании в догматы христианства.

Вместе с тем в западной части империи христианская церковь изначально не подвержена столь жесткому контролю со стороны государства. А с падением западной империи римские папы вообще становятся высшими духовными владыками. Они даже начинают претендовать на большее, они хотят стать преемниками римских императоров и в светской жизни. В средние века папы фабрикуют фальшивку — документ о так называемом Константиновом даре, согласно которому император якобы даровал римским папам в управление всю западную часть империи.

Однако ничто не может быть более противоречащим логике Константина, чем этот несомненно поддельный документ. Императору

была нужна послушная церковь, институт управления подданными, а не самостоятельная духовная сила. Такая огосударствленная церковь и родилась в Византии, где империя, переродившаяся в средневековое феодальное государство, просуществовала вплоть до середины XV века.

Иной путь Западной Европы, где имперские институты власти перестали функционировать уже с начала V века, привел к рождению католической церкви, имеющей гораздо большую независимость от светских правителей. Покинув Вечный город, сам Константин невольно создал условия для возвышения римских архиепископов, взявших титул пап и провозгласивших себя преемниками святого Петра, заместителями Христа на Земле. Действительно, оставленный императорами Рим испытывает вакуум власти. Кто будет говорить от лица римлян? Кто будет представлять высшую власть в Вечном городе? И этот вакуум заполняют папы. Всего сто лет спустя после Константина, когда Рим становится жертвой набегов германских племен и гуннов, именно римские папы от имени города будут вести переговоры с вождями варваров.

Независимость западной церкви от светской власти будет завоевана в борьбе пап и императоров, которые на протяжении нескольких веков будут оспаривать верховную власть. В конечном счете римские папы одержат верх — их власть в духовной сфере будет признана всеми правителями государств, которые образуются на территории западной части Римской империи. Это станет прологом к расколу христианства. Восточная церковь, которая возьмет имя православной, будет всегда, на протяжении столетий, более тесно связанной с существующими государственными режимами — вне зависимости от их сути, нежели церковь западная. Православную церковь новые владыки будут достаточно легко встраивать в новые государственные структуры.

С западной же, католической церковью правители Европы — и Шарлемань, и Барбаросса, и Наполеон — будут вынуждены вести переговоры и находить компромиссы. Но это будет столетия спустя. Пока же христианство в целом становится религией государства, и оно начинает ставить церковь в привилегированные условия, тем самым создавая условия для его возвышения. Будь конкуренция между христианством и другими религиями Римской империи только идеологической, вряд ли этому новому учению для избранных удалось бы «выиграть соревнование» с более древними культурами. Но христианство уже с IV века не было религией, как другие верования: оно было государственной церковью, на укрепление ко-

торой были направлены действия всего государственного аппарата. И в этом несомненная заслуга Константина.

Постепенно за священнослужителями признается статус государственных служащих, они получают право вершить духовный суд. Наконец, период религиозного плюрализма завершается, император Феодосий в 381 году принимает решение о запрещении всех остальных вероисповеданий и об уничтожении их культовых зданий. В Римской империи начинается эйфория разрушения. Сносятся древние храмы, разбиваются статуи языческих богов. То немногое, что уцелело — или на окраинах империи, или превращено в христианские святыни. В Риме из культовых зданий нетронутым остается только Пантеон, который становится христианским храмом.

Поруганию подвергаются и могилы. Мавзолей императора Адриана станет в будущем замком Святого Ангела, одно время резиденцией римских пап, а затем тюрьмой, чьими узниками окажутся Калиостро и Бенвенуто Челлини.

Мало того, что запрещается проповедь других учений. Запрещается и «внутрихристианская дискуссия». Все, что не отвечает официальной догме, объявляется ересью. Одев церковь в императорский пурпур, Константин одновременно укладывает ее в прокрустово ложе догматизма, не оставляющего места сомнению. Право, в христианстве и коммунизме даже больше общего, чем иногда кажется!

Столетия спустя, в XIII веке, для того чтобы победить ересь, папа римский вообще запретит мирянам читать Библию. Главная книга христианства вплоть до XX века станет недоступной для простых верующих-католиков. По мнению церкви, «неподготовленные» читатели могли «неправильно» понять святое писание и впасть в ересь.

Правда, сам Константин под конец жизни впадает в им же осужденную ересь — арианство, отрицающее догмат о христианском символе веры — Троице. По преданию, он даже принимает крещение от священника-еретика. Но благодаря заслугам императора об этом «мелком грешке» христианская церковь благополучно забывает.

Христианство, став церковью, превращается в опору существующего государственного порядка — навсегда. Порядок с течением столетий мог меняться, и христианство менялось вместе с ним. Идеологию нерушимости устоев можно найти в самом Святом писании. Как сказал Иисус: «Кесарю — кесарево, богу — богово», то

есть то, что причитается императору, не должно оспариваться. Чем дальше от своих истоков уходило христианство, тем сильнее звучала проповедь незыблемости общественного устройства. Однако, не замахиваясь на устои империи, христианство резко изменило понятия людей о человеческих ценностях. То, что раньше казалось заслуживающим стремления — богатство, знатность, власть — отныне осуждается. Осуждается, конечно, в глазах тех, кто этого не имеет. Те, кто имеет, могли продолжать этим наслаждаться. Тем самым церковь сразу уничтожала в людях зависть к власти и деньги имущим и тем гарантировала им безопасность.

С другой стороны, то, что ранее осуждалось — бедность, пассивность, повиновение — христианство возвело в высшие человеческие достоинства, сделав гарантией счастья в загробной жизни. Одни радуются в этой жизни, другие — в иной. В этом тезисе суть христианского понимания справедливости. Так из учения о всеобщем равенстве и братстве христианство становится учением о правильности общественного устройства.

Триумф христианства в корне меняет нравы Европы. Свободным гражданам Рима дотоле не приходило в голову вставать на колени, простираться ниц. Но христианство уравнило всех, отныне все — рабы, Божьи, но рабы. И это тоже — свое понимание справедливости. Христианство периода средневековья прежде всего проповедует покорность судьбе и послушание. И в этом было великое благо, иначе европейцам трудно было бы снести все удары судьбы, которые им пришлось испытать в эпохи крушения сначала Римской державы, а затем империи Карла Великого.

Европейское средневековье не было мрачным, но оно было непредсказуемым, беспокойным, воинственным. И христианская церковь с ее учением о лучшей жизни навела человечеству «сон золотой», помогая забыть о повседневных тяготах. И этот сон станет явью — с эпохой Возрождения, когда проснутся умы и музы, когда воскреснет античная культура, когда вновь высшей ценностью станет человек. И это компромиссное сочетание норм христианской морали и жизнеутверждающих идеалов античности и даст удивительную европейскую гуманистическую культуру. Но во времена Константина об этом, конечно, никто не подозревает. Даже сам император вряд ли мог предполагать, что языческие ценности Рима и верования христианства в будущем окажутся столь тесно переплетенными.

В чем же все-таки причины настойчивости Константина и его преемников в отношении насильственного внедрения христиан-

ства? Конечно, оно помогало управлять подданными. Но, может быть, последние римские императоры чувствовали брэнность политического единства Рима, его светской власти и хотели, пока могли еще это сделать, создать основы для духовного единства континента? Как бы то ни было, им это удалось в полной мере. Даже после распада Римской империи значительная ее часть осталась христианской, а следовательно, единой духовно. Общая религия, к сожалению, не помешает европейцам в будущем обращать оружие друг против друга. Но можно себе представить, сколь безжалостны были бы европейские войны, если бы не было и этой последней хрупкой связующей нити — единой веры в единого бога...

В 335 году озабоченный судьбой империи Константин принимает решение разделить римский мир на пять частей между своими тремя сыновьями от второго брака и двумя племянниками. Поразительно, что, потратив шестнадцать лет жизни на восстановление единства империи, он с легкостью разделит ее между наследниками.

В будущем на такой же шаг готов будет пойти и другой великий император — Шарлемань. Но он хотя бы будет следовать сложившимся к тому времени обычаям предков. Константин же сам вводит этот обычай. До него империя не то что не делилась между сыновьями императора, она могла им вообще не предназначаться.

Дав Европе духовное единство, Константин собственными руками рушит единство политическое. Два года спустя, в 337 году, император предпринимает поход против персов и во время него умирает. С ним умирает Великий Рим. Он больше не воспрянет, он рухнет под собственной тяжестью.

Не успел Константин скончаться, как начались беспорядки в армии. Их жертвами стали племянники Константина. Наследников остается только трое, но и они враждуют между собой. Уже через два года вспыхивает братоубийственная война. Разладом между законными наследниками пользуются другие претенденты на императорский престол. Начинается смутное время. Единство империи еще будет восстановлено в 361 году — но на очень краткое время. В 395 году раздел империи станет официальным.

Две части империи начинают все больше отходить друг от друга. Они говорят на разных языках — латинском на Западе, греческом на Востоке. На Востоке император остается владыкой во всех сферах жизни общества, абсолютным монархом. На Западе появляется разделение власти на духовную и светскую. В экономической сфере контраст также становится все значительнее. Восток процветает, а Запад уже не в состоянии прокормить себя. Восточная

Римская империя просуществует еще более тысячи лет как Византия. Западная же часть будет ввергнута в многовековые катаклизмы.

Рождаются разные цивилизации, но тогда еще никто этого не ощущает. Понять это помогут варвары, ускорившие крушение и без того ослабленной западной империи. Тысячелетняя Римская империя рухнет за пятьдесят лет, даже без чрезмерного давления извне. Просто распадется государственный аппарат, а варвары лишь доведут дело до конца.

К этому времени многочисленные племена германцев, когда-то пришедших на берега Рейна и Эльбы с севера Европы, с побережья Балтийского моря, Скандинавии и Ютландии, уже не боятся римских легионов. Военная слава Рима — в прошлом, набеги германцев на римские земли становятся все чаще и все успешнее. Между «пакс романа» и миром варваров нет уже «железного занавеса». Нет, укрепленная граница — валы, рвы, стены и каменные башни — физически еще существует, но два мира, две общественные системы — рабовладельческая и первобытнообщинная — вынуждены сосуществовать. Некоторые германские племена становятся даже союзниками римлян и защищают границы империи от вторжения других, германских же, племен.

Римлянам долго удавалось эксплуатировать раздоры между беспокойными соседями. В конце III века историк Мамертин говорил: «Счастье Империи — в том, что варварские народы вокруг нее со всех сторон терзают и убивают друг друга».

Но германцы все пристальнее присматриваются к благодатным землям южной Европы и учащают свои набеги. Ими движет честолюбие предводителей и примитивная жадность. Однако эпоха Великого переселения народов начнется не военным, а мирным образом.

В 375 году н. э. в Европе появляются кочевые племена гуннов, выходцев из азиатских степей. Первой их жертвой становятся германские племена готов, к тому времени прочно обосновавшихся в Северном Причерноморье, на юге современных России и Украины. Вплоть до эпохи Екатерины Великой потомки готов проживали в Крыму. Часть готов, остготы, покоряется гуннам, но другая — вестготы — всем народом отправляется в новый путь. В сравнении с азиатскими завоевателями подчинение римской цивилизации выглядит наименьшим злом. Римский император признает вестготов союзниками Рима и разрешает им обосноваться на территории империи.

Но местные власти встречают беженцев плохо. Вместо обещанной земли и пищи, соблюдения племенных традиций римляне начинают чинить произвол, продавать в рабство женщин и детей, убивать мужчин. Оказавшийся в ловушке народ восстает и идет войной на Константинополь. В битве победа окажется за готами, а римский император Валент, впустивший готов в свои владения, убит. Но готы уже не могут остановиться. Они следуют по всему средиземноморскому побережью на Запад, доходят до Италии и спускаются на юг, к Риму. В 410 году предводитель готов Аларик возьмет Вечный город. В этом ему помогут римские рабы, ночью открывшие ворота. Три дня в городе будет царить смерть и разбой, грабежи и пожары. Это первое падение Рима, но не последнее.

Готы не останутся в обреченном городе, они пойдут дальше на запад, и наконец обоснуются на севере Пиренеев, и дадут свое имя современной испанской провинции Каталонии — «Готалании», земле готов.

Но в это страшное время крушения империи европейцы, еще даже не осознавая себя европейцами, совершают первый акт политического единения — в борьбе против общего врага. Европа всегда скорее будет понимать необходимость единства, когда ей угрожают. Угроза страшна как никогда. Гунны, не довольствуясь восточноевропейской территорией, начинают стремительный натиск на Запад. Они несут с собой смерть цивилизации. Они более «варвары», чем европейские варвары, они кажутся европейцам зверями в человеческом обличье. На их фоне германские племена, стоящие на высшей ступени первобытнообщинного строя и достаточно давно сосуществующие с Римом, — друзья, соратники, пусть и временные. Германцы — варвары, но не дикари, они переселенцы — но не кочевники. И Европа объединяется. В последний раз — под властью Рима.

В 451 году на обширных Католаунских полях, на территории современных Эльзаса и Лотарингии происходит апокалипсис, страшная битва Европы и Азии. Под знаменами римского полководца Аэция сражаются не только римляне, но и многие германские племена, например, франки, которые сами, без принуждения, приходят защищать — нет, не империю, а будущее еще не родившейся Европы. Во главе орды гуннов — жестокий и безобразный Атила. В его стане также есть германские племена, но не добровольные союзники, а те, кого ему уже удалось на своем пути покорить.

От рассвета до заката шло кровавое побоище, и гуннам пришлось отступить. Легенда гласит, что еще три дня и три ночи над полем

битвы сражались души умерших, которые были не в состоянии найти покой. Это была великая победа Европы, отстоявшей свою цивилизацию, свою независимость.

Аттила еще предпримет попытку добиться успеха и взять Вечный город, но, выслушав речи вышедшего ему навстречу папы римского, предводитель гуннов ограничится богатым выкупом и повернет назад. Это новый триумф Европы, на сей раз духовный, а не военный. Год спустя Аттила умрет на собственной свадьбе. Его держава погибнет вместе с ним. Но имя ее дойдет до наших дней. Вы никогда не задумывались, почему на европейских языках Венгрия именуется Венгрией, «Hungary», «Hongrie» и так далее, а венгры — венграми, хотя сами они именуют себя мадьярами? Да потому, что «Hungary» — это «страна гуннов», и венгры — это «гунны», хотя венгры-мадьяры не имеют с ними ничего общего.

Еще до Каталаунской битвы Аттиле не удастся взять Париж, тогда именуемый Лютецией, «городом света». Его войско, казалось бы, шло прямо на Париж, и жители хотели бежать, но местная девушка по имени Женестьева стала убеждать сограждан не делать этого, поскольку Аттила, дескать, пройдет стороной. Так и случилось. Благодарные французы провозгласят Женестьеву святой и нарекут покровительницей Парижа. Их неблагодарные потомки во время Великой французской революции осквернят могилу святой Женестьевы и выкинут ее останки из церкви...

Успехи Римской империи в борьбе с гуннами — лишь отблески былого величия. Сумевший противостоять Аттиле Рим вновь падет под натиском очередных германских воителей — вандалов. Их племя к этому времени пересекло всю Европу с востока на запад и обосновалось на юге Испании, которому дало свое имя — Андалузия. Но им этого показалось мало. Перебравшись через Гибралтар, они высаживаются на африканском побережье, доходят до места, где стоял когда-то Карфаген, и отправляются по следам Ганнибала в Италию.

В 455 году вандалы возьмут и разграбят Рим. Этому акту поругания над историей и культурой они тоже дадут свое имя — вандализм. Вандалы уйдут из Рима, но дни его сочтены. Он падет даже без штурма извне. Дворцовые перевороты следуют один за другим. В 476 году очередной мятеж устраивает германский военачальник, союзник римлян Одоакр. Но престиж императорского Рима опустился столь низко, что Одоакр, низложив последнего императора, по иронии судьбы носившего имя основателя Рима Ромула, даже не удосуживается провозгласить себя императором. Он отправляет ненужные ему императорские регалии в Константинополь.

В Европе наступает период варварства и великих переселений народов, которые всегда будут сопровождать падение очередной империи. Не встречая отныне никакого сопротивления, многочисленные племена германцев, населявшие ранее север и восток Европы, направляются на юг и запад, основывая свои варварские королевства.

На территории Италии обосновываются остготы, бывшие союзники Аттилы. Правда, им недолго удастся удержать бразды правления. Воспользовавшись распрями между готами и потомственными римлянами, византийский император подчинит себе Италию, но ненадолго.

На территории Франции и Западной Германии прочно обживаются племена франков, бургундов, аламанов. На территории Испании — вестготы. На Сицилии, Корсике — вандалы. На Британских островах — англосаксы и юты. Из этих королевств и родится Европа. Родится в значительной степени потому, что германцы к этому времени в подавляющей степени — христиане. И когда следующий император начнет искать утраченное единство, у него будет великое знамя — общая вера.

...У входа в главный храм католической церкви, Собор Святого Петра, вас встречают конные статуи двух святых. Справа Константин, слева — Карл Великий, соединивший на время то, что умерло с Константином. Святые необычные. Константин признан святым лишь православной церковью, а Карл, как мы узнаем далее, провозглашен святым во времена раскола в католической церкви. И тем не менее их заслуги столь велики, что церковь закрывает глаза на эти досадные факты истории. Именно эти два императора наиболее ярко олицетворяют триумф христианства и триумф Европы.

КАРЛ ВЕЛИКИЙ: Европейская идея

Если бы Карл мог знать замысел римского понтифика, он не вошел бы в тот день в храм, несмотря на то, что это был самый великий праздник.

*Эйнхард,
современник и биограф Карла Великого*

3. КАРЛ ВЕЛИКИЙ: ЕВРОПЕЙСКАЯ ИДЕЯ

Тот рождественский день 800 года, когда на голову Шарлеманя, как французы величают Карла Великого, была возложена императорская корона, должен был, казалось, стать вершиной его жизни, апогеем свершившихся желаний. Мог ли мечтать об этом незаконнорожденный отпрыск Пипина Коротышки, «мэтра дворца», попросту говоря, управляющего королевским хозяйством?

И вот Карл уже не просто даже король франков, но император, наследник Цезарей! Так почему же в душе его нет ликования?

В Ватиканском музее можно видеть фрагмент мозаики, запечатлевшей коронацию Шарлеманя, и хотя подпись утверждает, что это изображение одного из апостолов, мне кажется, это — он, только что коронованный император. В умном, пронзительном взоре черных глаз нет подобающего моменту самоудовольствования, есть немой вопрос и разочарование. Но почему?

Вернемся немного назад. На развалинах Римской империи в конце V века н. э. на территории северной части нынешней Франции, Бельгии и запада Германии создается государство франков. В 496 году его король Хлодвиг, потомок легендарного Меровея, получеловека — полуморского бога, принимает христианство и, опираясь отныне на мощную поддержку церкви, становится признанным владыкой по сути дела на всей территории бывшей Галлии, входившей в западную Римскую империю. Это талантливый правитель, которому Европа обязана одним из первых своих судебных кодексов — «Салической правдой», сборником древних традиций и правил салических франков, которым будут руководствоваться несколько столетий. Хлодвигу, казалось бы, удастся обеспечить достаточно спокойный переход этой значительной части Европы от империи к целостному государству франков.

Однако единство этой части континента было недолгим: в соответствии с законами времени все наследники мужского пола имеют равные права. В отличие от римлян и воспринявших античные традиции галлов, франки относятся к созданному ими королевству не как к государству, которое надо всячески сохранять, а как к военной добыче, которую надо делить «по справедливости». И бесконечные разделы

между королевскими сыновьями приводят к дроблению ранее мощного государства и появлению множества «королевств», границы которых меняются с каждым новым правителем. Так появляются самостоятельные Австразия и Нейстрия (северо-западная и северо-восточная части Франции и Бельгии), Аквитания, Бургундия...

Более того, потомки Хлодвига начинают вырождаться. Предаваясь с самого раннего детства всевозможным порокам, вступая в браки с ближайшими родственницами, они передают детям все более дурную наследственность. Последний еще реально правивший король династии меровингов, Дагобер, умирает в возрасте тридцати четырех лет ...от старости. Естественный итог, учитывая, что этот король, имевший, кстати, множество детей, постоянно испытывал сомнения в своей детородной способности и старался рассеять их с помощью всех по очереди жительниц королевства. Непосильные труды на ниве увеличения популяции франков и свели в могилу этого славного монарха.

Его потомки вообще были столь debiles, что не имели реальной возможности править. К власти приходят «мэтры дворца», постепенно все более напоминающие премьер-министров при бранных духом и разумом законных королях. Титул мэтра дворца также начинает передаваться по наследству. Возникают параллельные структуры власти: бессильные короли и управляющие за них мэтры дворца.

Итак, Карл, старший сын Пипина Коротышки, прозванного так за свой рост — всего метр пятьдесят четыре сантиметра, мэтра дворца при беспомощном короле франков Хильдерике Третьем, и гордой, своенравной Бертрады, именуемой из-за малозаметного дефекта «Большая нога», рождается 2 апреля 742 года, очевидно, где-то в районе Майнца, на Рейне, на территории нынешней Германии. Рождается под знаком Овна, знаком-доминантой Зодиака, знаком уверенных, огненных, воинствующих людей, знаком оптимистов и ... идеалистов. Рождается в эпоху, еще помнящую шрамы и трагедии прошлого, кровь и ужас, которыми сопровождалось падение империи римлян.

Самое страшное время в истории Европы — VI–VIII век. Жизнь, кажется, замерла на пространствах нашего континента. Европейцы давно ничего не создают, они просто проживают наследие римлян. То, что еще существует и функционирует — это остатки былой великой империи. Разрушенные, но не совсем стертые с лица земли города, дороги и мосты, по которым пока можно проехать, акведуки, еще снабжающие водой. Но все это потихоньку приходит в упадок.

Страшная разруха царит в сельском хозяйстве, откинута на столетия назад нашествиями варваров. В Европе царит ужасающий

голод, и, как утверждают предания, от безысходности люди предаются даже каннибализму.

Такое же запустение царит в духовной жизни. Не совершается никаких научных открытий, забывается даже то, что знали раньше. Европейцы абсолютно невежественны и безграмотны. Остались лишь единичные оазисы культуры — монастыри в Ирландии и некоторых других отдаленных местах, куда не добрались варвары. В них отшельнически живут монахи, стараясь из поколения в поколение хотя бы передать, если не приумножить, те знания, которые остались от прошлого. Здесь еще теплится искра духа. Но только искра.

В тех немногих летописях, которые создаются в эту страшную эпоху, очень мало светлого. Это скорее летописи преступлений. Самый известный историк этого времени, Григорий Турский, оставляет после себя «Историю франков», по которой мы можем судить о безжалостных нравах его современников. Но это потрясающее увлекательное произведение, как айсберг, возвышается в ледяном океане всеобщей безграмотности и невежества.

При практическом отсутствии письменных памятников дух эпохи передает лишь народный фольклор — столь жестокий и непристойный, что только гений Шарля Перро и братьев Гримм смог позднее облагородить жуткие даже для взрослого человека средневековые оригиналы и создать те светлые сказки, под которые до сих пор засыпают европейские малыши. Достаточно сказать, что на самом деле Спящую Красавицу ее принц разбудил вовсе не поцелуем, а более грубым способом, в итоге которого бедняжка с ребенком на руках претерпела массу мучений.

Эта Европа забыла многие человеческие чувства и главное из них — любовь. Остались лишь необузданные плотские желания, жажда подчинения и обладания. Женщины, даже знатного рода, низведены до положения рабынь, которыми распоряжается сначала отец, затем муж.

Правят этой Европой нищие духом и разумом вожди — грубые, необразованные, жестокие. Некоторые из них уже приняли христианство, но нельзя их назвать наследниками римлян — столь убоги их мысли и стремления. Европа даже почти не воюет. Оттремели бури Великого переселения народов, и пришельцы стали потихоньку обустривать захваченные территории. Но ключевое слово здесь — потихоньку.

Нет, конечно, на пространствах Европы по-прежнему льется кровь — но это скорее кровь братьев, чем дальних соседей. Это время убийств, предательств, мщений, когда новоявленные король-

ки мечом и ядом пролагают себе дорогу к высшей власти, не гнушась ничем. Тот же Хлодвиг, креститель Франции, столь опасался, что родные отнимут у него трон, что убил всех своих родственников. А затем, собрав приближенных, начал стенать: «Горе мне, что я остался чужим среди чужестранцев, и нет у меня никого из родных, которые могли бы мне чем-нибудь помочь в минуту опасности».

Но не жалость к убитым говорила в Хлодвиге, а хитрость — он надеялся, что так он сможет обнаружить еще кого-то из родных, о ком он не знал или забыл, и умертвить их.

А чего стоит вошедшая в анналы европейской истории вражда королев Брунгильды и Фредегонды!

...Славный город Мец, что на северо-востоке современной Франции, еще помнящий величие Римской империи, вновь возвращается к жизни. Сюда съезжаются гости на невиданное событие — свадьбу короля Австразии, Зигберта. Почему же невиданное? Конечно, короли франков женились, но столь часто, что праздновать это достаточно рядовое событие им в голову не приходило. Король просто брал понравившуюся девушку в жены, потом находил другую, не обязательно удаляя от себя первую, потом — третью и так далее. Но на сей раз король женится на образованной и красивой Брунгильде, дочери короля готов, обосновавшихся на территории современной Испании, и ради этого созывает огромный пир. Кто еще может похвастаться столь редкой суженой!

Среди гостей только один не радуется за короля — его брат и сосед, король Хильперик, который сменил уже немало жен, но ни одна не могла похвастаться столь высоким происхождением. Нынешняя его жена, Фредегонда, бесспорно, и красива, и страстна, но она всего лишь дочь рабыни, интригой погубившая госпожу и занявшая ее место. И Хильперик решает жениться вновь — на старшей сестре Брунгильды, как говорят, не менее красивой Галесвинте. Но король готов не склонен отдать дочь Хильперику, дурная слава которого дошла даже до далекой Испании. Хильперик, чтобы добиться своего, соглашается отправить в изгнание всех жен и наложниц. У нежной принцессы нет выбора, она отправляется на север.

Хильперик находит Галесвинту не столь красивой, как ее описание, но она дочь короля! И пышностью пира жених стремится затмить свадьбу брата. В его столице Руане, что в современной Нормандии, собираются все сеньоры Нейстрии. А что тем временем подельывает разжалованная из королев Фредегонда? Она покорно, казалось бы, сносит унижение и просит только одной милости — остаться при королевском дворе как служанка. И она дожидается свое-

го часа, когда король, разочарованный знатной, но не слишком темпераментной женой, вновь обращает свой взор на пылкую Фредегонду. Их встречи становятся все чаще. Как же избавиться от постылой жены? Задушив ее... И вот Фредегонда вновь королева!

Но это лишь самое начало. Брунгильда требует от своего мужа Зигберта пойти войной на брата и отомстить за смерть ее сестры. Хильперик удается откупиться, подарив Брунгильде шесть городов, которые он после свадьбы, по обычаю, отдал ее покойной сестре.

Проходит шесть лет, и подзуживаемому Фредегондой Хильперик становится жалко этого дара. Он идет войной на брата, но оказывается в западне. Его спасает Фредегонда, подославшая к Зигберту убийц. Их миссия успешна. Хильперик на свободе. А Брунгильда в свои двадцать восемь лет остается вдовой, ее малолетний сын провозглашается королем Австразии. Неожиданно красота Брунгильды пленяет юного Меровея, сына Хильперика от его предыдущей жены, а следовательно, племянника покойного мужа. Тот не раздумывая женится на обольстительной тетушке. Фредегонда задыхается от злости. Она думала, что уничтожила соперницу, а та вышла замуж за старшего сына и наследника ее собственного мужа и может в одночасье стать в королевстве хозяйкой вместо Фредегонды. И та клянется убить Меровея. И, естественно, преуспевает в этом. Брунгильда вновь вдова, и она возвращается к сыну.

Но Фредегонду ждет возмездие — ее собственные дети от Хильперика умирают. Единственным наследником короля оказывается другой ее пасынок, Хлодвиг, и, чтобы избавиться от него, его-то она и обвиняет в убийстве ее детей при помощи колдовства. В качестве сообщников королева называет падчерицу и бывшую жену мужа, изгнанную ею когда-то из дворца. Всех их ждет мучительная смерть.

Наконец, Фредегонда остается вдовой с четырехмесячным сыном, который провозглашается королем Нейстрии. Пора бы успокоиться? Но нет, она продолжает преследовать Брунгильду, которая тем временем живет при дворе своего сына — короля Австразии. Неутомимая в своем мщении, Фредегонда посылает к нему убийц, но они схвачены. Однако сын Брунгильды умирает своей смертью в двадцать шесть лет, оставив двух сыновей, и мудрая Брунгильда начинает править от имени внуков.

Наконец, жестокая и коварная Фредегонда умирает незаслуженной смертью — в своей постели. Конец истории? Отнюдь.

Теперь уже Брунгильда начинает мстить за смерть сестры и своих двух мужей и, отвоевав у сына соперницы его королевство, присоединяет Нейстрию к наследству внуков. В итоге в начале VII века

эта удивительная женщина по сути восстанавливает единство королевства франков, она правит всей Галлией. Но это уже не та добродетельная принцесса, которая прибыла из далекой Испании. Брунгильда усвоила суровые уроки, которые преподнесла ей жизнь, она теперь тоже убивает непокорных сеньоров, осмелившихся бунтовать против женщины, узурпировавшей власть.

Кто-нибудь протестует? Напротив. Ею восхищаются. Перед ее силой преклоняются. Ей пишет письма император Константинополя. Даже папа римский Григорий Великий превозносит ее добродетели. Но и это еще не конец.

Когда один из ее внуков умирает, оставив несколько сыновей, Брунгильда принимает революционное по тем временам решение — не делить наследства между ними, а провозгласить королем только старшего. Это первый человек в средневековой истории, задумавшийся об опасности вечного дробления государств и попытавшийся защитить идею единства. Но, увы, наша королева намного опережает свое время. Она замахивается на то, о чем не осмелится подумать даже сам Карл Великий. И Брунгильду ждет расплата. Недовольные сеньоры устраивают бунт и обращаются за помощью к сыну Фредегонды, которого Брунгильда, как мы знаем, лишила короны, но не убила. Среди тех, кто требует наказать женщину-чужеземку, поднявшую руку на обычаи франков, — и первые известные истории предки Карла Великого.

Престарелая Брунгильда схвачена и подвергнута мучительной казни — после нескольких дней показательных пыток ее за волосы, руки и ноги привязывают к хвосту лошади и пускают ту вскачь... С попыткой европейского единства надолго покончено...

Европа гибла. Сон могильный
Носился над ее главой, —

скажет Пушкин о другой эпохе в европейской истории. Но слова русского поэта как нельзя более точно характеризуют тот страшный период вселенского застоя продолжительностью в три с лишним века. По сути дела Европа возвращается из рабовладельческой эпохи назад, на предыдущую стадию общественного развития — в первобытнообщинный мир. Падение всех европейских империй будет сопровождаться откатом назад, кризисами во всех сферах общественного устройства, но все-таки по мере ускорения самого ритма жизни эти периоды будут сокращаться. После падения империи римлян этот период составит четыре века, после заката империи Шарлеманя — два века. потом периоды полураспада резко

сокращаются, но, увы, сохраняется закономерность — их не избежать. Эти периоды постимперской жизни оказываются намного страшнее даже эпох агонии империй, поскольку в период упадка люди живут иллюзиями, что надо только завершить разрушение, и начнется новая, светлая жизнь. Но она всегда так долго не начинается...

Не знаю, сколько бы ждала спящая Европа своего Прекрасного принца, если бы в ее дотоле брентную жизнь не ворвался Карл, справедливо названный Великим. Он, правда, разбудит Европу также не слишком нежно, но зато действительно...

Карл появляется на свет еще до официального заключения брака между родителями, что в те времена было вполне распространенным явлением. Лишь семь лет спустя Бертрада, графская дочь, становится законной женой. Она подарит мужу еще двух детей — Карломана, который всегда будет презирать брата за его незаконное происхождение, и Жизель, которая станет, напротив, верной подругой старшему брату.

Не успевает Бертрада стать законной супругой, как у нее появляется мысль стать королевой, женой и матерью королей. Формально правящий франками Хильдерик III — не более чем призрак на троне, получающий жалкие подачки из рук Пипина. Однако сам Пипин не готов просто так узурпировать власть, ему нужна законность или ее видимость. В те времена, не знавшие всенародных референдумов, дела решались через обращение к папе римскому.

Впрочем, так же как и при референдумах, ответ на вопрос зависел прежде всего от формулировки самого вопроса. И потому Пипин не стал спрашивать папу, можно ли узурпировать власть законного правителя, а поставил вопрос более тонко: «Кто является королем — тот, кто имеет реальную власть или ее видимость?» Ответ был естественен: королем является тот, кто имеет реальную власть. Сослав Хильдерика в монастырь, Пипин провозглашает себя, без каких-либо возражений со стороны подданных, королем. В благодарность за оказанную папой поддержку Пипин становится защитником христианского престола от его врагов.

Карлу нет еще двенадцати лет, когда отец начинает активно брать его с собой, куда бы ни вела его судьба. Как и все короли-франки, Пипин ведет кочевой образ жизни. Он, его жена, дети, приближенные большую часть времени проводят в седле. У короля франков нет постоянного двора или резиденции, у него только многочисленные «виллы», напоминающие крестьянские фермы с прилегающими землями, с доходов от которых и живет королевская семья.

В те времена не существовало надежной системы сбора налогов с подданных, и единственным методом был переезд с одной виллы на другую и потребление причитающегося «на месте».

Постоянные странствия продиктованы и другой причиной — король должен объезжать свои владения и вершить суд, восстанавливать справедливость, контролировать своих подчиненных, которые в его отсутствие склонны к злоупотреблениям. Такой образ жизни, безусловно, утомителен, особенно для детей, притом учитывая, что созданные много веков назад римлянами дороги уже пришли в упадок, а других дорог попросту нет. Словом, путешествия по просторам франкского королевства весьма тяжелы. Недаром Карл в будущем активно займется благоустройством дорог.

Карл присутствует при встрече Пипина с папой римским, и он потрясен тем, как униженно просит святейший понтифик защиты у короля франков от угрожающих его землям ломбардцев. Пипин милостиво обещает содействие, в обмен требует, чтобы папа святейше короновал его и его сыновей. Торжественная церемония происходит в соборе Сен-Дени, недалеко от Парижа. Со времен Римской империи это святое место христианства. Когда святой Дионисий в период очередных преследований был казнен на Монмартре, название которого, кстати, так и переводится — «гора мучеников», он умер, согласно легенде, не сразу, а, взяв свою отрубленную голову, пошел на север и скончался через несколько километров. На этом месте и построили позднее собор, который стал сначала усыпальницей королей франков, а затем — Франции.

Папа дарует Пипину и его сыновьям титул «римских патрициев», который означает обязанность защищать Рим и папство. Собственно говоря, ради этого и вступил папа на землю франков. Ему нужна защита от короля Ломбардии. Ломбардцы, равно как и франки, принадлежали к германским племенам. В период великих европейских переселений народов, последовавших за падением Римской империи, в IV–VI веке, франки, как уже говорилось, осели на территории северной Галлии, а ломбардцы пошли значительно дальше и основали королевство на севере Италии, там, где до сих пор расположена итальянская провинция Ломбардия. Одновременно они образовали в центре и на юге Италии два герцогства. Между ломбардскими территориями остался небольшой осколок того, что формально продолжало подчиняться Восточной Римской империи и управлялось из Константинополя, назначавшего сюда своих экзархов. Столицей экзархата была Равенна. Рим входил в экзархат, и по сути дела папа римский зависел от императора Византии.

Пока Константинополь гарантировал Риму безопасность, папа не оспаривал верховенства императора. Но Восточная Римская империя, хотя и оставалась по-прежнему могущественной, не могла уже посылать войска для защиты своих окраин, каковой стал для нее Рим. В 751 году, в год коронации Пипина, король ломбардцев решил подчинить себе Рим и стать владыкой всего Аппенинского полуострова. У кого же искать защиты? Только у короля франков! И папа смиренно просит помощи.

Пипин, получивший корону благодаря папе, чувствует себя должником, и вскоре после своего торжественного коронавания, в 754 году отправляется через Альпы, где практически не встречает сопротивления. Пипин вступает в столицу Ломбардии Павию, но не проявляет жестокости по отношению к поверженному врагу. Он довольствуется тем, что ломбардцы отказываются от планов покорения Рима. Но, как вскоре выясняется, отнюдь не навсегда.

Два года спустя Пипину приходится вновь отправиться на юг для обуздания Ломбардии. В итоге этой экспедиции он передает экзархат Равенны под управление папы римского. Это вошедший в историю «дар Пипина». В отличие от «Константинова дара», о котором мы уже говорили, это событие действительно имело место. Пипин обязан папе короной, и он честно благодарит его, передавая ему в светскую власть центральную часть Италии. Папское государство просуществует вплоть до XIX века, а его осколком является современный Ватикан.

Карлу четырнадцать лет, когда он сопровождает отца в его втором ломбардском походе и познает азы военной стратегии. Карлу восемнадцать, когда он получает первое настоящее боевое крещение — в Аквитании. Юго-запад современной Франции в те времена — процветающая территория, где есть густонаселенные города, крупные сельскохозяйственные угодья, виноградники — словом, это край с оживленной торговлей. Здесь больше, чем где бы то ни было, сохранилось наследство Римской империи — бани, акведуки, амфитеатры, разрушенные в самой Италии, еще функционируют.

Жив здесь и боевой дух Рима. Аквитания, формально принадлежащая королю франков, постоянно восстает против него, требует независимости. Каждое лето — а боевые действия франки вели только в теплое время года — Пипин в сопровождении сыновей отправляется на юг — но не для отдыха, а для усмирения непокорной Аквитании. Он штурмует замки мятежных вассалов, опустошает города и деревни. Но только в 768 году ему удается подавить бунт — злодейски убив герцога Аквитанского. Железная корона последнего, украшенная сти-

лизованными цветками лилии, переходит к Пипину. Так цветок лилии становится официальной эмблемой французских монархов.

Карлу в этот момент двадцать шесть. Королевский сын отличается мужественной внешностью и ростом — метр девяносто, что для той эпохи было невиданно. Атлетического сложения, с короткой мускулистой шеей, Шарлемань был создан выделяться среди людей. Живые, пронзительные глаза на круглом лице, усы. Но вопреки легендам, Шарлемань не носил бороды. Сопровождая отца повсюду, Карл достигает совершенства в королевском ремесле: он знает, как воевать, оказывать помощь церкви, блюдя при этом свои интересы, обращаться с подданными. Но теперь уже отец, напуганный редкими воинскими и организаторскими талантами сына, стремится устранить его от управления. Но Коротышка внезапно умирает от лихорадки. В соответствии с завещанием королевство по ровну делится между сыновьями.

Наследство Пипина огромно — нынешние Франция, Бельгия, Голландия, западная часть Германии (как видим, Германия была восточной и западной не только в XX веке!), Швейцария. Карл получает Германию и все побережье — от Голландии до Пиренеев, Карломан все остальное — Францию без прибрежных районов и Швейцарию.

Не успел Карл вступить в права наследства, как вновь начинаются волнения в Аквитании. К кому обратиться за помощью новому королю, как к не к родному брату? Но Карломан отказывает... Карл усмиряет Аквитанию в одиночку. Но брату отказа он не простит. И когда Карломан в 771 году неожиданно умирает, Карл, нарушая права собственных племянников, присоединяет его королевство к своим владениям. Первый шаг к империи сделан, единство владений Пипина восстановлено. Жена и дети покойного брата вынуждены бежать и просить защиты у короля ломбардцев.

К этому времени сам Карл уже женат не один раз. Первая жена, Химильтруда, не оставила в жизни Карла особых воспоминаний. Она подарила ему сына Пипина, прозванного Горбуном и из-за этого физического порока сразу устраненного от престолонаследия. Вскоре Карл под влиянием матери берет вторую супругу, имя которой история не сохранила, дочь короля ломбардцев. Тем самым он временно, но только временно, становится на их сторону в извечном конфликте с папой. Напрасно римский понтифик закликает его не вступать в подобный брак, утверждая, что ломбардцы — люди, проклятые господом.

Однако после смерти брата Карл моментально разрывает свой союз с ломбардцами — как политический, так и семейный. Он про-

гоняет прочь дочь ломбардского короля и берет новую супругу, тринадцатилетнюю Хильдергарду, которая станет большой любовью Шарлеманя, верной спутницей во всех его походах, подарит ему трех сыновей и трех дочерей.

Карл начинает кампанию против бывшего тестя, одерживает победу и принимает титул короля ломбардцев, оставив им, однако, их традиции и привычки. Как видим, Карл идет дальше, чем его отец, который покорял ломбардцев, но затем уходил. Карл же аннексирует их земли. Он увидел то, что не замечал Пипин: Ломбардия была конгломератом различных народностей, ее население считало себя не столько ломбардцами, сколько наследниками древних римлян. Ломбардские правители, хотя и ассимилировались с покоренными народами, все же оставались чужаками, и защищать своих суверенов коренные жители итальянского полуострова не стремились. Им было по сути все равно — что король по происхождению ломбардец, что король из франков. И они спокойно встретили Карла, которому досталась корона и все огромные сокровища ломбардских королей. В итоге Карл отныне владеет богатейшими итальянскими территориями. Ему нет равных, кроме императора Византии.

Но Карлу не до лавров, он продолжает воевать — на сей раз против саксов, проживавших в те времена на территории современной земли Вестфалия, ограниченной Рейном и Эльбой с запада и востока и Северным морем и непроходимыми лесами Тюрингии с севера и юга. Саксы остаются истовыми язычниками, продолжают приносить человеческие жертвы своим страшным идолам, нравы их грубы и воинственны. Все чаще они совершают военные вылазки на запад, в королевство франков. У Карла нет выбора — ему надо подчинить этих опасных соседей.

Первая экспедиция достаточно успешна — Карл разбивает саксов, сжигает их главного идола и даже возводит на их землях несколько крепостей. Не успел он, однако, навести временный порядок на востоке, как приходится снова идти на юг: папа римский вновь просит помощи — на сей раз против архиепископа Равенны. Новая кампания, новый успех. Маятник, тем не менее, качается вновь — после Италии опять бунтует не желающая покориться Карлу и христианству Саксония. Увы, так будет продолжаться тридцать лет. Пока Карл лично усмиряет саксов, они подчиняются, но лишь до тех пор, пока он не покинет Германию.

Карлу только тридцать пять, а его уже именуют Великим — Каролус Магнус, или Шарлемань, столь велики его воинские успехи.

Действительно — Галлия, Германия и Италия признают его своим законным владыкой. Единственное поражение Шарлеманя — там, где практически тысячу лет спустя потерпит первое поражение и другой европейский император — в Испании. Но парадокс судьбы — именно эта кампания, единственный неуспех, войдет в историю мировой литературы, подарив нам «Песнь о Роланде».

Поход в Испанию Шарлемань предпринимает в 778 году. Ему льстит идея стать освободителем испанских христиан от мусульманского ига, под которое они попали в самом начале VIII века, когда мусульмане основали на Пиренейском полуострове Кордовский халифат. Тем более, что борьба с неверными — в традициях его семьи. Дед Шарлеманя, Карл Мартелл, вошел в европейскую историю как победитель мусульман. В 732 году он остановил их продвижение по Европе, одержав победу под Пуатье. Пипин Коротышка также прочно удерживал мусульман за Пиренеями. А вернуть в христианский мир Испанию — что может быть более почетным долгом для верующего! Испанский поход — преддверие крестовых походов, и не случайно в эпоху Шарлеманя будущие освободители Гроба Господня будут черпать вдохновение.

Однако в Испании Шарлеманя ждет разочарование. Население, как оказывается, отнюдь не жаждет избавиться от завоевателей-мусульман, с которыми оно мирно уживается, и встречает франков не как освободителей, а как завоевателей. Словом, все как в Будапеште 1956-го или Праге 1968-го... Испанские баски, хотя и христиане, оказывают Карлу жесточайшее сопротивление, и он вынужден отступить. И именно от руки басков, а не неверных, падет славный рыцарь Роланд.

Единственное, чего удастся добиться Карлу, — сохранить в лоне христианского мира север Испании — Каталонию и Наварру, которые становятся частью его владений. Именно отсюда, с севера, и начнется в будущем испанская «реконкиста», отвоевание христианами жителями полуострова собственной страны у мусульман...

За свою жизнь Шарлемань проводит пятьдесят три военных кампании, из них восемнадцать против саксов, которых Шарлемань намерен был обратить в христианство единственно надежным способом — огнем и мечом, а также принудительными крещениями в реках. Метод сей, как видим, не являлся монополией лишь нашего князя Владимира. Не брезгает Шарлемань и массовыми депортациями — десятки тысяч семей непокорных саксов насильно переселяются из Германии на территорию нынешней Бельгии, отчего, в частности, и происходит нынешняя национально-лингвистическая мо-

заика страны. Право, в истории сложно выдумать что-либо новое... В своем продвижении на восток Шарлеманю удастся выйти на более дальние рубежи, чем цезарям былых времен, — он доходит до Эльбы.

Если Цезарь создал из Галлии Францию, то Шарлемань делает из варварских немецких территорий Германию. Однако подданные оказываются неблагодарными. Если галлы достаточно быстро приняли «пакс романа», нравы и традиции Римской империи, то германцы не проявляют подобной готовности. Их идолы уничтожаются, но саксы остаются язычниками, сохраняют свой язык, свою культуру, отказываются от чести стать частью христианской империи франков. И тем не менее современная Германия гордо считает Шарлеманя своим первым сувереном. Парадоксы европейской истории!

В ходе войн с саксами Карл проявляет порой бессмысленную жестокость, ранее ему несвойственную. Так, за один день он приказывает казнить пять тысяч пятьсот непокорных саксов, как выходцев из благородных слоев, так и простолюдинов. Но даже геноцид — не побоимся этого слова — в отношении саксов не положит конца их сопротивлению. Восстания будут продолжаться еще двадцать лет. На Карла же после этого акта устрашения обрушатся сплошные несчастья. Он потеряет свою любимую жену Хильдегарду и новорожденную дочь. Он вскоре женится вновь, но его новая супруга, Фастрада, будет ненавидима всеми. Ее коварству и злобе и приписывают историки многие жестокости Карла, совершаемые им в это время.

С грустью приближенные Карла наблюдают, как Карл все больше подпадает под власть Фастрады, слепо следует ее советам, устраняет от себя искренне преданных соратников. Так рождается заговор с целью убить Карла и Фастраду и сделать королем старшего сына Карла, Пипина Горбуна. Несчастный калека обижен на отца — мало того, что тот не признает его своим наследником, даже родовое имя Пипин он уже передал другому, здоровому сыну. Ревность и обида и подталкивают Горбуна на отцеубийство. Только случайность спасает Карла — верный слуга подслушивает беседу заговорщиков. Карл жестоко расправляется с бунтовщиками и с сыном. Их ждет монастырь.

Восстановив свою власть, Карл вновь отправляется покорять саксов. Но после нескольких войн силы сторон оказываются на исходе. Даже непоколебимый предводитель саксов Виттикинд готов к переговорам, мира хочет и Карл — нескончаемые войны слишком дорого обходятся его королевству.

Заключается почетный мир. Виттикинд соглашается принять христианство, и его крестным отцом становится Карл. В честь обращения

саксонских земель в истинную веру Карл предлагает папе римскому объявить трехдневные празднества во всем христианском мире...

Но не успевают закончиться торжества, как Карл обнаруживает декреты, равнозначные террору. Карла некому удержать от буйных эмоций, и присущая ему вспыльчивость дает себя знать в полную меру. Бертрада всегда пыталась научить сына милости и терпимости к поверженным. Но ее более нет рядом, она скончалась в 783 году. И проявляются наиболее варварские черты натуры Карла. Указы Карла предписывают смерть за малейшее прегрешение. За отказ креститься — смерть, за неповиновение Карлу — смерть, даже за употребление мяса в период религиозного поста сакса ждет смерть.

«Разобравшись» с Саксонией, Карл переходит к урегулированию баварской проблемы, решение которой он долго откладывал. Бавария в те времена — герцогство, зависимое от короля франков. Во главе его стоит кузен Карла, герцог Тассилон. Баварцы, так же как франки, ломбардцы и саксы, — потомки германских племен, и у Карла рождаются планы создания единой германской нации. Карл поручает своим ученым советникам изучить прошлое германцев, их обряды. Но для осуществления его плана «воссоединения Германии» не хватает только окончательного покорения Баварии. Тассилон же, в свою очередь, мечтает окончательно разорвать связь с королевством франков и стать королем независимой Баварии. И это вполне реально — Бавария в те времена процветает, в экономическом и духовном развитии она опережает даже франков. Тассилон — бесспорно талантливый полководец, и кстати, он женат на дочери короля ломбардцев, сестре бывшей супруги самого Карла, и, следовательно, может рассчитывать на поддержку ломбардцев, покорившихся Карлу, но готовых в любой момент восстать против него.

Но у Карла есть великий союзник — папа римский, опасющийся ломбардцев и возвышения Тассилона. Он обязывает баварского герцога принести Карлу вассальную клятву, тот покоряется, но вскоре вновь начинает преследовать собственные цели. После многочисленных интриг Карл отправляет своего кузена в монастырь и аннексирует его владения. Более того, он делит ранее целостное герцогство Баварское на мелкие графства, во главе которых ставит верных людей. Карлу не нужна единая и слишком любящая независимость Бавария! В итоге королевство Карла стало граничить со славянскими народами.

... Славяне появились в этой части Европы, между Эльбой и Вислой, только тогда, когда большинство германских племен покинули эти земли в период Великого переселения народов, а оставшиеся гер-

манские племена были не в состоянии противиться «натиску с Востока». С большинством славян Карл заключает мирные альянсы и даже дает им право проживать на тех землях, с которых он депортировал непокорных саксов. Некоторых — покоряет. Однако он понимает ограниченность своего военного потенциала. Лавры Александра Македонского, завоевавшего больше, чем можно было удержать, его не привлекают, и на своих приграничных со славянами землях он создаст буферные зоны, призванные защищать Баварию и Саксонию.

Как видим, Карлу Великому первому приходит мысль «санитарного кордона» между западом и востоком континента. Слава Карла, однако, преодолевает им же самим установленную новую границу Европы. Если русское слово «царь» происходит от Цезаря, то «король» в русском, равно как и в польском, чешском и других славянских языках — от Карла Великого. Для славян Цезарь и Карл олицетворяли высшую власть, их имена стали нарицательными.

Завоевание Баварии приводит к контактам франков еще с одним народом, обосновавшимся к тому времени в центре Европы, — аварами, выходцами из азиатских степей. В VI веке, в ходе первой волны миграции им удалось дойти до Одера, но затем они обосновались в одном из наиболее плодородных регионов бывшей Римской империи, Паннонии, расположенной в приграничных районах современной Венгрии и бывшей Югославии. Византийский император исправно платил аварам дань, чтобы избежать войны с ними. Карл поручает своему сыну, молодому королю Италии, выступить в поход против аваров. Сам он не ведет уже активных военных действий.

Франкам удается захватить «столицу» аваров Ринг, представлявшую по сути дела огромный укрепленный лагерь и расположенную у слияния Дуная и Тисы, и несметные сокровища, накопленные ими за два с половиной столетия византийской дани. На пятнадцати телегах добыча отправляется Карлу. Но стране франков, истощенной длительными войнами, она приносит несчастье. Согласно законам денежного обращения, открытым столетия спустя, избыток денег в обращении приводит к инфляции, и приток золота и серебра привел к росту цен во франкском королевстве.

В течение нескольких лет войска франков уничтожают государство аваров. Им это удается — авары исчезают с политической карты Европы. Навсегда. Более того, они исчезают как нация, растворяясь среди победителей. Славяне называли аваров «обрами», и до наших дней дошла русская поговорка: «погибнуть как обры», то есть бесследно исчезнуть.

Шарлемань присоединяет к королевству франков ничейные земли, ранее служившие буфером между его владениями и аvaraми. Они получают имя Остмарк, «восточная страна». Это будущая Австрия. Некоторые из предводителей аваров принимают христианство и переходят на службу к Карлу. Последний к этому моменту становится терпимее к врагам, ему более не свойственны жестокость и гнев, характерные для него после поражения в Испании. Под влиянием советников он становится более милосердным. Историки, возможно, не без оснований приписывают вновь обретенное Карлом равновесие души смерти королевы Фастрады. Новая жена Карла, Лиутгарда — прямая противоположность предшественнице. Он любима всеми настолько, насколько ненавидима была Фастрада. Нежная, красивая, образованная Лиутгарда становится вдохновительницей создаваемого Карлом королевского двора, где процветают науки и искусства.

При Шарлемане Европа обретает новую столицу, Аахен. Карл долго размышлял, где основать свой Рим. Старые столицы франков, например, Турне, что на юге современной Бельгии, теперь оказались на окраине новой империи, центр которой после завоеваний Шарлеманя переместился на северо-восток. Сначала Шарлемань думал над тем, чтобы расположиться в Маастрихте, городе, существующем с римских времен, да к тому же одному из святых мест христианства. Ведь именно в Маастрихте, объясняют ему теологи, похоронен святой Серватус, «родственник Иисуса», могила которого стала местом паломничества.

Но Карл рассуждает прежде всего как стратег: Маастрихт лежит на слишком бойком месте, здесь расположен мост через Маас, единственное связующее звено между востоком и западом в этой части континента. Из-за владения этим мостом, думает Карл, всегда шли и будут идти войны, Маастрихт должен остаться крепостью, но столицу лучше строить чуть дальше на восток, ближе к Рейну. И в 797 году Карл выбирает дотоле неизвестное место Аахен, где есть горячие источники и можно возвести термы, не уступающие римским.

Шарлемань непосредственно руководит строительством своего дворца, который должен стать олицетворением могущества новой империи, собрать все лучшее, что дала европейская культура. Не беда, если при этом приходится прибегать к не совсем христианским приемам. Так, из Италии, из Равенны, вывозит Шарлемань ценнейший мрамор и конную статую короля готов Теодорика Великого, которую установит перед своим дворцом. Сокровища аваров также идут на украшение столицы Карла, которая вскоре начинает почитаться как одно из чудес света той эпохи.

Одновременно рядом с дворцом Шарлемань, вдохновленный виденными им в Италии церквями Восточной Римской империи, приказывает возвести октогональный собор, первый в своем роде на севере Европы. Он будет окончательно завершен только шестьсот лет спустя после смерти императора. Именно в соборе устанавливает Шарлемань свой трон, сделанный из цельного куска мрамора, который можно видеть до сих пор.

Тем временем из Рима приходят тревожные вести — недавно избранный папа Лев III просит защиты. На сей раз не от чужеземцев. Римская знать недовольна новым понтификом — его обвиняют, судя по всему, справедливо, в самых различных грехах — в порочном образе жизни, в убийствах соперников и так далее. Приближенные даже пытаются заточить папу в монастырь, но ему удается вырваться, и он обращается с мольбой к традиционному покровителю папства, королю франков. Карл милостиво повелевает папе прибыть к его двору и предстать перед королевским судом. Обратим внимание на этот факт: пройдет совсем немного времени, и уже не папы будут просить справедливости у светского владыки — это наследники Шарлеманя на коленях будут вымаливать прощение у римских понтификов...

Но пока папа покорно прибывает в Аахен. Королевские судьи, выслушав обвиняемого папу, затрудняются ответить, на чьей стороне правда, и принимают соломоново решение. Папа сам должен поклясться, что не совершал того, в чем упрекают его враги. Европейцы верят, что если папа будет лжесвидетельствовать, то его покарает Господь. Папа приносит клятву, и Карл специально приезжает в Рим, чтобы торжественно провозгласить его невиновным. И вот мы подходим к тому памятному Рождеству 800 года...

Шарлемань в Вечном городе, он едет на мессу в главный храм римской католической церкви, в храм Святого Петра.

Что же представляет собой Рим в конце VIII века? Руины... Но руины, масштабы и величественность которых не могут не впечатлять короля варварского королевства. Нет, думает Шарлемань, люди не могли построить этот Колизей, этот Форум, эти храмы, эти дворцы-термы, которые банями и назвать-то нельзя. Это двигали боги или гиганты. Пусть это все в запустении, пусть днем по развалинам ходят коровы, а ночью не заботящиеся о спасении своей души девицы... Это столица мира, равной которой нет. И он, Шарлемань, здесь почетный гость, оплот христианского престола.

Ватикан в то время еще не папская резиденция, та расположена во дворце Латран, подаренном церкви императором Константином, но это уже святыня, поскольку здесь принял мученическую смерть

апостол Петр. Двигаясь мимо Ватикана, Карл невольно бросает взгляд на египетский обелиск, на вершине которого, по преданию, урна с прахом Юлия Цезаря. Да, это город Цезарей... Вот и замок Святого Ангела, бывшая усыпальница императора Адриана. Вот уже римский Форум, хранящий следы великого Юлия. Этим развалинам, думает Карл, ведь почти тысяча лет, но, очевидно, они вечны, они будут существовать и тысячу лет спустя. А вот просуществует ли то, что создал я, Карл, единая христианская Европа?

В конце торжественной мессы, когда Шарлемань еще полон благостных мыслей, к нему неожиданно подходит папа римский, возлагает на голову нечто тяжелое и провозглашает: «Да здравствует коронованный богом Карл Август, великий и миролюбивый император римлян!». На голове Шарлеманя оказывается корона Цезарей, та самая корона, о которой он давно мечтал, но получить которую стремился без посредничества папы.

«Коронованный богом», право же, нелепо... Он, Шарлемань, и только он вершит судьбы Рима, защищает его от врагов, и получить корону из рук слабого, беспомощного, а возможно, и преступного папы... Но дело сделано. Однако впредь Шарлемань не допустит повторения подобного: на голову сына он возложит императорскую корону сам, без каких-либо посредников.

Был ли Шарлемань защитником христианства, пытавшимся отдать себя служению богу и несшим христианские идеи в покоряемые им страны? Или он был гением большой политики, осознавшим, что для выполнения его имперских замыслов нужна идея, вокруг которой, точнее на базе которой можно объединить наш континент? И он провидчески увидел в христианстве это мощное объединяющее начало? Этого мы никогда не узнаем... Хотя скорее всего присутствовали оба момента.

Правление Шарлеманя войдет в историю Европы как период первого Ренессанса. Не получив в юности сколь-нибудь серьезного образования, не освоив даже грамоты, Шарлемань позднее «сам сделал себя», он овладел даже латынью и греческим языком. Какой контраст между ним и тем же «Королем-Солнцем», едва-едва умевшим читать и писать!

Шарлемань верит, что Европа может развиваться, только если будет обеспечен расцвет науки, литературы, искусств. Франкам, не имевшим собственных культурных традиций, нужно, следовательно, освоить и укрепить то, что дала древняя античная цивилизация. Шарлемань делает из латыни язык «международного общения» своей империи, он открывает повсюду бесплатные школы. Великие

просветители той эпохи, например, англосакс Алкуин, специально пишут учебники для детей. При дворце Шарлеманя в Аахене создается школа, где готовятся учителя для всех других школ. Можно, иными словами, сказать, что именно Шарлемань первым в Европе создает систему общедоступного, бесплатного начального образования. Более того, поощряя применение латыни, Шарлемань не забывает о многонациональном характере своей империи и активно поощряет развитие местных языков и наречий, речи простолюдинов.

Так на каком же языке говорил сам Шарлемань? Прежде всего на языке франков, то есть одном из наречий германских восточных племен. Но в эту эпоху язык франков в значительной степени уже романизирован и через несколько столетий превратится в средневековый французский язык.

Двор Шарлеманя роскошен, но не чрезмерно. Сам Шарлемань одевается в традиционный наряд франков, императорский пурпур он надел лишь раз в жизни. Но ему нравится видеть на дочерях красивые наряды, он любит оживленный и многочисленный круг родных и приближенных. Правда, у Шарлеманя нет императрицы. Его последняя официальная жена, нежная Лиутгарда, умирает в самом начале 800 года, и с той поры любвеобильный Карл окружает себя только наложницами, которые мирно уживаются в Аахенском дворце с дочерьми императора. Вообще Шарлемань настолько любит своих дочерей, что запрещает им выходить замуж. Даже императору Византии он откажет в руке дочери, чтобы не расставаться с ней. Зато он закрывает глаза на любовь принцессы Берты и придворного поэта Ангильберта, несмотря на то, что этот не благословенный церковью союз был явным мезальянсом.

Кстати, одна из дочерей Шарлеманя жива ... до сих пор. И это не шутка. Речь идет об Андорре, крохотном государстве высоко в Пиренеях, зажатом между Испанией и Францией, независимость которого от мусульман стала итогом в остальном бесславного, как мы знаем, пиренейского похода Карла. Гимн Андорры и сегодня начинается со слов: «Великий Шарлемань, мой отец, освободил меня от арабов».

Ренессанс эпохи Шарлеманя сопровождается и экономическим процветанием. Основа экономики в те времена, естественно, сельское хозяйство. Что нужно для плодородия? В первую очередь, не климат, как мы свято верим, а мир, отсутствие конфликтов. Под надежной охраной войск франков крестьяне могут, наконец, без помех заняться своим повседневным делом. Парадоксально, но Шарлемань, постоянно ведущий войны, заслужил имя «миролюбив-

вого». И это, в общем-то, не парадокс: войны велись на границах и даже за пределами империи, на самих же пространствах владений франков в эти годы царят мир и спокойствие. Порядок в политике гарантирует спокойный труд крестьян. И несмотря на то, что их труд по нынешним европейским меркам был непроизводителен, империя процветает.

Карл пытается восстановить империю Цезарей, и это ему удастся — на время. С момента падения Римской империи Европа испытывает ностальгию по своему прошлому: «пакс романа», который, хотя и не был идеален, означал цивилизацию и безопасность. Несмотря на все свои пороки, противоречия, Римская империя осталась для европейцев блестящим примером воплощения идеи единства, именно поэтому она вызывала ностальгию. Впрочем, как мы увидим дальше, все империи, которые существовали на нашем континенте, после своего крушения еще долгие столетия будут вызывать ностальгию. Даже у тех, чьи предки проклинали их при жизни...

Империя Шарлеманя — вся Франция, почти вся Германия, две трети Италии, Бельгия, Голландия, Швейцария, часть Испании. Таким конгломератом наций, народностей, племен, языков, религий, привычек требовалось управлять одновременно твердо и гибко. И Шарлемань не просто создает империю, он создает, как мы сказали бы сегодня, *общественную систему*. Именно он, Шарлемань, закладывает основы феодального общества, родившегося из анархии прошлых столетий. Конечно, еще до Карла Великого существовали отношения между слабым и сильным, когда в обмен на поддержку сеньор обещал защищать вассала. Система, повторенная спустя столетия мафиози и рэкетирами — ты мне платишь, я тебя защищаю от таких же, как я. Но Шарлемань вводит такого рода отношения в систему, создает феодальную пирамиду, во главе которой, естественно, оказывается он, император.

Шарлемань понимает, что с уже сложившимися основами феодализма нельзя не считаться, их нельзя упразднить императорским указом, тем не менее он видит и опасность дробления империи, усиления власти сеньоров, иными словами, дезинтеграции. И Шарлемань решает подчинить себе то, что он не может, не в силах уничтожить. В обмен на гражданскую и воинскую службу, он, император, по собственной доброй воле соглашается уступить часть своего суверенитета. Это было рождение феодальных владений и феодальной лестницы.

На вершине лестницы, разумеется, стоит император, и все указы исходят из его резиденции. В управлении государством ему помогают советники, откуда и происходит современный Совет мини-

стров. По старой традиции раз в год, в мае, собирается ассамблея свободных граждан, но это уже просто дань прошлому. «Парламент» Шарлеманя не имеет никакой власти.

Во главе каждой провинции, а их Шарлемань создает около двухсот пятидесяти, стоит граф. Пока это еще не наследственный титул, а скорее государственная должность — наместник императора. Но постепенно графы становятся по сути дела истинными владельцами вверенных им территорий и, понимая опасность потери контроля над ними из императорского центра, Карл назначает в каждое графство еще и *missi dominici*, «посланца господина».

Эти королевские комиссары призваны приглядывать за графами и обладают всей полнотой власти на своей территории, будь то дела налоговые или военные. Однако в своих действиях они неукоснительно должны руководствоваться указами, или капитулярами, приходящими из императорской резиденции. Случалось иногда, что местные сеньоры начинали подкупать государевых посланцев, с тем чтобы те закрывали глаза на нарушения ими королевских указов. Чтобы избежать этого, Карл вскоре вводит ротацию «номенклатурных кадров» — регулярно меняет территорию, куда он их направляет.

Как только Карлу начинает казаться, что у его посланца появляются в подведомственной ему территории слишком близкие «друзья» и собственные интересы, он направляет его в другое место. Более того, учитывая многонациональный характер своей империи, Карл никогда не назначает знатного человека посланцем на его родину. Ломбардец отправляется в земли франков, франк — в Баварию, баварец — в Аквитанию... Как все похоже на наше недавнее партийное прошлое, когда секретари обкомов тасовались по указу сверху.

Шарлемань ставит под свой контроль и священнослужителей. Подобно Константину Великому, он пытается влиять на принятие церковных догм. В этот момент христианская церковь — на грани очередного раскола. В Византии бушуют страсти между иконоборцами и иконопочитателями. Первые, под влиянием распространенного на Востоке ислама и иудаизма, запрещающих изображать Господа и святых, стремятся запретить иконы. Вторые, напротив, утверждают, что созерцание икон есть акт приближения к Богу.

Рим занимает в этом споре позицию наблюдателя. Христианская церковь хотя пока и едина, но уже очень сильны расхождения в обрядах. Латинская церковь, в отличие от византийской, не знает столь трепетного культа икон, но почитает изображения святых. Карл лично, опираясь на советников, пишет папе «рекомендации» по этому вопросу, чем ставит папу в тупик. Конечно, Карл — всемогущий император, но в вопросах богословия он дилетант.

Но надо отдать должное великому императору: он все-таки признает за церковью право последнего слова в вопросах христианского учения. Более того. Он вводит правило десятины, по которому церковь получает десятую часть доходов. Тем самым Карл стремится сделать церковь независимой от благородного сословия, обеспечить ей свободу суждений и действий, сделать духовной, неподкупной силой общества. Одновременно Карл по сути дела перепоручает церкви выполнение образовательных и социальных функций государства. Именно церковь, имеющая в своем распоряжении независимые финансовые ресурсы, отныне будет учить детей, заботиться о сиротах, лечить больных, давать приют убогим и престарелым.

Карл Великий был не только великим полководцем, но и великим дипломатом. После 800 года он практически не ведет завоевательных войн, те походы, которые по-прежнему совершаются, имеют в основе своей задачу поддержания порядка на границах империи, с тем чтобы никто не покушался на них. Карл стремится жить в мире с другими государями. А их, равных Карлу, только два. Император Византии и калиф Багдада. Втроем же они владеют тем, что было когда-то великим Римом.

С Византией Карлу удастся сохранять хрупкое равновесие. В момент, когда на голову Шарлеманя возлагается императорская корона, на троне Константинополя сидит императрица Ирина, коварно убившая своего сына и захватившая престол. Нравы сей дамы не смущают Шарлеманя, в тот момент пятидесятивосьмилетнего вдовца, и он вынашивает замысел брака с Ириной, чтобы объединить две империи, восстановить наследство Цезарей. Но этот замысел неисполним — Ирина в свою очередь свергнута с престола, который переходит к Никифору. Шарлеманю удастся, хотя и не без труда, установить с ним достаточно спокойные отношения.

Четыре века спустя один из прямых потомков Шарлеманя, правда, по женской линии, овладеет тем, что ускользнуло от его легендарного предка — императорским тронном Константинополя. Когда в 1204 году в одном из крестовых походов освободители Гроба Господня «завернут» по дороге в Константинополь, они разграбят его и создадут свою «Латинскую империю». Ее главой и станет граф Бодуэн Фландрский, потомок Шарлеманя. Империя эта, однако, просуществует еще меньше, чем творение самого Шарлеманя. Но все это в будущем, вернемся пока в начало IX века, к нашему герою.

С другим владыкой мира, багдадским калифом — а им в тот момент является не кто иной, как Гарун-аль-Рашид из «Тысячи и одной ночи» — Карлу удастся не только заключить союз, но и установить дружеские отношения. Два владыки обмениваются посольствами,

щедрыми подарками. В Аахене появляется присланный Гарун-аль-Рашидом слон! Европейцы не видели слонов более тысячи лет, со времен походов Ганнибала. Это производит столь неизгладимое впечатление, что в летописях можно встретить указания, что то или иное событие произошло на следующий год после прибытия слона. Гарун-аль-Рашид присылает и другие бесценные восточные дары: ковры, тончайшие шелка, украшения. И Карл, и Гарун-аль-Рашид искренне стремятся к дружбе.

Казалось бы, парадокс: Карл отправляется, как мы помним, в поход в Испанию для того, чтобы освободить ее от неверных, а спустя несколько лет вступает в союз с верховным главой неверных. Но именно испанская эпопея Шарлеманя содействовала его сближению с Багдадом. Халифат Кордовы, располагавшийся почти на всей территории Испании, — осколок Оттоманской империи, отделившийся от Багдада и провозгласивший свою самостоятельность. Поход против него в глазах Гарун-аль-Рашида — лучшая рекомендация.

Что касается Карла, он прежде всего политик, а затем уже верующий. Помощь Гарун-аль-Рашида — козырная карта в поддержании баланса с Византией, более того, дружеские отношения с багдадским владыкой позволяют Карлу решить давно стоящую проблему паломничества в Святые места. Христианские общины в Иерусалиме давно приходят в упадок, путь туда опасен. Карл получает от Гаруна гарантии свободного доступа верующих в Святые места. Отныне они под покровительством короля франков, который лишней раз свидетельствует, что он — самая надежная опора христианского мира.

Умелая дипломатия позволяет Карлу в конечном счете добиться заветной цели — он признан императором Византии равным. В 812 году в Аахене подписывается дружественный договор между двумя императорами-«братьями». Христианский мир отныне «устроен»: его составляют две империи с равным статусом.

Но империи Шарлеманя присущ неискоренимый порок — она не является государством, она личное творение и полная собственность одного человека, Карла, и он готов поделить ее поровну между своими наследниками.

В 806 году Шарлемань собирает в Аахене ассамблею франков и объявляет о необходимости заранее поделить наследство между сыновьями, чтобы избежать войн между ними. Он обнаруживает свое завещание, которое по сути дела закрепляет уже сложившееся положение вещей. Ведь следуя традиции франков, Карл уже дал каждому из сыновей «удельное королевство». Он теперь окончательно закрепляет за ними эти территории. Людовик получает Аквитанию, Гас-

конь, приграничные территории с Испанией, весь юг современной Франции. Пипин — Италию, Баварию. Карл-младший — все остальное.

Главный смысл политического завещания Карла — его наследники не должны воевать друг с другом, не должны стремиться захватить принадлежащее брату. Напротив, они должны оказывать друг другу постоянную поддержку, сообща бороться с внешними врагами. Более того, Карл обязывает братьев разрешать своим подданным браки с подданными соседних государств, а также владеть имуществом в «ближнем зарубежье». Иными словами, не имея возможности сохранить империю, Карл старается сохранить хотя бы некоторое общее пространство.

Но в завещании Карла нет ни слова о том, кому достанется императорская корона. Возможно, он надеется в будущем передать ее старшему сыну и поставить других в зависимость от него. Но это столь необычный для франков шаг, что даже великий Карл боится предпринять его. Но случайность продляет существование империи — Шарлемань переживает всех своих сыновей, кроме одного. Увы, это — наименее одаренный из всех, Людовик Аквитанский.

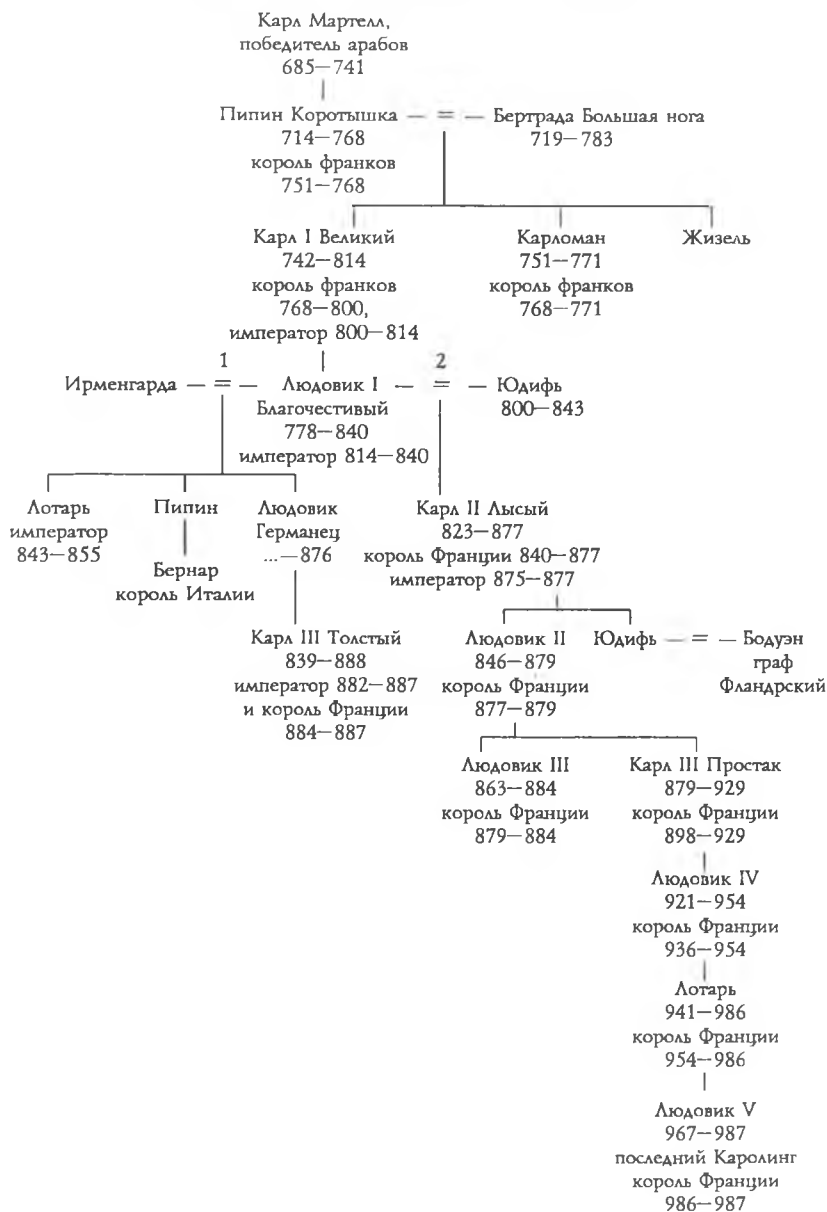
Наречен он Людовиком, кстати, в честь знакомого нам Хлодвига из династии Меровингов, который в свое время крестил франков. Людовик — это и есть искаженное Хлодвиг. Наверное, подспудно Шарлемань чувствует необходимость провозгласить, что его род, узурпировавший у наследников Хлодвига власть, тем не менее продолжает традиции великого короля франков. Так имя Людовик — по-французски Луи — становится излюбленным наследственным именем королей Франции.

Увы, Людовик I не выделяется никакими особыми достоинствами. В то время как его братья вели успешные военные кампании, умело управляют своими территориями, Людовик не проявляет ни талантов военачальника, ни государственного мужа. Но после смерти других сыновей выбора у Карла нет. И в сентябре 813 года он собирает в Аахене ассамблею франков и торжественно провозглашает сына императором. Он сам возлагает на чело Людовика императорскую корону. На церемонии присутствует представитель папы римского, но он лишь свидетельствует, а не коронует.

И когда 28 января 814 года Карл умирает от последствий подхваченной на охоте простуды, ему наследует один преемник, Людовик. Но ему не удастся сохранить единство империи...

Империя Шарлеманя была хрупкой, потому что она зависела от гения одной личности, его самого. Пока ею правил способный, удачливый, решительный человек, она существовала как итог его *личных* усилий. Когда же его сменил слабый, безвольный правитель,

ВЗЛЕТ И ЗАКАТ ДИНАСТИИ КАРОЛИНГОВ

императорская власть стала приходить в упадок. Время же империи не как личного, а *государственного* устройства прошло безвозвратно. В Европе, где уже стали нарождаться нации, восстановить эпоху римлян было невозможно.

Именно Шарлеманя, а не Цезаря можно считать первым европейцем. Не случайно его именем называется сегодня здание в центре Брюсселя, где заседает Совет ЕС, по сути дела прообраз правительства объединяющейся Европы. Действительно, многое из того, о чем мечтал Шарлемань, подхвачено ЕС. Шарлемань проводил валютную реформу и вводил в обращение деньги, которые должны были приниматься на всей территории его империи. ЕС, как мы знаем, стремится к единой валюте.

Есть уже и реализованные мечты. Шарлемань, великий воин, был и великим строителем. Мы уже знаем об Аахене. Но был замысел еще более грандиозный — соединить каналом Рейн с Дунаем, две основные водные и транспортные артерии империи. Были прорыты и первые километры. Замысел был реализован одиннадцать веков спустя, в 1992 году, в самый разгар войны в бывшей Югославии, когда Дунай стал объектом экономической блокады. Как странно выглядят европейские мечты, когда они сбываются!

...Аахен и сегодня — город Шарлеманя, хранящий его следы, его трон. Но подлинной могилы Шарлеманя больше нет. В 881 году Аахен был оккупирован викингами, язычниками, зло и беспощадно крушившими реликвии ненавистного им христианства. В храме, построенном Шарлеманем, была устроена конюшня, а воздвигнутый над могилой императора мраморный памятник уничтожен. Сколько мы еще встретим в европейской истории поруганных храмов и могил, фанатизма и нетерпимости!

В 1000 году германский император прикажет вскрыть гроб императора и перезахоронить его с присущими почестями. Извлеченный при этом из могилы Шарлеманя талисман императора, содержащий, по преданию, волосы девы Марии, много веков спустя станет подарком другого европейского императора, Наполеона, его императрице. В правление еще одного императора, Фридриха Барбароссы, по его непосредственному приказу Шарлемань был канонизирован, но ирония судьбы заключается в том, что он был провозглашен святым в период смуты в католической церкви, и провозглашен антипапой. Позднее официальная католическая церковь никогда не подтверждала, но и не отменяла этого решения. Так и не ясно, был ли Шарлемань святым или человеком. Ясно одно — он был действительно первым европейцем.

ЮДИФЬ:
Разрушительница очага

Красивая и опасная Ева, она погубила своего мужа.

*Мишле,
французский историк XIX века*

4. ЮДИФЬ: РАЗРУШИТЕЛЬНИЦА ОЧАГА

Роль Юдифи, второй жены сына Карла Великого, Людовика, унаследовавшего, как уже мы уже знаем, всю отцовскую империю, в истории весьма незавидна. Все современники, как один, называют ее своенравной, эгоистичной, неверной супругой, интриганкой, восстановившей против себя весь двор, колдуньей и кровосмесительницей. В конечном счете сделавшей все, чтобы разрушить творение Шарлеманя — единую Европу. В этом, безусловно, есть доля истины. Может быть, не будь Юдифи, империя Шарлеманя просуществовала бы дольше — но ненамного. Империя Карла Великого, надо вновь повторить, была создана его собственным гением, и с его смертью была обречена. Юдифь только выполнила волю истории.

Конечно, велик соблазн изобразить деяния Юдифи как один из первых «жидо-масонских» заговоров в истории человечества, цель которого — развал единой Европы. Как же может быть иначе? Юдифь — следовательно, еврейка, вместо головы Олоферна — обезглавленная Европа. Куда уж проще? Но в жизни все было проще, хотя и сказочнее.

Юдифь действительно принадлежала к расе, самой ненавистной для франков, но то была отнюдь не еврейская раса. Юдифь по матери саксонка, то есть она происходила из того непокорного племени, которое Карл Великий огнем и мечом обращал в христианство. Наполовину же она была баваркой и, как утверждали современники, даже дочь баварского военачальника Вельфа, что в глазах франков было лишь ненамного лучше саксонской крови, учитывая, сколько проблем доставило Карлу Великому подчинение Баварии.

Итак, овдовевший Людовик, сын Шарлеманя, в своем «преклонном» возрасте (ему не было тогда и сорока) решает взять новую жену и собирает в Аахенском дворце первых красавиц империи. Среди них — и семнадцатилетняя Юдифь, которая, несмотря на свое нефранкское, а следовательно, неблагородное происхождение, пленяет Людовика, причем настолько, что он сразу делает ее не просто наложницей, как поступал в последние годы жизни его отец, а законной женой.

Но для Луи была милее всех она,
Решил Луи, что женится на ней.

В отличие от героя популярной песни наш Луи-Людовик живет в эпоху, когда еще «все могут короли», в том числе и жениться по любви. Словом, юная дева с библейским именем всего-навсего побеждает на одном из первых в истории «конкурсов красоты», и в итоге становится женой императора.

...Тысячу лет спустя еще одна юная баварка пленит своей красотой другого императора, который, так же неожиданно для всех, сделает ее предпоследней императрицей того, что останется от наследства Шарлеманя. Но рассказ о ней нас ждет еще впереди...

История, к сожалению, не сохранила для нас портрета Юдифи. Но современники в один голос воспевали ее неземную красоту. Мы не знаем, была ли она блондинкой или брюнеткой, кареглазой или голубоглазой, но, бесспорно, она обладала какой-то магией, под очарование которой пылкий и темпераментный, как все Каролинги, попадает Людовик.

Но Юдифь не просто красива. Для своего времени она на редкость образованная девушка. Бавария, как уже говорилось, в те времена была одним из самых процветающих районов империи, где плоды «ренессанса Шарлеманя» упали на благодатную почву. Здесь меньше невежества, чем где бы то ни было еще. Юдифь прекрасная арфистка — не своими ли музыкальными талантами она увлекает Людовика? Она искусная вышивальщица. Наконец, она даже знает античную литературу, историю, интересуется науками и искусствами. Во времена, когда жены императоров выполняют функции министра финансов, распорядителя казны, управляют всеми хозяйственными делами государства, это тоже, бесспорно, был немаловажный критерий при выборе супруги. Но Юдифь не стала довольствоваться этими и без того существенными функциями, которые до нее выполняли жены и наложницы Шарлеманя. Она начинает определять судьбы империи.

К тому времени, когда Людовик берет Юдифь в жены, у него три взрослых сына от предыдущего брака, и он уже успевает даже разделить между ними наследство. Причем разделить по-новому, не так, как велели древние обычаи, иными словами, «не поровну, а по-братски». Акт 817 года «Об устройстве империи», продиктованный Людовику его советниками, — проявление глубочайшей политической мудрости и гражданского мужества. Если бы позднее сам Людовик не нарушил его, он вошел бы в историю Европы как отец ее единства.

«Ни нам, ни нашим советникам, — говорит в нем Людовик, — не представляется возможным из любви к нашим детям разрушить единство империи, которое Бог сохраняет нам во благо. Мы не хотели бы также нанести ущерб святой Церкви и подорвать ее могущество, на котором покоятся права всех королевств в целом».

Христианская вера едина, должен быть один и христианский мир. На такую высоту духа не поднимался сам Шарлемань!

Лотарю, своему старшему сыну, Людовик передает титул императора и практически всю империю. Его младших братьев, Пипина и Людовика-младшего, делает зависимыми от него, даруя им в управление, с королевским титулом, соответственно Аквитанию и Баварию. Они не могут вступать в брак, объявлять войну или заключать мир без согласия старшего брата. В случае неповиновения он может даже лишить их королевства. По сути дела Людовик делает из империи феодальное, но единое государство, в котором император — всемогущ, а короли, несмотря на свои титулы, — всего-навсего его вассалы, мало чем отличающиеся в своих правах от других удельных правителей. Аквитания и Бавария становятся, следовательно, не самостоятельными королевствами, а как бы «особыми субъектами» в рамках целостной империи. Естественно, энтузиазма у «обиженных» сыновей это не вызывает, но император еще силен, с ним пока не поспоришь.

В своем стремлении обеспечить единство империи Людовик идет даже на преступление. Он закрывает глаза на то, что в Италии уже есть король, его собственный племянник Бернар, который унаследовал Италию после преждевременной смерти своего отца, сына Шарлеманя. Сам Карл Великий в 811 году признал внука королем Италии. Принимая решение о дележе империи, Людовик как бы «забывает» об Италии. Она нигде отдельно не упоминается, из чего следует, что достанется будущему императору, Лотарю.

Без сомнения, игнорируя права племянника, Людовик нарушает все законы и традиции франков, но во имя высшей цели — единства творения Шарлеманя. Такой поворот событий, естественно, не устраивает ни Бернара, ни итальянскую знать, которые восстают против императора. Мятеж быстро подавлен, и ассамблея франков в Аахене приговаривает Бернара к смертной казни, но Людовик «милостиво» заменяет ее другим наказанием — выжиганием глаз. От этой мучительной кары Бернар умирает. Итальянский вопрос закрыт.

Варварская расправа с законным наследником Шарлеманя не приносит императору лавров. Но еще больше вреда его престижу

доставляет попытка искупить содеянное. Глубоко верующий император, терзаемый угрызениями совести, принимает решение публично, всенародно покаяться. Церемония покаяния наглядно показывает, что Людовик, в отличие от своего великого отца, человек весьма слабovolный, нерешительный, подверженный колебаниям. Карл, конечно, тоже не был ангелом — вспомним пять тысяч обезглавленных саксов-заложников, но он никогда публично не признавался в грехах, не показывал, что может совершать ошибки. Людовик же демонстрирует подданным, которые должны считать его непогрешимым — ведь на этом держится власть императора! — что он человек, как и все другие, что он может быть слабым, непоследовательным, грешным.

Вообще Людовик, которого одновременно именуют Благочестивым и Благодушным, — колеблющаяся, нерешительная натура, и в то же время он подвержен благим реформаторским порывам. В этом, как мы увидим позже, он очень схож с другим плохо кончившим Людовиком — Шестнадцатым. Правда, наружность Людовика создает обманчивое впечатление силы: он высок, широкоплеч, с ясными глазами и громким голосом. Он, как и отец, страстный охотник и ловкий стрелок. Но под его твердой внешностью скрывается мягкая и слабая душа, неспособная к решительным действиям.

Искренне набожный Людовик благоговеет перед церковью — до чрезмерности. Уже получив из рук отца императорскую корону, он сам выражает желание получить ее от папы римского и настаивает на вторичной коронации, которая происходит в 816 году в Реймсе. Тем самым он нарушает волю Шарлеманя, который, как мы знаем, не хотел, чтобы император получал власть от римского понтифика. Да и в целом Людовик начинает сплошь и рядом отходить от принципов, заложенных отцом.

Начает свою деятельность Людовик с «морального очищения». Своих сестер, которым Карл запрещал выходить замуж, но позволял иметь любовников, новый император ссылает в монастыри. Многочисленных девиц легкого поведения, обосновавшихся при дворе Шарлеманя и услаждавших самого императора и его приближенных, он изгоняет из Аахена под страхом наказания. Своих сводных братьев, прижитых Шарлеманем от различных наложниц, он отправляет в монастыри. Самому себе, как видим, он также не позволяет «легкомысленного» поведения. У него нет наложниц — только законные супруги. Но если бы благие намерения Людовика ограничились только духовной жизнью, трагедии для Европы не произошло бы.

Но, получив от отца империю, Людовик затевает в ней «перестройку», нацеленную, естественно, на «демократизацию» и на предоставление больших прав регионам. Саксы, считавшиеся людьми низшего сорта в силу их пока неискоренимой приверженности язычеству, хотят получить право наследования? Пожалуйста! Христиане, преследуемые маврами и потому покинувшие Испанию, не находят поддержки у местных властей на окраинах империи? Людовик издает специальный эдикт, утверждающий их в особых правах. Он даже уважает права церкви, постоянно цинично попираемые его великим отцом, и позволяет ей самостоятельно, без принуждения, избрать двух подряд пап. Людовик, наконец, восстанавливает традиции франков и начинает регулярно собирать народные ассамблеи, и реально, не для проформы, советоваться с ними.

Естественно, в условиях империи, без сомнения, представлявшей высшую форму тоталитарного государства, подобный «либерализм» добром кончиться не мог. Он и приводит сначала к пленению Людовика, его отстранению от власти, правда, временно, а затем и к распаду империи, стовору трех братьев, на долгие века втянувших Европу в кровопролитные конфликты. Но здесь именно Юдифи, как мы увидим, принадлежит далеко не последняя роль.

Итак, в феврале 819 года Юдифь становится женой Людовика, поэты превозносят ее непревзойденную красоту. В июне 823 года во Франкфурте у Юдифи рождается сын, которого в честь великого деда называют Карлом. Он войдет в историю под малолестным титулом Карла Лысого. Юдифь настолько боготворит этого ребенка, единственного у нее, что злые на язык современники утверждают, что сын — не от старого по тем временам мужа, а от юного возлюбленного, графа Бернара Септиманийского, правящего юго-западной частью современной Франции. Этому Бернару, который согласно одной из версий был крестником Людовика, — отсюда и обвинения Юдифи в кровосмешении — в истории также предстоит сыграть немаловажную роль.

Рождение Карла нарушает всю стройную политическую конструкцию, созданную Людовиком. Нужно подумать и о доле, причитающейся новорожденному. При этом Юдифь не может смириться с тем, что ее ребенок, так же как и два младших сына от первого брака, получит всего-навсего какое-нибудь окраинное королевство, а Лотарю достанется вся империя и власть над младшими братьями. Прекрасно образованная Юдифь черпает свои замыс-

лы из истории древнего Рима. Разве могущественные и бесстыдные римские императрицы не возводили на престол своих родных сыновей, убирая с пути законных наследников? Христианка Юдифь, конечно, считает себе выше язычницы Мессалины, накормившей отравленными грибами неудобного претендента на трон, но почему бы не прийти к этой же цели более «гуманным» способом? В своем споре за наследство сына Юдифь может опираться на старые обычаи франков, не делавших различий между сыновьями, а также на естественное, до поры до времени скрываемое, недовольство Пипина и Людовика-младшего.

Но мало того. Юдифь действительно была уникальной интриганкой или блестящим дипломатом, что, впрочем, наверное, одно и то же. Ей удастся привлечь на свою сторону и Лотаря. Когда Людовик предлагает выкроить для малыша владения из территорий, уже предназначенных двум младшим братьям, чтобы не нарушать целостности империи, Юдифь, хотя это далеко не отвечает ее амбициям, для начала соглашается. И, предполагая бурную реакцию и без того ущемленных Пипина и Людовика-младшего, просит будущего императора, Лотаря, стать крестным отцом малыша. В те времена это влечет за собой достаточно серьезные обязательства. Не понимая, что смуга, вносимая Юдифью в лагерь трех братьев, на руку только ей одной, Лотарь соглашается.

Вскоре, однако, как говорят, Лотарь узнает о якобы незаконном происхождении Карла, и решает, что это освобождает его от обязанностей крестного. При дворе формируется партия, возглавляемая всеми тремя братьями и направленная против Юдифи и Людовика. Императрица, естественно, создает свою партию, во главе которой становится ... Бернар, подозреваемый отец Карла.

Бернар к этому времени заправляет всем при дворе Людовика, без его совета слабеющий император не принимает ни одного решения. Возвышение Бернара не дает покоя старым приближенным императора. Конечно, именно ему удалось защитить Каталонию от очередного натиска арабов и покрыть себя военной славой под Барселоной. Но только ли этому обязан молодой, красивый граф своей карьерой при дворе? И тесная «дружба» Бернара с императрицей по-прежнему дает повод злым языкам.

Конечно, Бернар намного ближе Юдифи, чем ее набожный супруг. Выходец из Аквитании, Бернар, так же как и Юдифь, хорошо образован, знаком с античной литературой и культурой. Именно он прививает Юдифи вкус к оккультным наукам, магии, астрологии, вводит во дворец колдунов и предсказателей. Советники импера-

тора с ужасом наблюдают, как императрица предается теперь не только распутству, но и ереси.

Но Людовик не слышит сплетен. Он по-прежнему околдован Юдифью и ради ее благосклонного взора готов удовлетворить любую ее прихоть, тем более что он также боготворит своего младшего сына. Юдифь внушает супругу, что тот навлечет на себя гнев Божий, если нарушит традиции франков и обделит младшего сына. Ведь даже Шарлемань хотел разделить свое творение поровну между сыновьями, если бы не вмешался рок. Как может Людовик поступаться принципами, которые исповедовал его великий отец? Увещевания Юдифи возымели действие. Из сторонника единства империи Людовик становится его противником. Он начинает обдумывать новое завещание, которое было бы «справедливо» по отношению ко всем сыновьям. Это Лотарь теперь требует от отца соблюдения акта 817 года, по которому он наследует императорскую корону и власть над братьями.

Сначала победа не на стороне Людовика. В 833 году Лотарь, уже мнящий себя императором, собирает войско, прежде всего в Италии, и поднимает его против отца. При этом ему удается заручиться поддержкой братьев и даже папы римского. Его единокровным братьям важно сначала устранить отца и Юдифь, а уже потом придет время выяснять отношения между собой. Лотарь говорит, что это Людовик ради причуд Юдифи хочет нарушить единство империи и выделить удел своему младшему сыну. Папа во имя единства христианского мира принимает сторону Лотаря.

Именно Лотарь первым делает папу римского арбитром в политическом споре. Раньше, как мы знаем, это папа шел на поклон к императору и просил рассудить его с врагами, теперь же новоявленный император, не задумываясь о том, что он тем самым унижает престиж императорской власти, просит папу произнести свой вердикт. Императорам будущих времен придется дорого платить за недалекость их предшественника, своими руками укрепившего престиж духовной власти Рима.

Увидев, что и папа римский отворачивается от старого императора, многие приближенные Людовика покидают его лагерь, переходят на сторону сыновей. Некоторые делают это из-за корыстных соображений, стремясь вовремя встать на сторону сильнейшего. Но есть и такие, кто искренне верит в необходимость сохранения единства Европы и отрекаются от Людовика, предавшего эту идею, по «идеологическим» соображениям. Многие интеллектуалы

IX века разочаровываются в Людовике и начинают поддерживать его соперника, Лотаря.

На поле битвы удача улыбается Лотарю, Людовик пленен, и над ним устраивается показательный процесс с целью добиться от него «покаяния в содеянном». В октябре 833 года в Компьене публичные обвинители упрекают императора в том, что он «унизил наследие великого Карла; его империю, некогда столь обширную, мирную и единую, сделал предметом печали для ее друзей и посмеяния для ее врагов». Иными словами, Людовик обвиняется в страданиях, на которые он обрек народы разделом империи — в то время как он всеми средствами, напротив, долгое время пытался сохранить видимость единства, в разрушении государства, которое он, император, был призван охранять, в убийстве Бернара, хотя именно его сыновья подзуживали отца нарушить права племянника, а теперь, его руками убрав конкурента, обвиняют в этом отца, и так далее, далее, далее.

Людовик не оспаривает этих во многом абсурдных обвинений — униженный, он подписывает все, что от него требуется. Несчастливого императора перевозят в Суассон, где в кафедральном соборе, простершись ниц перед алтарем, Людовик принимает из рук епископов список своих преступлений. Он сам снимает свой меч, раздевается и облачается в одежды кающегося грешника. Передав старшему сыну знаки императорского достоинства, он просит о снисхождении и прощении. Из Суассона, где проходит этот позорный спектакль, Людовик возвращается «под домашний арест» в Аахен, где столько лет назад отец возложил на его голову корону. Юдифь отправляют в заточение в монастырь в Италии, а юного Карла — в Прюнский монастырь под Триром.

Но ни знать, ни армия, ни церковь не готовы еще признать старшинства Лотаря. Людовик, при всех не нравящихся им чертах, все-таки законный император. Смириться с тем, что коронованного папой владыку христианского мира можно так просто устранить от власти, — значит создать опасный прецедент, ослабить влияние самой церкви. Монахи, призванные охранять пленного, вынашивают, напротив, замыслы восстановить его на престоле.

Лишившись Людовика, народы империи вдруг осознают, что он был отнюдь не самым большим злом. Действительно, нерешительный, ненадежный во взглядах, полностью под пятой своенравной супруги, дорвавшейся до императорского трона, Людовик все-таки пытался улучшить жизнь народов империи, не разрушая ее целост-

ности. И франки вспоминают, что Людовик — хранитель традиций Шарлеманя, его единственный сын, а покоренные народы начинают осознать, что Людовик был по отношению к ним более милостив, чем его отец, и еще неизвестно, в кого пошел Лотарь — в либерального отца или жесткого деда. На ассамблеях франков раздаются призывы восстановить Людовика на престоле, спасти его из пленения.

Лотарь и его братья, как видим, не находят поддержки. Эту битву они проигрывают. Год спустя император освобожден, он объявляется церковью неповинным в преступлениях и вновь возводится на трон. Теперь уже он решает судьбы взбунтовавшихся против него сыновей. И проявляет обычную для него нерешительность, прощая предательство. Он мог бы беспрепятственно лишить непокорных сыновей не только права наследовать, но и жизни. Он не делает этого. Он воссоединен с любимой Юдифью и младшим сыном, для счастья ему более ничего не надо.

Момент, когда Людовик мог бы сохранить единство империи, передав ее, например, в целостности сыну Юдифи, безвозвратно упущен. Почему же безмолвствует Юдифь, почему она не требует сделать своего ребенка единственным наследником? Но не она ли совсем недавно настаивала на соблюдении традиций франков? Да и вообще принцип единонаследия еще настолько революционен для IX века, что даже эта умудренная интриганка не смеет отстаивать его. Она знает, чем кончилась попытка нарушить традиции франков для другой королевы-иностранки, Брунгильды. И Юдифь требует всего лишь «справедливого раздела». И ей уже кажется, что будущее ее сына обеспечено, он получит тот огромный и жизне-радостный край, который вскоре назовут Францией.

Но война еще не кончена. Противостояние императора и сыновей продолжается. Продолжаются и военные схватки. И в них удача окончательно отворачивается от Людовика. В 840 году уже безвластный император умирает, начинается настоящая война за наследство. Юдифь плетет новые сети. Ей удается добиться заключения союза между Людовиком, которого к тому времени уже именуют Германцем, и Карлом против Лотаря. Пипина к тому времени уже нет в живых. Братьев осталось только трое.

25 июня 841 года происходит одна из самых братоубийственных битв в истории Европы. На одной стороне — Карл и Людовик, на другой — Лотарь. Впервые в истории новой Европы между собой сражаются люди, которые хорошо знакомы друг с другом, сражаются родные и близкие. Как бы возрождаются худшие времена

античности, над полем битвы мелькает тень гражданских войн древнего Рима.

Лотарь-император бежит с поля битвы. Бог указал, на чьей стороне правда? Но сами «победители» в шоке от того, что совершили. Не зная, как замолить этот грех, они обращаются за советом к церкви. Епископы успокаивают: битва велась за святое дело, но чтобы искупить грех, нужно объявить трехдневный пост.

Но сражения не кончены. Лотарь вновь атакует Карла, и тот просит помощи у Людовика. Клятва, данная друг другу Людовиком и Карлом, входит в анналы истории не только как трактат, юридически провозгласивший начало борьбы за раздел Европы, но и как первый документ, одновременно совершенный на двух разных языках, образовавшихся на базе ранее единого языка франков — на романском, предтече французского, и германском, предтече немецкого. Произносится она в Страсбурге.

В те времена Страсбург — небольшое укрепленное поселение, излюбленное охотниками. Город на пересечении дорог империи. Страсбург так и переводится — город дорог. Не желанием ли искупить невольную вину Страсбурга перед объединенной Европой продиктовано стремление нынешней столицы Эльзаса остаться местом расположения Европейского парламента?

Клятва произносится 14 февраля 842 года в присутствии армий двух братьев, дающих обет верности в борьбе против Лотаря.

«Во имя любви к Богу, ради спасения христианского народа и ради нашего общего спасения, начиная дня с сегодняшнего и до того момента, пока Господь даст мне силы, я буду защищать своего брата Карла и во всех обстоятельствах ему помогать, как должно защищать брата своего на основе равенства, при условии, что он будет вести себя в отношении меня таким же образом, и никогда я не заключу с Лотарем никакого соглашения, которое может нанести ущерб моему брату Карлу».

Людовик Германец произносит обет на романском языке, чтобы его поняли солдаты вновь обретенного союзника. В свою очередь Карл произносит клятву на германском наречии. Ни тот, ни другой не понимают, что по сути дела две нарождающиеся нации, Франция и Германия, дают обет бороться с империализмом!

После братьев приходит черед двух армий. Солдаты, каждый на своем языке, дают обет быть союзниками. Из Страсбурга два короля отправляются в погоню за Лотарем, который, как они знают, попытался было укрепиться в Аахене, а затем перебрался в Кобленц.

... Кобленц сегодня — одно из наиболее символических мест Германии. Здесь «Немецкий угол», место, где Рейн сливается с Мозелем, место, где немецкий народ поставил гигантский памятник Вильгельму I, объединившему Германию. Памятник, от которого остался только неимоверных размеров постамент. Статуя же была разрушена союзниками в 1945 году за ее «слишком немецкий дух». Но уже в 1950 году немецкий народ установил у подножья плиту, где дал обет воссоединиться. В отличие от Страсбургской клятвы не обращать оружия против брата этот обет был выполнен...

Но пока в Кобленце эфемерный император ждет решения своей судьбы. Современник напишет о войне трех братьев: «Воюющие не различались ни оружием, ни народностью, ни нравами; они были только во враждебных лагерях». В этой совершенно беспринципной борьбе, продиктованной личным честолюбием рвущихся к высшей власти братьев, окончательно гибнет идея европейского единства.

Лотарю не удастся отстоять выход на Мозель, и он вновь бежит, обратно в Аахен, а оттуда, прихватив сокровищницу, начинает двигаться в сторону Италии. Людовик и Карл триумфально входят в Аахен. Итак, Лотарь в свою очередь низложен. Он уже более не единственный наследник империи. Но с его военной силой приходится считаться, и младшие братья соглашаются на «справедливый раздел». Сто двадцать экспертов — по сорок с каждой стороны — в течение нескольких месяцев изучают карты империи, пытаясь поровну поделить ее на три части.

В 843 году в лесах Вердена, на берегах Мааса, братья подписывают договор о разделе наследства Шарлеманя. Правда, современникам и в голову не приходит, что на их глазах свершается история. Происходит дележ наследства? Да. Государства? Нет. Для наследников Карла Великого Европа — это просто недвижимое имущество, которое всего лишь надо поделить *поровну*, особо не вдумываясь — по какому принципу. Существовавшие ранее внутренние административные границы были весьма условными, и империю, несмотря на усилия экспертов, в итоге поделили крайне неумело, абсолютно не учитывая, что на нашем континенте уже складывались нации и народности.

Карл Лысый получает «Западную Францию», то есть все территории к западу от Эско, Мааса, Роны, Соны. Людовик Германец — «Восточную Францию», территории между Рейном и Эльбой, которые скоро начнут именоваться Германией.

Лотарю достается «серединная часть», от Северного моря до Рима, и титул императора. Формально он остается старшим, но его верховенство над братьями, торжественно провозглашенное, весьма сомнительно. Он уже не может, как хотел того его отец, иметь решающее слово в вопросах войны и мира, а также брачных, то есть территориальных, союзов. Каждое королевство отныне независимо. Братья дают клятву о нерушимости границ и направляют текст договора папе римскому.

В разделе по вертикали была, конечно, логика, причем экономическая. Учитывая, что в те времена основой процветания государства было сельское хозяйство, империя была поделена на части с севера на юг, с тем чтобы братья были в равных климатических условиях, имели, вернее, их полный набор, что позволяло самим себя обеспечивать как северными, так и южными продуктами питания. Но в логике натурального сельского хозяйства не было логики политической и национальной.

Возникает серединная, «ничейная» полоса, Большая Лотарингия. Даже имя свое эта территория получает по имени короля — единственный случай на старом континенте — поскольку нельзя было найти какого-то основного населяющего ее народа. Образуется искусственный конгломерат не имеющих ничего общего между собой наций и народностей, спорная территория между Францией и Германией, которая на протяжении более чем тысячелетия будет источником войн между двумя великими державами, войн, в которые окажется втянут весь наш континент. И Верден, кстати, станет одним из самых кровопролитных полей будущих битв.

... Сегодняшний Верден, тихий городок в излучине Мааса, прежде всего напоминает о войне 1914–1918 годов. Именно под Верденом покрыл себя славой генерал Петен, тот самый Петен, который во время войны следующей опозорит себя коллаборационизмом с нацистами. Но его заслуги перед нацией в Первую мировую были столь велики, что президент Миттеран до самого последнего времени возлагал на его могилу венки. И Первая, и Вторая мировая война, и франко-прусская война 1871 года, тоже прошедшая по Вердену, в конечном счете во многом были и порождены подписанным в Вердене трактатом.

В Первую мировую войну был сильно поврежден старинный архиепископский дворец. Когда я была в Вердене в 1992 году, в этом дворце создавался специальный Центр мира, с тем чтобы более никогда на землях Европы не повторились кровопролития прошлого. Но в это время в Хорватии, в Боснии уже лилась новая кровь, кровь, порожденная распадом очередной империи...

Верденский трактат формирует «вертикальную Европу», которая просуществует вплоть до конца средних веков. У нее несколько словно бы нарезанных землемером полос: Англия, Аквитания и Испания; Франция; Лотарингия; германская империя; Польша, Литва, дунайские государства; и наконец, Византия и славянские государства. Всеми своими «полосами» эта Европа стремится к Средиземному морю, по которому давно уже опасно плавать, но которое остается в памяти европейцев «нашим морем» римлян, колыбелью цивилизации.

В этой Европе существуют преимущественно связи между Югом и Севером, между Востоком же и Западом контактов, да и просто дорог, практически нет, они восстанавливаются лишь два с половиной столетия спустя с началом крестовых походов. Даже современная Европа по-прежнему пожинает плоды вертикального раздела: ее Восток и Запад никак не могут слиться воедино...

Большая Лотарингия, в отличие от Германии и Франции, просуществует недолго. Тремя наследниками Лотаря она будет поделена вновь — на северную часть до Соны, которая и станет именоваться непосредственно Лотарингией, на среднюю, включающую Рону и Прованс, будущее герцогство Бургундское, и Италию. На обломках империи Шарлеманя образуется уже, следовательно, пять независимых королевств. Но если при Лотаре I Большая Лотарингия по крайней мере еще была сравнима с французскими и германскими территориями, то уже при его сыне, Лотаре II, которому достается только северная треть Большой Лотарингии и императорская корона (при одной-то девятой владений Шарлеманя!), Лотарингия не может сравниться по мощи с владениями его восточного и западного родичей. Император был, вот империи-то уже не существовало. В конечном счете большая часть Лотарингии окажется присоединенной к Франции, меньшая — к Германии.

... Итак, империя Шарлеманя просуществовала 72 года — с 771, когда после смерти брата Карл Великий восстанавливает целостность королевства франков, до августа 843 года. Но Юдифь не дождалась своего триумфа. Она скончалась в апреле 843 года, за четыре месяца до подписания Верденского трактата, который был во многом, если не в основном, делом ее рук. В споре за европейское наследство Юдифь победила, ее сын получил долю, даже более значимую, чем его сводные братья. Так родилась Франция. Так погибла Европа.

Юдифь, конечно, просто выполнила волю истории. Сам великий Карл, как уже говорилось, не верил в вечность своего творения и

готов был поделить его между своими сыновьями. И только судьба несколько продлила существование империи. Кто знает, если бы в нескольких поколениях Каролингов рождалось бы только по одному сыну, может быть, созданная Шарлеманем Европа привыкла бы быть единой, обрела прочность, внутренние связующие нити? Увы, риторический вопрос. Империя, наверное, все равно ненадолго пережила бы своего прародителя, ее бы разрушил нарождающийся феодализм и привнесенная им губительная раздробленность, но, может быть, войн на нашем континенте было бы все-таки меньше...

Как бы то ни было, Юдифь вошла в историю как разрушительница европейского единства. Но есть еще одна Юдифь-разрушительница. Дочь Карла Лысого унаследовала от бабушки-императрицы не только ее имя, но и колдовскую красоту и бурный темперамент. К двадцати годам потеряв двух мужей, саксонских герцогов, она вынуждена вернуться ко двору отца. В томительном ожидании очередного брака по расчету она успевает пленить сердце одного из знатных французских сеньоров, Бодуэна, прозванного — и не случайно! — Железная Рука. Не надеясь получить в жены дочь короля, он просто похитил Юдифь с ее согласия и обвенчался с ней.

Возмущенный Карл потребовал отлучить насильника от церкви и вернуть ему дочь, но после уговоров папы римского решил простить преступника и даже выделил непрошеному зятю приданое — север Франции, Фландрию, часть нынешней Бельгии, с твердым заветом противостоять набегам викингов. Так появился род могущественных графов Фландрских, которые всегда будут смотреть на короля Франции не как на сеньора, а как на равного. Словом, Юдифь-младшая разрушит единство Франции. И больше в королевских родах Франции не будут называть дочерей этим красивым библейским именем.

Если бы Юдифь не умерла, когда ей не было еще и сорока, а дожила до старости, то она увидела бы свершение самого, казалось бы, неисполнимого ее желания — ее сын Карл Лысый 25 декабря 875 года, ровно семьдесят пять лет спустя после своего деда, был коронован императором. Лотарь II, внук Людовика Благочестивого, которому в конечном счете досталась императорская корона, умер без прямого наследника, и папа отдал предпочтение Карлу, а не его германским кузенам. Так Карл оказался последним императором Священной Римской империи, который еще имел какую-то власть.

Зная о сплетнях, окружающих его рождение, он стремится всячески поддерживать культ предшествующих императоров. Он грубо удаляет от двора верного друга покойной матери, Бернара Септиманийского, а затем даже приговаривает его к казни. За что? А за то, что тот «осквернял ложе его великого отца, Людовика Благочестивого». Если Карл Лысый хотел тем самым развеять слухи о том, что Бернар — его истинный отец, то жест, надо сказать, весьма неуклюжий, более того, окончательно очерняющий репутацию Юдифи. Но Карлу важнее доказать, что он, и только он — законный наследник империи.

По примеру деда он тоже создает свою столицу. Аахен, а следовательно, дворец Шарлеманя оказались на территории Лотарингии, и Карл сооружает точную копию этого дворца в Компьене, что к северу от Парижа. Так Компьен становится одним из самых вплетенных в историю Франции и Европы городов. Здесь в 1430 году будет пленена Жанна д'Арк. Здесь Наполеон будет встречать свою вторую жену, эрцгерцогиню австрийскую Марию-Луизу, браком с которой он попытается дать Европе мир и единство.

В компьенском же лесу 11 ноября 1918 года будет подписано перемирие, положившее конец Первой мировой войне. Вагон маршала Фоша, в котором пройдет эта церемония, будет позднее сделан музеем, а на лесной поляне перед ним будет установлена простая гранитная плита с пронзительной надписью: «Здесь была побеждена преступная гордыня немецкой империи, пытавшейся поработить свободные народы». 20 июня 1940 года в этом же вагоне Гитлер заставит в отместку Францию подписать акт о капитуляции во Второй мировой войне, после чего вагон, как символ победы Третьего рейха, будет отправлен в Берлин, а плита с унижительной для Германии надписью взорвана. Но ее можно видеть и сегодня — после войны французы восстановили все вновь. Но эти кровавые вендетты между Францией и Германией будут позже, много позже. Пролог же к ним — Верденский трактат, за которым начинается смутное время европейской истории.

Первое время внуки Шарлеманя пытаются еще придерживаться данных в Вердене друг другу обещаний и даже собираются на «саммиты» — в 844, 847 и 851 годах. Причем два последних раза — неподалеку от Маастрихта. Но «братское согласие» — а именно этот термин вошел в анналы того времени — было недолговечным. Людовик Германец уже в 858 году вторгается во владения своего брата Карла — первый германо-французский конфликт налицо. Причи-

на — Лотарингия. Безуспешно папа римский Николай I пытается образумить братьев, напомнить им их долг перед Европой и христианством, призвать их к единству перед лицом общих врагов. Это глас вопиющего в пустыне.

И в то же время Европа еще не стала Европой наций. Она поделена между наследниками Шарлеманя, которым еще иногда удается временно восстановить эфемерное единство империи. Как я уже говорила, сын Юдифи, король Франции Карл Лысый, в 875 получит императорскую корону, а с ней и Германию. И Германия спокойно воспримет этого короля и формально на время объединится с Францией. А в 884 году, напротив, другой Карл — Карл Толстый, уже коронованный император, наследственно владеющий Германией, будет признан королем Франции.

Иными словами, ближайшие наследники Шарлеманя еще чувствуют себя европейцами, они не осознают себя ни французами, ни немцами, ни итальянцами, у них нет никаких национальных предрассудков. Они живут на некоем постъвропейском пространстве, и, сами осуществив его раздел, тем не менее не могут поверить в его окончательность. Они то ссорятся и воюют, то договариваются и встречаются на саммитах, то оспаривают друг у друга территории, то совместно избирают «председателя» своего «европейского содружества», то есть императора. Но эти периодические французско-германские воссоединения — лишь призрак былого. Рождающиеся нации все дальше и дальше отходят друг от друга. Попытки «денонсировать Верденский трактат» бесплодны...

Настает страшный X век, который по поистине вселенским катаклизмам, обрушившимся на наш бедный континент, сопоставим в истории разве что с XX веком. Это, равно как и V век, — век страшных нашествий извне. Воюя между собой, наследники Шарлеманя не могут сопротивляться внешним врагам. Нормандцы, сарацины, венгры, славяне — раздробленная империя вновь падет под нашептываемым варваров, как это было с империей римской.

«И что удивительного в том, — записано в капитулярии последнего состоявшегося саммита потомков Карла Великого, — что язычники и другие народы вторгаются к нам, расхищают наши богатства, когда каждый из нас сам обирает своего ближайшего соседа?» Но все призывы к единению остаются благими порывами. Европейская почва уходит из-под ног...

Нашествия идут со всех сторон — с севера, юга, востока. С севера приходят викинги, скандинавы, которых во Франции назовут нормандцами — норд-ман, человек с севера. Они проникают в Европу

еще во времена Шарлеманя, но только с распадом его империи им удастся обосноваться на континенте. У франков нет сил воевать против этих отважных авантюристов и бесстрашных мореплавателей. Первой их жертвой становится Ирландия, а затем Англия, они высаживаются на европейском побережье, причем спускаются все дальше к югу — в Испанию и Португалию. Они атакуют Лиссабон и Севилью, осаждают Майорку, наконец, высаживаются на юге Франции, в устье Роны.

Но самый значительный их успех — на северо-востоке Франции, где им удается дойти до Парижа. Устав от их постоянных набегов, король Франции вынужден пожаловать их предводителю Роллону герцогство, которое так отныне и называется — Нормандия. Создав свое государство, нормандцы успокаиваются и прекращают набеги на сердце Франции.

Более того, они мгновенно ассимилируются. Столкнувшись с культурой и политическим устройством более развитыми, чем их собственные, они моментально воспринимают достижения более высокой цивилизации. Они становятся христианами, причем, как все новообращенные, — истовыми. Нормандия вскоре превращается в самый религиозный район Франции. Скандинавы становятся французами, полностью забывают свой язык — в нормандском диалекте нет слов скандинавского происхождения. При жизни одного поколения(!) Нормандия становится герцогством Франции, ничем не отличающимся по организации от других герцогств королевства. В Нормандии рождаются самые яркие жемчужины французской культуры средневековья — Песнь о Роланде, воспеваящая испанский поход Шарлеманя, готические соборы Касна, Руана. Более того, когда в XI веке нормандцы в свою очередь завоеуют Англию и Сицилию, они будут восприниматься как французы, а не как скандинавы.

Какой разительный контраст с другим завоеванием викингов — Русью! Шведские викинги, придя править на Русь, принесли свои обычаи, порядки, политическое устройство. Они долго не ассимилируются с местным населением. Они остаются хозяевами, правят славянскими народами, но себя считают отличными от них. Более того, завоеванному краю они дают свое имя — Русь. Русскими называли варягов финны.

С востока в Европу вновь проникают пришельцы из Азии. На сей раз — венгры. Они обосновываются на плодородной территории по течению Дуная, которую до них в свое время облюбовали сначала гунны, а затем авары. Это какой-то магический треугольник,

притягивающий выходцев из Азии. Но венгры приходят, чтобы навсегда остаться.

И все эти новые переселения народов сопровождаются новой кровью... Анархия, упадок, деградация Европы X века, вновь утраченной свое единство, агония империи — вот плата за творение Юдифи. На обломках империи, на крови, возникнут, конечно, европейские нации, придет европейский Ренессанс... Но нужно ли было платить эту страшную цену только для того, чтобы десять столетий спустя вновь искать утраченное единство?

АННА ЯРОСЛАВНА:
Королева,
которой нет в братской могиле

Многие сеньоры поклонялись ей не только
как королеве, но и как женщине.

*Виконт де Сен-Эмур,
французский историк*

5. АННА ЯРОСЛАВНА: КОРОЛЕВА, КОТОРОЙ НЕТ В БРАТСКОЙ МОГИЛЕ

Когда Анна, дочь киевского князя Ярослава Мудрого, стала в 1049 году королевой Франции, она отнюдь не попала, как подумает современный читатель, из варварства в цивилизацию. Напротив, бедная княжна сменила уют, покой, процветание родного дома на только-только выходящую из жалкого прозябания Западную Европу. Холодным и неприветливым показался ей, наверное, Реймс, где состоялось бракосочетание, грубыми и примитивными — нравы французского двора. Как же так, спросит читатель, где же ренессанс времен Шарлеманя, где расцвет наук и искусств? Что случилось с Европой за те два века, что отделяют Юдифь от Анны? Почему славянской княжне Франция показалась ссылкой?

Чтобы ответить на все эти вопросы, вернемся к Европе конца X века, агонизирующей на обломках того, что было некогда великой империей, Европе, переживающий трагический, кровавый процесс дробления ранее живого, единого организма. Прямая династия Шарлеманя к этому времени угасла и в Германии, и во Франции. Его потомки, хотя сами и разрушили Европу, все-таки продолжали считать ее своим общим домом. А пришедшие им на смену новые правители не чувствуют долга перед прошлым, не считают себя европейцами. Если ранее войны велись только на окраинах, а по большей части и за пределами империи, вражда ныне пришла в каждый дом. Но круги разлада расходятся все дальше...

Если раньше воевали между собой только короли и принцы, то теперь любой мало-мальский значимый феодал объявляет по любому поводу и без оного войну соседу. Европа покрывается сетью укрепленных замков, никто более не строит дворцы, подобные Аахенскому, в почете крепости, где можно защищаться не столько от чужеземцев или иноверцев, сколько от собственных братьев той же крови и веры. Европа вступает в полосу междоусобных войн, которые всегда будут сопровождать падение очередной империи. «Плачь, обезглавленная Европа», — горестно напишет в 1020 году неизвестный летописец.

Однако в то время, когда «цивилизованная» Европа шла от единства к раздробленности — через кровь, смерти, страдания, в «вар-

варской», восточной части континента, напротив, разрозненные ранее, многочисленные славянские племена постепенно объединялись в народности, готовые стать нациями. Во главе этих новых образований обычно становился военачальник, подкрепляющий свою власть принудительным введением христианства. Как видим, две части нашего континента шли в своем развитии в диаметрально противоположных направлениях, что, кстати, повторится в истории вновь практически тысячу лет спустя.

Процесс единения быстро шел и на Руси, и Ярослав, прозванный Мудрым, отец нашей героини, внес в становление древнего русского государства огромный вклад. Конечно, наивно было бы предполагать, что делалось это «цивилизованными» методами. История Руси того времени ничем не отличается от формирования других европейских наций — кровавые междоусобицы, коварные убийства. И сам Ярослав пришел к власти после того, как его старший брат убил других братьев, Бориса и Глеба, и сам в свою очередь стал жертвой Ярослава.

Но укрепившись у власти, Ярослав дал Киевской Руси то, что дал Шарлемань Европе — внутренний порядок, спокойствие, вытеснив войны на окраины государства. Киев времен Ярослава — оазис культуры, просвещения, его уже сравнивают с Константинополем. Это открытый город, где представлены многие державы, в том числе отдаленные, — дипломатами, купцами, просто путешественниками.

Учитывая скандинавское происхождение Рюриковичей, варягов, Киевская Русь того времени имеет особенно тесные, в том числе семейные, отношения с Северной Европой. Жена Ярослава, мать Анны, — шведская принцесса, принявшая имя Ирина. По свидетельству современников, она была решительной, властной дочерью Севера, не отличавшейся склонностью к послушанию и повиновению. Выданная замуж не по любви, а по политическому расчету, она не всегда ладила со своим столь же крутым и горячим супругом, постоянно отстаивая свое достоинство. Ирина была прекрасно образованна и воспитанна. Не уступал ей в этом и сам Ярослав — исключительно образованный, причем не только для своего времени, человек, говорящий на многих языках, увлекающийся искусствами, архитектурой. Как известно, по его приказу в Киеве возводится собор Святой Софии, Золотые ворота, копирующие константинопольские.

Словом, параллель с Шарлеманем, его первым европейским ренессансом полная. И вот из этого оазиса цивилизации Анна попадает в неудобную Европу XI века, где об искусствах уже забыли, где в Париже нет ни Нотр-Дам, ни других соборов, где вместо визан-

тийской роскоши Киева, его уникальных библиотечных собраний — холод и суровость примитивных замков, главная цель которых — служить не столько жилищем, сколько крепостью.

Но как же Анна оказалась во Франции? Ответ прост: королю нужна была заморская жена. Ко всем несчастьям X века добавилось еще стремительное вырождение правящих Европой родов. Наследники Шарлеманя из политических соображений, из-за стремления присоединить к своим территориям новые владения женились, не взирая на тесное родство. Безумцы, уроды, просто недалекие людишки волею судеб оказывались на европейских престолах. Причем браки между родственниками отнюдь не вели к восстановлению единства, поскольку рождавшиеся дети вновь делили родительские владения. Наконец, церковь решила положить конец попранию законов людских и божьих, но, как обычно, в этой кампании перестаралась и запретила браки между родственниками аж до седьмого колена, включая причем не только кровных, но и родственников, допустим, ранее скончавшейся супруги.

В итоге король Франции Генрих I, потеряв после всего трех месяцев брака жену, немецкую принцессу, не мог найти новую невесту при всех дворах Европы. Все возможные кандидатки являлись «родственницами» или его, или покойной супруги. Жениться же просто на знатной соотечественнице, которую, хоть с трудом, но можно было сыскать, Генрих не хотел. Он панически боялся французов. Его мать Констанция, уроженка юга Франции, была дамой вспыльчивой и неуравновешенной, доставившей сыну своими коварными происками немало невзгод. И потому Генрих искал чужеземку с покладистым нравом.

Поиск длился четыре года. Наконец гонцы принесли радостную весть — на восточной окраине Европы есть могущественное государство, недавно принявшее христианство, и у его владыки Ярослава, великого князя Киевского, есть дочь, которая, хотя бы в силу отсутствия до того любых контактов, не состоит с Генрихом ни в каком родстве. Тот факт, что, по сведениям, Анна оказалась еще и красавицей, только укрепил короля в своем стремлении взять славянскую княжну в жены. Что касается темперамента, то гонцы успокоили государя, сообщив, что русские женщины покладисты, послушны и во всем покорны мужьям. И правда, при жизни Генриха его супруга всегда будет являться образцом добродетели и благочестия. Страсти проснутся позже...

Анна родилась в Киеве в 1024 году. Была она, как утверждают современники, писаной красавицей — с шелковистыми русыми коса-

ми, голубыми глазами, статная, пышнотелая. В ней проявилось лучшее, что дала ей родительская кровь, — разум и достоинство ее матери и огненный, пылкий нрав отца. Впрочем, бурным темпераментом отличалась, как говорилось, и ее мать.

У Ярослава было девять детей, и их браки играли далеко не последнюю роль в его государственных планах. Ярослав стремился ввести Россию в Европу единственно возможным в те времена способом — династическими союзами. В отличие от Шарлеманя, державшего дочерей при себе, Ярослав выдает их замуж далеко от дома. Анастасия становится супругой короля Венгрии Андрея. Елизавету он просватает за короля норвежского Харальда. Она будет сопровождать супруга в походе в Англию, а после его смерти станет женой короля Дании Суэйна.

Но Анна, красавица, долго томится в девичестве, отец не может сделать выбор между многочисленными претендентами. Предложение короля французского, прослышавшего о подходящей невесте на выданье, как нельзя кстати. Анне уже двадцать пять! По тем временам чуть ли не преклонный возраст, и Ярослав мигом дает согласие. В 1049 году Анна в сопровождении эскорта, многочисленных даров поистине византийской роскоши отправляется во Францию. Именно Анна привозит во Францию Библию на древнеславянском языке в дорогом окладе, и именно на этой Библии, начиная с Анны, все короли Франции, вплоть до Людовика XVI и Карла X, будут приносить клятву во время торжественной коронации.

В Реймсе, городе коронаций французских королей, где в свое время святой Реми возложил на голову Хлодвига корону франков и тем самым покончил с анархией, царившей в этой части континента со времен развала Римской империи, Анну ждет суженый. По тем временам он в годах — ему сорок один год. Высокий, статный, Генрих имеет репутацию храброго воина. Он, конечно, не говорит по-русски, равно как ни на одном из языков, которыми владеет Анна. Она, в свою очередь, не знает французского.

Встреча двух суженых была трогательной. По свидетельству современников, увидев свою будущую жену, Генрих пришел в неописуемый восторг и пылко поцеловал ее. После чего робкая Анна произнесла: «Надеюсь, король, мой супруг, это Вы?»

Что ответил на этот счет Генрих, история утаивает. Но вечером же был совершен обряд бракосочетания. Судя по всему, он произошел в базилике святого Реми — сумрачном храме, навеянном римскими базиликарами, страшно непохожим на теплую и родную

Святую Софию. В те времена христианская церковь еще формально едина, раскол, который приведет к рождению католицизма и православия, еще официально не провозглашен. Но он витает в воздухе. И церемония, очевидно, показалась Анне чуждой и непривычной.

Столь же непохожим на Киев с его византийским уютом оказался Париж, сердце владений ее супруга. В нем пока нечем восхищаться — примитивный королевский замок-крепость, от стен которого веет холодом. Нет ни больших храмов, ни даже церквей. Молодая женщина понимает, что ее действительно занесло на унылый край Европы, только-только выходящий из суровых испытаний недавнего братоубийственного прошлого.

Однако, как все славянские женщины, Анна одарена редким умением быстро приспосабливаться к новой среде. Она быстро осваивает новый для нее язык, новые обычаи и нравы. Надо, однако, сказать, что в те времена разница между «Европой», скажем, Парижем, и Русью была очень мала. И те, и другие копировали нравы и обычаи единственного сохранившегося очага культуры на континенте — Византии. Оттуда приходил дипломатический протокол, отсюда приходила и мода. Поэтому, когда Анна приехала в Париж, на нее отнюдь не смотрели как на диковинку — она мало чем отличалась от француженок. Это столетия спустя разница будет столь значительной, что посольство Петра Великого возбудит в Европе дикое любопытство своей экзотической внешностью и необузданными нравами. А Анна — конечно, выделялась, но только своей статью и красотой, а не «варварством».

Во время раскола церкви, в 1054 году, Анна автоматически оказывается в лоне западной римской церкви. Она никогда не «переходила» из православия в католицизм, в том необходимости не было. Мнения жителей государств, невольно оказавшихся на территории, подвластной римской церкви, никто не спрашивал. Да и мало кто из мирян мог понять сущность теологических разногласий между двумя церквями.

Однако долгие годы официальная русская история особо не жаловала Анну. Этой славянке, судьбой занесенной на другой край Европы, не могли простить «отступничества», которого и не было. Даже Карамзин, объясняя, почему после смерти мужа Анна останется во Франции, пишет: «Честолюбие, узы семейственности, привычка и вера католическая удерживали эту королеву во Франции». С плохо скрытым негодованием некоторые русские историки сообщают, что римский папа — самый главный католик! — написал в

1059 году Анне личное письмо, превозносящее ее христианские добродетели.

Анна действительно была исключительно набожной, но она не была фанатичкой, которая из-за непонятого ей разногласия двух церквей нанесла бы обиду своей новой родине, настаивая на соблюдении православных обрядов. Свой христианский долг она видела в благотворительности и проявлении щедрости к монастырям, к неимущим и убогим, особо не думая, «истинной» ли они веры.

Однако Анна — и это доподлинный факт — до конца своих дней свято хранила память о Руси и никогда не забывала родного языка. На самых поздних сохранившихся документах она по-прежнему подписывается на древнем славянском языке — Анна Регина. Ее автограф можно видеть в Парижской национальной библиотеке. Кстати, этот редкий документ опровергает и другую расхожую выдумку русских историков, что Анна, дескать, перекрестившись, взяла себе новое, католическое имя — Агнесса. Этого никогда не было. До конца своих дней она подписывалась Анна и по-русски...

Славянская красавица легко очаровывает своего супруга, и хотя по-прежнему испытывает перед ним трепет, счастлива в браке. Королевская чета живет дружно. Генрих часто советуется с женой, а та активно занимается богоугодными делами, творит милостыню. На многих актах, особенно дарующих льготы и вотчины церкви, указывается «с согласия супруги моей Анны», «в присутствии королевы Анны». Единственное огорчение — отсутствие детей, и Анна дает обет построить и обеспечить капиталом монастырь в случае рождения наследника. Вскоре рождается первенец, будущий король Франции Филипп I. Так в Санлисе, что недалеко от Парижа, появится монастырь святого Винсента.

Анна сама выбирает имя для первенца, в то время непривычное для французского уха. Но, как это ни удивительно прозвучит для современного читателя, имя одного из своих «киевских» предков. В те времена, когда все короли Европы стремились облагородить сомнительное — практически у всех — происхождение ссылками на то, что ведут свой род кто от Шарлеманя, кто от Цезаря, наш Ярослав Мудрый утверждал, что князья Киевские — потомки Александра Македонского, властелина Евразии, который создал империю еще более обширную, чем Шарлемань. В честь отца Александра, Филиппа, и назвала Анна малыша.

Радости короля и подданных нет предела — есть законный и, главное, здоровый наследник. Влив в уже угасавшую ветвь Капетингов новую свежую кровь, Анна спасает династию от вырожде-

ния. Многие французские историки отмечают, что потомки Анны заметно отличались от родоначальников династии Капетов — большей решительностью, властностью, темпераментом. Они ведь и создадут могущественную средневековую Францию! Славянской энергии хватит на три столетия — только в XIV веке по непонятной причине умрут один за другим три сына короля Филиппа Красивого, и корона уйдет к их младшим кузенам, Валуа.

Анна подарит Генриху еще двух сыновей — Роберта, умершего в младенчестве, и Юга Великого, основоположника ветви Вермандуа. В 1060 году неожиданно умирает муж Анны. Поговаривают, что от яда. Нет, злого умысла никто не подозревает, вина придворного врача, прописавшего монарху не те снадобья.

Незадолго до кончины, как бы предчувствуя ее, Генрих хотел назначить Анну регентшей. Одно это говорит, сколь уважаема была королева супругом и двором. Генрих ни на минуту не сомневался в том, что она удержит бразды правления. Но Анна сама отказывается от этого предложения. После смерти Генриха в итоге регентом при восьмилетнем Филиппе становится родственник покойного монарха Бодуэн. Анна же остается воспитательницей своих детей, включая малолетнего короля.

Она по-прежнему королева, хотя и вдовствующая, ее слово имеет силу закона при дворе. У нее нет врагов, на корону сына никто не покушается — словом, редчайшая ситуация для средневековой Европы. Правда, надо откровенно сказать, что на корону никто не покушается из-за весьма малого соблазна. То, чем владеют короли Франции как графы Парижские, — исключительно скромная территория в самом центре нынешней Франции — Париж, Амьен, Орлеан, Бург. Все другие территории — Бургундия, Нормандия, Аквитания, Тулуза и так далее — принадлежат формально зависимым от короля вассалам, но на деле неподвластным ему. На словах Франция едина, она по-прежнему, как мы бы сказали, федерация, на деле единство призрачно. Вот почему на французский трон особо никто и не претендует. Могущественные вассалы воюют сами между собой за более лакомые куски. X–XI век — время политических убийств, когда могущественные феодалы стремятся любым способом захватить владения соседа.

У королей же Франции нет врагов — ни внутри, ни снаружи. Первые короли из династии Капетов забыли о своих претензиях на Лотарингию и живут в мире с Германией. Более того, супруг Анны равнодушно взирает на то, как германский император аннексирует Бургундию. Ему все равно — Бургундия только формально его вас-

сал. Пусть теперь германский император помучается с непокорным герцогом Бургундским!

Капеты не пытаются обуздать своих вассалов, радуясь тому, что те хотя бы не препятствуют передаче французской короны от сына к сыну. Словом, у королей нет политики — ни внешней, ни внутренней. У них нет послов за рубежом, и они не принимают иностранных гостей. У них нет «центральной власти». Они довольствуются тем, что выживают из поколения в поколение, черпая ресурсы в скромных собственных владениях. Они играют в истории Франции того времени чисто церемониальную роль — участвуют в празднествах и ассамблеях аристократии, даруют милости аббатствам, подписывают грамоты. Они не рискуют путешествовать по стране, им неподвластной. Капеты мудро копят силы для будущего возвышения. И они дают Франции ее сердце. Они создают ее столицу, Париж, который волею судеб оказывается в центре Франции.

Однако в эти годы происходит событие, вновь меняющее европейскую карту, судьбы нашего континента. В 1066 году Англия завоевывается нормандским герцогом Вильгельмом, который, оставаясь вассалом французской короны из-за своих континентальных владений, становится одновременно властелином самостоятельного королевства. Пролог к Столетней войне между Англией и Францией сделан.

Анна, сознательно сторонящаяся государственных дел, скорее с симпатией следит за военными авантюрами Вильгельма, поскольку сама по крови принадлежит к той же, что и викинги, расе. Да и в целом Анна, как мы увидим, была весьма романтической, экспансивной натурой, с бурным темпераментом. Была у Анны и другая причина сочувствовать возвышению герцога Нормандии Вильгельма, незаконного сына, не имеющего никакого права на престол. Ведь и Владимир Ясное Солнышко, князь Киевский, креститель земли русской, дед Ярославны, был незаконным сыном, прижитым его отцом князем Святославом от простолюдинки.

Сопереживая Вильгельму, желая ему удачи в военной аванюре, Анна интуитивно ведет себя как мудрый французский политик. Нормандцы-викинги, с их пока еще неистребимой тягой к завоеваниям, остаются для французских королей опасными вассалами, особенно учитывая, что Вильгельм, чтобы сгладить свое незаконное происхождение, взял в жены Матильду, дочь графа Фландрского, как уже говорилось, потомка Шарлеманя. Не хочет ли он основать новую королевскую династию? Страсти нормандцев к территориальной экспансии нужно дать выход, и еще покойный супруг

Анны всячески подзуживал Вильгельма устремить свои взоры за Ла-Манш.

Надо сказать, что Вильгельм завоевывает Англию уже не как нормандец, а как француз. Если всего сто лет назад, обосновавшись во Франции, нормандцы не принесли туда ничего своего, то теперь, завоевав еще и Англию, они принесли все с собой — язык, обычаи, порядки. Политическое устройство Англии Вильгельм прямо копирует с французского. С одной разницей — во Франции есть видимость королевской власти, в Англии она будет реальностью. Во Франции вассалы только на словах признают верховенство короля, в Англии это будет фактом.

Завоевав юг Англии в одном только сражении при Гастингсе, Вильгельм вскоре берет под свой контроль весь остров. Он конфискует владения сопротивлявшейся англосаксонской знати и раздает их своим рыцарям. Словом, сначала он проводит полную национализацию, а потом приватизацию земли — но на своих условиях.

Учитывая печальный опыт Франции, где крупные сеньоры контролируют огромные самостоятельные территории, имеют целую пирамиду собственных вассалов, Вильгельм наделяет своих соратников несколькими небольшими уделами в разных частях Англии. В итоге на острове никогда не будет крупных феодальных владений. Не будет и многоступенчатой феодальной пирамиды. Под английскими герцогами — только простые дворяне. В итоге власть короля — реальна. Англия, где создание феодального государства началось как бы с нуля, без традиций прошлого, становится образцом централизованного феодального государства с исключительно прочной королевской властью.

Вернемся же к нашей королеве. Европа живет в преддверии крестовых походов, а пока потихоньку, как бы от нечего делать, изничтожает сама себя, завоевывает «ближайшее зарубежье». Анна, в расцвете своей женской красоты, откровенно скучает в дворце Санлис. Выждав приличествующий срок траура, Анна начинает устраивать торжества, приемы, охоты. Славянская княжна, став французской королевой, не утратила истовой страсти к охоте, что было непривычным времяпрепровождением для француженок. В этот редкий в те времена оазис простой мирной жизни с удовольствием стекаются окрестные феодалы. Конечно, нравы той эпохи еще просты и грубы, куртуазных слов и культа Прекрасной дамы Европа еще не изобрела, однако чувства пылки и необузданны.

У королевы много поклонников, очарованных таинственной славянской красотой. Один из них — Рауль, граф де Крепи, граф

де Валуа и прочая и прочая, дальний потомок Шарлеманя, словом, подлинный хозяин тех мест, которые окружают скромный королевский домен. Он один из настоящих хозяев Франции, не боящийся ни власти людской, ни церковной, как и все другие первые сеньоры того времени, и мало чем отличающийся в замашках от благородного разбойника с большой дороги. Свое восхищение перед Анной Рауль выражает просто — во время одной из излюбленных ими лесных прогулок он просто похищает королеву Франции... Правда, не встретив при этом никакого сопротивления. Это было прекрасным июньским днем 1063 года.

В роду Анны были уже похищения по страсти. В ее бабушку, полоцкую княжну Рогнеду, влюбился князь Владимир Ясное Солнышко. Но гордая княжна не хотела идти замуж за «сына рабыни»: как уже говорилось, Владимир был незаконнорожденный. Тогда будущий святой Владимир при помощи своего дяди Добрыни штурмом взял Полоцк, убил отца и братьев Рогнеды и насильно сделал ее своей третьей женой. Когда у них уже было шесть детей, включая Ярослава, принявший христианство Владимир женился на сестре византийского императора, а Рогнеде предложил выйти замуж за любого из бояр. Но гордая Рогнеда отказалась и ушла в монастырь.

История Анны, столь же бурная, была, однако, менее драматичной. Похищение состоялось по обоюдному согласию, и нельзя сомневаться, что гордого потомка Шарлеманя и пламенную дочь «восточного Шарлеманя» связывала необузданная страсть. Если брак Анны с Генрихом, брак, повторим, весьма удачный, строился все-таки прежде всего на взаимном уважении и долге, то в отношениях королевы с Раулем говорили только чувства.

Однако влюбленным препятствует одно обстоятельство — Рауль женат, и потому он призывает к себе законную супругу, от которой, между прочим, у него четверо детей, и велит уйти прочь, лучше всего в монастырь. Причина? Да какая угодно! Хоть близкое родство, неожиданно обнаружившееся. В те времена это было достаточным обстоятельством для признания брака недействительным хоть двадцать лет и много детей спустя. Бедная женщина покидает замок, и его хозяйкой становится королева Франции. Тут же находится сговорчивый священник, который венчает влюбленных. Хотя, в свою очередь, Рауль находится в близком родстве с покойным королем, и даже поэтому подобный брак непозволителен в глазах церкви.

Франция оказывается в шоке. Королева похищена, ее малолетние дети, включая короля, брошены на произвол судьбы. В это скан-

дальное дело вмешивается папа римский: он велит Раулю покинуть Анну и вернуть прежнюю жену. Незаконные супруги не обращают на требования папы никакого внимания. Он отлучает их от церкви — страшное наказание по тем временам, но Рауль не отличается особой религиозностью, а набожная Анна забывает о церковных заветах ради земной любви, которую ей, наконец, довелось узнать. Незаконные супруги счастливы и в грехе. Они не таятся от людей, вовсю разъезжают по королевству. Их счастье столь неподдельно, столь очевидно, что французы не выдерживают и прощают им все прегрешения. Даже подросший Филипп не таит зла на блудную мать и просит вернуться ко двору — вместе с Раулем, конечно. Никто более не оспаривает их союза.

Вернувшись в Париж, Анна вновь начинает заниматься делами королевства. Она, однако, больше не подписывается как королева Анна, только как «Анна, мать короля», но ее авторитет при дворе по-прежнему высок. Ее сыну пора жениться, и она присматривает невесту, грациозную БERTУ. Однако Филипп темпераментом пошел в мать — двадцать лет спустя он при живой жене похитит замужнюю даму, графиню д'Анжу, и сделает ее своей избранницей. Королева уйдет в монастырь, король обретет новую любовь, хотя также будет отлучен от церкви. Мало того, все французское королевство будет по вине короля подвергнуто папой интердикту — запрету совершать любые христианские обряды. Но Филиппа не остановит и это. Страсть для него окажется сильнее долга.

Дочь Филиппа, Сесилия, также окружена романтическим ореолом. Будучи замужем за великим Танкредом, героем-крестоносцем, королем Сицилии, она полюбит юного пажу. Танкред, вместо того чтобы сурово покарать неверную супругу и ее возлюбленного, на своем смертном одре благословит их союз. Эти вспышки славянского темперамента еще будут долгие десятилетия тревожить пресную кровь Капетингов, бывших до того примерами благоразумия и супружеской верности...

В 1074 году Рауль умирает, через два года Анна последует за ним. Ее жизнь кончена. Она была счастливой.

...В соборе Сен-Дени, в усыпальнице французских королев, я долго искала могилу Анны. Но надгробия ее там не оказалось, хотя Генриха, ее мужа, есть. Не оказалось имени Анны и в списке захоронений — есть в Сен-Дени и такой. В 1792 году, когда революционная Франция уничтожала все реликвии старого режима, прах французских королев был выброшен из саркофагов за ограды собора. Черепа и кости французских монархов годы мокли под до-

ждями, иссушались под солнцем. По счастливой случайности смотритель собора сумел вывезти в надежное место сами мраморные саркофаги, и после реставрации монархии, при Людовике XVIII, они были возвращены в собор. Но они так и стоят пустыми. Останки королей и королев были собраны и захоронены вместе, в крипте, где на стене и установлена доска с перечнем всех, кто когда-либо нашел свое последнее пристанище в Сен-Дени. Но Анны нет в этой братской могиле французских королей. Легенда гласит, что она вернулась умирать на Русь.

Конечно, это только легенда. Что было делать ей на Руси, к тому времени ввергнутой в первую волну междоусобиц? Родители ее давно умерли, да и к тому же вряд ли бы в Киеве по-доброму встретили «вероотступницу». Как уже говорилось, долгие века русские историки относились к Анне без особой симпатии. Зато французы всегда почитали свою славянскую королеву. Они приложили много усилий, чтобы найти ее могилу, но увы, следы затерялись. Скорее всего, Анна похоронена в одном из монастырей, но где — так и остается загадкой.

Со смертью Анны связующая нить между Западом и Востоком Европы оборвалась на века. Запад нашего континента постепенно начнет забывать ужасы крушения старых империй и варварских нашествий, Русь же, напротив, раздраемая братоубийственными войнами, станет добычей «азиатских варваров» и долгие столетия будет «держатъ щит между Востоком и Европой»...

ФРИДРИХ БАРБАРОССА: Тень великой империи

Кто дал германцам право считать себя судьями наций?

*Иоанн Солсберийский,
английский архиепископ, 1179 год*

6. ФРИДРИХ БАРБАРОССА: ТЕНЬ ВЕЛИКОЙ ИМПЕРИИ

Что мы знаем о Фридрихе Барбароссе, кроме того, что у него была рыжая борода и что его именем назвал Гитлер план войны против Советского Союза? Так и существует в нашем представлении образ жестокого воителя, строящего коварные замыслы против славянских народов.

Действительно, Барбаросса, будучи, как принято говорить, «естественным продуктом своей эпохи», был воином, весьма неразборчивым в средствах. Но смею предположить, что он не был ни более жесток, ни более коварен, чем его современники или предшественники, тот же Карл Великий. А уж на фоне причисленного к лику святых императора Константина Барбаросса — просто невинный младенец. Он не убивал ни жены, ни детей...

Парадоксально, но завоевательным походам Барбароссы человечество обязано такой жемчужиной мирового искусства, как божественный, уходящий в небо Кельнский собор. Помните Блока: «И Кельна дымные громады...» А почему был возведен Кельнский собор? Да потому, что из одного из своих походов привез сюда Барбаросса похищенные в Милане ценнейшие реликвии христианства, мощи волхвов, пришедших с дарами поклониться младенцу Иисусу. Для того, чтобы дать им достойную «оправу», и был построен собор.

Правда, возводился он так долго, что за это время империя Барбароссы успела не только исчезнуть, но и возродиться вновь. И заложный Фридрихом собор официально откроет только первый император объединенной Германии — кайзер Вильгельм I. Поистине европейский долгострой, длиною в семь столетий...

Но о некоторых несчастьях, в которых повинен Барбаросса, мы и не подозреваем. Знаем ли мы, например, что он был причиной, пусть и невольной, смерти Ромео и Джульетты? Но об этом позже. Сначала вернемся на пару веков назад.

Полные превратностей судьбы Анны Ярославны и Алиенор Аквитанской, пылких, страстных королей Франции дают возможность узнать, что стало с той частью империи Шарлеманя, которая

возродилась в облике Франции. Но что ждало восточную часть владений Шарлеманя, доставшуюся его внуку Людовику Германцу?

Германия — восточной Франкией она будет именоваться весьма недолго — вышла из Верденского трактата более могущественной, чем Франция. По простой причине — она была менее развитой и продолжала оставаться приграничным государством, подвергающимся атакам с востока. Парадокс? Отнюдь. Менее развитой — значит, феодализм с его губительным для целостности государства возвышением знати и ослаблением центральной власти короля не пустил еще глубокие корни. Атакуемой — значит, она должна объединяться, чтобы дать отпор нашествиям варваров. В европейской истории на всем ее протяжении наличие общего врага будет неизбежно толкать континент к единению, к интеграции, а его исчезновение — провоцировать внутренние склоки, междоусобицы, раздоры.

Во всяком случае в Германии X–XII веков вместо десятков удельных владык, которых мы видели во Франции, — четыре-пять принцев, заправляющих всей страной. Саксония, Бавария, Швабия (Западная Пруссия) и Франкония — вот, пожалуй, ее составные части. Если их владыки соглашаются признать кого-либо королем германским, то их слово больше некому оспаривать.

А Германии пока нужна сильная центральная власть, поскольку ее продолжают атаковать с востока. На сей раз венгры, которые, покинув берега Камы, пройдя через русские степи, обосновались на Дунае, уничтожив возникшее там в IX веке первое славянское государство в Европе, королевство Великая Моравия. Новоявленные пришельцы, говорящие на языке угро-финской группы, прорубили коридор в ранее единой славянской части нашего континента, отделив Хорватию и Сербию от Польши, поколебав прежде незыблемое здесь влияние византийской церкви, усилия Кирилла и Мефодия.

...В 1993 году при приеме Венгрии в Совет Европы делегация Словакии воздержится при голосовании. Причина — проблемы со словацким меньшинством в Венгрии. Вот они, тени забытых предков, тревожащие нас одиннадцать столетий спустя.

Обосновавшись на Дунае, венгры начинают атаки на германские территории, им удается даже дойти до Рейна, хотя и не закрепиться там. Германия нуждается в «твердой руке», чтобы противостоять нашествиям извне. И она появляется — сначала в лице Генриха Птицелова, избранного королем в 919 году, затем его сына Оттона. Пос-

леднему удастся успешно отбить атаки венгров, которые, наконец, успокаиваются на достигнутом, принимают христианство — по римскому образцу — и входят в семью европейских народов. Германцы потихоньку начинают отвоевывать у славян правый берег Эльбы, покинутый ими в период великих нашествий. Именно Оттон, а не Барбаросса, осуществляет «натиск на восток», колонизируя значительную часть современной Польши и Чехии и обращая их в христианство.

Кстати, именно к Оттону направляет посла с просьбой прислать миссионеров для христианизации Руси княгиня Ольга, вдова Игоря. Император откликнулся, надо думать, с преогромной радостью. Еще бы — вместо привычного сопротивления славян-язычников любезное приглашение самой княгини! Миссионером был выбран Адальберт, монах из Трира. Но принят он на Руси, несмотря на высокое покровительство, был плохо. Его соратники были убиты, сам он с трудом вернулся в Германию, так и не сумев обратить Русь в лоно христианства. А ведь если бы этот посланец Трира преуспел — Русь, очевидно, была бы сегодня не православной, а католической или протестантской страной.

Вообще из Трира на Русь дважды приходила новая религия, и оба раза — неудачно. Вторым посланцем Трира был, естественно, Карл Маркс. Если бы преуспел он — Россия была бы коммунистической. Но вернемся в X век...

Оттон вводит особое устройство королевства: делит его на архиепископства, во главе которых ставятся послушные ему прелаты церкви. Принцы-архиепископы — более покорные вассалы, чем светские феодалы Франции. Во-первых, они более образованны, интеллектуально более готовы оценить преимущества централизованного государства. Церковь в Германии становится государственной, она подчиняется не столько папе римскому, сколько королю германскому.

Оттон присоединяет к германским территориям Италию, ставшую в итоге дробления средней части империи Шарлеманя, доставшейся в свое время Лотарю, самостоятельным владением. Присоединяет в общем-то бескровно. Последний прямой наследник лотарингской династии умирает бездетным. Руку его вдовы Аделаиды оспаривают многие претенденты, но она сама выбирает наиболее достойного, Оттона, и в 951 году выходит за него замуж. Она передает ему Италию и право на императорскую корону, до того кочевавшую между теми отпрысками Шарлеманя, которым досталась Большая Лотарингия и Франция.

Факт примечательный: европейцы отныне живут «по закону». Если сам Карл Великий и его непосредственные наследники особо не ломали голову, под каким предлогом вторгнуться в чужие владения, то их потомки начинают искать «зацепки». Карл Великий, как мы знаем, в одночасье аннексировал земли умершего брата, не задумываясь о собственных племянниках, его сын Людовик, в свою очередь, «забыл» о существовании законного короля Италии, французские и германские внуки Шарлеманя быстро, хотя и не окончательно, поделили между собой не предназначенную им Лотарингию.

Но после этой первоначальной «дикой приватизации» когда-то общей Европы начинается эра «цивилизованного передела». Для завоевательных войн, для агрессии против такого же христианского монарха, как и ты, отныне нужны предлоги. Учитывая тесное родство правящих Европой династий, многочисленные браки между их отпрысками, поводов для конфликтов в предстоящие столетия будет предостаточно. Споры вокруг «итальянского», «бургундского», «испанского», «сицилийского» и прочих наследств ввергнут европейские нации в нескончаемые войны.

Словом, восстановление империи — первый акт цивилизованного передела Европы. Но это уже не империя Шарлеманя. Это то, что на протяжении веков будет именоваться Священной Римской германской империей.

Оттону предстоит умиротворить Италию, достигшую крайних степеней анархии. Череда недостойных пап, добивавшихся престола низменными средствами, унизила достоинство римской церкви, потерявшей, впрочем, способность испытывать стыд. Папский век недолог — взошедшие на трон тираны тут же становятся жертвой следующего преступного искателя тиары первосвященника. Римом правят куртизанки, возводящие на папский престол своих очередных любовников. Никого уже не удивляет, что распутная графиня Мариция приказывает приближенным удушить папу и затем возводит на престол собственного сына, прижитого ею от одного из предшествовавших понтификов. Привыкнув, однако, к положению официальной пассии правителя Рима, Мариция вступает в кровосмесительную связь с собственным сыном. Но никого это не повергает в шок. Никого не трогает, что одному из пап нет еще и двадцати лет и что вместо молитв и добрых дел он предается охоте и разврату...

Вот как описывает жуткий X век один из самих служителей католической церкви, кардинал Бароний: «Никогда никакие раздоры.

ни гражданские войны, ни преследования язычников не причиняли стольких страданий церкви, как эти чудовища, овладевшие тронном Христа путем содомии и убийства. Римская церковь превратилась в бесстыдную девку, публично проституирующую себя за золото. Латеранский дворец (резиденция папы — *Т.В.*) превратился в гнусный вертеп, где духовные лица всех наций оспаривают у продажных женщин первенство в отношении разврата и разнузданности».

Репутация папской власти пала столь низко, что защитников у Вечного города нет...

И Оттон идет в Рим, где в 962 году коронуется императором. Все дороги ведут в Рим... В Вечный город пойдут и императоры после него. Складывается поразительная традиция — король Германии признается имеющим законное право на императорскую корону и власть над Италией, но только в том случае, если он физически может прийти в Рим и потребовать ему причитающееся. Своего рода испытание на прочность. В римском походе обязаны участвовать все германские феодалы — под страхом конфискации их владений. Но для того, чтобы король не соблазнился использовать собранную таким образом армию для иных целей, обязанность участвовать в походе кончается в день коронации. В необходимости прочих военных авантур королю приходится уже *убеждать* своих вассалов, заставить их он не может.

Римские походы германских королей оказываются благом для восточной Европы. Кто знает, какой была бы сегодня карта нашего континента, если бы немцы не истощали себя в переходах через Альпы и нескончаемых итальянских кампаниях, а обратили бы свои взоры только на восток?

Помимо Италии, германскими королями владеет еще одна навязчивая мечта — отобрать у Франции Лотарингию. И это им в значительной степени удастся: из этой срединной полосы империи Шарлеманя Франции достается пока только Верден, символ крушения европейской мечты. Но на этом схватка наследников Шарлеманя не кончается. Германия приобретает даже, казалось, неоспоримую часть Франции, Бургундию.

И тем не менее, если Карл Великий владел империей, которая практически охватывала весь христианский мир, то нынешние императоры — владыки лишь Германии и Италии. Более того, начинается разрыв между венценосным земным владыкой и порфириноносным понтификом, папой римским. Во второй половине XI века римская церковь обретает новое дыхание. Во главе ее, наконец, ста-

новятся достойные люди. Но они мечтают не просто о восстановлении запятнанной репутации папского престола, а о духовной власти над Европой.

Самый яркий из этой плеяды, папа Григорий VII, входит в историю как первый понтифик, бросивший вызов светской власти королей и императоров. В своем «папском указе» он заявляет, что папа имеет право низлагать императоров, что папа один непогрешим и никто не может осуждать решения понтифика, что римская церковь непогрешима, что папа может освободить подданных от присяги правителю, если тот окажется в глазах церкви недостойным... Иными словами, папа оспаривает притязания императора на власть над всем христианским миром, он требует ее для себя!

И постепенно в проигрыше оказывается Германия. Ее повелитель — ни полновластный император римский, ни король германский. Он пытается сидеть на двух стульях, вернее, тронах сразу, и оба потихоньку теряет. В то время как Франция начинает набирать силу, становиться нацией, Германия утрачивает те преимущества, с которыми она вышла из Верденского раздела, и слабеет, слабеет на глазах.

Французским королям из династии Капетов удастся стать наследственными монархами. Пусть их личные владения как графов Парижских невелики, но они передаются от сына к сыну, они становятся «королевским доменом», вокруг которого можно объединять другие земли, благо что он лежит в самом центре страны.

Титул же короля германцев продолжает оспариваться различными феодальными династиями. В итоге король германский в отличие от своего французского кузена не имеет собственного домена, пусть маленького, ему ничего не принадлежит как королю, у него нет даже постоянной столицы. Он — посольный империи, вечный странник. Конечно, он имеет собственные владения как феодал, он может их расширять, но он не может создать вокруг них Германию. Ведь сын императора совсем не обязательно станет императором. Вместо него может быть избран другой, и все начнется сначала, столица империи окажется опять в ином герцогстве и опять же ненадолго. В Германии нет единого центра власти, хотя бы и слабого, каковой Франция имеет в лице Парижа. Все временно, все преходяще.

В конечном счете король окончательно теряет контроль над своими вассалами. Светские феодалы поддерживают его, когда им вздумается, только принцы-архиепископы пока верны императору, но их владения становятся на общем фоне менее значительными. Си-

туация осложняется и тем, что один из предшественников Барбароссы, Генрих IV, идет на резкий разрыв с упоминавшимся уже выше папой Григорием VII, чье избрание конклавом кардиналов, без ведома его, императора, считает незаконным.

Кстати, императрица германская в этот момент — Евпраксия Киевская, внучка Ярослава Мудрого, правящая под именем Адельхайм. Она очень несчастлива в браке и ищет покровительства у папы римского, который даже дает ей отпущение грехов за вынужденное участие в оргиях мужа. В 1093 году она бежит из Германии в Италию. В отличие от своей тетушки, Анны Ярославны, она в конечном счете возвращается на Русь, где после смерти мужа в 1106 году принимает постриг в Андреевском монастыре.

Как видим, папа обретает такую силу, что он может вмешиваться даже в личную жизнь императора. И Генрих в 1077 году вынужден «идти в Каноссу», как теперь говорят, и униженно просить прощения. Но вскоре конфликт между папой и императором вспыхивает вновь. Генрих добивается свержения неуступчивого духовного владыки христианского мира. Папа умирает в изгнании. Но это пиррова победа; XI век — век сильных, просвещенных пап-государей. Приходит новый папа римский, которому удастся взять верх над императором. Папство сильно как никогда.

И настает апогей власти Рима — в 1095 году папа Урбан II провозглашает первый крестовый поход. К этому времени Святые места, где, согласно Библии, прошла земная жизнь Иисуса, обустроенные, как мы помним, при Константине Великом, не один век уже находятся под властью мусульман. Но пока это были арабы, пришедшие с Аравийского полуострова, терпимо относящиеся к христианству, дорога на Иерусалим была открыта. Все меняется, когда Малая Азия, Сирия, Палестина завоевываются турками-сельджуками, воспринимающими от арабов их мусульманскую веру, но не религиозную терпимость. Турки угрожают безопасности паломников-христиан. И более того — безопасности Византии.

Константинопольский император все с большей тревогой смотрит на новых восточных соседей. Он понимает, что не в силах будет противостоять им, если турки решат овладеть тем, что еще осталось от Восточной Римской империи. Ему нужна помощь. Но государи Запада вряд ли придут на помощь императору Востока. Западная христианская церковь — другое дело! Не может же она смотреть спокойно, как неверные распоряжаются Святыми местами, въезжают на лошадях в христианские храмы, терроризируют паломников?

И хотя лишь сорок лет назад константинопольский патриарх и папа римский предали друг друга анафеме и провозгласили раскол христианской церкви, Константинополь просит помощи у Рима, призывает освободить Гроб Господень. Папа римский, конечно, прекрасно понимает, что движет Византией. Но Константинополь дает Риму шанс стать истинным центром христианского мира, возможно, даже объединить его под своей эгидой, стать выше светских владык. И Рим не упускает его.

По окончании церковного собора во французском городе Клермон папа Урбан II, выступая перед многотысячной толпой знатных сеньоров, рыцарей и простого люда, призывает христиан с мечом в руках освободить Гроб Господень. Слова падают на благодатную почву. Европейское дворянство соскучилось по военным авантюрам и, вдохновляемое высокой целью, начинает собираться в Палестину.

Это первая в истории «священная империалистическая война», когда движущей силой является идея мессианства. И это последняя «мировая» война, в которой европейцы будут едины. И наконец, это последний акт солидарности наследников Шарлеманя. Действительно, кто отправляется в первый крестовый поход? Рыцари Франции, Италии, Германии, то есть тех территорий, которые входили в империю Карла Великого. Практически нет отрядов из других европейских христианских стран, которых к тому времени уже немало.

Более того. В первый поход крестоносцы отправляются как *европейцы*, без национальных знамен, без своих королей. Причина — достаточно «уважительная». И король Франции, и император германский, и король английский в этот момент ...отлучены от церкви. Первый — за скандальный развод с женой, второй и третий — за вопиющее неповиновение папе римскому. Куда уж им возглавлять христианское воинство! В итоге формируется четыре крупных отряда добровольцев, объединяющих рыцарей соседних стран, во главе которых встанут знатные феодальные сеньоры. Один из них возглавит брат короля Франции Юг Вермандуа, внук Ярослава Мудрого.

Еще до того, как начнется «официальный» поход, на Иерусалим отправится «народное войско» — толпы плохо вооруженных крестьян и ремесленников, воодушевленных призывами странствующих монахов. Самый известный из них — Петр Отшельник, истовый проповедник, поведет десятки тысяч бедняков освобождать Гроб Господень, не дожидаясь рыцарей. Это беспокойное войско

чумой пройдет по Европе, устраивая по дороге еврейские погромы, доберется до Константинополя, где обеспокоенный разбойным видом «освободителей» император поможет ему побыстрее переправиться на другой берег Босфора, и там исчезнет на просторах Азии под ударами турок.

Тем временем европейская знать выступает в организованный поход и в 1099 году ознаменует одиннадцать столетий с рождения Христа взятием Иерусалима. Святые места, однако, не сделают победителей милостивыми. Варварская расправа, учиненная крестоносцами над жителями города, надолго останется в памяти мусульман и евреев. Христиане образуют в Святой земле несколько феодальных государств, в том числе Иерусалимское королевство. Если первый его правитель, Готфрид Бульонский, из скромности берет только титул Хранителя Гроба Господня, то его брат и преемник Боуэн коронуется в Вифлееме, в церкви, возведенной на месте рождения Иисуса.

Двести лет христианам удастся удерживаться в Святой земле. За это время состоится восемь, а по некоторым подсчетам, двенадцать крестовых походов, которые изменят облик Европы. Нет, новых географических изменений не произойдет, закрепиться в Азии христианам не удастся, но, вступив в непосредственный контакт с мусульманским миром, средневековая Европа приобщится к уже забытой ею высокой цивилизации Востока. Впервые со времен античности Европа и Азия начнут сосуществовать. Не только воевать, но и торговать. Из этих крестовых походов родится богатство и процветание итальянских городов — Венеции, Генуи, Пизы и других, которые, монополизировав экономические связи с Востоком, всю средиземноморскую торговлю, надолго станут самым благодатным краем Европы.

Заморская авантюра приведет к рождению совершенно новых монашеских орденов — военизированных. Действительно, кто будет защищать Святые места после того, как крестоносцы, выполнившие обет освободить Гроб Господень, вернутся домой, в Европу? Так и появляются духовно-рыцарские ордена тамплиеров, госпитальеров и другие, становящиеся по сути дела прообразами «многонациональных сил ООН». Только подчиняются они не светской власти, а папе римскому. Вскоре, правда, они перестанут подчиняться и ему. Их дисциплина, боеготовность, богатства сделают их самостоятельной силой в европейской политике.

Самый старый орден, госпитальеров, позднее окажется вынужден перебраться из Палестины сначала на Родос, затем на Мальту, где

создаст собственное государство. Это тот самый Мальтийский орден, за сочувствие к которому, возможно, и был убит российский император Павел, ставший его Великим Магистром. Орден ныне располагается в Риме, и при нем до сих пор аккредитуются иностранные послы.

Тевтонский орден, названный так, поскольку объединял в основном немецкое рыцарство, утратив позиции в Палестине, найдет новую задачу в христианизации и покорении прибалтийских народов и, как известно, создаст мощное государство на берегах Балтики. Несколько столетий спустя его Великий Магистр Альберт Бранденбургский активно поддержит Реформацию, вместо того, чтобы, как истинный католик, дать ей отпор. Провозгласив себя протестантом, он снимет обет безбрачия, в своих интересах «приватизирует» огромные территории ордена и сделает их наследственным владением своей семьи. Так родится Восточная Пруссия.

Только тамплиеры, рыцари Храма, совершат роковую ошибку и вернуться во Францию. Располагая несметными богатствами от дачи денег «в рост», они вскоре окажутся государством в государстве, и король Филипп Красивый при поддержке папы пошлет наследников крестоносцев на костер. За ересь...

Крестовые походы вызовут новый исход еврейского народа. Спасаясь от погромов, которые, как говорилось, устраивали по дороге рьяные христиане, многие приверженцы иудейской веры начнут переселяться из Германии подальше на восток, в земли, лежащие в стороне от пути на Иерусалим. Так евреи обособятся в Чехии и Польше и станут важным этническим компонентом их населения. Местные правители будут активно приветствовать трудолюбивых переселенцев, что постепенно приведет к появлению в Восточной Европе многочисленных еврейских общин.

...Никто еще не знает, что восемь столетий спустя их дальним потомкам предстоит пройти через ужасы Холокоста, беспрецедентной этнической чистки, устроенной Гитлером. И основную массу жертв Холокоста и составят как раз жители Польши, Чехии, Словакии, Венгрии, европейской части Советского Союза, предки которых были вытеснены сюда неистовыми крестоносцами, не дожидавшимися стен Иерусалима для того, чтобы выпустить на волю свой христианский пыл. Словом, география Холокоста XX века — это следствие, пусть косвенное, походов на Иерусалим. Но по очередной иронии истории, самый большой монумент в память о жертвах Холокоста, расположен на одном из холмов Иерусалима, неподалеку от Гроба Господня...

Но пока на эти двести лет Европа обретает относительное спокойствие. Крестовые походы дают выход энергии молодых европейских наций, спасают от многих междоусобиц, от самоуничтожения, когда от нечего делать, от скуки начинаются братоубийственные войны.

Конечно, крестовые походы не предотвращают всех конфликтов. В Бельгии, около Намюра, на берегах Мааса, до сих пор показывают место, где в 1273 году началась знаменитая «коровья война», когда из-за якобы украденной крестьянином коровы два года сражались между собой отряды графа Намюрского и архиепископа Льежского. Но крестовые походы уменьшили число таких бессмысленных войн. В них, слава богу, отправилась самая воинствующая часть европейцев, и крестьяне, ремесленники смогли вздохнуть свободно и, не боясь набегов соседних сеньоров, заняться своим делом. Это были годы процветания Европы. И годы триумфа католической церкви.

Римский папа сумел в конечном счете одержать верх над германскими императорами, отстояв право церкви самостоятельно назначать епископов и других прелатов. В 1122 году на этот счет подписывается так называемый Вормский конкордат, и государственная церковь германской империи рушится, просуществовав только два столетия.

Однако конкордат не кладет конца конфликту между папой и императором. И новый император, Фридрих Барбаросса, опять начинает войну с папством, заведомо обреченную на поражение. Фридрих не может смириться с тем, что он, наследник Шарлеманя, не только царит над всего-навсего частью бывшей империи, но и даже на этой территории его власть ограничена церковью. Начинается поиск империи былых времен, погоня за призраком.

Фридриху тридцать, когда он избирается императором. Барбаросса родился в 1122 году в Вайлингеме. Его отец — герцог Швабии, а мать — ... Юдифь из рода Вельфов, герцогов баварских. Поистине сыновьям европейских Юдифей выпала в истории неординарная роль! В двадцать лет он присутствует при коронации императором своего дяди, Конрада III, который постепенно начинает готовить юношу к трону. У Конрада есть родной малолетний сын, но он предпочитает племянника, возможно, потому, что Германию терзает вражда двух семейств — Вайлингемов и Вельфов. В жилах же Фридриха течет кровь обоих родов. И Конрад надеется положить конец этой вражде.

Император, увы, ошибается. Вражда, чуть затихнув в Германии, вспыхнет с новой силой на иной почве, став вендеттой. Когда Фрид-

рих вскоре вступит в конфликт с римским папой, Италия поделится на сторонников императора — «гибеллинов», то есть Вайлингемов, и «гвельфов», то есть «Вельфов». Последние при этом будут считать себя уже не столько сторонниками германских Вельфов, сколько просто противниками императора и, следовательно, приверженцами римского папы. Эта вражда гвельфов и гибеллинов надолго разделит Италию на два лагеря, будет передаваться из поколения в поколение, даже когда затухнет положивший ей основу конфликт папы и императора. Она и погубит Ромео и Джульетту, семьи которых принадлежали к противным лагерям. И это он, Фридрих, принесет эту рознь в Италию.

В 1147 году Фридрих, получив после смерти отца герцогство Швабия, следует за дядей во второй крестовый поход и покрывает себя славой в сражении под Дамаском. Этот поход, в сравнении с первым, неудачен, и христианам приходится бесславно возвращаться назад. Но для Фридриха он не проходит бесследно. Он знакомится с французскими рыцарями и их спутницами и потрясен утонченностью, изысканностью их нравов. Наша следующая героиня, Алиенор Аквитанская, успевает к этому времени облагородить французский двор! Отныне и навсегда Фридрих — пленник французской культуры, которую он позднее будет прививать на суровой германской почве. Воистину Барбаросса страшно далек от привычного стереотипа...

После смерти дяди в 1152 году Барбаросса избирается императором. Высокий, хорошо сложенный, улыбчивый, с рыжей, естественно, бородой, Фридрих был, судя по всему, человеком легкого нрава, но железной воли и ясного рассудка. Он обещает Германии блестящую, но опасную стезю.

Взойдя на престол, Фридрих говорит себе: «Постольку, поскольку волею Божьей я коронован императором римлян, если я не правлю Римом, моя власть есть лишь тень власти».

По Европе всегда, с момента ее рождения, бродил призрак империи... Но с XII века, перефразируя основоположников марксизма, начинается священная травля этого призрака, которая будет продолжаться столетия. Все меньше и меньше будет появляться европейцев-романтиков, надеющихся возродить империю предков, пусть и не совсем мирными средствами. Европа постепенно вступает в эпоху наций, суверенитетов, все дальше уходит от своего изначального единства.

Порожденная погоней за призраком утерянного единства война императора с папством была обречена на поражение. И не только

потому, что в эру крестовых походов авторитет папства велик как никогда и с его моральной силой трудно поспорить. Главное в том, что набравшие силу Франция и Англия, естественно, не хотят возвращаться ко временам Шарлеманя и принимать покровительство какого-либо старшего брата, даже в более мягкой форме. Вынесенные в эпиграф слова английского архиепископа — тому подтверждение.

Да, Фридрих пока претендует только на Германию и Италию, но каков будет следующий шаг? Может быть, он действительно захочет возродить империю Карла Великого во всем блеске ее европейского единства? И народившиеся государства, заботясь о сохранении только-только обретенной независимости, берут сторону Рима. Они защищают не папу — свой суверенитет. Когда пару-тройку столетий спустя папство окажется для них обузой, они ограничат его всевластие. Но пока угроза извне идет не от папы, а от императора. И Фридрих Барбаросса в своем противостоянии с Римом оказывается без союзников.

После Вормского конкордата на территории германской империи устанавливается двоевластие. Формально император контролирует своих епископов, поскольку он наделяет их земельными владениями, но эта власть иллюзорна. Когда архиепископ утверждает в своем чине папой римским, получение владения от императора — не больше чем формальность. Будучи избранным первым секретарем обкома, несложно стать председателем облисполкома. Параллель с поздним Союзом времен Горбачева полная. В итоге, если во Франции XII века король постепенно начинает обуздывать своих феодалов, в Германии, напротив, они обретают полноту власти.

И в это время молодой Фридрих, страстная, амбициозная натура, стремится возродить эпоху Шарлеманя, которого позднее он прикажет признать святым. После провозглашения императором во Франкфурте Барбаросса отправляется в столицу своего кумира, Аахен, где и происходит торжественная церемония коронации. Но ему этого мало, он думает только о Риме. Прежде, однако, нужно навести порядок в собственном доме.

Потеряв власть над принцами-архиепископами, Фридрих пытается контролировать феодалов светских, играть на их внутренних конфликтах, противопоставлять их друг другу, льстить, подкупать. Он не ведет себя как суверен, которому должны подчиняться по праву сильного, нравится это или нет. Он пытается завладеть симпатиями подданных. Это монарх, который ведет себя как глава политической партии, формируя лагерь сторонников. Это не укреп-

ляет, а ослабляет Фридриха. Вербуя приверженцев, он демонстрирует свою слабость, показывает, что не верит более в автоматическое служение императору, а пытается добиться его дарами и почестями. Роковая ошибка... Тоталитарные владыки должны править тоталитарно. Деспотизм может существовать только при наличии деспота, пусть даже просвещенного.

...Поразительные слова произнесет в 1992 году председатель КЕС Жак Делор: проблемы, переживаемые Европой в связи с ратификацией Маастрихтского договора о Европейском союзе, порождены концом просвещенного деспотизма. Сорок лет европейская интеграция развивалась успешно, поскольку руководители стран ЕС не интересовались волей собственных народов, принимали их любовь к объединенной Европе как данность. Когда начались всенародные референдумы, начались проблемы...

Фридриху нужна сильная армия. Она кажется необходимой для возрождения блеска империи. Но как ее создать, не имея денег? Только вновь и вновь раздавая земли, рождая все новых феодальных сеньоров. В то время как в Англии уделы дворян ограничены в размере и разбросаны по различным частям королевства, в то время как французские короли потихоньку начинают собирать оставшиеся без прямых наследников владения и присоединять их к своему домену, Фридрих, напротив, возвеличивает некоторые германские династии. Во имя торжества империи он жертвует германским единством. Заколдованный круг. Можно было бы пойти другим путем? Вряд ли. Ведь других средств для создания армии у Фридриха нет...

Для Барбароссы Германия вторична. Он грезит империей, он жаждет власти над Италией. В тот момент, когда Англия и Франция консолидируются как государства-нации, Фридрих втягивает Германию в погоню за призраком. Погоню, которая на долгие века погрузит Германию в анархию, отложит ее рождение как нации на семь столетий! Равно как и Италии, ставшей жертвой геополитических амбиций северного соседа и надолго оказавшейся протекторатом иллюзорной империи, конгломератом мелких княжеств.

В 1154 году Фридрих отправляется в Италию. В Павии он возлагает на себя корону короля ломбардцев и устремляется в Рим, за короной императорской. Если Шарлемань шел в Рим помочь понтифику, то Фридрих — его подчинить. Однако когда Барбаросса подходит к Риму, Вечный город переживает гражданскую войну. Папа Адриан IV вынужден покинуть свой дворец и скрыться. В Риме царит Арнольд, провозгласивший себя наследником народных три-

бунов древней республики и выступивший против папы за чистоту церкви. Барбаросса считает его злом хуже папы римского, опасным фанатиком. Однако посланцы Арнольда согласны признать Фридриха наследником Римской империи и короновать его. Барбаросса не колеблется ни секунды — он романтик, но не в такой степени. Восстановлению древних традиций он предпочитает нечто более привычное и реальное — корону из рук папы.

Он отвечает посланцам трибуна: «Вы превозносите славу вашего города, идеалы его молодости. Я это слышу. Но Рим не тот, что был. Его наследие перенесено в Константинополь. Здесь побывали готы, ломбардцы, франки. Ваших принцев, которыми вы гордитесь, мы победили и сделали узниками. Мы сделали из ваших предводителей своих вассалов. Я и так ваш законный повелитель».

Это речь даже не римского императора, уверенного в своих правах, это речь наследника германских варварских вождей, покоривших Рим. Фридрих берет Арнольда в плен и передает его папе. Трибун кончает жизнь на костре. В обмен «на услугу» папа 18 июня 1155 года коронует Фридриха императором.

Граждане Рима, узнав о коронации, осуществленной без их ведома, начинают бунтовать. Вспыхивают беспорядки, которые вновь коронованный владык подавит без тени колебания. Тысячи римлян убиты или утоплены в Тибре. Это не единственное в истории Европы царствование, которое начнется с крови. Все они закончатся грустно для монарха.

По возвращении в Германию Барбаросса находит свои позиции пошатнувшимися. Могущественные феодалы поднимают головы. Основной соперник Фридриха — Генрих Лев, герцог Саксонский. Надеясь ублажить его и одновременно подорвать доминирующее влияние рода Бабенбергов, владеющего одновременно территорией Баварии и Австрии, он передает права на Баварию Генриху Саксонскому. Австрию же он делает самостоятельным герцогством и отдает своему дяде. Так рождаются самостоятельные Бавария и Австрия.

Барбаросса опять начинает производить своих вассалов в рыцари, дарить им домены. Вассалы тут же начинают воевать между собой и возводить укрепленные замки. Путешествуя сегодня по берегам Рейна и Мозеля, оказываешься в долине замков, расположенных так близко друг к другу, что невольно закрадывается мысль: по числу суверенов на душу населения посткоммунистическая Россия все-таки, слава богу, не достигла уровня постшарлеманевской Германии.

Вскоре Фридрих, оставивший свою первую жену, от которой у него не было детей, берет новую. Его избранницей становится графиня Верхней Бургундии Беатриса. Ее насильственно удерживает в темнице собственный дядя, надеясь овладеть наследством. Но Барбаросса требует ее руки, и дядя не смеет отказать императору. В 1156 году сыграна свадьба. Фридрих не только становится графом Бургундским, что значительно расширяет его личные владения, но и в глазах всей Европы выглядит «рыцарем на белом коне», спасшим Прекрасную даму из заточения.

Как ни удивительно, это на редкость счастливый брак. Супруги искренни в своих чувствах. Барбаросса — редкий случай среди европейских монархов! — абсолютно предан жене, и Беатриса становится верной спутницей императора во всех его авантюрах. Гораздо более образованная, чем соплеменницы Фридриха, Беатриса придаст его двору изысканность и утонченность, привьет мужу вкус к искусствам. Она подарит ему четырех сыновей, старший из которых унаследует империю.

Но главное — империя, приобретя Бургундию, все больше приближается к границам Италии. К этому времени Барбаросса понимает, что возложенные на его голову короны призрачны — папа относится к нему как к вассалу, ломбардцы бунтуют. Император решает нанести сокрушительный удар, и в 1158 году вновь отправляется в итальянский поход. В 1160 году Фридрих начинает осаду Милана. Папа римский пытается образумить императора, защитить итальянские города от его гнева, напоминает, что, ему, папе, Фридрих обязан короной. Но Барбаросса гордо молвит: «Я обязан короной только предкам».

Фридрих чувствует себя победителем. Победителем вдвойне. После смерти коронованного его папы Адриана IV кардиналы не могут прийти к единому мнению относительно преемника, и два кандидата провозглашают себя папами и взаимно отлучают друг друга от церкви. Фридрих собирает германский конклав, который отдает предпочтение одному из пап, Виктору. Римская церковь действует от противного и отдает предпочтение другому — Александру. После некоторых колебаний короли Франции и Англии берут сторону Александра. Они боятся видеть на престоле ставленника Барбароссы, ведь тогда Италия станет просто провинцией Германии! Так появляются папа и антипапа.

В 1162 году, наконец, сдается Милан, побежденный, однако, не силой германского оружия, а голодом и чумой. Сопrotивление этих буржуа удивляет императора, который не может понять, как купцы

и ремесленники смеют противиться великой армии, армии, ради создания которой он пожертвовал единством Германии. Для Фридриха взятие Милана — это взятие Трои, он получает ключ ко всей Италии. Дорога на Рим открыта.

Но торжество императора омрачено. Папа римский с несколькими епископами успевает бежать из Вечного города и находит убежище во Франции. И в 1163 году Фридрих вновь возвращается в Италию, чтобы довести победу до конца. Но его «папа» неожиданно умирает, и хотя с этой смертью появляется возможность для примирения враждующих сторон, Фридрих упорствует и настаивает на избрании нового антипапы. Раскол церкви продолжается. Постепенно позиции «законного» папы, поддерживаемого всеми христианскими владыками, за исключением самого Барбароссы, усиливаются. Наконец, Александр III триумфально возвращается в Рим.

Барбаросса, не в силах снести такого публичного унижения, стремится как-то укрепить пошатнувшийся императорский трон. И он принимает решение канонизировать Шарлеманя. Во время торжественной церемонии в Аахене, которая, судя по свидетельствам современников, мало чем отличалась от торжественных заседаний по случаю «энной годовщины со дня рождения...» «с речью выступил» сам Фридрих. Для него это повод провозгласить себя наследником Карла Великого.

И в октябре 1166 года Фридрих отправляется в очередной итальянский поход, с тем чтобы провозгласить антипапу главой римской церкви. Вновь Барбаросса доходит до Рима и на сей раз устраивает в сердце Вечного города кровавое побоище. Он святотатствует, открывая огонь по собору Святого Петра. Солдаты императора убивают жителей Рима в главном христианском храме, прямо на могиле апостола Петра. Однако папа Александр III вновь ускользает от Барбароссы.

Потопив Рим в крови, Барбаросса затем пытается умиловить побежденных. Он обещает римлянам восстановить республику и признать сенат. Обольщенный Рим берет сторону Барбароссы.

Наконец, очередная мечта Барбароссы сбывается — в полуразрушенном Риме его ставленник провозглашается законным папой римским. Сам Фридрих вновь коронуется императором. В традициях Шарлеманя он берет титул патриция римского.

Это апогей власти Барбароссы. В соборе Святого Петра хозяйничает его марионетка, Рим — уже не столица христианского мира, а столица германской империи. Но происходит нечто странное...

В Риме начинается лихорадка, в общем-то обычная для этих мест, но неожиданно принимающая масштабы эпидемии. Смерть косит тысячи римлян. Их не в чем хоронить. Трупы валяются на улицах или плывут по Тибру. Фридрих вынужден покинуть зараженный город, но поздно: его солдаты, его сподвижники начинают умирать один за другим. Пятнадцать тысяч германцев становятся жертвой загадочной болезни. Или Божьего проклятия?

Современники, естественно, видят в этом кару Господню. Противники Фридриха моментально обретают утраченный дух. Города севера Италии объединяются, забыв свои внутренние распри, и блокируют отступление германской армии. С трудом Фридриху удается ускользнуть из расставленной ему в Альпах ловушки. Наследник Шарлеманя вынужден бежать, переодевшись в чужое платье и бросив остатки армии. Он счастлив сохранить жизнь, ему не до сохранения чести.

...Читатель, наверное, уже устал от описания итальянских походов. Но мы дошли только до середины. Всего Фридрих совершит шесть кампаний на Аппенинский полуостров, которым он отдаст восемнадцать лет своей жизни! Барбаросса предпочитает завоевывать Италию, а не управлять Германией, подчинять себе церковь, а не служить ей. У него одна цель — постоянно ускользающая от него Италия. Во имя всемирного господства Германия жертвует своим политическим существованием. Барбароссу даже не волнует христианизация и покорение славянских народов. Этим активно занимается его могущественный вассал — Генрих Лев.

Саксонец к этому времени становится достаточно заметной фигурой на европейской политической сцене. Он женат на Матильде, дочери короля Англии Ричарда II и Алиенор Аквитанской. Воспитанная, образованная Матильда прививает супругу вкус к изящным искусствам, прежде всего к поэзии. Кроме того, английская принцесса крайне набожна, и она уговаривает мужа совершить паломничество в Святую землю. Это — мудрый поступок. На фоне враждующего с папой Барбароссы Генрих Лев все более и более выглядит как разумный христианский владыка. Его знают и на Востоке, и на Западе, он известен как непримиримый воитель против язычников-славян, стремящийся подчинить непокорных христианству и Германии. Именно он, а не Барбаросса с его итальянской мечтой, был реальным врагом славян. И кто знает, как сложились бы судьбы Европы, если Барбаросса не смог бы в конечном счете одержать верх над соперником.

Тем временем в 1174 году Барбаросса вновь собирается в поход. И конечно — в Италию. В отличие от прошлых кампаний под знаменами Барбароссы мало его немецких вассалов — иные умерли, другие, как Генрих Лев, не хотят более участвовать в этом противном Господу мероприятии. К этому времени итальянские города успевают восстановить свои силы. Германская армия сталкивается с итальянской народной милицией. Военная кампания бесславно кончается в 1176 году, когда армия Фридриха терпит сокрушительное поражение. Это катастрофа, это унижение. Папа и буржуазия одерживают триумфальную победу над этим императором, мнившим себя всесильным и неуязвимым.

Гордый и жестокий Фридрих становится почтительным и униженным. Он жертвует своим очередным антипапой и признает папу римского. В Венеции, забыв свои императорские замашки, простирается перед папой ниц, целует его ноги и просит о снисхождении. Он примиряется с ломбардцами, которых новый папа берет под покровительство.

Вернувшись в Германию, Фридрих сталкивается с бунтом. Феодалы восстали. Фридрих должен идти на уступки и опять раздавать земельные владения. Но ему удается сломить Генриха Льва и добиться его изгнания. В 1180 году Барбаросса лишит Генриха Саксонского всех прав и передаст Баварию в управление графу Виттельсбаху. Этому роду, как мы увидим, предстоит сыграть важную роль в европейской истории — другой император возведет их в короли.

По случаю «домашнего» триумфа Фридрих устраивает грандиозный праздник. Фридрих — король-рыцарь. Он стремится роскошью празднеств и турниров придать блеск потускневшей императорской короне и заставить подданных забыть горечь итальянских поражений. Несколько дней при дворе императора в Майнце выступают поэты, трубадуры, идут рыцарские турниры. Итальянские походы не прошли даром — Германия «романизируется», приобщается — пусть позднее многих других народов — к римской цивилизации.

Рождается рыцарство, культ Прекрасной дамы, появляются миннезингеры, которые, как и французские трубадуры, поют о любви. Германия постепенно забывает свое суровое прошлое. На смену сагам о нибелунгах, рассказывающим о схватках германцев с гуннами, приходят заимствованные у кельтов красивые легенды о волшебстве и любви. Да и сама суровая Песнь о Нибелунгах облагораживается наподобие французского куртуазного романа.

И это Фридрих, суровый воитель, внедряет в германской империи чуждые ей ранее традиции и взгляды. Это Фридрих первым порывает с германским прошлым. На смену героике Зигфрида и Брунгильды приходит романтика Тристана и Изольды. Германия, помнящая свое варварское прошлое, Германия, угрожавшая античному миру, Германия, насильственно изолированная от других наций Европы границей по Рейну, умирает. Империя не рождается, но рождается новая Германия, еще не как государство, но уже как яркий очаг европейской цивилизации и культуры. Рождается «германская общность», которая находит в христианской Европе свое достойное место. Сворачивается подлинная интеллектуальная и моральная революция. И с этой точки зрения Фридрих — бесспорный наследник Шарлеманя с его каролингским ренессансом. Все-таки удивительная натура этот агрессор Барбаросса!

Но не германскую мечту лелеет Фридрих, он вновь обращает свои взгляды на Италию, на сей раз южную. В жены своему сыну, будущему императору Генриху VI, он выбирает Констанцию, принцессу «двух Сицилий». Это королевство включает не только Сицилию, но и весь юг Италии с центром в Неаполе, колонизированный в свое время нормандцами. Наследник Барбароссы, став после смерти отца императором германским и королем сицилийским, унаследует и итальянскую идею. Он вообще перестанет заниматься Германией, ставшей неуправляемой. Его надежды будут связаны только с Сицилией. Генрих VI тоже мечтает об империи, но иной. Его империя видится ему на Средиземноморье, он готовит экспедицию против императора византийского, когда внезапная смерть кладет конец этой очередной погоне за призраком империи...

Под конец своей жизни, не найдя утешения дома, Барбаросса отправляется в 1187 году в крестовый поход. Европа потрясена тем, что войскам мусульман удалось вновь овладеть Иерусалимом, и три владыки Запада — французский Филипп Август, английский Ричард Львиное Сердце и Фридрих отправляются покарать неверных. Но Фридриху не доведется снискать славу освободителя Гроба Господня: под солнцем Востока 10 июня 1190 года стареющий император утонет в водах малоазиатской реки Салеф, неудачно упав с лошади. Увы, никакой героики.

Яркая и бурная карьера Фридриха Барбароссы в конечном счете оказалась в политическом плане абсолютно стерильной. Еще при его жизни от его побед не осталось и следа. Италия осталась недостижимой. А славянский восток? Туда Барбаросса вообще не

смотрел! Его манил только юг. Знал ли Гитлер историю, когда выбирал имя для своего плана нападения?

...Младший сын Барбароссы прикажет забальзамировать тело отца, чтобы достойно похоронить его в Иерусалиме, который крестоносцы надеются вновь отвоевать у неверных. Но сыну Барбароссы и его войску также не суждено дойти до Гроба Господня. Они станут жертвой чумы и вместе с телом императора останутся навеки где-то в песках Палестины, в безвестной братской могиле. Однако до Иерусалима дойдет внук Барбароссы и, более того, провозгласит себя его королем. Но это вообще удивительнейшая история.

Когда умирает его отец, император Генрих VI, Фридрих II еще младенец. Его мудрая мать, наследница, как мы знаем, Сицилии, поручает свое королевство и сына папе римскому. Папа, бесспорно, польщен — он может воспитать наследника Гогенштауфенов, злейших врагов Рима, по своему усмотрению. И когда Фридрих подрастет, папа не только признает его королем Сицилии, но содействует его избранию германским императором. Взамен он просит немного — отправиться в крестовый поход.

Но Фридриха не привлекает романтика крестовых походов. Воспитанник папы римского как никто другой утратил иллюзии относительно церкви. Это законченный атеист, которому приписывают скандальный трактат о «трех обманщиках» — Моисее, Христе и Магомете. Не случайно его, единственного из императоров, Данте, пламенный поклонник империи, вынужден все-таки поместить в свой ад.

Разгневанный папа отлучает Фридриха от церкви, но ему все равно. Опережая несколько веков, он занят созданием на юге Италии просвещенной абсолютной монархии. Он держит удивительный восточный двор, где привечает евреев, арабов и прочих неверных, ценя их таланты врачей, философов, магов. Подобно восточным владыкам, Фридрих содержит гарем из обворожительных представительниц самых разных рас.

Но, сочетавшись браком с юной Иолантой, унаследовавшей от отца королевство Иерусалим, Фридрих решает отправиться за причитающейся ему короной. Но он вовсе не собирается сражаться с неверными, предпочитая вести дипломатические переговоры, причем исключительно успешные, чем окончательно выводит папу из себя. Мусульмане соглашаются открыть для Фридриха и его войска путь на Иерусалим. И без боя отвергнутый церковью император вступает в святой город. Он мнит себя и Христом, вошедшим

в Иерусалим в пальмовое воскресенье, и новым мессией, и королем Давидом. В наказание за встречу императора папа подвергает Иерусалим интердикту — в святом городе нельзя теперь совершать никакие церковные обряды, нельзя даже молиться у Гроба Господня... Императора это не смущает. Войдя в храм Гроба Господня, он берет с алтаря корону Иерусалима и собственноручно возлагает ее на себя. Это апогей его триумфа.

Вернувшись на Сицилию, Фридрих узнает, что папа непреклонен и не снимает с него отлучение от церкви. Фридрих пишет ему послание, не менее истовое, чем те тезисы, которые в будущем напишет Лютер:

«Та первая церковь, которая произвела на свет столько угодников, была основана на бедности и невинности... Теперь же, когда латинская церковь утопает в богатстве, опирается на него ...надобно опасаться, чтобы не обрушилось все ее здание ...Папы хотят перевернуть весь мир, чтобы видеть у ног своих императоров, королей, князей. А потому весь мир должен стремиться к ниспровержению этой неслыханной тирании, к уничтожению всеобщей опасности».

В середине XII века никто, кроме императора, не осмеливается бросать папе подобных обвинений!

Но после смерти Фридриха сильным императорам, осмеливающимся противостоять папам, приходит конец. Его сын процарствует недолго, а два внука — последний император из этого рода юный Конрандин и его сводный брат, незаконнорожденный Манфред, воспетый Шиллером и Бетховеном, будут казнены по наущению папы. Рим пойдет на вопиющее преступление, но с корнями вырвет гордое древо непокорных Гогенштауфенов...

АЛИЕНОР АКВИТАНСКАЯ:
Повелительница двух королевств

Францию погубит женщина, а спасет дева.

*Французское пророчество
времен Столетней войны*

7. АЛИЕНОР АКВИТАНСКАЯ: ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА ДВУХ КОРОЛЕВСТВ

Воспетая трубадурами «королева с зелеными глазами», повелительница Двора любви. Королева, познавшая страсть знойными ночами Антиохии. Как не вспомнить нашего Игоря Северянина:

А потом отдавалась, отдавалась грозово,
До рассвета рабыней проспала госпожа.
Это было у моря, где волна бирюзова,
Где ажурная пена и соната пажа.

Ты выдумка поэтов? Ты миф? Ты легенда? О, нет. Тебе есть имя. Алиенор Французская. Алиенор Английская. Королева двух королевств. Но прежде всего — герцогиня Аквитанская, которой ты будешь до смертного своего часа, несмотря на все превратности судьбы.

Пожалуй, именно Алиенор, как никакой другой исторический персонаж, отражает все светотени XII века. Века на распутье между «нижним», мрачным средневековьем, еще носящим траур по утраченному европейскому единству, и средневековьем «верхним», светлым, живущим предчувствием будущего Ренессанса. Века жесточайших крестовых походов и века, изобретшего романтическую любовь и уходящие ввысь готические соборы. Взбалмошная и капризная повелительница, неверная и бунтующая жена — и нежная и постоянная возлюбленная, самоотверженная мать. Елена средневековья, породившая «тroyанскую» войну между Францией и Англией, и мудрая дама европейской политики, дипломат, пытавшаяся погасить эту вражду. Такова наша героиня.

История Алиенор, как и других женщин ее — и не только ее — эпохи начинается с замужества. Но в отличие от других женских судеб им не кончается. Более того — единственный случай в ту эпоху, когда по доброй воле женщина обретает развод, после чего начинается ее настоящая жизнь — и не в монастыре.

Итак, все начинается в Аквитании, в 1137 году. Герцог Аквитанский Гийом X, властитель всего юго-запада нынешней Франции, неожиданно умирает в дороге. От лихорадки, как говорят. Но перед смертью он успевает распорядиться судьбой Аквитании и своих

детей — а у него две дочери, четырнадцатилетняя Алиенор и тринадцатилетняя Алликс. Он пишет королю Франции, Людовику VI, внуку нашей Анны Ярославны, и просит взять сирот под защиту. Он справедливо опасается, что могущественные феодалы, воспользовавшись отсутствием сильной руки, раздерут Аквитанию на части. И он просит, чтобы старшая, Алиенор, стала женой дофина Людовика. Но герцог мудр, он оговаривает сохранение самостоятельности Аквитании, которую Алиенор принесет в приданое. Герцогство не будет присоединено к королевскому домену, и будущий король будет править им только как герцог Аквитанский.

Но почему, спросит читатель, в это дикое средневековье девочка наследует отцу, почему не ищут ближайшего родственника мужского пола или, наконец, почему, в духе традиций Шарлеманя, не делят наследство между сестрами? Но во Франции эпохи Капетов утвердился уже иной обычай — наследует только старший. Именно за счет этого королевской династии удастся сохранить и приумножить Францию. Да, королевскую корону наследуют только сыновья — но просто по счастливому совпадению у Капетов на протяжении трехсот лет рождаются сыновья, и дочери, даже если они старшие, отодвигаются в сторону. Но никто никогда не запрещал женщине наследовать. Вопрос этот возникнет только в XIV веке, и введенный запрет, вопреки традициям других дворов Европы, свергнет Францию в новое кровопролитие.

Но что касается феодалов, то конечно, распространенными были ситуации, когда рождались только дочери, и они наследовали отцу, без каких-либо проблем. Естественно, вставал вопрос о выборе мужа, и здесь главную роль играли соображения политики, а не сердца. Сильные бароны сами выбирали мужа повелительнице, после чего ее роль сводилась к производству законных наследников. С Алиенор все началось именно так, но дальше...

Король Франции выполнил предсмертную волю своего могущественного вассала — и, надо думать, с огромной радостью. Еще бы — Франция в момент увеличивает свои владения чуть не вдвое, выходит к Пиренеям. Если все будет хорошо, то Аквитания в конечном счете все-таки войдет в королевские владения. Шестнадцатилетний дофин, скромный, застенчивый, сторонящийся женщин юноша, послан отцом в Аквитанию. Брак должен быть заключен как можно скорее, пока не вмешались влиятельные сеньоры, которым может прийти не по душе возвышение королевского дома.

А в Аквитании Людовика с нетерпением ждет юная невеста. Алиенор в возрасте Джульетты уже готова для чувств, она ждет суже-

ного с нетерпением, мечтает о неземной любви, любви, о которой поют трубадуры. Она часто напевает их баллады и сама уже начинает писать стихи. Да, конечно, как у всех знатных дам эпохи, основное ее занятие — рукоделие, прядение шерсти, вышивание. Но это занимает только руки, мысли же и чувства остаются свободными. И знойными южными вечерами девочка-герцогиня грезит о любви.

Действительность разочаровывает. Дофин, конечно, воспитан и мил, пленен невестой, но уж слишком замкнут, он человек Севера, мечты и надежды Юга ему чужды. Более того, Людовик, как говорят, слишком много времени посвятил учению, общению с учеными церковниками, которые и сделали из него коронованного монаха. Но Алиенор безропотно выполняет волю отца. Играется свадьба, и вот она уже наследница французского престола.

Людовик покорен своей женой, старается во всем ей угодить, и первое время юные супруги даже счастливы. Это, конечно, не любовь Ромео и Джульетты, но пока ничто еще не предвещает бурь. Не успели, однако, молодожены покинуть Бордо, столицу Аквитании, где состоялось бракосочетание, как неожиданно приходит весть о смерти Людовика VI. Дофин становится королем, Людовиком VII, а Алиенор — королевой Франции.

И вот мы в Реймсе, снова торжественная церемония коронации, снова пышные празднества. Алиенор теперь по-настоящему счастлива. Юная, полная жизни, очаровательная и очаровывающая, она царит при королевском дворе, ранее не отличавшемся особым великолепием. Именно она первая внушает французам, что «мода» — она потому и мода, что должна быстро меняться. До Алиенор, как говорят, парижские фасоны не менялись двести лет! Людовик косо смотрит на одеяния Алиенор, в которых появляется то, что позже назовут декольте. Алиенор заставляет придворных кавалеров брить бороды. Сеньоры начинают мыться, пудриться, использовать духи. Говорят, из-за Алиенор уже сражаются на дуэли.

Словом, она привносит нравы Юга — свободу духа и чувств, к которым остальная Франция еще не привыкла. Алиенор — наследница вольнолюбивых традиций античности, она вся проникнута жизнеутверждающим духом Средиземноморья. Дед Алиенор, герцог Аквитанский Гийом IX, считался, по словам современников, «одним из наиболее куртуазных мужчин всего мира и самым великим со-блазнителем дам», он был прекрасным трубадуром, слагавшим баллады дамам своего сердца. Его бурная кровь течет в жилах юной Алиенор, и она не может не испытывать определенного презре-

ния к этим холодным Капетам, в кровь которых огонь приносят только заморские жены. К тому же Алиенор не может не понимать значимости того приданого, которое она принесла королю Франции.

Король потихоньку начинает проявлять недовольство — его жена слишком «распущенна», не признает условностей, окружает себя какими-то стихоплетами, людьми низкого звания. Услужливые придворные даже нашептывают: «Королева вам изменяет». Но это не так. Еще не так...

Алиенор пока девочка, ей только шестнадцать, семнадцать, восемнадцать. Любовь ее интересует как красивый роман трубадуров, но не больше. Слава богу, у короля мудрый советчик — Сюгерий, аббат Сен-Дени, усыпальницы французских королей, воспитатель Людовика. Ныне ему уже за пятьдесят, он министр, можно сказать, Ришелье XII века. За свою мудрость, неустанную заботу о благе Франции Сюгерий заслужит имя отца нации. Он понимает, чем может обернуться для Франции королевский развод, учитывая, что придется вернуть принесенную в приданое Аквитанию. Более того, мудрый монах, как никто другой, знает истинную натуру своего бывшего подопечного, сухость, скованность Людовика, взрослого не по летам, и понимает, что его девочке-жене нужна просто отдушина, и ее «причуды», о чем бы там ни судачили придворные, вполне невинны.

Идут годы. У Алиенор рождается дочь. Король разочарован, ему нужен сын-наследник, но Алиенор счастлива, слишком счастлива, кажется королю. У него вновь появляются сомнения в постоянстве жены. Ему не нравится то, что она всегда окружена поклонниками, этими пылкими южанами, уроженцами Гаскони, Аквитании, Лангедока. Они говорят на непочтительном ему языке, читают непонятные стихи, поют непонятные песни. Нет, право, нужно вырвать королеву из этого окружения слишком непочтительных друзей. Сама королева не против «перемены мест». Молодая, легкая на подъем, энергичная, Алиенор мечтает о дальних странах. Она боится, что, как и французские королевы до нее, она так и умрет, не увидев ничего, кроме Парижа. Алиенор не может и подозревать, что ей предстоит посетить чуть ли не всю Европу: Италию, Германию, Испанию, Англию, и не только их.

Вместо поездок «на воды» у европейцев того времени было два выбора — паломничество по святым местам или крестовый поход, который, впрочем, представлял собой просто милитаристскую форму того же паломничества.

Вообще паломничество представляет собой удивительный институт, выходящий далеко за рамки его изначального, религиозного содержания, позволивший людям, внезапно оказавшимся в разьединенной Европе, сохранить духовные и культурные связи. Еще вчера подданные единой империи, европейцы оказались раскиданными по разным национальным квартирам и для вчерашних соотечественников стали нежеланными гостями. Отправиться в иную страну становится делом нелегким и опасным. Ведь чужой закон не защищает иностранца!

Да и с какой целью пускается в дальний путь? Современные туристы ездят посмотреть на старинные города, архитектурные достопримечательности, посетить соборы, дворцы, музеи. В Европе XI–XIII веков, на которые как раз приходится расцвет паломничества, за исключением пришедших в упадок и поросших травой римских развалин еще очень мало достойного внимания. Но уже есть святые места христианства, где или похоронены святые, или свершались чудеса и куда стремится каждый истинно верующий.

Паломникам-пилигимам покровительствует церковь, она дает пищу и кров в их путешествиях. При всех монастырях открываются специальные приюты — платные для тех, кто прибыл верхом, и бесплатные для пеших странников. Пилигримов берут под защиту и государи. Оскорбление, убийство паломника, покушение на оставленное им на родине имущество считается страшным преступлением. По сути дела в этой разьединенной границами Европе любой, отправившийся в путешествие с благой целью, становится гражданином Европы — он всюду свой, он всюду под охраной закона.

Конечно, пилигрима все равно подстерегают опасности — бандиты, воры, мелкие вымогатели, требующие денег за переправу через реку и т.д. Естественно, пилигримы начинают объединяться в группы, брать с собой сопровождающих, обычно монахов, хорошо знающих путь, появляются даже первые туристические путеводители по Европе, описывающие, например, все представляющие интерес места на пути из Англии в Рим.

Паломником может стать всякий — достаточно лишь во всеуслышание дать обет, благословить свой посох в церкви, надеть традиционный костюм — современное слово «пелерина» как раз и происходит от названия костюма пилигрима. Многими движет стремление искупить паломничеством грехи, вымолить у бога здоровье, удачу, детей. Но есть и просто любознательные европейцы, пускающиеся в дальний путь, чтобы узнать о чужих странах и народах.

Так паломничество позволяет сохраниться общей европейской культуре. Сотни тысяч людей, знатных и простых, богатых и бедных, каждый год отправлялись в дальние края. И, естественно, они знакомились с чужими традициями, языками, становились той связующей нитью, которая помогла Европе остаться духовно единой, несмотря на все политические катаклизмы.

В средневековой Европе несколько святых мест. Это Рим, где похоронены апостолы Петр и Павел. Это находящийся на границе Бретани и Нормандии остров-монастырь Сен-Мишель, где явился людям архангел Михаил. Это северо-запад Испании, где похоронен апостол Иаков, и многие другие. Но главный объект паломничества — естественно, Палестина, христианские земли, которые по-прежнему атакуют неверные...

Алиенор страстно хочется отправиться в странствие по святым местам. Тем более, что у нее есть весомая причина — надо вымолить рождение сына, наследника французской короны. Судьба дарит ей шанс отправиться не просто в паломничество, а в священный крестовый поход. Святой Бернар призывает христианских монархов вновь отправиться в Палестину, чтобы отбить атаки осмелевших мусульман. И король отправляется защищать Гроб Господень. Вместе с королевой.

Многие знатные дамы сопровождали мужей в походах, правда, еще больше оставалось дома. У мужей, надо сказать, верность жен вызвала большие сомнения, и потому был изобретен предмет, который и сегодня можно видеть, например, в уникальном амстердамском музее, расположенном невдалеке от квартала «красных фонарей» и откровенно именуемом Музеем секса. И один из экспонатов этого музея истории эротического искусства и нравов былых эпох — стальной, весящий не один десяток килограммов пояс верности, который крестоносец, уходя в поход, надевал супруге. Правда, это не мешало многим предприимчивым дамам годы спустя встречать мужа с оравой малышей. Но Людовик не доверился поясу верности и взял Алиенор с собой.

Алиенор тщательно «готовится» к походу — шьются новые туалеты, плащи с красным крестом. Пояса расшиваются рубинами и жемчугами. Ее сопровождают графини и баронессы, целая кавалькада придворных кавалеров. Наверное, не случайно во французском языке слова «круиз» и крестовый поход — «круазад» — очень похожи!

Но действительность сначала оказывается мало похожей на круиз. Путь долог и утомителен. Крестовый поход подготовлен плохо и не приносит королю Франции ожидаемой славы. Но он

меняет жизнь Алиенор и судьбу Франции. Оказавшись в Константинополе, королева моментально забывает о тяготах пути. Она потрясена увиденным. Вместо холодного и серого Парижа — яркие краски юга, одурманивающие ароматы моря. Все это так напоминает родную Аквитанию. И сказка продолжается. Алиенор ждет Антиохия, с пышностью которой не может сравниться ничто, что видела дотоле королева Франции.

Южные азиатские ночи пробуждают ранее дремавшие в Алиенор страсти, ее и без того пылкий темперамент становится неужимым. «Королева вела себя, как публичная девка», — скажет историограф. Грубо, но, возможно, точно. Историки до сих пор спорят, кто были возлюбленные королевы под небом Палестины. Юные пажи? Закаленные в боях французские рыцари? Или, страшно сказать, неверные, мусульмане, тайно пробиравшиеся во дворец? Сколько их было? Ответа нет.

Больше всего подозрений падает на дядю Алиенор, благородного рыцаря Раймона Пуатье, владыку созданного в Антиохии христианского королевства. Он ненамного старше Алиенор — ему тридцать три года, а ей двадцать пять, но он уже закален в сражениях на поле брани и на ниве любви. Раймон — не только один из отважнейших и красивейших мужчин своего времени, но и один из образованнейших. Как и Алиенор, он влюблен в поэзию и искусства.

В своем дворце в Антиохии он отводит Алиенор поистине королевские апартаменты. Роскошь Востока превосходит все ее мечты. Изысканно убранные комнаты, террасы, фонтаны, висячие сады. Каждая прихоть Алиенор выполняется мгновенно, ее окружают десятки прислужниц в муслиновых одеждах и стройные пажи. Ей подаются невиданные яства и лакомства, ей приносят восточные ткани, пряности, духи, фрукты, о которых во Франции даже и не слышали — абрикосы, апельсины, бананы.

Словом, здесь другая жизнь. Людовик смотрит на все это с негодованием: «Эти рыцари вместо того, чтобы давать отпор неверным, сами омусульманились». Чрезмерная щедрость и гостеприимство Раймона вызывают у него подозрения: что нужно этому галантному кавалеру, который, как утверждают, еще и блестящий полководец?

Пользуясь своим родством с королевой, Раймон действительно проводит с ней много времени, стремясь, в частности, через нее уговорить короля доверить ему командование войсками. Раймон считает, что вместо того, чтобы идти прямо на Иерусалим, как собирается король, надо сначала освободить Эдессу, также попавшую

в руки турок. «Уговоры», как полагают окружающие, идут слишком долго и слишком нежно...

Но все это только догадки. Достоверно, однако, известно, что, стремясь отвлечь королеву от ее слишком светских забав, которым она предавалась в Париже, король, окунув Алиенор в византийскую, восточную роскошь, в край и климат, созданные для страстной любви, окончательно теряет ее. Если раньше Алиенор, вопреки самой себе, искренне старалась следовать нравам века — быть набожной, примерной матерью и женой, во всем подчиняться супругу, то в Палестине Алиенор с удивлением узнает, что не всех ее современниц за адюльгер ждет смерть или монастырь, что не все довольствуются ролью безропотной, пусть и знатной, служанки мужа.

Вдали от родины европейцы менее строго следуют суровым условиям феодального общества. Женщины здесь не только наследуют и потом передают титул детям, но порой и реально правят. Гостеприимной хозяйкой крестоносцев оказывается Мелиссенда, унаследовавшая от своего отца титул королевы Иерусалима и правящая вместо малолетнего сына.

Шлейф сплетен сопровождает королеву Святых мест. Как говорят, она была весьма ветрена в девичестве и не менее любвеобильна в своем кратком замужестве. Встретив «друга детства», оборотистого Юга де Пуизе, королева возобновила с ним нежные отношения. Ее муж долго закрывал глаза, — ведь титулом короля Иерусалима он обязан только жене! — но в конце концов весьма неохотно вызвал соперника на поединок чести. Юноша побежден и, презираемый всеми, бежит в Египет, но потом возвращается в Иерусалим, где получает ... прощение обманутого мужа.

Неверную Мелиссенду также ждет не монашеская келья, а раннее вдовство и трон Иерусалима! К моменту, когда крестоносцы прибывают в Святую землю, Мелиссенда уже три года правит одна — правит разумно, твердо и достойно. Германский император, король Франции, самые блестящие рыцари и достопочтенные прелаты церкви почитают за честь быть ее гостями. Юная Алиенор восхищается необычной королевой, не убоявшейся ни мужа, ни осуждения, ни позора. Почему же она, владетельная герцогиня Аквитанская, должна угождать своему мужу-монаху? Она хочет свободы и любви...

Терпению короля Франции наступает конец. Развод — другой альтернативы он не видит. Уловив настроение короля, советники-хамелеоны подсказывают: брак Людовика и Алиенор можно легко признать недействительным, поскольку они родственники в недо-

зволненной церковью степени. Опять вмешивается мудрый Сюгерий. Да, королева — неверная жена, но она пока верный союзник, Аквитания прочно контролируется короной Франции. Чего ждать еще? Разведясь, Алиенор может не только забрать с собой Аквитанию, но и взять нового супруга, родить ему наследника. Что важнее для короля — семейное счастье или благополучие отечества? И в конце концов, не закрывал ли глаза самый первый Людовик, сын Шарлеманя, на измены Юдифи, хотя в том случае развод мог бы оказаться благом? Но Людовик I терпел, может потерпеть и Людовик VII.

Доводы мудрого монаха возымевают действие, и король оставляет мысль о разводе. Он даже прощает королеву. Но увозит ее подальше от соблазнов Востока, тем более что военная удача отворачивается от крестоносцев. Тут же находятся советчики, которые успокаивают короля — его брак действителен, с Алиенор они не родственники. По дороге во Францию крестоносцы останавливаются в Риме, и сам папа римский занимается примирением супругов. Мир в королевском семействе восстановлен. Более того, вскоре рождается еще один ребенок, но опять девочка. Король уже начинает сомневаться, что Алиенор способна подарить ему сыновей. Мысль о разводе вновь приходит на ум, но король возвращается к ней только после смерти Сюгерия, несколько лет спустя.

Но вот в 1152 году министр умирает. Короля некому больше удерживать от безумного шага. И он объявляет о намерении развестись с королевой. Он утешает себя тем, что Алиенор уже «старуха», ей тридцать лет, вряд ли у нее будут еще дети, скорее всего она кончит дни, как многие отвергнутые супругом знатные дамы до нее, в монастыре. Риск для Франции минимален, Аквитания достанется дочери Алиенор и Людовика, и уж он-то проследит за тем, чтобы она продолжала принадлежать короне, даже если придется для этого запереть девочку в монастырь во избежание появления наследников.

Окружение короля советует ему все-таки не полагаться на эти доводы и получить гарантии, что Алиенор не выйдет вновь замуж, а для того следует признать ее виновной в адюльтере и пожизненно заточить в монастырь. Но Людовик-мужчина ведет себя исключительно благородно, а Людовик-король совершает непоправимую глупость — он просто дает Алиенор развод и возвращает ей приданое.

Алиенор, узнав о решении короля, счастлива. Впервые за многие годы. Постылый муж более ей не господин, она сама себе по-

вельительница, хоть и не королева, но герцогиня Аквитанская, и ее владения обширнее территорий бывшего супруга. Алиенор возвращается домой, в родные пенаты, и начинает новую жизнь. Наконец она может реализовать свою мечту — создать двор, где ее будут окружать только красивые, пылкие, жизнерадостные люди, поэты, трубадуры, музыканты, художники. Где она будет царить не в силу своего положения, а в силу красоты, ума, просвещенности. Ее двор будет Двором любви, и жить он будет по иным законам, которые создаст она, Алиенор. Но судьба решает иначе, время для счастья Алиенор еще не пришло.

Судьба имеет облик обворожительного девятнадцатилетнего сероглазого и рыжеволосого юноши, Генриха Плантагенета, графа д'Анжу, поклонявшегося Алиенор, когда она была еще королевой Франции. Теперь, когда дама его сердца свободна, он коленопреклоненно просит ее руки. И женщина «бальзаковского возраста» не может устоять, она верит, что еще может познать супружеское счастье, узнать, какой может быть настоящая семейная жизнь. Алиенор отказывается от свободы и всего через два месяца после развода, в мае 1152 года, вновь выходит замуж.

Если для Алиенор это был брак безусловно по любви, она ничего не выигрывала от нового союза, то мотивы Генриха, при всем при том, что он действительно был пленен королевой с зелеными глазами, не так уж бескорыстны. Этим браком он, и без того могущественнейший сеньор Франции, разом удваивает свои владения, становится истинным хозяином государства.

От своего отца он уже унаследовал Анжу и Мэн, от матери — Нормандию, это значительно больше собственных владений короля, хотя формально он его вассал. Приданое Алиенор, Аквитания, делает его владения государством в государстве, особенно учитывая, что все они расположены рядом друг с другом и образуют единую территорию на западе и юге Франции. А если у них будет сын, то именно он, а не дочь Алиенор от брака с Людовиком, унаследует Аквитанию. Так что для сероглазого Генриха это не в последнюю очередь брак по расчету.

Но в начале супруги безумно счастливы и наслаждаются как радостями взаимной любви, так и гневом, бешенством короля Франции, наконец-то осознавшего всю опрометчивость своего поступка. Он считал королеву старухой, а та нашла мужа на десять лет моложе себя и стала повелительницей двух третей Франции.

Гнев короля переходит в отчаяние, когда через год после женитьбы Генрих, правнук Вильгельма Завоевателя, официально стано-

вится наследником английского трона. Ирония судьбы, но в европейской истории столько подобных непредсказуемостей...

Мать Генриха, принцесса Матильда, была назначена отцом, королем Англии Генрихом I, сыном Завоевателя, его преемницей. Но ей не удалось стать первой женщиной, взойшедшей на трон Англии. Могущественные бароны предпочли, вопреки воле своего повелителя, другого претендента — тоже внука Завоевателя, сына его дочери Адели, Стефана де Блуа. Матильда лишилась престола, но в первом своем браке она — жена германского императора, во втором — графа д'Анжу, сыном которого и является Генрих.

В Англии пока правит Стефан, но он не имеет детей, да и вообще успел уже разочаровать многих своих бывших сторонников: слаб, нерешителен, словом, не король. Бароны пользуются мягкотелостью Стефана, и начинают по примеру французских сеньоров возводить укрепленные замки, что ранее они могли делать только по разрешению короля. Англия ошетиливается сетью крепостей. Тогда, очевидно, и рождается выражение: «Мой дом — моя крепость». Бароны ведут себя как настоящие разбойники — требуют выкупы со странников, обируют крестьян, просто занимаются грабежом. Страдают все — монастыри, церкви, села и города. Англия погружается в анархию. Коллективный бандитизм будет продолжаться десять лет.

Наконец, при вмешательстве церкви и баронов, Стефан незадолго до смерти соглашается встретиться с кузеном Генрихом, у матери которого он ранее «увел» трон. Генрих очаровывает родственника своим нравом, и тот признает его единственным законным преемником. В октябре 1154 года Стефан умирает, и вот уже Алиенор коронуется в Вестминстерском аббатстве. Она вновь королева, теперь уже Англии. Англии, которая в мгновение ока становится мощнейшим государством Европы, поскольку помимо собственных территорий ей принадлежит две трети Франции!

Но если Алиенор скучала при дворе французском, то при дворе английском она просто чахнет. Сырость и туманы Лондона убивают королеву, мечтающую о лазурном небе и полуденном солнце юга. Да и возлюбленный ее грез при ближайшем рассмотрении оказывается грубым, резким, невнимательным и далеко не джентльменом.

Генрих, безусловно, талантливый король. Он хороший администратор, тонкий политик, умеющий ладить с всесильными баронами и потому успешно приумножающий силу Англии. Его владения простираются от Шотландии до Пиренеев. Это настоящая этническая мозаика, где народы живут по различным обычаям, имеют

разные законы. Для того, чтобы управлять этим Вавилоном, нужна отлаженная иерархическая система, и он строит ее.

Генрих сносит возведенные без разрешения замки, прекращает разбои. Он создает судебную систему, а также профессиональную армию, вводя налог на тех сеньоров, которые не хотят лично состоять на воинской службе короля. В итоге Англия приобретает хорошо обученную и, главное, послушную армию наемников, намного превосходящую в мастерстве континентальные сборища сеньоров, отправляющихся в поход для развлечения. Словом, он наводит в стране подлинный порядок. Англо-Нормандское королевство, можно сказать, представляет собой единственное реальное государственное образование на западе Европы в XII веке, и это бесспорная личная заслуга Генриха. Но от пылкого юноши, покорившего Алиенор во Франции, не остается и следа...

Первое время, однако, супруги живут достаточно дружно. Неоднократно в первые пятнадцать лет брака Алиенор остается регентшей в отсутствие мужа. Генрих часто путешествует — его обширное королевство требует неустанного внимания. И в то же время его бесконечные поездки на континент связаны с тем, что в душе он не англичанин, он — нормандец, выходец из Франции, и именно там он чувствует себя дома. В то же время он так успешно наладил систему управления Англией, что не боится оставлять ее надолго: бароны усмирены.

Единственная ошибка Генриха-короля — история с Томасом Бекетом, которая ляжет черным пятном на его репутацию просвещенного монарха. Бекет, нормандец по происхождению, был одним из священнослужителей на службе архиепископа Кентерберийского. Он быстро становится близким другом короля — в силу легкого нрава, любви к светским развлечениям и охоте. В то же время Бекет — умелый администратор и хороший политик. Когда пост архиепископа Кентерберийского, духовного главы Англии, оказывается вакантным, Генрих предлагает его своему старому другу.

Дружба оканчивается трагически. Бекет, услужливый и галантный придворный, в одночасье становится суровой совестью нации. Он занимает принципиальную позицию в споре относительно особенностей применения судебного разбирательства по отношению к священнослужителям, отстаивает независимость церковных властей, несмотря на давление короля. Неуступчивость Бекета вызывает раздражение баронов, и те убивают его прямо у церковного алтаря. Англия в шоке. Генрих не имеет прямого отношения к убий-

ству, но его имя запятнано, от него отворачиваются жена и дети. Призрак убиенного архиепископа будет преследовать его всю жизнь.

Все это еще более отдаляет Алиенор, набожную католичку, от мужа. Отношения с ним портятся, особенно когда она узнает о его неверности. Король предпочитает ей юную Розамунду! Ревности пылкой Алиенор нет предела. Сцены, ссоры, обещания, примирения...

Самое примечательное, что от этого бурного союза рождаются пятеро сыновей и три дочери. Двое сыновей, доживших до зрелого возраста, навечно войдут в историю — Ричард, которого мы знаем под именем Львиное Сердце, любимец матери, унаследовавший ее темперамент и нрав, и Джон, будущий «Безземельный», который подарит Англии ее Великую хартию, основу британской демократии. Родив королю Франции только дочерей, королю Англии, его сопернику, она подарит сыновей... А у короля Франции от его новой, на сей раз покладистой жены вновь рождается дочь. Только позже, уже от третьей жены, появится сын Филипп, которого будут именовать Август, поскольку он действительно станет великим королем.

Генрих по-прежнему ищет улады любви на стороне. Некоторые современники считают его великим развратником, не пощадившим даже невинности дочери короля Франции Аделаиды, девочкой просватанной за его сына Ричарда Львиное Сердце и в соответствии с обычаями отправленной воспитываться к английскому двору. Во всяком случае, когда в будущем Ричард не захочет породниться с королем Филиппом-Августом, он грубо вернет ему его сестру, ссылаясь на то, что та была «близка» с его отцом.

Скорее всего, это злая выдумка, но многочисленные легкомысленные похождения Генриха — реальность. И Алиенор, которой уже за сорок, все больше времени проводит одна, в ненавистном, холодном, каменном Вестминстерском дворце. Некоторые современники обвиняли Алиенор в том, что она жестоко расправлялась с соперницами — ядом. Однако на самом деле Алиенор мстит мужу не как женщина, а как государыня. Она поднимает против него бунт, в который вовлекает сыновей, Ричарда и Джона. «Континентальная Англия», подзуживаемая Алиенор, объявляет собственному королю войну. Война идет с переменным успехом. Периодически супруги все-таки мирятся. Но даже в эти спокойные периоды Алиенор уже не удержать в Лондоне, она все больше времени проводит в родной Аквитании. Вот тогда и рождается знаменитый Двор любви, кото-

рый отнюдь не выдумка авторов пресловутой «Анжелики». Он существовал, существовали его законы.

...Конец XII века подарит Европе то, что назовут куртуазной любовью, культ Прекрасной дамы. Женщина, которая раньше третировалась как бесправное и бессловесное существо — хотя и имела право наследования — возводится на престол и обожествляется. То, что женщине сегодня целуют руку и пропускают ее вперед, подают пальто и придвигают стул в ресторане — пришло оттуда, из XII века. Женщина не была признана равной мужчине, до этого еще далеко. Она просто признана превосходящим мужчиною созданием, заслуживающим поклонения. И воплощение, квинтэссенция этой воспетой в балладах Прекрасной дамы средневековья — она, Алиенор Аквитанская.

Двор Алиенор составляют два десятка знатных дам, столько же кавалеров и трубадуров. Все они занимаются выработкой Кодекса любви, задавая себе вопросы и сами же на них отвечая. Как же звучали законы, по которым жила Алиенор и ее двор?

«Настоящий возлюбленный всегда скромен».

«Никто не может иметь сразу две привязанности».

«Кавалер, добиваясь любви дамы, преподносит ей подарки. Дама принимает их, но остается по-прежнему неприступной. Кто прав?»

По мнению Двора любви:

«Дама должна или отказываться от подарков, преподносимых ей с целью снискать любовь, или оплачивать их стоимость, или каждый вправе назвать ее ищущей выгоды куртизанкой».

Но не все законы были столь безгрешны:

«Может ли существовать любовь между супругами?»

Неудивительно, что двор королевы, дважды разочаровавшейся в замужестве, приходит к следующему выводу:

«Нет. Возлюбленные отдаются друг другу по доброй воле, без принуждения, в то время как супруги следуют долгу».

Или:

«Девушка, связанная узами любви с кавалером, затем выходит замуж за другого. Может ли она отказать своему бывшему возлюбленному в ранее принадлежавших ему правах?»

Заключение Двора:

«Наличие брачных уз не отменяет прав первой привязанности, если только дама не дает обет навеки отказаться от любви».

Да, многие конституционные суды могли бы поучиться логике у Двора Алиенор. А у прекрасной Алиенор в краткой паузе между ее двумя браками был пылкий поклонник — трубадур Бернар де

Вантадур, который продолжает умирать от любви к своей королеве. Может ли она, королева, не последовать заключению собственного же Двора и отказать своей прежней привязанности? И Алиенор осласливлнвает возлюбленного. Ей в то время за пятьдесят. А она впервые познает разделенную, бескорыстную, ничем не омраченную любовь...

Такого удара по своему самолюбию Генрих Плантагенет не выдерживает. Он еще прощал королеве бунты против него как короля, но оскорбление, нанесенное мужчине, он снести не может. И когда противостояние между Алиенор и ее сыновьями, с одной стороны, и королем, с другой, вновь обостряется, Генрих мобилизует все силы, чтобы положить конец этой войне, делающей его посмешнцем всей Европы. Алиенор — какая превратность судьбы! — вынуждена даже просить покровительства у своего бывшего супруга, короля Франции. Но и это не помогает. После одного из сражений Алиенор пленена, ее обвиняют в подстрекательстве к бунту и бросают в лондонскую тюрьму Солсбери. Король в конечном счете примиряется с сыновьями, но он никогда не простит Алиенор. Она проведет в тюрьме кто считает девять, кто шестнадцать лет.

Три с половиной столетия спустя другая пылкая дама, тоже экс-королева Франции и тоже мать будущего короля Англии, окажется брошенной в английскую тюрьму правящим монархом. Речь, конечно, идет о Марии Стюарт. Но если Марию из тюрьмы дорога поведет на эшафот, то жизнь Алиенор не кончится застенком. После смерти Генриха, в 1189, году новый король Англии, ее любимый сын Ричард Львиное Сердце, возвращает Алиенор свободу. Ей шестьдесят восемь лет! Она обретает родную Аквитанию. Более того, она становится подлинной правительницей Англии, поскольку Ричард не интересуется повседневными делами королевства. Но испытания Алиенор еще не кончены, не кончена и роль в европейской истории. Поистине удивительнейшая судьба, перед которой меркнут превратности судеб всех вымышленных героинь!

Алиенор становится наиболее почитаемой дамой европейской политики, ее мнение ценится при всех королевских дворах. После ее смерти монахини аббатства, в котором она похоронена, запишут в анналы: «Своим безукоризненным поведением она превзошла почти всех королей мира». Быстро же забываются знойные ночи Антиохии, скандальный развод и поклонение трубадуров!

К сожалению. Алиенор есть где применить ее выдающиеся дипломатические способности. Нужно восстанавливать мир в собственной семье. Сыновья Алиенор враждуют между собой. Ричард был

только третьим сыном Алиенор и потому, согласно решению родителей, ему предстояло получить в наследство не Англию, а Аквитанию. Однако, когда после смерти двух старших братьев он стал наследником английской короны, его отец предпринял было попытку «рокировки» — Аквитанию он решил предназначить младшему сыну, Джону. Но Ричард, унаследовавший от Алиенор влюбленность в солнечную Аквитанию и ненависть к сырой Англии, не хочет отдавать то, что он считает уже своим. К короне Англии он хочет по-прежнему добавить титул герцога Аквитанского. Начинается война между ним и его братом Джоном, которая будет идти с переменным успехом. В этой войне Алиенор, конечно, на стороне Ричарда.

Вскоре ее любимец Ричард Львиное Сердце совместно с новым королем Франции Филиппом Августом, сыном первого мужа Алиенор от его третьей жены, отправляются в очередной крестовый поход. Ричард вообще был удивительнейшим королем: за десять лет своего правления он находился в Англии только дважды, один раз три месяца, другой раз — два. «Мало английских королей, — напишет историк, — играли столь незначительную роль в делах Англии и столь большую в делах Европы, как Ричард I». Сын Алиенор был законченным образцом искателя европейских приключений — космополит, поэт и музыкант, блестящий и неутомимый полководец, рафинированный кавалер.

От родителей он получил в наследство пылкость и буйность характера. Он мог быть великодушным и благородным, но и мстительным и жестоким. Ричард вел себя по-рыцарски по отношению к поверженным соперникам, но только если они были благородного происхождения. С пленными низкого звания он был столь бесчеловечен, что на Ближнем Востоке на протяжении нескольких поколений матери пугали капризничавших малышей: «Будешь себя плохо вести — придет король Ричард и тебя заберет».

Его пылкость находила удовлетворение только в войне. Он презирал мир, ради поддержания которого его отец положил столько сил. И в роли короля Англии он оказался катастрофой. Англия дорого платила — и в буквальном смысле этого слова — за его страсть «к перемене мест», за безудержную склонность к военным авантюрам. Он вечно нуждался в деньгах, и чтобы их получить, продавал городам их «вольности».

Отец Ричарда, как и его предшественники на английском троне, без энтузиазма относился к крестовым походам — они платили деньги, снаряжали отряды, но в Палестину сами не ходили, пред-

почитая заниматься делами королевства. Они хорошо помнили, чем кончилось участие в первом походе для сына Вильгельма Завоевателя, Роберта, которому отец отдал Нормандию. Собравшись в Палестину, Роберт, нуждающийся в деньгах, заложил у брата, короля Англии, Нормандию и выкупить, естественно, не смог.

Ричард иного склада, его экзальтированная натура создана именно для дальних странствий во имя великой цели, тем более что поход замыслился грандиозный — им должны руководить король Франции, король Англии и германский император!

Но Барбаросса, как мы знаем, утонул в самом начале похода, и его армия вернулась обратно. Остались Филипп и Ричард. В поход они отправлялись друзьями. Но под знойным солнцем Востока отношения быстро портятся. Ричард ревнует Филиппа к его боевым успехам, в нем, как когда-то в матери, просыпаются страсти, но он обращает свой пыл на безумные военные авантюры. Ричард вообще, как утверждают современники, не питал никакого интереса к женскому полу, во всем предпочитая общество других рыцарей, и посему не оставил после себя потомства.

По дороге на Иерусалим Ричард как бы мимоходом завоевывает Кипр и включает его в зону английского влияния. Этот непреднамеренный поступок оказывается самым значимым результатом его военной эскапады: хотя Ричарду удается почти дойти до Иерусалима, затем дела принимают для него плохой оборот.

Тем временем Филипп, укрепив свой авторитет участием в крестовом походе — а Август был большим реалистом, и поход ему нужен был только с точки зрения «имиджа» в глазах христианской Европы, быстро возвращается во Францию. Ричард же продолжает воевать, и все более неудачно. Наконец он садится на корабль, который должен вернуть его в Англию. И таинственно исчезает. Европа замирает. Алиенор полна тревоги, она безумно любит сына. Наконец приходит новость, и добрая, и злая одновременно. Ричард жив, но он пленник. Корабль потерпел крушение у скал Далматии, и Ричард оказался во власти австрийского герцога Леопольда, бывшего товарища по оружию, которого он умудрился оскорбить во время палестинского похода. Злопамятный герцог лишает Ричарда свободы и передает его германскому императору Генриху VI, сыну Фридриха Барбароссы.

Алиенор уже семьдесят два года, но она начинает вести с императором переговоры о выкупе за сына. Нравы христианской Европы, как видим, ничем не отличаются от манер разбойников с большой дороги. Европа уже настолько далеко ушла от единства времен Шарлеманя, что его наследники, более того, сподвижники по крес-

товому походу спокойно торгуются о цене друг за друга. Правда, не только корысть движет германским императором, удерживающим в плену коронованного узника. У него немало поводов ненавидеть Ричарда.

Мы помним, как отец императора, наш герой Фридрих Барбаросса, долго и ожесточенно конфликтовал со своим могущественным соперником-вассалом, саксонцем Генрихом Львом, и в конечном счете лишил его всех владений, но не жизни. Барбаросса, повторим, вопреки расхожим стереотипам, был истинным рыцарем! И Генрих Лев вместе с женой и сыном отправляется «в эмиграцию». Куда? Да в Англию! Ведь он же женат на английской принцессе Матильде, дочери Алиенор, сестре Ричарда. В Англии прекрасно принимают свою немецкую родню. И когда подросший сын Генриха Льва, Оттон, вернется в Германию и продолжит семейную вражду с сыном Барбароссы, Ричард, естественно, будет всячески поддерживать родного племянника и окажется втянутым во внутригерманские интриги. Этого император простить королю Англии не может..

Но он не может и просто расправиться с узником, тем более, что на его защиту встал папа римский, который грозит императору отлучением от церкви, если тот будет продолжать удерживать в плену героя-крестоносца. Папой, конечно, также движет не только христианская мораль. Для него это лишний повод щелкнуть по носу заносчивых германских императоров. И император соглашается на переговоры. Семидесятилетняя(!) Алиенор самолично отправляется в Германию и привозит требуемый выкуп, огромную по тем временам сумму — сто тысяч марок.

Но император все колеблется отпустить Ричарда. И тогда Алиенор убеждает его в том, что конфликт Германии и Англии на руку только Франции. Действительно, пока Ричард находился в плену, Филипп Французский, который вошел в историю как гений политического маневра, сторговался с его братом Джоном, который в обмен на поддержку его претензий на английский трон согласился отдать Франции часть континентальных владений Англии. Франция вновь становится для Германии опасным соседом! На императора доводы Алиенор производят столь неизгладимое впечатление, что он даже принимает решение не просто отпустить пленника, но и ...передать Ричарду в управление королевство Арль, представляющее собой часть Бургундии. Хотя в свое время отец императора и короновался в Арле, власть империи над ним призрачна, почему бы тогда не уступить ее Ричарду — ведь тогда Франция ока-

жется чуть ли не со всех сторон окружена англо-нормандскими владениями.

Но Ричард не спешит завладеть иллюзорной короной Арля, ему важно как можно быстрее вернуться в Англию, чтобы наказать брата-изменника и начать готовиться к борьбе с королем Франции. Былая дружба Ричарда и Филиппа превращается в ненависть. Ричард контролирует две трети Франции, и хотя по своим французским владениям он остается формально вассалом французской короны, на деле он уже никому не подчиняется. Король Франции смирится с этим не может. И она начинается, первая война между двумя державами.

В крестовом походе Ричард, хотя и не снискал славы, приобрел огромный военный опыт, и ему удастся в сражениях против Филиппа Августа отстоять свои континентальные владения. Более того, ему удастся обессилить короля Франции. Символом триумфа Плантагенетов на французской земле становится возведенный Ричардом огромный замок Шато-Гайяр, построенный по примеру виденной им в Палестине крепости рыцарей-христиан. Шато-Гайяр — ключ к Нормандии: кто им владеет, владеет ею.

Успехи Ричарда во многом обеспечены поддержкой Алиенор. Это она наставляет своего вспыльчивого и неуступчивого сына в делах большой политики, учит его искусству компромисса и гибкости. По ее совету Ричард официально заключает союз с германским императором — тем самым, который держал его в плену и требовал выкупа за его жизнь, и в итоге наносит Филиппу одно поражение за другим.

Алиенор устраивает брак Ричарда, приносящий существенные политические дивиденды, с Беренгарией, дочерью короля Наварры, королевства, соседствующего с Аквитанией. Но детей от этого брака нет...

Алиенор переживет своего любимого сына. В 1199 году Ричард умирает от запущенного по его собственной беззаботности ранения. Корона Англии достается другому сыну Алиенор, Джону, тому самому, который пытался было узурпировать корону брата в период его пленения. Как говорят историки, Джон обладал удивительным талантом — предавать друзей и в свою очередь быть преданным друзьями. Он пытается даже отобрать владения собственного племянника, Артура, внука Алиенор, и когда это ему удастся, собственноручно убивает Артура.

Джон сначала было пытается продолжить военные приключения Ричарда, войну во Франции, но затем понимает бессмысленность

авантюры. В отличие от Ричарда, он совсем не король-кавалер, в воинских делах он слаб. Для того чтобы заключить мир, Джон решает на обычный для того времени прием — династический брак. Он решает выдать замуж за сына французского короля, будущего Людовика VIII, свою племянницу, внучку Алиенор, Бланку Кастильскую. И кому же, как не Алиенор, признанной великой даме европейской политики, поручить устройство этого брака.

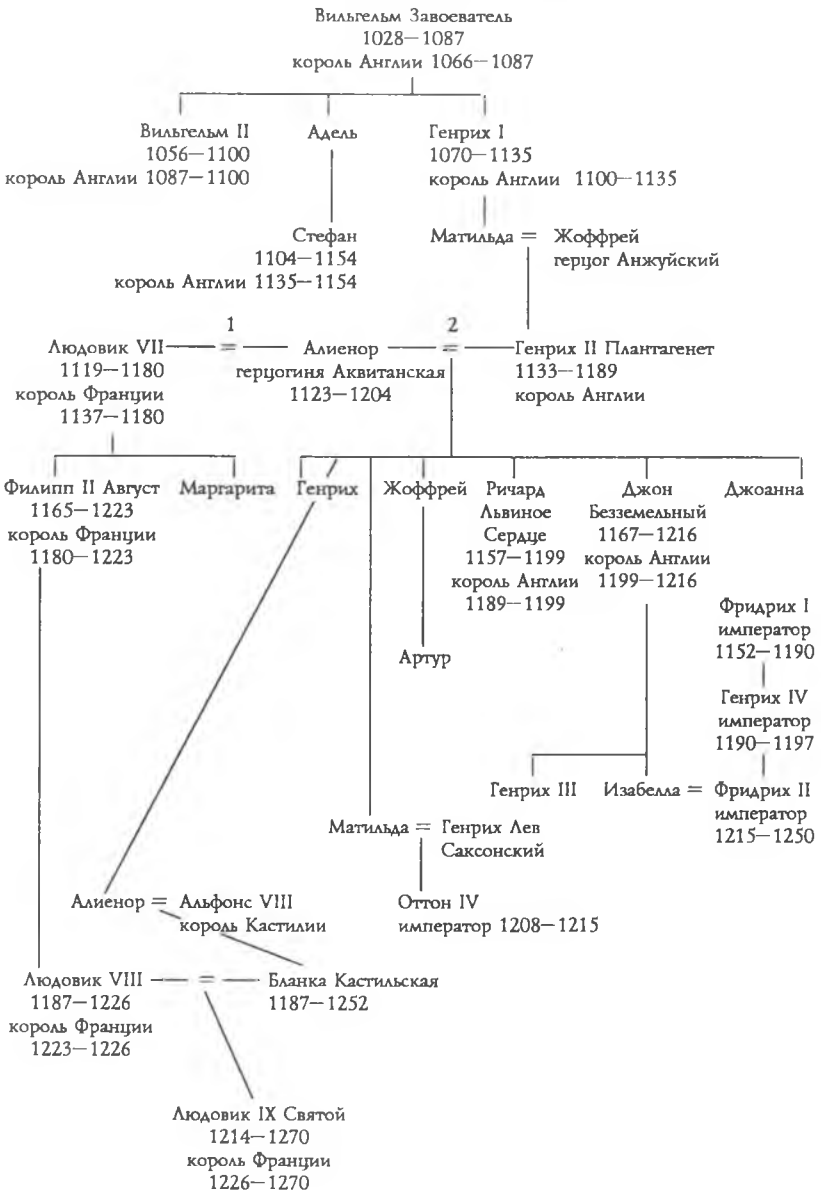
Алиенор с удовольствием выполняет просьбу сына. Восьмидесятилетняя женщина опять отправляется в дальнейшее путешествие — в Кастилию, королю которой она в свое время отдала в жены свою дочь Алиенор-младшую. Теперь юной Бланке Кастильской предстоит стать, как когда-то бабушке, королевой Франции.

У Алиенор нет предубеждения перед французским королем, вассалом которого она остается как герцогиня Аквитанская. Да уж, смотря на вещи с высоты обретенного опыта, ее первый муж, отец Филиппа, был отнюдь не плохим человеком — слабым, да, но порядочным. Беда заключалась в том, что с Людовиком Алиенор ничто не связывало, слишком разными были они людьми. Со вторым своим мужем Алиенор, наоборот, имела слишком много общего — взрывной темперамент, склонность к романтическим приключениям, упорство и упрямство. А также любовь к политике. Ведь что бы ни говорить, при всей поэтичности Алиенор, ее увлечения искусством политика и власть были первой любовью этой королевы. Не отличался от нее и ее английский супруг, что также добром не кончилось. Может быть, ее внучка, когда в свою очередь станет королевой Франции, будет счастливее? Алиенор надеется этим браком положить конец вражде между Англией и Францией, возникновению которой она невольно содействовала.

Но исполнится только одно желание Алиенор — Бланка Кастильская станет великой королевой, регентшей при малолетнем сыне, который войдет в историю Европы как Людовик Святой. Удивительно, но у Алиенор и Людовика VI, этих расставшихся супругов, окажется общий великий правнук! Но, увы, вражда между двумя королевствами еще далека от своего апогея. Еще более двухсот лет до того страшного дня, когда в столице Нормандии Руане, неподалеку от собора, в котором захоронено «львиное сердце» Ричарда, на разожженный англичанами костер взойдет девятнадцатилетняя француженка Жанна д'Арк...

Уже после смерти Алиенор, когда некому будет дать Джону разумный совет, тот окончательно рассорится с Филиппом Французским, с которым когда-то вместе интриговал против Ричарда, и

ПРОЛОГ К СТОЛЕТНЕЙ ВОЙНЕ

Филипп, пользуясь правом сюзерена в отношении континентальных владений Англии, предаст короля Англии суду! Найдутся, естественно, приличествующие случаю обвинения в преступных деяниях, припомнится и убийство собственного племянника, и прочие преступления.

Джон рассорится и со своими английскими баронами и, потерпев поражение в борьбе с ними, будет вынужден в 1214 году согласиться на Великую Хартию, которую Англия и поныне чтит как основу своей демократии. До реальной демократии, правда, в этом документе далековато, Джон не давал английской нации ничего нового, он соглашался вернуть прежние англосаксонские обычаи, упраздненные Вильгельмом Завоевателем, ограничить свое право суверена.

Но «отец английской демократии», как я уже говорила, отличался непостоянным нравом, и не успел он несколько укрепить свои позиции, как быстро забыл свои обещания. Только его сын, взойдя на престол, ратифицирует, как бы мы сказали, Хартию. Но это все будет уже после Алиенор.

Алиенор умерла 1 апреля 1204 года в возрасте восьмидесяти двух лет. Она скончалась через три недели после того, как Джон, проиграв французам сражение, вынужден был сдать столь много значащий для Англии замок Шато-Гайяр. Ее хоронят в аббатстве Фонтенвро между ее вторым мужем и любимым сыном Ричардом. Короли и королевы Англии ищут последнего приюта на родине, а значит — в Нормандии, во Франции.

Со смертью Алиенор уходит в прошлое эпоха. Никогда больше крестовые походы не будут столь вдохновенны и романтичны. Приходит эпоха реализма. Буквально вскоре после смерти Алиенор приходит дикая весть — Константинополь, впервые за всю его историю, пал, но не от рук неверных, а от рук ... крестоносцев. По дороге в очередной, четвертый поход христианское воинство, дойдя до Константинополя, решило принять участие в династических спорах в византийском императорском семействе. Итогом стало разграбление Константинополя, продолжавшееся с 9 по 13 апреля 1204 года. Христиане убивали христиан, грабили церкви, оскверняли святые реликвии, насиловали женщин...

Алиенор, слава богу, не узнала о горьких испытаниях, выпавших на долю города, ярким светом озарившего ее молодость. Пройдет еще немного времени, и новые трубадуры начнут черпать в веке Алиенор источник вдохновения. В памяти потомков останется не неверная жена, а Прекрасная дама.

КАРЛ ЧЕТВЕРТЫЙ: Отчим империи

Карл IV узаконил анархию и назвал ее конституцией.

*Дж. Брайс,
английский историк XIX века*

8. КАРЛ ЧЕТВЕРТЫЙ: ОТЧИМ ИМПЕРИИ

Каждый, кто бывал в Праге, знает, как чехи гордятся своим великим королем. И воистину Прага — «Карла творение». О славном правителе неустанно напоминают и Карлов мост, и Карлов университет, и расположенный неподалеку от столицы замок Карлштайн.

Но чешский король Карл был одновременно и императором Священной Римской германской империи. Императором необычным — к наследству Барбароссы равнодушным, чувствующим, что время европейского единства прошло, и использующим свою власть не для укрепления и прославления Империи, а для обустройства маленькой европейской нации, к тому времени являющейся жемчужиной германской сферы влияния, а вовсе не малоразвитой колонией, как можно было бы предположить.

Чехию в те времена именуют на немецкий манер Богемией. Это мощное и процветающее государство, границы которого на протяжении X–XIV веков значительно менялись. В IX веке Чехия входила в состав первого славянского государства в Европе, Великой Моравии, крещенной в христианство Кириллом и Мефодием и исчезнувшей, как мы помним, в период великих нашествий под ударами венгерских кочевников. Но Чехии повезло — она вышла из состава Великой Моравии за десять лет до падения последней, и в борьбе с чужеземными завоевателями чешские князья смогли отстоять свою независимость.

А когда уже упоминавшийся на страницах этой книги германский император Оттон Великий одержал победу над венграми, стремившимися захватить территории вплоть до Рейна, и ограничил сферу их проживания плодородными дунайскими просторами, возникли условия для распространения влияния чешских князей и на славянские земли, лежащие к востоку от Чехии. Чешские князья постепенно присоединили к своим владениям Моравию, нынешнюю Словакию, а также некоторые земли на юге современной Польши. Так Чехия и Русь стали соседями. И уже в 992 году чешские послы прибыли к киевскому князю Владимиру Ясное Солнышко с щедрыми подарками по случаю его крещения.

Как видим, в X веке угрозу чешской государственности несли венгры — тогда еще не славяне! — а неожиданная помощь пришла от странного партнера, от Германии. Но все быстро меняется. Германские императоры вскоре начинают «натиск на Восток», стремясь распространить свое влияние на славянские земли. Борьба идет с переменным успехом, но на поле битвы удача сопутствует скорее чехам. Им даже как-то удается пленить самого императора Лотаря II, и тот вынужден признать независимость чешского государства. И возможно, Чехии и дальше удавалось бы оставаться вне орбиты германской империи, если бы не внутриславянские распри, которыми умело воспользовался Фридрих Барбаросса. Этот император, который, как мы знаем, восточным кампаниям предпочитал итальянские, не стал покорять Чехию мечом, он просто даровал моравскому князю и пражскому епископу титул князей германской империи, предложив им тем самым независимость от чешского князя.

Единство «большой» Чехии было разрушено, и она постепенно вошла в состав германской империи, сохранив, однако, свою государственность. Империя времен Барбароссы, как уже говорилось, особенно не ущемляла права местных феодалов. А от внука Барбароссы чешским королям вообще удалось добиться признания независимости Чехии, которая, оставаясь в составе империи, официально получила множество привилегий в сравнении с немецкими княжествами. И главная из них — право самостоятельно, без императора, выбирать себе короля. Говоря современным языком, Чехия обретает в XIII веке статус особого, привилегированного субъекта германской «федерации».

Однако естественным следствием формального вхождения в империю стала немецкая колонизация, которая, правда, осуществлялась не насильственно, а «по просьбе законного правительства». Когда в XVIII веке Екатерина Великая начнет призывать своих соплеменников в Россию, чтобы помочь ей стать процветающей страной, она только последует примеру славянских князей XII–XIII веков, которые активно приглашали в свои земли немецких поселенцев, славившихся трудолюбием, смекалкой, ремесленными навыками. Кто мог тогда предположить, что в XX веке их потомки станут поводом для развязывания Второй мировой войны!

Вслед за простым людом в Чехии обосновываются и германские феодалы, которым богемские короли добровольно и весьма охотно раздают земли, находя их более покорными вассалами, нежели заносчивых чешских магнатов, мнящих себя равными королям. Более того. Чешские монархи постепенно начинают чувствовать прелес-

ти империи, вкус к высшей власти, они хотят стать сначала равными немецким князьям, а в будущем — кто знает! — дать Германии своего императора. Поистине в европейской истории нет нации, не переболевшей звездной имперской болезнью.

Но тут приходит новая угроза, на сей раз опять с Востока. В 1241–1242 году Чехия, вслед за Венгрией и Польшей, подвергается татаро-монгольскому нашествию. Орды Батыея опустошают Моравию, однако их продвижение удается остановить. Татаро-монгольские силы уже истощены борьбой с русскими княжествами, но есть еще одна причина, которая убергает эту часть Европы от Золотой Орды. Перефразируя мудрую сказку Евгения Шварца, можно сказать, что у западных славян к тому времени был свой Дракон, и более цивилизованный, чем татаро-монголы — германская империя, который, конечно, был достаточно прожорливым покровителем, но тем не менее исправно защищал от других драконов.

И Чехии удается вновь остаться в целом независимой. Более того, в середине XIII века ее король даже присоединяет к своим владениям Австрию и славянские земли к югу от Дуная — Штирию, Каринтию и Крайну. Границы Чехии выходят к Адриатическому морю! Но территориальная экспансия чешских королей приводит к конфликту с Венгрией, а потом и с Германией. И в 1278 году первому Габсбургу, сумевшему стать императором, Рудольфу, удается отобрать у Чехии Штирию, Каринтию и Моравию. Но Чехия продолжает оставаться политически сильным и экономически процветающим государством.

Наступает XIV век. Приходит время обустроивать родившиеся европейские нации, границы которых уже в принципе определились. Время для «братского», что, однако, не значит мирного, передела карты Европы, когда французский король мог завтра стать «по совместительству» германским императором и наоборот, окончательно кануло в Лету. Но не все еще это осознали. Франция и Англия втянуты в Столетнюю войну, выясняя династические отношения между собой.

Но то, чего еще не понимают король английский и король французский, осознают уже правители Восточной и Центральной Европы. Пока на западе континента идет кровопролитная Столетняя война, на востоке, переживающем свой золотой, хотя и краткий век, создаются сильные государства. Именно заложенные в этот период прочные основы государственности помогут странам этой части Европы пережить все будущие катаклизмы. Они сохранят собственное лицо, побывав частью германской, а затем австрий-

ской империи, сателлитами Третьего рейха и советской империи, и потом спокойно, «нежно» и неоспоримо вернуться в Европу и сразу займут в ней достойное место. Заслуга в этом многих славянских правителей и, в частности, нашего героя.

... Будущий император Карл IV появляется на свет в 1316 году в Праге. По матери он происходит из древнего, к тому времени уже угасшего рода чешских королей Пржемыслов. В 1310 году будущему отцу Карла, четырнадцатилетнему Жану, герцогу Люксембургскому, чешская знать, которой надоели анархия и междоусобицы, вызванные закатом королевской династии, предлагает руку восемнадцатилетней Елизаветы, дочери последнего богемского короля Вацлава II, и корону. Чем привлекает чешских магнатов этот ничем еще не проявивший себя подросток? Естественно, происхождением. Его отец в этот момент уже является германским императором, а следовательно, Чехия, входящая в состав империи, может рассчитывать на особое покровительство.

Выбор падает на Жана еще и потому, что люксембургская династия, хотя и не располагает обширными территориальными владениями, имеет прочные родственные связи со многими правящими домами Европы и, следовательно, может оказаться противовесом в соперничестве с Венгрией, где правит французская династия Анжу. Так Чехия входит в состав люксембургских владений, не теряя, тем не менее, своей государственности.

Жану, однако, не удастся стать германским императором. Когда в 1313 году его отец умирает, германские князья-избиратели отдадут предпочтение Людовику Виттельсбаху, герцогу Баварскому. Но семнадцатилетнего Жана это мало печалит — он входит в роль короля Чехии, и она ему нравится все больше и больше.

24 июня 1316 года в Праге у молодых правителей Богемии рождается сын и наследник, которого при крещении нарекают Вацлавом в честь знаменитого предка, жившего в X веке и считающегося покровителем Чехии. К этому времени Чехию вновь раздирает гражданская война. Вопреки надеждам местных феодалов Жан Люксембургский не принес в Чехию умиротворения. Правда, тому причиной не столько он сам, сколько его жена, стремящаяся укрепить королевскую власть и обуздать чешских магнатов и для этого все более опирающаяся на немцев. В этом ее поддерживает и супруг.

Жан даже призывает в страну германских наемников, но их отряды терпят поражение на поле боя. Жан вынужден капитулировать. Он урезает права германской знати, соглашается с тем, что только чехи могут занимать высшие сановные должности. не про-

тивится ограничению своей собственной власти. Разочаровавшись в надежде стать «любимым правителем» Чехии, он, оставаясь ее королем, покидает в 1323 году Прагу, забирает сына и уезжает в Париж, ко двору французского короля Карла IV, который годом раньше женился на его сестре.

Отныне Жан только изредка будет наезжать в Богемию — за серебром из местных рудников, которое будет финансировать его военные авантюры, а их в его жизни будет немало. Отважный воин, неутомимый искатель славы и доблести, он войдет в историю как один из наиболее отважных рыцарей своей эпохи. Плохо залеченная болезнь глаз, бывшая следствием ранения, сделает его слепым, но даже это не охладит его воинского пыла.

В Париже молодой Вацлав, которого при конфирмации нарекают Карлом в честь дяди, французского короля, проводит семь лет. Он получает чисто французское воспитание и в четырнадцать лет женится на своей сверстнице Бланке, сестре нового короля Франции, Филиппа VI из династии Валуа. Ему нравится жизнь при молодом и веселом французском дворе, жизнь, еще не омраченная Столетней войной.

Но отец считает, что пришло время приобщать сына к науке управлять, и он призывает его сначала в Люксембург, а спустя несколько месяцев берет с собой в Италию. С того момента, как Жан Люксембургский покинул Чехию, он мало интересуется ее внутренними делами, но продолжает активно наращивать свои славянские владения. Ему удастся присоединить к Чехии Силезию и Лужицы и, более того, удастся женить своего младшего пятилетнего сына на девятилетней наследнице Каринтии и прилегающих земель северной Италии, и он отправляется проинвентаризировать новые приобретения. Законность этой сделки, впрочем, оспаривается Габсбургами. Жан, однако, надеется на поддержку императора, Людовика Виттельсбаха. Но император за спиной Жана заключает сделку с Габсбургами о будущем разделе Каринтии между двумя родами.

В 1331 году Жан назначает пятнадцатилетнего Карла регентом в Италии и оставляет его там одного, сам отправляясь просить поддержки у французского короля. Карл остается во враждебно настроенной Италии один. Его окружают интриги и предательство, не прекращаются попытки отравить его. Все это надолго запомнится Карлу, и в будущем он вообще не будет доверять итальянцам, скептически отнесется к призывам патриотов восстановить древнюю римскую республику. И хотя в нескольких военных операциях юноше сопутствует удача, удержать Италию невозможно. В 1333 году, после

10 лет отсутствия, Карл возвращается в Прагу, получив от отца титул маркграфа Моравии. Кроме того, он начинает управлять также Каринтией и Тиролем от имени своего малолетнего брата.

В своей автобиографии Карл позднее напишет: «Я нашел королевство в упадке. У меня не оставалось ни одного незаложенного замка, ни одного поместья, мне негде было жить, разве, как обычному бюргеру, в простом городском доме». Его отцу Жану так были нужны деньги для итальянской авантюры, что он отдал в заклад все королевские владения!

Карл оказывается в Чехии совсем один. Его мать давно умерла, отец далеко. Карл забыл чешский язык, но, понимая, что без этого его не примут как законного правителя, начинает учить его вновь. После монархической Франции и анархической Италии он так оценивает ситуацию в Богемии и Моравии: «Большинство знатных людей стали тиранами. Они не испытывают должного страха перед королем, поскольку поделили королевство между собой».

И Карл начинает свершать то, что не удалось его матери и отцу — ограничивать всевластие знати. Вообще история средних веков — это история борьбы короля не с народом, а со знатью. При этом короли опираются на поддержку простого люда, угнетаемого местными сеньорами и надеющегося найти справедливого судью в лице короля. Во Франции, Фландрии, Богемии, других странах в отместку своим зарвавшимся вассалам короли признают вольности городов и выводят их из-под контроля феодальных владык, на чьей территории они расположены. Так рождается современный, городской облик Европы. Так возникают легенды о добрых и справедливых государях. И в них много правды. В это время монархи и народ едины в своей борьбе против знати. Этот, казалось бы, противоестественный союз и станет в будущем основой абсолютной монархии.

Во время кратковременных наездов в Чехию Жан Люксембургский начинает выслушивать от своих феодалов жалобы на то, что Карл пытается вернуть земли богемской короны, заложенные его отцом. Самостоятельность сына не нравится Жану, и он лишает его дарованного ранее титула маркграфа Моравии. Несомненно, отец ревнует сына — тот по крови чех, а не чужеземец, как сам Жан, истинный наследник богемской династии, его любит простой люд. В добавок ко всему, у Карла прелестная жена, которая нравится чехам больше, чем очередная жена самого Жана, заносчивая Беатриса Бурбон.

Карл вынужден покинуть Прагу. Он, однако, знает, что временный разлад с отцом ничего не меняет. Только он — единственный наследник Чехии, за ним будущее. И Карл спокойно ждет своего часа.

Пока же он отправляется в Тироль, который, несмотря на предательство императора, надеется все-таки сохранить для своего младшего брата. Обороняясь от врагов, он ведет «партизанскую войну», скорее как благородный разбойник, нежели как принц.

Тем временем Жану удастся на поле боя дать отпор сколоченной против него австро-венгерско-польской коалиции, но ему придется отказаться от польской короны, которая с начала XIV века принадлежала королю Богемии, в обмен на ежегодную выплату двадцати тысяч серебряных гробшей. Затем Жан окончательно теряет и Каринтию, когда папа римский расторгает брак его младшего сына с ее наследницей. Завидная, хотя и малолетняя, невеста отдана в жены сыну императора.

В итоге Богемия оказывается в окружении весьма недружелюбных соседей. На севере и западе — баварская династия Виттельсбахов, Габсбурги на юге, Венгрия и Польша — на востоке. Учитывая тесные родственные связи с французским двором, Жан Люксембургский, казалось бы, может рассчитывать на его поддержку. Но увы, Франция теряет, и надолго, интерес к европейской политике. Вот-вот начнется Столетняя война.

...Как уже говорилось, три столетия подряд французские короли особенно не вникали в юридические тонкости престолонаследия. У всех Капетов рождались желанные сыновья, пусть от второй или третьей жены. Но формально никто не задумывался: а может ли править Францией женщина? Вопрос возник в 1316 году, в год рождения нашего героя. И возник при необычных обстоятельствах.

У короля Филиппа Красивого, скончавшегося в 1314 году, было трое сыновей. Наследовать должен был, естественно, старший — будущий Людовик X, прозванный Сварливым. Этот принц был женат на очаровательной Маргарите Бургундской, которая, донельзя скучая в обществе супруга, очевидно, вполне оправдывавшего свое прозвище, завела бурный роман с красавцем-придворным. Влюбленные нашли приют в Нельской башне, которая еще со времен Жанны Наваррской, покойной супруги Филиппа Красивого, имела весьма дурную репутацию. По преданию, королева Наваррская имела непреодолимую привычку проводить там ночи с молодыми студентами, чьи безжизненные тела наутро вылавливали в Сене. Столь неординарные развлечения королевы, впрочем, сходили ей с рук, и никоим образом не посеяли сомнений в законности происхождения трех ее сыновей от Филиппа Красивого.

С ее же невесткой судьба обошлась более сурово. Маргарита Бургундская, облюбовав городские владения покойной свекрови, так-

же превратила Нельскую башню в оазис запретной любви. В свои амурные авантюры она вовлекла и юных жен двух младших братьев Людовика. Еще при жизни Филиппа Красивого эскапады трех пылких принцесс стали известны при дворе, и по приказу короля прелюбодейки были заточены в тюрьму. Все три принца оказались соломёнными вдовцами.

Династический риск, очевидно, был бы не столь велик, если бы папа римский тут же оформил разводы, и принцы бы смогли вскоре найти новых супруг. Но вмешались различные непредвиденные обстоятельства, и когда в 1314 году после смерти Филиппа Красивого на престол восходит Людовик X, он все еще официально женат на Маргарите, томящейся в крепости Шато-Гайяр, той самой, построенной Ричардом Львиное Сердце, сыном не менее любвеобильной Алиенор Аквитанской.

У Людовика от его брака с Маргаритой Бургундской есть маленькая дочь, и она по-прежнему считается официальной наследницей французского престола. Ведь, как уже говорилось, женщинам пока еще никто в принципе не запрещал править. Но в законности происхождения этой крошки у многих посвященных в тайны французского двора существуют большие сомнения. И не случайно — Людовик торопится вступить в новый брак. Не дожидаясь решения папы о расторжении брака, он приказывает убить неверную супругу. Его воля исполнена. Людовик женится вновь, но вскоре умирает. Как судачат придворные, исполняется проклятие магистра ордена Тамплиеров, отправленного на костер Филиппом Красивым.

Рожденный уже после смерти Людовика, его сын вскоре также умирает. Впервые за три столетия Франция оказывается без прямого наследника мужского пола. Если следовать сложившимся феодальным обычаям, корона вроде бы должна перейти к малолетней дочери Людовика. Но она, может быть, вовсе и не его дочь? Влиятельные силы, во главе которых стоит брат Людовика Филипп, считающий себя единственным законным наследником, намерены отстранить девочку от престола, но при этом не хотят лишний раз напоминать всему миру о грязном белье французских королей.

Слово «незаконнорожденная» вслух не произносится, но «вдруг» в законах древних франков находится положение о том, что земли наследуют только сыновья, и на этом основании высшая знать Франции выносит вердикт, что женщины вообще не могут наследовать корону. Прецедент создан. Но пока это роковое решение никто не оспаривает — оно явно в интересах Франции. У страны есть молодой, способный, энергичный и, казалось бы, здоровый

король. Но и он вскоре умрет, вновь не оставив сыновей. У него есть дочь, и вполне законная, но увы... Отныне женщинам запрещено править, хотя решение это было принято по совсем иным, конъюнктурным соображениям.

Корона переходит к очередному и последнему сыну Филиппа Красивого, который, как уже говорилось, женат в этот момент на тетушке нашего героя. Но и он вскоре умирает, оставив после себя только дочерей. В соответствии с новым, столь отличным от других стран Европы, порядком, королем провозглашается ближайший родственник покойного монарха по мужской линии, его двоюродный брат Филипп Валуа. Прямая ветвь Капетов угасает.

И вот теперь в дотолу внутрифранцузскую борьбу за власть вмешивается Туманный Альбион. У трех сыновей Филиппа Красивого была еще сестра, отданная замуж за короля Англии. И теперь она требует корону Франции для своего юного сына, короля Англии Эдуарда III, который является прямым внуком Филиппа Красивого. Франция отвергает эти притязания, ссылаясь на то, что женщина, не имея права править Францией, не может и передать это право сыну. Но Англия продолжает настаивать на своем.

Французско-английское противостояние — по сути дела первый со времен Шарлеманя конфликт на национальный почве. Ранее европейцы воевали только по воле своих государей. Когда те капитулировали перед чужеземцами, покорялись и народы. Но в этом конфликте французский народ никогда не смирится с тем, на что уже будут готовы согласиться его правители. Когда почти столетие спустя очередная пылкая французская королева, супруга безумного Карла VI, во всеуслышание объявит своего сына и наследника французской короны дофина Карла незаконнорожденным и предаст Францию в руки англичан, народ не согласится с этим.

Простых французов будет мало волновать законность происхождения дофина. Они просто не захотят видеть своим правителем чужеземца, они не захотят объединяться с Англией. До этих трагических для Франции событий, до эпохи Жанны д'Арк, еще почти столетие. Но первые военные столкновения уже вот-вот начнутся. И, естественно, Франция теряет всяческий интерес к иным политическим конфликтам, в том числе к проблемам своей многочисленной люксембургской родни...

Оставшись практически без союзников, Жан Люксембургский идет на компромисс с германским императором. Он даже забывает соблюсти интересы сына, не настаивая на закреплении его наследственных прав на Богемию и Моравию. Жан признает, что он по-

лучил Чехию от императора (что совсем не так!), а следовательно, после его смерти император сможет располагать ею по собственному усмотрению. Карл уязвлен. Он считает Чехию своей бесспорной вотчиной, материнским наследством, расставаться с которым не собирается. Он любит свою родину и намерен любым способом сохранить и укрепить ее независимость. Если для этого ему придется самому стать императором, он станет им! Карл мечтает сохранить сложившийся веками порядок, когда короли Богемии только формально подчиняются германскому императору, а избираются ассамблеей чешской знати.

Карл, рассудительный и выдержанный по натуре человек, вскоре прощает своего отца и примиряется с ним. И когда Жан на поле битвы теряет зрение, Карл берет бразды правления в свои руки. Он добивается того, что в 1341 году чешская знать признает его единственным наследником короны. Более того. На следующий год он деньгами откупается от отца, и тот обещает больше не вмешиваться в дела Чехии, только формально оставаясь ее королем.

Тем временем избирается новый папа римский, который знал Карла в бытность при французском дворе. Папа высоко ценит качества молодого принца — Карлу ведь только двадцать семь лет — и решает использовать его в своих интересах в традиционном для папства конфликте с императором.

В 1344 году папа приглашает к себе Карла и его отца на секретные переговоры. Он даже делает Прагу самостоятельным архиепископством. До того Чехия подчинялась архиепископу Майнца, и королей Чехии благославлял на царство немецкий архиепископ, хотя Венгрия и Польша вот уже как три с половиной столетия имели своих архиепископов. Отныне и Чехия обретает национальную церковь.

Визит к папе в Авиньон — прелюдия к борьбе за императорскую корону. В 1346 отец с сыном вновь едут к папе и окончательно договариваются об условиях своего союза. Папа во всеуслышание провозглашает правящего императора Людовика Баварского Антихристом. Он призывает избрать преемника императора, более того, угрожает сам назначить нового светского владыку империи, если князья-избиратели не внимут его совету. Князья внимают. И 11 июля 1346 года Карл избирается римским королем, то есть официальным наследником императора. Карл обещает папе новые земли, аннулирует многие акты Людовика Баварского, обещает не вмешиваться в итальянские дела и во всем поддерживать церковь. Однако он избран только пятью голосами из семи. Аахен и Кельн держат свои двери на замке, новому римскому королю негде короноваться.

Тем временем Франция и Англия переходят к настоящим боевым действиям. 26 августа 1346 года происходит битва при Креси, в которой английские лучники наносят разгромное поражение французским рыцарям. Это, однако, уже общеевропейский конфликт: на стороне Англии воюет Португалия, на стороне Франции — Шотландия, Кастилия и, конечно, Люксембург. Узнав о близящемся сражении, Жан Люксембургский, несмотря на слепоту, призывает сына и своих рыцарей отправиться на помощь королю Франции. «Я еще не забыл дорог Франции», — заявляет этот отважный воин.

Жан гибнет на поле сражения. Карл, по счастью уцелевший, становится королем Богемии. Он также требует свою корону римского короля и получает ее в Бонне, из рук архиепископа Трира.

Ему только тридцать лет. Это по-прежнему пылкий юноша, страстный любитель военных авантур и героических приключений. Ему часто приходится переодеваться в пажа, для того чтобы пересечь те территории Германии, которые по-прежнему не признают его королем. Кстати, Карл — неисправимый щеголь, за что его постоянно упрекает папа римский. Вот оно, воспитание при французском дворе! И в то же время за внешним легкомыслием и мальчишеством скрывается уже сложившийся государственный деятель, обладающий редким даром принимать правильные решения.

В 1347 году Карл наконец возвращается в Прагу, уже как полноправный правитель. Папа римский, однако, несколько разочарован «узконационалистическим» горизонтом мыслей и планов своего ставленника и требует выполнить взятые на себя обещания защищать интересы папы в борьбе с императором. Карл не отказывается, но прежде чем идти на открытый конфликт с императором Людовиком, он стремится упрочить свои внутренние позиции и коронуется королем Богемии. Впервые за всю историю на голову чешского короля корону возлагает не немец, а чех, вновь назначенный архиепископ Праги, старый друг Карла.

Карл придает огромное, почти мистическое значение этой ритуальной церемонии. Он пользуется древней богемской короной, но добавляет в нее новые камни — несколько самых крупных рубинов мира, найденных в рудниках Богемии. Только после этого он начинает схватку с императором. Однако она продлится недолго, поскольку Людовик Баварский вскоре умирает от падения с лошади во время охоты на медведя. Карлу только остается взять то, что ему принадлежит отныне по закону. Коронованный римский король, он бесспорный наследник империи. Собрав армию, Карл идет в Германию, которая теперь принимает его как своего закон-

ного суверена. Немецкие города открывают перед ним свои двери, хотя еще и не все.

Отныне он император, и столица германской империи перемещается в Прагу. Как уже упоминалось, в Священной Римской германской империи нет «вечной» столицы, центр империи мигрирует в зависимости от того, где лежат личные владения вновь избранного суверена.

Карл делает Прагу подлинно европейской столицей, создает этот удивительно гармоничный средневековый город, не жалея сил и денег на его преобразование. Именно он возводит «новый город», сердце современной Праги. В 1348 году Карл учреждает университет, один из старейших в этой части Европы. Прага процветает. Ее явно хранит Всевышний, оберегая от всех напастей. Даже страшная чума, обрушившаяся в 1348 году на Европу и унесшая чуть ли не две трети населения континента, обходит Чехию стороной.

В том же 1348 году Карл закладывает новый замок — Карлштайн, недалеко от Праги по направлению в Баварию. Он должен стать надежной крепостью, способной преградить путь на Прагу возможному германскому агрессору. Карл, германский император, лучше других понимает, что угроза свободе Чехии исходит от Германии. Именно в Карлштайне Карл решает хранить реликвии чешской короны, которым придает столь символическое значение. Он считает Карлштайн новым центром Европы и хочет сделать его важнее французского Лувра или английского Тауэра.

Но самое главное, Карл использует императорскую власть для того, чтобы еще раз закрепить независимость Богемии. Кто знает, что ждет его родину в будущем, при следующем императоре? Карл записывает в анналы империи положение о том, что Богемия не находится в феодалной зависимости от германского императора и что последний обязан утверждать избранного чешской знатью короля и не имеет возможности помешать этому выбору. Кроме того, он официально провозглашает Моравию зависимой от Богемии. Вот оно, закрепление зависимости Словакии от «старшего чешского брата», которая будет разорвана только более шести столетий спустя!

Иными словами, Карл-император позволяет Карлу-королю в ущерб интересам империи создать абсолютно независимое и прочное чешское государство. Не случайно полтора столетия спустя очередной германский император, Максимилиан Габсбург, с которым мы еще встретимся на страницах этой книги, назовет Карла отчимом империи. Навряд ли это обидело бы самого Карла, ведь он предпочитал быть отцом нации. Но для того чтобы гарантировать свобо-

ду Чехии, ему по-прежнему нужно крепко держать в руках бразды правления империей. И вот здесь возникают новые перипетии.

Сын покойного императора, не надеясь получить корону сам, тем не менее стремится устранить от трона ненавистного соперника отца и предлагает свою поддержку ... английскому королю Эдуарду III. Тот мудро отказывается — он уже втянут в войну с Францией и на германскую авантюру у него просто нет сил. Поиск альтернативных кандидатов на императорский трон тем не менее продолжается, но неожиданно Карл наносит решительный контрудар, не прибегая, впрочем, к военной силе. После смерти своей первой, французской жены он неожиданно для всех вступает в новый брак с Анной, дочерью рейнского князя-избирателя. Заручившись поддержкой тестя, Карл вновь коронуется германским королем, на сей раз, как и положено, в Аахене.

К 1349 году у него уже больше нет серьезных соперников в Германии, но появляется новый — в Италии. Это папа римский, который, разочаровавшись в своем ставленнике, не спешит короновать его императором. Папа ждал, что Карл будет укреплять империю и престиж ее духовного владыки, то есть способствовать его, папы, возвышению, а этот император не смотрит дальше границ Чехии и даже не думает о том, чтобы военной силой усмирить противников папы в Италии. Заслуживает ли он власти? Однако и Карл не торопится в традиционный итальянский поход германских императоров. Лавры Барбароссы, истощавшего себя в переходах через Альпы, его не прельщают. Он терпеливо ждет момента, когда сможет овладеть короной империи без кровопролития.

К этому времени Карл из модно одетого аристократа и куртуазного рыцаря окончательно превращается в серьезного, вдумчивого и набожного монарха. Он умеет соблюсти свое императорское достоинство и в то же время быть приветливым и внимательным собеседником, умеющим проявлять гибкость и совершать блестящие дипломатические маневры. Он общается не только с принцами, но и с учеными, литераторами. Его хороший друг — итальянский поэт-гуманист Петрарка.

По рекомендации поэта в 1350 году его посещает Кола ди Риенци, который передает призыв Петрарки и граждан Флоренции прийти в Италию и освободить их от тирана. Но чувство реализма заставляет Карла отвергнуть эти обращения патриотов, которые кажутся ему химерой. Карл бросает Кола в тюрьму, где продержит его год, а затем передаст папе в Авиньон.

Но другой политической химерой к этому времени стала уже сама Священная Римская империя, бесформенный конгломерат государ-

ственных образований, где князья давно растащили суверенитет по своим территориальным «квартирам». Причем империя нищает не только политически, но и финансово. Императорскую казну всегда формировали не только личные доходы императора — у всех они были разные в зависимости от богатства рода, — но и, как бы мы сказали сегодня, федеральные налоги — фискальные, таможенные пошлины, доходы от рудников, от чеканки монеты и т.д. Но то, что феодалы должны отдавать в императорскую казну, они давно уже присваивают себе. Они не хотят платить налоги «центру»!

Уже в конце XIII века на просьбу императора Рудольфа Габсбурга короновать его сына римским королем гордые принцы ответили, что на общие доходы с трудом можно содержать и одного монарха, и отказались. Империя растащена курфюрстами на части. Остается только признать это де-юре. И Карл вскоре это сделает.

Но пока он не пренебрегает тем, что остается от империи былых времен. Дождавшись смерти папы и избрания нового, в 1354 году Карл начинает потихоньку собираться в итальянский поход. Но он идет не как воитель, а как миротворец. Карл идет через Альпы без армии и в 1355 году получает в Милане железную корону ломбардских королей, а затем в Риме — императорскую. За долгие десятилетия это первая мирная коронация — без крови и насилия, торжественная, величественная церемония.

К этому времени у Карла уже третья жена, тоже Анна, она и становится его императрицей. Но Карл не задерживается в Италии. Не слушая гневных речей Петрарки, требующего от Карла решительных действий, и его фантазий о возрождении античного Рима, он стремится домой, в Прагу. Напрасно Петрарка пишет ему: «Вас будут звать императором, а на деле Вы будете только королем Богемии».

Карл к этому и стремится! Время империй прошло. Пришло время государств-наций. Империя ему нужна только для укрепления независимости родной Богемии. Карл предлагает на утверждение чешского сейма проект уложения, которое резко усиливает центральную власть короля и ограничивает права знати. Местным феодалам это приходится не по нраву, и они одобряют только отдельные статьи закона. Карлу удается добиться того, что отныне все подданные могут, если их не удовлетворяет правосудие местного феодала, апеллировать к королю. Но в остальном он терпит поражение.

Однако во внешнем плане Карлу сопутствует удача. В 1356 году он подписывает Золотую буллу, своего рода конституцию Священной Римской германской империи. Согласно Золотой булле все императорские полномочия переходят к семи крупным феодалам-вы-

борщикам, курфюрстам. По некоторым принципиальным вопросам курфюрсты получают исключительную компетенцию принятия решений. Интересны эти вопросы, которые в XIV веке казались животрепещущими. Во-первых, использование рудников — это источник казны, чеканка монеты! Во-вторых — распоряжение соляными месторождениями — соляные бунты бывали не только в России. В-третьих, политика в отношении евреев. Это уже национальная, религиозная сфера. И наконец, установление таможенных сборов. Как видим, курфюрсты становятся полными хозяевам Германии, их решения нельзя обжаловать. Местное право оказывается выше императорского. Раз в год курфюрсты с императором должны встречаться на «саммиты» — для обсуждения дел империи.

Карл завершает, как это ни парадоксально, дело Барбароссы — надолго закрепляет феодальную раздробленность Германии. Ни тот, ни другой не хотели быть германскими королями. Первый — потому, что был романтиком и хотел быть римским императором. Второй — потому, что был реалистом и предпочитал быть чешским королем.

Германские императоры отныне бессильны не только практически, но и теоретически. И только благодаря личным амбициям рода Габсбургов, которые спустя сто лет после Карла добьются права стать наследственными императорами, институт империи как таковой сохранится. Эта неумная семья выходцев из Швейцарии будет постепенно менять и расширять географию своих собственных владений, несмотря на сопротивление местного населения. Именно против Габсбургов восставал швейцарский народный герой Вильгельм Телль. Не справившись с вольными жителями альпийских кантонов, Габсбурги постепенно перемещают центр своих интересов на территорию Австрии, потихоньку, как нам еще предстоит узнать в дальнейшем, расширяя свои владения, Габсбурги станут настолько богаты, сильны и влиятельны, что им долго, вплоть до XIX века, удастся быть действительно императорами — если не Европы, то, во всяком случае, Германии.

Но пока время для новых, теперь уже не общеевропейских, а региональных, империй не пришло. Создается Европа наций. И Карл разрушает только то, что уже и так обречено историей. Рождение национального самосознания остановить невозможно, империя агонизирует, и Карл, не желая поддерживать видимость бывшего единства, стремится осуществить «цивилизованный развод», найдя новую основу для общности. Из империи, из «федерации», он хочет сделать «содружество» в целом независимых государств. Содружество подлинно многонациональное, где возрастет негерманский компонент.

Священная Римская империя, доставшаяся Карлу, — это конгломерат немецких княжеств, графств, герцогств плюс иллюзорная власть над Италией плюс одно-единственное славянское государство — Богемия, привилегированная, но все-таки неуютно себя чувствующая негерманская часть. Карл же стремится подчинить немецкий дух — нет, не общеевропейскому, а многонациональному началу.

От Франции, ослабленной Столетней войной, он добивается признания права империи на часть Лотарингии и Бургундию. Впервые со времен Барбароссы германский император коронуется владельцем Бургундии. И, конечно, он всячески укрепляет Богемию, расширяет ее владения. И все — практически бескровно. Он не воюет, он ведет переговоры, он платит за новые земли. В итоге ему удается присоединить Бранденбург. А благодаря своему четвертому браку он становится родственником короля Польши Казимира.

Политика Карла все меньше нравится папе римскому, но внешне между папой и императором нет разногласий. Когда необходимо, Карл может быть почтительным и внимательным к духовному владыке Европы. Приехав в 1368 году в Рим, Карл проявляет на публике полное почтение понтифику: берет под уздцы его лошадь, покорно ведет ее. Смирение, пусть внешнее, имеет четкую политическую цель. Карл хочет закрепить за своим сыном Вацлавом императорскую корону, и ему нужна поддержка папы. Он ее получает, тем самым нарушив свой собственный закон. Как уже говорилось, в соответствии с Золотой буллой папа не может вмешиваться в избрание императора. Не избегает Карл и другого греха своих предшественников: укрепив и приумножив владения люксембургского дома, он завещает разделить их между своими тремя сыновьями. Все-таки великие европейские императоры были, к сожалению, одновременно и примерными отцами — ни Шарлемань, ни Константин, ни Карл не могли заставить себя обделить кого-либо из сыновей.

29 ноября 1378 года Карл умирает. Его с почестями хоронят в пражском соборе святого Вита. Для Богемии начинается пора испытаний...

Чехия вместе с Силезией, равно как и императорская корона, достаются старшему сыну Карла, Вацлаву, который в еще большей степени, чем отец, равнодушен к империи. Он даже не удосуживается отправиться в Рим за причитающейся ему короной. Возмущенные поведением императора, совсем забросившего дела Германии, в 1400 году князь-избиратели лишают его титула и возводят на престол графа рейнского Руперта, который процарствует десять лет, но также не овладеет императорской короной — жители

Милана и Флоренции преградят ему дорогу на Рим. После его смерти в 1411 году князья-избиратели вновь отдают предпочтение люксембургскому дому, избирая императором другого сына Карла IV, Сигизмунда, который после отца унаследовал Бранденбург, а в 1386 году стал венгерским королем.

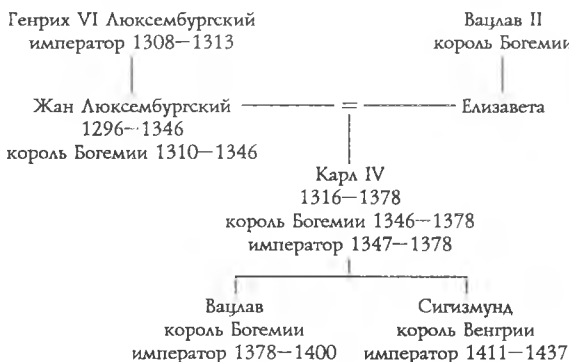
Сигизмунд уже лишен того чувства привязанности к «малой родине», которое так остро испытывал Карл. Для него Чехия, которую он наследует после смерти брата, незадачливого императора Вацлава, — лишь одна из принадлежащих ему территорий, а не избранная нация. Но ростки национального самосознания и самоутверждения, посаженные Карлом на богемской почве, дают пышные, хотя и неожиданные, всходы.

Оазисом национальной идеи становится основанный Карлом Пражский университет. Именно с его кафедры скромный чешский магистр Ян Гус начинает проповедовать идеи обновления христианской церкви. Нет, он не первый на этом пути. За тридцать лет до Гуса англичанин Уиклиф уже выступил с призывом вернуться к истокам христианства, ограничить богатство церкви и, главное, вернуть мирянам отнятое у них право читать Библию. Но Уиклифу внимали только избранные, словами же Гуса покорена вся чешская нация. Гус утверждает, что Священное Писание выше, чем сложившиеся позднее и освященные папами и церковными соборами обряды и предписания. По сути дела Гус проповедует разрыв с Римом и подвластной ему немецкой церковью. Его призыв услышан по всей стране. Крестьяне и земельные магнаты, ремесленники и знатные сеньоры едины в том, что Чехия не должна зависеть от немецкого духовенства.

За отказ Гуса произнести отречение от ереси церковь предает проповедника сожжению. Но из пепла Яна Гуса возгорается пламя народной чешской войны. Его последователи, гуситы, вскоре захватывают полноту власти в Чехии, остающейся жемчужиной Священной Римской империи. Спор с папой римским, можно ли причащаться вином мирянам, чего требуют гуситы, — лишь внешнее проявление конфликта. Его же суть — в отказе безропотно подчиняться Риму и Германии. Чехи хотят сохранить завоеванную Карлом независимость их родины от империи, но боятся, что новый император может навязать им свою власть. Это бунт и против чужеземной церкви, и против чужеземных правителей.

Для подавления чешской ереси папа и император Сигизмунд, увы, сын Карла, объявляют один крестовый поход за другим. Но их войска неизменно терпят поражение. Усмирить Чехию удастся лишь

КАК ЧЕХИЯ СТАЛА ПРОВИНЦИЕЙ ЛЮКСЕМБУРГА

после того, как в лагере гуситов начинаются внутренние разногласия, и их умеренное крыло соглашается на переговоры. Умеренным гуситам удастся добиться от Рима ряда уступок, в том числе и права причащаться вином. Гуситское движение — преддверие Реформации, которая охватит Европу столетие спустя. Чехия опережает свой век — благодаря Карлу, сделавшему ее гордой нацией, ощущающей себя независимой. Но надо сказать, что XIV век — вообще век Восточной Европы. Пока на западе континента идет Столетняя война между Францией и Англией, пока Германия, Италия, Испания остаются раздробленными, на востоке формируются мощные процветающие государства, которым пока удастся ускользнуть от чужеземных правителей.

После смерти Сигизмунда Богемия и Венгрия достаются его зятю Альберту Габсбургу — так этот род реализует свою мечту объединить под своей властью Австрию, Чехию, Словакию и Венгрию. Но эта первая попытка оказывается преждевременной — после смерти бездетного Альберта чехи, пользуясь своим правом избирать короля, останавливают свой выбор на чешском феодале Георгии Подебраде, яром поборнике чешской независимости.

Увы, уже в следующем столетии маятник истории качнется вновь, запад континента начнет преобразоваться, в то время как восток столкнется с новыми испытаниями. Восточная Европа надолго станет щитом против турок, ей выпадет участь почетная и печальная одновременно — защищать европейскую цивилизацию, вместо того чтобы в ней укрепляться.

ЛОРЕНЦО ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ: Принц Возрождения

Были мгновения, когда казалось, что перед нами тот,
кого Бог назначил стать избавителем Италии,
но немилость судьбы настигала его на подступах к цели.

Н. Макиавелли

9. ЛОРЕНЦО ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ: ПРИНЦ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Все мои предыдущие герои — аристократы крови. Лоренцо — аристократ духа. Кто-то возразит: семейство Медичи, причем здесь дух? Скорее, аристократ кошелек.

Мой оппонент будет частично прав: род Медичи действительно достигает своего положения прежде всего благодаря невероятному богатству. Выдающимся происхождением Медичи, выходцы из крестьян, жителей тосканского района Мюгелло, похвастаться не могут. Кто-то в их роду, очевидно, был лекарем — отсюда и фамилия. Правда, много позднее родится легенда, что Медичи ведут свой род от героя античных мифов, Персея, и что бронзовая статуя Персея с головой Медузы работы Бенвенуто Челлини, которая и поныне украшает центральную площадь Флоренции, символизирует победу Медичи над республикой. Действительно, если Юлий Цезарь претендовал на родство с богиней Венерой, то почему бы флорентийскому цезарю также не найти в своих жилах крови античного героя?

Конечно, все это легенды. Знатностью первые Медичи явно не отличаются, но по справедливости могут гордиться тем, что буквально из ничего, своими собственными трудами создали огромное состояние. И наш герой Лоренцо, именовавшийся современниками Великолепным, унаследовал от деда и отца огромную финансовую империю. Причем империю подлинно европейского масштаба.

В эпоху, когда Европа уже стала Европой наций, Европой суверенов, когда от ее прошлого единства осталась только тень, именно Медичи стали провозвестниками будущего единства нашего континента, в основе которого — узы экономической целесообразности, паутина производственных, коммерческих и финансовых связей. Именно экономика станет движущей силой возрождения европейского единства, которое в XX веке назовут словом «интеграция». Для этого потребуется много столетий на первый взгляд невидимой работы представителей третьего сословия — ремесленников, купцов, менял, которые повсюду, кроме, пожалуй, Италии, презираемые благородными сословиями, постепенно восстановят то, что когда-то разрушили наследники Шарлеманя.

Восстановят на новой и, думается, более прочной основе. Потребуется, повторим, несколько столетий. Но первопроходцы экономического единства Европы — бесспорно, итальянские Медичи. Филиалы банка Медичи располагались не только в крупнейших городах Италии, но и в Женеве, Брюгге, Лондоне, Авиньоне, то есть во всех наиболее динамично развивающихся центрах Европы того времени. Уже этого достаточно, чтобы назвать Медичи одними из «новых европейцев». Но, подчинив себе нервные центры тогдашней европейской экономики, приобретя несметные денежные ресурсы, Медичи не остались только менялами и коммерсантами, а стали новой европейской элитой, возникшей в эпоху Ренессанса, расой европейской интеллигенции, для которой нет границ.

Да и сам Ренессанс во многом стал возможным благодаря Медичи и другим финансовым династиям, чьи деньги оплачивали шедевры Боттичелли, Леонардо, Рафаэля, Микеланджело, великолепные соборы и дворцы Брунеллески, Донателло, Вазари и других выдающихся мастеров эпохи. Где прежде всего расцветает европейское Возрождение? Там, где уже процветают финансы, торговля, ремесла. На юге Европы это Италия, на севере это Нидерланды, о жизни которых мы еще узнаем. Лишь позднее в орбиту Ренессанса втягиваются Франция, Германия, другие страны.

...Лоренцо Медичи представляет собой удивительную фигуру — каждое время и каждая нация находили в нем что-то чрезвычайно для себя привлекательное. Для европейцев он поистине стал «героем на все времена». Людовик XIV, в жилах которого, кстати, текла кровь Медичи, видел в Лоренцо образец абсолютного монарха — покровителя искусств. Габсбурги, которые стали править Флоренцией в XVIII веке, после окончательного заката династии Медичи, воспевали своего предшественника как просвещенного деспота и хотели быть во всем на него похожими. В период Великой французской революции Великолепный, напротив, превозносился как образцовый принц-гражданин, твердой рукой управлявший республикой и обеспечивший ее процветание, что теперь призван сделать Бонапарт. Многие же авторы XX века неожиданно увидели в нем правителя-демократа. Конечно, во все эти времена находились и те, кто видел в Лоренцо, напротив, только тирана, разрушившего древние республиканские традиции.

Итак, тиран? Монарх? Демократ? Ответ, наверное, прост: Государь. Именно так назовет свой труд другой великий флорентинец, Никколо Макиавелли, труд, который, он, кстати, посвятит внуку нашего героя, Лоренцо II. Ведь истинный государь должен быть и

деспотом, и демократом, и монархом, и дипломатом, и философом, и покровителем наук и искусств. И Медичи обладал всеми этими качествами. Многоликая фигура Лоренцо Великолепного, удивительная даже на фоне титанов Возрождения, могла появиться только во Флоренции, этом необычайном государстве, совсем не похожем на Францию, Германию и другие страны, о которых уже говорилось на страницах этой книги.

...Средневековая Италия — удивительная страна, где нет по сути дела центральной власти. Она состоит из конгломерата феодальных герцогств, графств и городов, причем последние давно уже не подчиняются феодалам, на территории владений которых они находятся.

Как уже говорилось, итальянская мечта Фридриха Барбароссы, нескончаемая борьба императоров с папами помешали превращению Италии в единое централизованное государство. В то время как Франция, Англия и даже уже Испания становятся государствами-нациями, Италия по-прежнему раздроблена на мелкие осколки. Лишь города северной Италии — Флоренция, Милан и Венеция, а также папская область да Неаполь делают попытки к созданию более крупных единиц, потихоньку подчиняя себе прилегающие территории и города. И все равно политических образований на карте Италии слишком много.

Более, чем какая-либо страна, Италия — страна городов, живущих по своим законам. Даже феодалы, в отличие от своих северных кузенов, имеют не укрепленные замки в сельской местности, а в основном городские палаццо. В Италии вполне естественно жив дух античности с ее муниципальным самоуправлением. Но если в эпоху античности над городскими коммунами все-таки стояла власть римского государства, то в средневековой Италии все иначе: император, который формально остается верховным владыкой, далеко, в Вене. Города и есть государства. Не случайно во многих европейских языках слово государство — «state» в английском, «etat» во французском — происходят от итальянского слова «stato», то есть город.

Таким городом-государством и является родина нашего героя, Флоренция. В XII веке она формально еще находится под властью графа Тосканского, который проживает, однако, обычно в Лукке. Граф, в свою очередь, является вассалом германского императора, власть которого над Италией, как мы знаем, эфемерна. На деле же Флоренция все более и более управляется сложной системой магистратур и муниципальных советов. Наконец, в конце XIII века

Флоренция прочно становится республиканским городом-государством, в котором решения принимают выборные представители зажиточной массы населения. Таковой она останется до конца XVI века.

Во Флоренции существует очень сложная, даже запутанная система органов представительной и исполнительной власти, принципы формирования которой то и дело меняются. Но основной исполнительный орган — Синьория, по сути дела правительство республики. Состав всех органов управления обновляется очень часто — каждые шесть, а то и два месяца, чтобы дать возможность всем достойным гражданам «сходить во власть». При этом флорентийцы не тратят время на выборы, соревнование кандидатов, агитацию избирателей и прочие атрибуты современной демократии.

Раньше, чем кто-либо другой, они поняли, что выборы — это игра, рулетка, когда честная, когда нечестная, и признали это официально. Во Флоренции просто составляется обширный список граждан, «достойных» занимать выборные должности, и когда приходит срок новых выборов, все решает судьба: из мешка, в котором находятся бумажные шарики с написанными на них именами, наугад выбирается необходимое число кандидатур. Конечно, перечень возможных кандидатов периодически обновляется, и вот здесь-то разыгрываются политические страсти. Но накал их значительно меньше: какой бы острой ни была борьба между претендентами, даже включение в список не гарантирует получения престижной государственной должности. Все определяет Фортуна. Случай будет править Флоренцией долго — пока не придут Медичи...

В Италии раньше, чем где-либо, формируется зажиточный класс буржуазии — торговцев, менял, крупных ремесленников. Став благодаря крестовым походам торговым перекрестком Европы, Италия процветает. Направляясь в Святую землю, ни благородные рыцари, ни паломники обычно не могут миновать Аппенинский полуостров. Это последний на их пути очаг европейской цивилизации, дальше их ждет непредсказуемое Средиземное море, где всюду подстерегают пираты, не всегда дружелюбная Византия, и наконец, край неверных. В такое путешествие опасно отправляться даже со скромной суммой денег! Так рождается банковское ремесло.

Получив в обмен на помещенное в итальянском банке золото вексель, рыцарь или паломник мог путешествовать налегке и быть уверенным, что по прибытии в Святую землю он получит в филиале банка полновесные деньги. Когда же вскоре между Европой и Ближ-

ним Востоком завязывается интенсивная торговля, потребность в услугах банкиров становится как никогда острой, и в их руках сосредотачиваются огромные капиталы, которых нет ни у королей, ни у принцев. Так в Италии рождаются мощные буржуазные династии.

Но это не те буржуа Франции и Германии, которые ведут скромный образ жизни и молчаливо сносят презрение и насмешки «благородных» людей. Это — прекрасно образованные, высокоинтеллектуальные люди, имеющие достаточный доход для того, чтобы покровительствовать искусствам, окружать свой досуг изысканной роскошью. Именно на этой почве и родится Возрождение.

И в Италии нет тех сословных предрассудков, которые существуют в других частях Европы. Третье сословие здесь является первым, и знатные сеньоры не считают для себя зазорным породниться с буржуа. Более того, они даже считают возможным самим заниматься презренным для знати других стран делом — коммерцией и финансами. Итальянская аристократия практически не предается основному занятию европейского дворянства — войне. Воюют профессионалы, так называемые кондотьеры, волею случая и таланта становящиеся военачальниками и, возможно, тиранами. Дворяне же предпочитают более мирные занятия.

Но самостоятельность городов имеет отрицательную сторону — внутренние раздоры. Клань беспрестанно враждует между собой. И если в городах в других частях Европы всегда присутствует высший арбитр — местный феодал или король, то в Италии его практически нет, только далекий император. Но и его авторитет иллюзорен. Ведь итальянцы, как мы знаем из рассказа о Фридрихе Барбароссе, поделены на гвельфов и гибеллинов. Первые отрицают власть императора и признают верховенство папы, а последние — наоборот, готовы для урегулирования споров прибегать к власти императора.

Но города враждуют не только внутри себя, но и друг с другом. Экономическое процветание одного зависит от упадка соседа. Так, ломбардские менялы и ростовщики (от них-то, кстати, и происходит слово «ломбард») в конечном счете не выдерживают конкуренции с флорентийскими финансовыми кланами, венецианские торговцы монополизировали в своих руках прибыльную торговлю с Ближним Востоком и вытесняют из этой сферы генуэзцев и так далее. Внутриитальянские конфликты и войны прекращаются только в периоды агрессии извне. Но и то не сразу. Как мы помним, потребовалось несколько итальянских походов Бар-

бароссы, чтобы города севера временно объединились в Ломбардскую лигу.

Да и не всегда даже перед лицом общего врага итальянцы объединяются. Когда в конце XV века французские короли начинают череду итальянских кампаний, они быстро добиваются успеха благодаря ... самим итальянским правителям, прежде всего ненавидящим не завоевателей, а друг друга и надеющимся с помощью французов добить соперника. Так, герцог Миланский готов признать власть короля Франции над Неаполитанским королевством, если тот не тронет Милан и если он будет передаваться по наследству роду Сфорца. Король же Неаполитанский боится не столько французов, сколько возвышения папы римского, и готов пойти на альянс с французским королем, если тот поможет ему ограничить власть папы. Свои интересы у Флоренции, Генуи, Венеции...

Да и кто правит Италией... Во многих городах к власти приходят беспринципные и жестокие тираны, не имеющие никаких законных прав и опирающиеся лишь на силу оружия. В отсутствие устоявшейся монархической традиции передавать власть по наследству, от родителей к детям, в Италии происходит «естественный отбор» правителей, выживают сильнейшие и деспотичнейшие. Папа Пий II с горечью напишет: «В нашей Италии, влюбленной в перемены, где ничто не вечно, где нет древних правителей, лакеи могут легко надеяться стать королями». Они ими и становятся. Дорвавшиеся до власти тираны добиваются затем от императоров законных титулов. Таковы, например, миланские Висконти, сумевшие подчинить себе всю Ломбардию и купить у императора герцогский титул. На смену им приходят не менее жестокие Сфорца. Единственное средство устранить от власти этих кровавых выскочек — яд или кинжал. И к ним прибегают часто...

Со стороны Италия кажется воплощением анархии, миром коварных интриг и беспринципных политиков. Именно такой ее на всю жизнь, как мы знаем, запомнил другой наш герой, император Карл IV. Но обратной стороной этой политической анархии является полная духовная свобода. Италия открыта всем новым веяниям, новым идеям. Не случайно здесь, где в отсутствие идеологического контроля монарха свободно процветают музы, и рождается Ренессанс. Если бы сбылась мечта внука Барбароссы, Фридриха II, объединить Италию, кто знает, может быть Ренессанс, каким мы его знаем, и не возник бы на этой почве, и стала бы невозможной самая яркая жемчужина Италии, Флоренция...

Флоренция, сердце провинции Тоскана, «Божественная» — это единственный европейский город, который сравним с античными Афинами. Это город искусств, в том числе искусства политики, это город муз и город знаний. Именно здесь будут жить и творить Данте, Боттичелли, Николо Макиавелли и наш герой. Именно здесь найдут приют многие византийские ученые и мыслители, бежавшие от турок после падения Константинополя.

Но Флоренция — не только духовный, но и финансовый центр Италии. Именно здесь появляются первые со времен V века золотые монеты. До того Европа на протяжении семи столетий обходилась серебром. Их название, флорин, станет нарицательным и пройдет через века. В Голландии, например, флорином по-прежнему называется национальная денежная единица.

К услугам флорентийских банкиров прибегают короли и принцы, вечно нуждающиеся в деньгах для военных авантур. Они даруют менялам и лавочникам почетные титулы своих советников, жалуют различные льготы и торговые привилегии, но в обмен нещадно заимствуют в их кассе. В середине XIV века приходит расплата — финансовые пирамиды королей рушатся и многие старые банковские династии теряют состояния и власть. Но беда не приходит одна. На Флоренцию обрушивается чума, которая в 1348–1350 годах унесет две трети жителей. Жемчужине Тосканы придется начинать жить с нуля...

К этим несчастьям добавляется гражданская война. На смену разоренным финансистам первого поколения приходят новые кланы, новые династии, в том числе — род Медичи. И, как когда-то в Древнем Риме, начинается борьба между «старой» и «новой» знатью. Последние, выходцы из совсем недавно разбогатевших ремесленников, купцов, ростовщиков, именуют себя «пополани», то есть вышедшие из народа. Сочувствие простого люда, естественно, скорее на стороне более близких им пополани. Старая знать, цепляясь за власть, начинает репрессии. Каждый, кто может быть объявлен гибеллином, сторонником императора, объявляется изменником родины и подвергается гражданской смерти. Он лишается права занимать любые должности. Среди тех опасных соперников, кого таким образом стремятся устранить от власти, и первый известный истории Медичи, Сальвестро, которому все-таки удастся впоследствии быть избранным гонфоланьером, то есть главой правительства.

Но во второй половине XIV века Медичи подвергаются новым преследованиям. Только в начале XV века этот клан постепенно

становится одним из влиятельнейших родов Флоренции, и базу для его возвышения закладывают не политические успехи, а деньги. Свой капитал они создают за счет умелых торговых и финансовых операций, а также благодаря постепенному налаживанию и укреплению связей с папским престолом. Банк Медичи в Риме по сути дела становится распорядителем всех папских финансов. Лакомый кусочек! Ведь в руках Медичи оказывается так называемая Касса крестовых походов, куда миллионы европейцев жертвуют деньги на богоугодные нужды. И банкиры могут свободно, по своему усмотрению, прокручивать эти огромные суммы.

Окончательную власть над Флоренцией Медичи получают при деде Лоренцо, Козимо. Конечно, триумф Медичи достигнут непросто. Только после долгой борьбы Козимо утверждает свою власть и изгоняет из города противников. Их и их потомков он лишает гражданских прав. Именно из этой вынужденной эмигрировать флорентийской знати родится ядро итальянских поселений во Франции, убежденных противников Медичи. Но во Флоренции пополами торжествуют. Козимо сжигает предыдущие списки кандидатов на выборные должности и составляет новые — естественно, из своих приверженцев. Отныне Козимо имеет над Флоренцией неограниченную власть, и ему нет надобности самому занимать какие-либо официальные должности — они в руках управляемых им верных марионеток. Так складывается неформальная, но прочная власть клана Медичи над тосканской республикой.

Именно Козимо заключает союз с кондотьером Франческо Сфорца, который, наследуя своему тестю, последнему из Висконти, становится герцогом Миланским. Это — союз кошелька и шпаги. Медичи не умеют воевать, но они могут оплатить услуги наемников, Сфорца же — блестящие военачальники, но казна их пуста. Медичи и Сфорца находят друг в друге естественных союзников, и в итоге позиции Милана и Флоренции в Италии заметно укрепляются.

Настает золотой век флорентийской республики... Козимо ведет себя скромно, но это — скромность Юлия Цезаря, которая никого не обманывает. Послы и принцы, прибывающие во Флоренцию, ведут серьезные переговоры с ним, а не с официальными представителями Синьории. В роскошном дворце Медичи даются пышные приемы и празднества в честь папы римского и других итальянских государей, которых ослепляет как убранство резиденции, так и изысканность торжеств.

Козимо, этот торговец, проявляет королевскую щедрость к людям искусства. Он покровительствует скульпторам и художникам, фи-

лософам и поэтам, дает деньги на возведение и улучшение церквей, монастырей, даже в отдаленной Святой земле. За свой собственный счет Козимо открывает первую публичную библиотеку в монастыре Святого Марка, куда передает бесценные древние манускрипты. Лучшие умы Византии, беженцы из павшего перед турками Константинополя, находят у Козимо самый теплый прием. Так создается Академия Платона — кружок блестящих знатоков античности, которые занимаются философией и переводом на современные языки трактатов великих мыслителей прошлого. Флоренция становится подлинным средоточием европейской культуры.

Козимо делает все, чтобы свою неофициальную власть над Флоренцией сделать наследственной, благо у него нет недостатка в сыновьях. Старшему, Пьетро, он и собирается передать деньги и власть. Но, увы, Пьетро слаб здоровьем, его, нестарого еще человека, настолько мучает подагра, что ему подчас сложно передвигаться. И Козимо начинает все более приглядываться к старшему сыну Пьетро, Лоренцо, связывая с ним надежду на продолжение славы Медичи. И не напрасно...

Лоренцо рождается 1 января 1449 года. Его детство проходит в спокойной обстановке семейного уюта. У него заботливые родители, младший брат и сестры. В зависимости от времени года Медичи живут или в своем величественном флорентийском палаццо, или на загородных виллах. Уже с детства Лоренцо проявляет себя как яркая натура, как способный ученик. Интеллект мальчика высоко ценит его дед. Козимо готов вести с внуком философские разговоры и потихоньку начинает приучать его к роли будущего правителя Флоренции. Лоренцо всего пять с половиной лет, когда он осуществляет свой первый протокольный визит, приветствуя официального гостя Флорентийской республики, принца Жана д'Анжу.

Еще пять лет спустя Лоренцо и его младший брат активно участвуют в торжествах по случаю пребывания во Флоренции миланского герцога Сфорца и римского папы. Таково светское воспитание Лоренцо, сотканное из изысканных празднеств, балов, дипломатических визитов. Но основное время мальчика занимает все-таки учеба. У него прекрасные преподаватели, которые передают свою эрудицию ребенку, прививают ему навыки ораторского мастерства, вкус к литературе и писательскому труду.

В доме Медичи хранится и приумножается уникальная библиотека, включающая рукописи греческих и римских философов, историков, поэтов. Наконец, юного Медичи постоянно окружают художники, скульпторы, артисты, гостеприимно встречаемые в

этом доме. Лоренцо играет на нескольких инструментах и прекрасно поет.

Словом, наверное, никто из героев моей книги не получал столь блестящего и разностороннего образования, которое помогло проявиться бесспорным природным талантам Лоренцо. В итоге он и станет подлинным принцем эпохи Возрождения. Принцем не по рождению, а по духу.

К пятнадцати годам Лоренцо уже достиг своего взрослого сложения. Увы, он считает себя некрасивым. Действительно, Лоренцо среднего роста, с неправильными чертами смуглого лица, его нельзя назвать Аполлоном. К тому же юноша плохо видит и страдает отсутствием обоняния. Но пронзительный взгляд черных глаз уже начинает покорять многие женские сердца. К тому же Лоренцо по-рыцарски отважен и безукоризненно элегантен. Вся Флоренция видит в нем достойного наследника славного рода Медичи.

Как и подобает знатному шестнадцатилетнему флорентийцу, Лоренцо поклоняется недоступной Прекрасной даме. Ее зовут Лукреция, она замужем. Согласно тогдашней моде, он посвящает ей страстные сонеты и носит ее цвета...

В эти счастливые, безмятежные детские и юношеские годы Лоренцо обзаводится друзьями, с которыми он останется неразлучен и повзрослев. Эта «банда золотой молодежи», конечно, не будет чураться шумного застолья, буйных забав и общества юных дев, но в то же время Лоренцо и его приятели часами будут вести долгие философские беседы о смысле жизни, о превосходстве духа над плотью, о путях достижения всеобщего блага.

Из этого счастливого окружения, из радостей познания бытия Лоренцо вырвет неожиданная смерть деда. В одночасье для юного Медичи меняется многое, хотя на сей раз смена власти в тосканской республике проходит без потрясений. Главой семьи становится Пьетро, отец Лоренцо. Его право на власть над Флоренцией никто не оспаривает. Позиции Медичи столь прочны, как в Италии, так и вне ее, что французский король Людовик XI назначает Пьетро членом своего Совета и дарует ему право включить в герб лилию французской короны. Конечно, у короля-скряги свои мотивы — Франции нужны деньги, и банкирский дом Медичи может помочь наполнить казну.

Но и для Пьетро союз с Людовиком исключительно выгоден — он укрепляет его репутацию в глазах всей Европы. Однако для нового главы клана Медичи еще важнее заручиться поддержкой внутри Италии, и он отправляет шестнадцатилетнего Лоренцо с визи-

том вежливости к основным союзникам и клиентам дома Медичи. Самый главный из них, как уже говорилось, миланский герцог Сфорца. Миссия Лоренцо в Милане успешна, столь же плодотворен его визит в Рим, ко двору папы.

В этот момент папа римский обладает монополией на добычу в районе Толфи квасцов, необходимых для окраски тканей, а Медичи имеют исключительное право реализовывать квасцы от имени папы. Но ранее папа ограничивал общий объем производства квасцов, хотя спрос на них был очень высок. Лоренцо же удастся договориться с папской курией о том, что Медичи сами будут определять объем добычи и продажи этого ценного минерального сырья. Их роль как банкиров папского двора еще более возрастает. «Сделка века», заключенная Медичи, вызывает ревность конкурентов, но изменить что-либо они пока бессильны.

В этот момент в Рим приходит весть о смерти миланского герцога Франческо Сфорца, с которым совсем недавно встречался Лоренцо, и Пьетро направляет находящемуся в Риме сыну новое поручение, на сей раз политическое, — добиться от папы признания прав на Милан сына покойного, Галеаццо Мария. Удача и в этом сопутствует Лоренцо. Ему удастся, оказав услугу Сфорца, еще прочнее связать союзническими узами Милан и Флоренцию.

Банкиров Медичи отнюдь не смущает, что молодой Сфорца — не просто тиран, каких много среди итальянские правителей, но безжалостный садист. Его недаром называют Калигулой Возрождения: молодой, красивый, веселый, эlegantный, знаток и покровитель искусств, он тем не менее наибольшее удовольствие получает, по собственному признанию, от «созерцания трупов». Он избавляется от своей матери — несомненно, с помощью яда. Своих недругов он казнит самым негуманным способом — погребая заживо. Священника, который предскажет, что юный Сфорца будет править всего одиннадцать лет, он прикажет умерить голодом. Человеку, осмелившемуся всего-навсего написать письмо любовнице герцога, отрубят обе руки. Патологическая жестокость Галеаццо подстегивает врагов, и в возрасте всего тридцати трех лет, в соответствии с предсказанием, Галеаццо настигнет кинжал убийцы. Таков лучший союзник Медичи... И Лоренцо добивается от папы римского признания молодого Сфорца наследником миланского герцогства.

Но на этом миссия юноши не завершена: Лоренцо отправляется в Неаполь, где он еще раз скрепляет союз Милана, Флоренции и Неаполя. Искусная дипломатия Медичи вновь дает свои плоды —

позиции Флоренции на Аппенинском полуострове оказываются сильны как никогда, хотя сам город-государство не имеет ни сильной армии, ни талантливых военачальников. Оружие «Божественной» — политический маневр, дипломатическая интрига, умелый выбор союзников.

Именно в средневековой Италии образующие ее государства впервые в европейской истории начинают осваивать тонкое искусство поддержания равновесия сил, создания коалиций, дружественных союзов. Ни одно из них не может в одиночку противостоять врагам, будь то внешние или внутренние, всем нужны партнеры, которых нужно чем-либо — обещанием ли политической поддержки, денег или военной помощи — привлечь на свою сторону.

У остальных государств Европы внешняя политика пока еще весьма примитивна — ты или воюешь с соседом, или нет, политические союзы в основном predeterminedены узами родства или чисто экономической выгодой. Понятие «европейского равновесия» континенту пока незнакомо. Искусство политической балансировки первыми осваивают итальянские государи, и у них будет учиться позднее вся Европа, правители которой также поймут, что самый сильный из них не может достичь своих целей в одиночку, без надежных союзников.

Как видим, не только в сфере духовной и творческой средневековая Италия опережает Европу. Политически раздробленная, раздираемая внутренней враждой, подвластная кровавым тиранам, она черпает истоки идеи своего единства в прошлом — в античности, во временах Рима, и, памятуя о своем прошлом единстве, она медленно, но неотступно идет к его обретению.

Так столетия спустя, уже в XX веке, раздробленная Европа, сначала научившаяся, подобно Италии, заключать политические союзы во имя поддержания «европейского равновесия», предпримет следующий шаг к уничтожению внутренних преград и будет также черпать духовную опору своего единения в прошлом. Но если Италия вспоминала о временах Рима, то Европа будет обращаться к эпохе Шарлеманя.

Вернемся, однако, к нашему герою, постепенно осваивающему уготованную ему с рождения стезю. Следуя обычаям того времени, родители принимают решение женить Лоренцо. Тот по-прежнему поклоняется своей Прекрасной даме и одновременно не чуждается более доступных тосканских пейзажей, но в вопросах брака семнадцатилетний Лоренцо — бесспорный прагматик, прекрасно по-

нимающий политическую важность этого шага. Медичи, подобно другим суверенам Европы, вступают в брак не по чувствам, а по рассудку. Родители выбирают ему в жены Клариссу Орсини, происходящую из знатного римского рода, имеющего тесные связи с папским престолом. Мать Лоренцо едет в Рим, чтобы «освидетельствовать» будущую невестку и находит ее хотя и не слишком красивой, но зато здоровой, стройной, крепкой. Брак — дело решенное.

Играется пышная свадьба любимца Флоренции. В честь новобрачных даются балы, устраиваются рыцарские турниры, празднества. Жена подарит Лоренцо трех сыновей и четырех дочерей, хотя, вопреки надеждам семейства Медичи, и не будет отличаться особым здоровьем. Кларисса больна туберкулезом, от которого скончается в возрасте 37 лет. Она не любит посещать празднества, а во Флоренции их множество — рыцарские турниры, карнавалы, церемонии по случаю приема иностранных гостей, балы и торжественные шествия. Она лишена темперамента, который мог бы удержать при ней ее блестящего мужа. Все ее интересы — в детях.

Лоренцо же — прекрасный отец, но неверный муж. Впрочем, такими были все его предки. Нравы Флоренции никогда не отличались аскетизмом. Произведение ее великого уроженца Боккаччо, неувядаемый «Декамерон», дает непревзойденное описание раскрепощенности чувств той эпохи. Для знатных же флорентийцев вообще не существует запретов. Они поклоняются своим Прекрасным дамам днем, а ночью предаются уладам любви с роскошными куртизанками. Молодые аристократы вскладчину содержат публичные дома «для избранных», где воскрешаются оргии императорского Рима.

Но Лоренцо все-таки не принадлежит к этому кругу любителей изысканного разврата. Он скорее романтик, нежели ловелас. Он постоянно влюблен. Объекты его страсти — тосканские крестьянки, очаровательные, игривые, польщенные вниманием Великолепного, но кокетливые и ускользающие. Лоренцо посвящает им стихи и романтические поэмы. Он действительно прекрасный поэт, этот политик и банкир.

Увы, вскоре дом Медичи вновь погружается в траур. Лоренцо всего двадцать, когда умирает его отец, и юноша становится главой клана Медичи. На сей раз «престолонаследие» свершается не столь безболезненно. Лоренцо получает тяжелый груз — неофициальную власть над Флоренцией. туманные перспективы банковского дома

Медичи, интриги политических и коммерческих конкурентов. Золотой юности приходит конец.

Дотоле Лоренцо, хотя, как уже говорилось, участвовал в делах семьи, вел переговоры от ее имени, выполнял все-таки скорее представительские функции. Делами банкирского дома, а также управлением Флоренцией занимался отец. Теперь приходит черед сына. Делегации флорентийцев коленопреклоненно просят Лоренцо принять на себя заботу о благе государства.

«Я согласился без энтузиазма, — пишет наследник Медичи в своих мемуарах. — Эти обязанности казались мне не соответствующими моему возрасту и слишком опасными. Я согласился только затем, чтобы сохранить друзей и наше богатство, потому, что в нашей Флоренции, если вы богаты, вам сложно жить, если вас не защищает государство».

Молодому Медичи совершенно ясно, что впереди его ждут интриги, козни, ссоры. И потому, следуя традициям семьи, Лоренцо начинает с укрепления традиционного альянса с Миланом и Неаполем. И ему это удастся. Юный Сфорца, поддержанный в свое время семьей Медичи, возвращает политический долг и приветствует Лоренцо как законного правителя Флоренции. Столь же успешно и обращение к неаполитанскому двору.

Но власть Лоренцо неожиданно оспаривают сами жители Тосканы. Граждане небольшого городка Прато, подстрекаемые противниками Медичи, организуют заговор. Но Лоренцо карает бунтовщиков немедленно и жестоко. Главный заговорщик и восемнадцать его сообщников повешены за ноги. У флорентийцев не остается сомнений в том, кто их истинный правитель. Юный поэт и любитель искусств одновременно оказывается и твердым политиком, беспощадным к врагам.

Но не успевают решиться политические конфликты, как другая сторона наследства начинает обременять Лоренцо — финансовые проблемы. Некогда процветавший дом Медичи начинает нести огромные убытки. Нет, беда пока не в том, что Лоренцо, погруженный в политику, не может заниматься повседневными делами своей финансовой империи и вынужден во всем доверяться управляющим. Те в основном люди опытные, связанные с Медичи семейными узами, а потому преданные общему делу. Беда не в банкирах, а в их клиентах...

Крупнейшими заемщиками дома Медичи являются европейские монархи, вечно нуждающиеся в деньгах. Известные своей ненадежностью должники, но, увы, необходимые покровители. В обмен на

кредиты они охотно дают семье Медичи различные монополии на экспортно-импортные операции. Папа римский, как говорилось, предоставляет монополию на продажу квасцов, отец следующей нашей героини, Карл Бургундский, с своей стороны, обязывает всех нидерландских производителей тканей покупать квасцы только у папы, а следовательно, у Медичи. Король английский дарует льготы на экспорт шерсти и сукна.

Но иногда даже эти льготы не возмещают риска кредитования коронованных особ. И банкротства двух филиалов дома Медичи связаны с тем же Карлом Бургундским. Как нам еще предстоит узнать, Карл вступает в брак с сестрой английского короля, и тот, чтобы обеспечить достойное приданое, влезает в долги. Но, увы, политическая ситуация в Англии скоро меняется, король свергнут с престола, и хотя вскоре он вернется на него, лондонский филиал банка Медичи терпит катастрофу и объявляется неплатежеспособным. Такая же судьба вскоре постигнет филиал в Нидерландах, в Брюгге, который вынужден финансировать военные авантюры Карла Бургундского. Смерть Карла тянет на дно и нидерландский филиал Медичи. Но на этом проблемы не кончаются.

С восхождением нового папы Сикста IV портятся столь ценные для Медичи отношения с Римом. В чем же причина разлада? Католическая церковь этой эпохи либеральна. Она спокойно взирает на характерное для эпохи Возрождения заигрывание с языческими идеями античности, на безверие и греховность своих чад, не требует соблюдения норм морали. Ее не возмущает, что друзья Лоренцо пытаются создать престраннейший коктейль из учения Платона и христианства. Но церковь терпит все это, пока не задеваются личные интересы папы.

Но Лоренцо, подобно многим великим европейцам до него, начинает конфликтовать с Римом. У папы римского есть свои человеческие слабости — он очень любит своих родственников и для своего племянника, то ли даже незаконного сына, он стремится создать небольшое светское владение в центре Италии, но наталкивается на сопротивление Лоренцо, справедливо опасаящегося, что это нарушит итальянское равновесие в пользу Рима.

Раз Медичи противодействуют папе, им нужно найти замену, решает понтифик. Приближенные папы уговаривают его принять еще более решительные меры, чтобы раз и навсегда разделаться с Медичи. Первый шаг Рима — отнять у Медичи право распоряжаться папской казной. Ее новые управляющие выбираются таким образом, чтобы удар для Медичи был как можно более ощутим.

Сикст IV передает эту привилегию флорентийскому роду Пацци, еще более древнему, чем Медичи, и не менее богатому, давно рвущемуся ко власти. Пацци всегда были конкурентами Медичи, но с недавних пор вообще стали их заклятыми врагами. Опасаясь чрезмерного возвышения конкурентов, Лоренцо принимает новый закон, чтобы лишить Пацци наследства дальнего родственника, и этот шаг открывает старые раны. Папе не надо прилагать особых усилий для того, чтобы спровоцировать Пацци на мятеж против Медичи.

Время для перемены власти во Флоренции кажется весьма подходящим — Лоренцо еще очень молод и неопытен, финансовые проблемы подтачивают его силы, дом Медичи уязвим как никогда. Для того чтобы контролировать ситуацию во Флоренции, папа, несмотря на протесты Лоренцо, назначает своего племянника кардиналом города Имола, что неподалеку от Флоренции. Затем понтифик еще более сужает кольцо — опять же вопреки воле Великолепного делает своего ставленника Франческо Сальвиати архиепископом Флоренции. Это уже открытая война дому Медичи. Папа потихоньку сближается с королем Неаполя. Более того, он отзывает монопольное право Медичи на торговлю квасцами.

Остается только поставить у власти во Флоренции представителей клана Пацци. Однако законными методами власть в «Божественной» Пацци заполучить не удастся, тогда они находят подставных убийц, вдохновляя их необходимостью убить тиранов Флоренции. Так в 1477 году вызревает подстрекаемый Римом заговор с целью убийства Лоренцо и его младшего брата Джулиано. Покушение должно произойти во время пасхальной службы в центральном соборе Флоренции, Санта Мария дель Фиоре. Святость места заговорщиков, действующих с благословения папы и флорентийского архиепископа, не смущает.

Во время торжественной литургии, под божественным куполом Брунеллески, шедевром итальянской архитектуры, начинается кровавая бойня. Но убит только Джулиано. Лоренцо ранен, и ему удается спастись. Непосредственный вдохновитель преступления, архиепископ Сальвиати и его эскорт пытаются скрыться в рядом стоящем здании Синьории, но сторонники Медичи перекрывают им дорогу. Возмущенные флорентийцы на месте убивают заговорщиков, выбрасывают их тела из окон палаццо Синьории на площадь, где взбешенная толпа раздирает их на куски и насаживает на острия пик. Архиепископа Сальвиати вешают на решетке дворца. Возмездие продолжается...

Воспользовавшись поддержкой населения, Лоренцо безжалостно расправляется с заговорщиками, да и просто с друзьями Пацци — их хватают и казнят без суда и следствия. В этот день во Флоренции погибает двести шестьдесят два человека. Трупы с перерезанным горлом плывут по окровавленным водам реки Арно. Смерть брата Лоренцо отомщена.

Но это только начало репрессий. Месть настигнет всех представителей клана Пацци, даже стоявших в стороне от заговора. В лучшем случае их ждет тюрьма или изгнание. Но жестокость Лоренцо и его сторонников возвращает Флоренции покой — все видят, что в городе есть настоящий хозяин.

Лоренцо устраивает пышные похороны брата, погибшего, как Юлий Цезарь, от двадцати кинжальных ударов. Спустя несколько месяцев родится его посмертный незаконный сын, которого тоже назовут Джулиано. Он будет воспитываться в доме Лоренцо вместе с его сыновьями, как родной. Много лет спустя этот ребенок станет папой римским...

Если бы заговора Пацци не было, его следовало бы выдумать — настолько он способствует триумфу Лоренцо. Отныне он неоспоримый правитель Флоренции. Народ поддержал его. Народ требует, чтобы он правил. Вскоре Лоренцо меняет структуру управления Флоренцией, создавая новый, подконтрольный ему институт — Совет семидесяти, где тон задают приверженцы Медичи. «Свобода была похоронена», — напишет по этому поводу хроникер.

Да, во Флоренции торжествует деспотизм, но не об этом ли давно мечтали просвещенные флорентийцы, тот же Данте? Разве не звали они к появлению просвещенного авторитарного правителя, который, подобно Цезарю, покончил бы со смутой многовластия, с разлагающейся республикой, восстановил бы порядок и стабильность? И Флоренция восторженно приветствует исполнение своих желаний.

Триумф Медичи и поражение Пацци восприняты папой римским как личное оскорбление. Сикст IV разгневан казнью архиепископа и тем, что другой вдохновитель заговора, его племянник, по-прежнему находится в руках Лоренцо, который отказывается даровать ему свободу. Не сумев разделаться с Медичи с помощью наемных убийц, папа использует инструмент из «собственной компетенции». Он отлучает от церкви Лоренцо и всю правящую верхушку Флоренции. Более того, папа грозит интердиктом всему тосканскому государству, если в течение месяца Медичи и их сторонники не будут выданы папскому суду.

Как и в средние века, интердикт — по-прежнему самое грозное оружие папы. Перспектива того, что церкви будут закрыты, что ни один обряд — ни крестины, ни бракосочетание, ни отпевание покойных — не будет осуществляться, страшит искренне верующих жителей Тосканы. Но, несмотря на это, Синьория берет сторону Лоренцо, разрешая ему даже создать личную охрану. Тем не менее для всех очевидна необходимость примирения с папой. Племянник папы получает свободу. Но только этим умиловать понтифика невозможно. Флоренция начинает готовиться к войне и обращается за помощью к союзникам. Те готовы оказать прежде всего политическую помощь. Германский император, король Франции, миланский герцог, другие европейские правители извещают папу о своем недовольстве занятой им позицией. Но Рим, заручившись поддержкой Неаполя, все-таки начинает боевые действия.

Война папы и Флоренции длится полтора года с переменным успехом, но в конце концов Лоренцо удается разрушить альянс папы с королем Неаполя и привлечь последнего на свою сторону. Ради этого Великолепный идет на рискованнейший шаг — он лично отправляется в Неаполь на встречу с королем, справедливо почитаемым одним из наиболее жестоких и коварных владык Европы. Лоренцо демонстрирует незаурядное личное мужество и гениальное политическое прозрение. Ему удастся убедить неаполитанца в том, что Флоренция под властью Медичи — более надежный союзник, чем Рим, где власть меняется с каждым новым папой.

Флоренция празднует победу. Никогда Лоренцо не был столь всемогущ! Но времена либерализма прошли. Уже никто не скрывает, что республикой наследственно правят Медичи. Однако Лоренцо, как и его предки, не стремится занимать официальные должности. Он ни разу не избирается членом Синьории, то есть правительства. Он стоит выше его, и если между ветвями флорентийской власти возникает конфликт, то ведет себя как независимый арбитр. Это, конечно, иллюзия. Во всех республиканских институтах у Медичи есть свои ставленники, но формально Лоренцо стоит над всеми, принимая по сути дела ту роль внешнего арбитра при разборе внутригородских дел, которые в других городах Европы выполняют крупные феодалы, на территории которых располагаются города.

Лоренцо все более — на деле, а не на словах — становится герцогом Тосканским, стоящим выше властей Флоренции. Лоренцо

отдаются достойные его сана почести, за ним отныне следует эскорт телохранителей. Республика мертва. Лоренцо, несомненно, тиран, но более обаятельного тирана представить себе невозможно. Современников потрясает его интеллектуальная сила. В одиночку, без армии, без официального ранга он умудряется поддерживать политическое равновесие в Италии только за счет своего гениального ума и интуиции.

Да, он окружает себя сетью шпионов и бесцеремонно вмешивается в личную жизнь граждан. Но не из любопытства. Он просто стремится контролировать процессы сращивания флорентийских родов и потому запрещает всем мало-мальски зажиточным гражданам жениться без его разрешения. Он боится, что объединение сильных семейств приведет к рождению новых конкурентов Медичи, а потому запрещает подобные союзы. Недемократично? Но именно так ведут себя абсолютные монархи, у которых знать обязана испрашивать разрешения на брак.

Разумное авторитарное правление имеет свои преимущества. Большого социального равенства, чем во Флоренции, в средние века не существовало нигде. В городе практически нет нищих или бездомных. О всех немогущих заботится государство. Даже крестьяне, в отличие от других регионов Италии, процветают. Люди низкого звания, но талантливые, пользуются всяческой поддержкой Лоренцо, который ставит их на высшие государственные должности.

Флоренция, словом, переживает свой золотой век. Враг Лоренцо, папа Сикст IV, умер, новый папа, напротив, благоволит к Медичи. Настолько, что соглашается породниться с ним. В 1488 году побочный сын папы, сорокалетний Франческо Чибо, женится на шестнадцатилетней дочери Лоренцо Магдалине. Союз для Медичи по понятиям того времени исключительно лестный. Папа даже выполняет настойчивую просьбу Великолепного и дарует его тринадцатилетнему(!) сыну шапку кардинала. Это будущий папа Лев X...

Отныне стержень внешней политики Лоренцо — союз Флоренции с Римом. Конечно, у Лоренцо нет иллюзий относительно папства. Это, наверное, самый неверующий из всех моих героев. Для него любой папа — прежде всего обычный светский владыка, столь же деспотичный, коварный и продажный, как другие. Своему юному сыну-кардиналу, отправляющемуся в Рим, он дает удивительное по откровенности напутствие: «Ты вступаешь на очень опасную стезю. Я знаю, что, отправляясь в Рим, это средоточие всякого зла, ты

столкнешься с тем, что тебе окажется сложно следовать моим советам. Но я помню, что и среди кардиналов я встречал несколько людей, которые вели достойную жизнь. Следуй их примеру, хотя в настоящее время в Святом колледже ты встретишь очень мало добродетели».

Можно подумать, что Лоренцо отправляет ребенка в пасть Сатаны, в вертеп разврата, а не в в святая святых католической церкви!

...Возможно, прагматическое отношение Лоренцо к религии, которое он передаст сыну, косвенно сказалось на судьбах католической церкви. Став папой Львом X, Джиованни Медичи останется прежде всего человеком Возрождения, покровителем искусств и наук, интеллектуалом-либералом, терпимо относящимся к религиозному диссидентству. Словм, истинным сыном своего отца. В проповедях безвестного монаха Мартина Лютера он долго не будет видеть «ереси». Да, тот клеймит церковь за ее пороки, продажность и разврат высших служителей. Но разве монах не прав? Разве не об этом предупреждал его отец?

Льву X и в голову не приходит поступить так, как папы до него, и послать правдоискателя на костер. Для него важнее достроить собор Святого Петра, чем защищать христианскую догму. Возможно, если бы папой в ту эпоху был другой человек — ограниченный, малообразованный, но схоластически неистовый в своем рвении, Реформации в том виде, каком мы ее знаем, и не произошло. Но когда Рим спохватился и начал контратаку, было уже поздно — смена реформы дали пышные всходы...

Провал заговора Пацци дает Лоренцо возможность править Флоренцией без оглядки на оппозицию. Твердость Лоренцо необходима. Традиционная для Медичи ориентация на пополани, менее зажиточные слои населения, политика социального равенства оказываются в условиях неожиданного ухудшения общеэкономической конъюнктуры губительными для процветания города. Среди богатых флорентийцев растет недовольство — их разоряют налоги.

Флоренция является родиной прогрессивного налогообложения, и она первая демонстрирует миру все его подводные камни. Наименее богатые платят только 5 процентов дохода, средние — 16, а самые богатые — 22. По современным понятиям цифры вроде бы небольшие, но от налогов никак нельзя ускользнуть. Кроме подоходного налога существует подушный, и он тоже взимается по прогрессивной шкале, причем так часто, как это необходимо городу. В итоге многие некогда зажиточные семьи разоряются.

Ситуация непроста и для семейства Медичи. Потеря монополии на торговлю квасцами лишает их привычного источника прибыли. Это время великолепных трат, а не доходов. Если отец и дед нашего героя прежде всего были банкирами и коммерсантами, и лишь затем — политиками, то Лоренцо, напротив, прежде всего государь. Он плохой бизнесмен, он не вникает в повседневные дела семейного предприятия, доверяя управление им другим. Он спокойно воспринимает известия о финансовых проблемах то одного, то другого филиала. Некоронованный монарх в нем давно затмил дельца. Магия высоких финансов его не интересует вовсе. Но расходы Лоренцо растут, и это создает большие проблемы. В отличие от признанных наследственных монархов, которые могут содержать пышный двор и при пустой казне, Великолепный вынужден тратить все больше личных денег на поддержание своего престижа.

Естественно, Лоренцо влезает в долги, заимствуя у многочисленных родственников и даже в казначействе дружественного Милана. Но главное средство поддержания банка Медичи на плаву — доступ к государственной казне Флоренции. Наследники Лоренцо, когда им предъявят счет, вернут долг, но кто подсчитает ту прибыль, которую за эти годы получил банк Медичи? Великолепный без зазрения совести опустошает общественную кассу, предназначенную на выдачу приданого бедным флорентийкам. Он заставляет городские власти проводить оплату военных расходов через тот банк, где ему принадлежит доля, и в итоге присваивает 8 процентов военного бюджета!

Это первый известный Европе пример использования государственной должности в целях создания привилегированных условий для своего частного бизнеса. Как уже говорилось, во времена античного Рима политика тоже была средством личного обогащения. Но римские наместники и цезари просто тратили присвоенные деньги, а не использовали их в коммерческих целях для разорения конкурентов, поскольку сами не занимались «презренными» торговлей и финансами. Лишь Медичи показали Европе, какую коммерческую пользу можно получить от распоряжения государственной казной, от сращивания государства с частным сектором, от прокручивания бюджетных денег через частные банки. Отныне Медичи уже не могут не цепляться за власть. Если раньше это лишь дополнительно содействовало их финансовым операциям, то теперь становится их основой

Поведение Лоренцо может скандализировать современного читателя. Какой из него «принц Возрождения» или «аристократ духа»? Обыкновенный казнокрад! Но это справедливое обвинение Лоренцо навлекает прежде всего своей ... скромностью. Если бы он решился окончательно порвать с республиканскими традициями и провозгласил себя, очевидно, без особого недовольства граждан, герцогом Тосканы, то никому бы в голову не пришло упрекать его за самовольничание с государственной казной. Она была бы его по праву. Ему не надо было бы ломать голову над тем, за счет каких средств финансировать привычный образ жизни. Если бы Великолепный стал герцогом, то Флоренция безропотно оплачивала бы все его расходы.

Так, кстати, и произойдет с наследниками Лоренцо. В 1494 году, когда правление Медичи временно прервется и они будут изгнаны из Флоренции, семейный банк будет конфискован государством и больше не воспрянет. Когда же потомки Медичи вернутся к власти, они вернутся как герцоги Тосканские, личное состояние которых будет достаточно скромным. Но в нем не будет особой нужды — платить будет государство.

Так Италия преподаст Европе еще один важный урок. Политик, приходящий к управлению страной, должен отказаться от частного бизнеса. Государству выгоднее достойным образом содержать представителей власти, нежели вынуждать их использовать эту власть для пополнения личного бюджета.

...Расходы Лоренцо безумны и не всегда, увы, законны. Но можно ли осуждать Великолепного за то, что в духе традиций рода он всячески стремится приумножить славу Флоренции как «новых Афин», как города наук и искусств? Он покровительствует выдающимся мастерам своего времени — Боттичелли, Гирландайо, Вероккьо, молодым Микеланджело и Леонардо да Винчи и многим другим. Он щедр к философам и поэтам.

Неподалеку от Флоренции Лоренцо строит изысканнейшую виллу, напоминающую дворцы римских патрициев. Ему хочется создать оазис отдохновения от финансовых и политических проблем, заповедное место, где можно предаваться поэзии и искусствам. За четыре года, с 1485 по 1489 год, его мечта становится реальностью. Но эта архитектурная жемчужина одновременно и неприступная крепость, надежно защищенная высокими стенами и крепостными башнями. Огромный охотничий парк и роскошный сад дополняют владения Лоренцо.

В этом обетованном крае сорокалетний Лоренцо, утомленный трудами, измученный ревматизмом и наследственной подагрой, вновь обретает вкус к жизни. Подобно отцу и деду, ему все сложнее передвигаться, и свои ожившие чувства он изливает в стихах. В отличие от большинства современников, пишущих на латыни, Лоренцо предпочитает родное тосканское наречие, и именно он восстанавливает престиж итальянского языка, подорванный в эпоху Возрождения.

Лоренцо по-прежнему черпает вдохновение в любви. Реальные женщины, однако, пленяют его все меньше и меньше. Его любовные стихи и поэмы посвящены женщине-иллюзии, женщине-мечте, божественной нимфе античных мифов.

Но самое, пожалуй, весомое произведение Лоренцо — пьеса в стихах, посвященная святым мученикам Иоанну и Павлу, ближайшим сподвижникам другого героя этой книги, императора Константина Великого, позднее убитым по приказу императора Юлиана Отступника. Это политическое завещание Великолепного, и император-христианин — одно из главных действующих лиц, в уста которого Лоренцо вкладывает собственное политическое кредо. Вручая власть своим трем сыновьям, Константин завещает им то, что стремится внушить потомкам сам Лоренцо:

Время империи не столь легко, как кажется извне.

Тот, кто хочет править во имя общего блага,

Должен все осмыслить.

Ему надо вести честную жизнь,

Которая станет образцом для народа.

Он должен служить тем, кто служит ему.

Лоренцо вновь проводит все больше времени в кругу друзей юности. Но в эту орбиту входят и новые звезды. Среди них — отпрыск одного из знатнейших семейств Италии, юный Пико делла Мирандола, одаренный философ и поэт. Воспитанный в духе гуманизма, этот последователь Аристотеля критикует преклонение перед философией Платона, которое разделяет Лоренцо и многие его друзья. Философские трактаты Пико кажутся сомнительными Риму, и юноша вынужден бежать в Париж, но и там его настигают посланцы папы. Пико арестован и посажен в Венсенский замок. Освобожденный после демаршей нескольких итальянских принцев, философ получает от папы разрешение обосноваться во Флоренции, где находит у Лоренцо самый радушный прием и личное покровительство.

Лоренцо, словом, принадлежит к расе европейских космополитов, принцев Возрождения, которые искренне и глубоко ценят людей искусства и науки. Благодаря таким просвещенным правителям, среди которых, кстати, будут и потомки Медичи, сможет проявить себя другой мой герой, Эразм Роттердамский, и еще многие великие европейские гуманисты, которые без помощи щедрых меценатов или умерли бы с голода, или были бы вынуждены вместо философских изысканий зарабатывать себе на жизнь чем-нибудь более прозаичным.

Но и присутствие во Флоренции именитых философов содействует престижу города-государства, справедливо почитаемого самым блестящим в Европе. Как уже говорилось, итальянскому Ренессансу способствовали турки. Падение Константинополя в 1453 году вызвало массовый исход греческих философов, ученых, людей искусства, которые находят приют в Италии. Они приносят сюда знания, культуру, старинные манускрипты. Запад Европы получает возможность глубже познакомиться с античной цивилизацией, на Западе разрушенной во времена нашествия варваров, но в Византии уцелевшей. Эти ученые находят во Флоренции Лоренцо Медичи теплый прием и покровительство.

Великолепный поддерживает созданную его дедом Академию Платона, члены которой занимаются переводом на латынь греческих манускриптов. Лоренцо с восторгом воспринимает недавнее изобретение — книгопечатание, позволяющее быстро тиражировать знания. Но одновременно он стремится спасти от уничтожения как можно больше древних манускриптов, розыск которых по всей Европе он ведет через филиалы своего банка. Поклонник античной скульптуры, бронзы, медалей и монет, Лоренцо собирает также непревзойденную коллекцию античных шедевров.

Укрепление престижа Флоренции и собственного владычества над ней Лоренцо стремится обратить на благо всей Италии. Он жаждет ее единения перед лицом чужеземных нашествий, пророчески предвидя, что их время не за горами. Конечно, единство Италии видится ему как триумф Флоренции, как триумф Медичи. Но Лоренцо просто стремится выполнить объективную волю истории. Ведь кто-то должен же восстановить целостность Италии. Почему бы не он? История рассудит иначе. Италия не покорится Медичи. Великолепный не сумеет стать отцом ее единства.

Мужчины рода Медичи не отличаются здоровьем и долголетием. Лоренцо всего сорок четыре года, но он уже старик. Его силы подорваны, и 7 апреля 1492 года он умирает...

Лоренцо покидает политическую сцену в самый канун эры серьезных потрясений. Итальянские правители, освободившись от интеллектуального господства Великолепного, начинают интриговать друг против друга. Их некому остановить. Не случайно папа римский, узнав о смерти Лоренцо, восклицает: «Мир погиб!» А король Неаполя скажет: «Он прожил достаточно долго для себя самого, но слишком мало для спасения Италии».

Итальянские принцы начинают творить то, что они не осмеливались сделать при жизни великого дипломата. Деспотичный Лодовико ди Моро стремится окончательно забрать власть у официального герцога Милана, своего племянника. Но тот женат на родственнице короля Неаполя и имеет в нем, следовательно, серьезного союзника. Именно поэтому Лодовико подстрекает короля Франции с помощью военной силы востребовать якобы принадлежащую тому корону Неаполя.

Если бы Лоренцо был жив, его мудрая дипломатия не допустила бы столь кардинального изменения баланса сил на Аппенинском полуострове. Но увы... Тот образец политического компромисса и маневрирования, который демонстрировал Лоренцо, быстро забыт. Итальянцы сами призывают на свою почву чужеземцев, сами отсрочивают свое единство.

Италия жестоко поплатится за близорукость и внутренние междоусобицы. Ее ждет собственное «татаро-монгольское иго» продолжительностью в четыре с половиной столетия. Вплоть до середины XIX века Италией будут распоряжаться иностранцы — французы, испанцы, австрийцы. А ведь единство казалось столь близким. Другой великий флорентиец, Николо Макиавелли, страстно призывал потомков Лоренцо взять в свои руки объединение Италии. Но увы, беда всех великих европейских государей — у них нет достойных преемников. На детях гениев, как известно, природа отдыхает.

Сын Лоренцо, Пьетро, наследующий власть над Флоренцией, слабоволен и недалновиден. В 1494 году он позорно капитулирует перед французским королем Карлом VIII, отправившимся в итальянский поход за неаполитанской короной. Разгневанные граждане Флоренции изгоняют семейство Медичи. Их вдохновляет в этом доминиканский монах Джироламо Савонарола, единственный человек, призывавший дать отпор французам.

...Савонарола вот уже десять лет как обличает пороки власть имущих. Пока был жив Великолепный, на проповеди монаха особенно никто не обращал внимания, но с его смертью доминиканец ста-

новится властителем дум Флоренции. Кстати, Савонарола появляется во Флоренции с дозволения Лоренцо — за монаха просит близкий друг Великолепного, Пико делла Мирандола. И хотя проповеди фра Джироламо Лоренцо не по душе, он его никак не притесняет, хотя мог бы расправиться с вольнодумцем в одночасье. Более того, когда приходит его смертный час, Лоренцо призывает к себе именно Савонаролу. Кто, как не этот неподкупный праведник, достоин исповедовать Лоренцо и отпустить его грехи!

Согласно легенде, встреча двух великих современников была драматичной. Прежде чем отпустить грехи умирающего, Савонарола потребовал от него выполнения трех условий.

— Каких? — воскликнул Лоренцо.

— Первое — ты должен твердо верить.

— Я верую! — воскликнул умирающий.

— Второе — ты должен вернуть все то, что ты нечестно взял из общей казны или поручить это сделать сыновьям.

— Я сделаю это, — хотя и неохотно, но пообещал Лоренцо. — А третье?

— Ты должен вернуть флорентийскому народу его свободу.

Разрушить дело рук своих Лоренцо не мог, и, согласно легенде, умер без отпущения грехов...

После смерти Лоренцо некому уже противостоять страстной силе обличительных речей Савонаролы. На веселую, жизнелюбивую Флоренцию, привыкшую к шумным празднествам, словно находит затмение, она обращается в монастырь. Нет больше увеселений и карнавалов, только покаяния и посты. На центральной площади города, около дворца Синьории, Савонарола устраивает «костер суеты», на котором дамы и кавалеры сжигают свои наряды и украшения, книги, музыкальные инструменты, произведения искусства. Даже великий Боттичелли кидает в костер свои «языческие» картины. Савонарола требует публичного наказания для куртизанок, пыток для игроков, вырывания языков для сквернословов, сжигания заживо для приверженцев однополый любви. Флоренция погружается во мрак.

Савонарола обличает не только тщеславие и греховность рядовых христиан, он осмеливается предать анафеме развратный Рим во главе с неверным, еретическим папой, Александром VI из рода Борджиа. Савонарола провозглашает, что церковь отступила от идеалов первых христиан, погрязла в пороке и распутстве. Эти проклятия и обвинения доминиканца, бесспорно, справедливы...

Со времен X века Рим не видел столь губительного правления, которое современники откровенно именуют «порнократией». У наместника Христа — семь незаконных детей. Очередная возлюбленная шестидесятилетнего папы, пятнадцатилетняя Джулия Фарнезе, ведет себя как законная жена, управляя всем и вся. Любимый сын папы Цезарь и дочь Лукреция входят в историю как убийцы, садисты и кровосмесители.

Но папа пока сильнее монаха. Предтече Лютера и других реформаторов церкви не удастся выиграть битву с Римом. Посланные папой инквизиторы приговаривают Савонаролу к смерти, и в 1498 году, на том же месте, где пылал «костер суеты», сжигают тела Савонаролы и двух его приверженцев, предварительно повешенных. Особой скорби у вчерашних неистовых поклонников монаха-правдоискателя это, впрочем, не вызывает. Наверное, на редкость неблагоприятной для проповедей воздержания, аскетизма и суровой морали оказалась знойная и чувственная почва Италии. В холодной Германии у новых приверженцев очищения церкви и нравов всего двадцать лет спустя дела пойдут намного лучше...

Неверная же Флоренция, отвернувшись от вчерашнего властителя ее дум, ликуя, встречает пробуждение ото сна. С Савонаролой на костер восходят средние века. Возрождение возрождается, Флоренция вновь становится «Божественной». Ее жители начинают испытывать ностальгию по своему недавнему блестящему прошлому, которое олицетворяет для них род Медичи. Бездарного Пьетро уже нет в живых. Он скончался в изгнании, нелепо утонув. Но есть его сын, носящий имя своего великого деда — Лоренцо II, и выполняя волю флорентийцев, в 1512 году он триумфально возвращается к управлению государством.

К этому времени Медичи уже более не финансисты. Они политики. Начавшаяся при Великолепном трансформация из банкиров, менял, торговцев в политическую элиту Италии завершена. Еще в 1494 году, в момент изгнания Медичи из Флоренции, их имущество конфискуется в казну государства. Банкирский дом Медичи прекращает свое существование. Позднее Медичи удастся восстановить свое политическое могущество, частично обрести богатство, но они уже более не делают деньги, они, подобно знати других стран, их проживают. Они приумножают свое влияние не торговлей и финансовыми операциями, а политическими и родственными союзами.

Наследники Лоренцо создают культ своего великолепного предка. Его сын Джованни, став в 1513 году папой римским, решает

воздать должное отцу и заказывает Микеланджело скульптурные надгробия Великолепного и других Медичи. Ирония судьбы: Микеланджело завершает работу только над надгробиями брата и внука Лоренцо, в общем-то ничем не примечательных людей. Могила же самого Великолепного остается незавершенной. И сегодня посетитель монументальной капеллы Медичи легко пропустит скромную надпись, свидетельствующую, что здесь похоронен истинный Государь Флоренции.

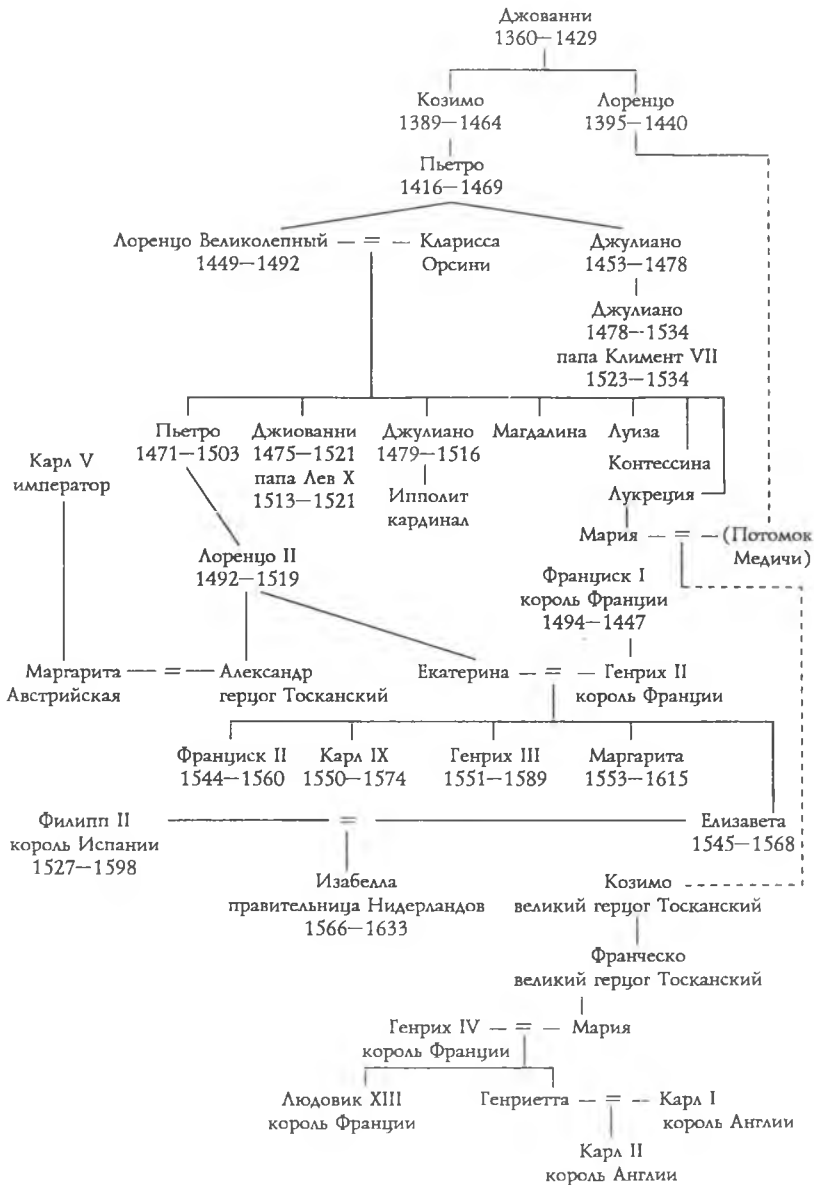
Потомки Лоренцо, хотя и будут заметно уступать гению Великолепного, будут, однако, долго править Европой, приобретя официальные титулы. Сын и племянник Лоренцо даже получают высшую власть над христианским миром — они взойдут на папский престол. Папами станут еще два отдаленных потомка Лоренцо.

Внук нашего героя, Лоренцо II, женится на отдаленной родственнице короля Франции, и рожденной от этого брака девочке, полностью осиротевшей в возрасте нескольких дней и выросшей при папском дворе, судьба уготовит еще более головокружительную карьеру. Екатерина станет самой известной королевой Франции, подлинной правительницей страны на протяжении тридцати лет. Французские аристократы будут презирать эту «флорентийскую торговку», но будут вынуждены склониться перед выдающимся умом подлинной наследницы политического гения Лоренцо Великолепного.

В итоге этих превратностей истории последние прямые законные потомки нашего героя неожиданно найдут свой приют в усыпальнице французских королей — Екатерина, королева Франции, и ее три сына, последние короли Франции династии Валуа — Франциск I, Карл IX и Генрих III. Флорентийские Медичи дадут Франции еще одну королеву — Марию, вторую жену Генриха IV. Кстати, этому славному королю вообще повезло на союзы с Медичи — его первой женой была, как известно, знаменитая «королева Марго», дочь Екатерины Медичи.

Медичи долго еще сохранят свою власть над Флоренцией. И сводный брат Екатерины Медичи, незаконный сын ее отца Лоренцо II, неистовый Александр, мать которого, по преданию, была негрятянкой, получит даже то, на что не осмелились претендовать его предки. Император Карл V отдаст ему в жены свою также побочную дочь Маргариту и признает его в 1534 году законным герцогом Флоренции. Однако править этому развратному тирану удастся недолго — в 1537 году его убьет близкий родственник.

ИЗ БАНКИРОВ — В КОРОЛИ: ИСТОРИЯ ДИНАСТИИ МЕДИЧИ

Но Флоренция не останется без Медичи. К власти придет младшая ветвь, представители которой являются потомками Лоренцо, хотя и по женской линии. Они два столетия будут править как великие герцоги Тосканские, отдавая своих дочерей в жены различным европейским монархам. Могли ли представить первые Медичи, наживавшие состояния торговлей сукном, квасцами и меняльным ремеслом, что их кровь сольется с гордыми родами Валуа, Бурбонов, Габсбургов?

МАРИЯ БУРГУНДСКАЯ: Колыбель европейских войн

Она была высокочтимой дамой, возлюбленной своими подданными, которые относились к ней с большим почтением, нежели к ее мужу.

*Филипп де Коммин,
историк, XV век*

10. МАРИЯ БУРГУНДСКАЯ: КОЛЫБЕЛЬ ЕВРОПЕЙСКИХ ВОЙН

Мало кто из брюссельцев, праздновавших в тот февральский день 1457 года рождение внучки герцога Бургундии Филиппа Хорошего, подозревал, что в украшенной кружевами колыбели лежит, как много позднее скажет Людовик XIV, причина «всех европейских войн». Малышка, к рождению которой наследный герцог Бургундии Карл Смелый проявил мало интереса, предпочитая продолжить охоту в компании наследника французского престола, будущего Людовика XI, представляет пока интерес только для матери и бабушки. Да, конечно, потенциально она возможная наследница Бургундии, но отец ее молод, у него, наверное, будут сыновья, которые в свою очередь станут Великими герцогами Запада. Но почему наследница Бургундского рода рождается не на юго-востоке Франции, а намного севернее, в Брюсселе, на территории нынешней Бельгии?

...Когда в 1361 году король Франции Иоанн II отдал своему сыну Филиппу во владение оставшуюся без наследников Бургундию, вместо того чтобы непосредственно присоединить ее к французской короне, был сделан первый шаг к созданию государства, которое в XIV–XV веках по мощи своей превосходило Францию, Англию, не говоря уже о раздробленной Священной Римской германской империи. Но король хотел отблагодарить своего младшего сына за мужество, проявленное в 1356 году в битве с англичанами при Пуатье. В то время как его старший сын, дофин Карл, малодушно бежал с поля боя, юный Филипп проявил выдержку и отвагу, остался рядом с отцом и разделил с ним тяготы английского плена.

Став герцогом Бургундским, Филипп в полной мере проявляет свои исключительные таланты политика и дипломата. Его первым шагом становится осуществленный при помощи отца мудрый династический брак: он женится на молодой вдове своего предшественника, покойного герцога Бургундского, — Маргарите, единственной дочери и наследнице графа Фландрского. После его смерти в 1384 году Филипп присоединяет к Бургундии Фландрию, которая, формально оставаясь частью Франции, давно уже чувствует себя независимой.

...Фландрия — наиболее процветающий край этой части Европы. Невзирая на Столетнюю войну между Францией и Англией, зажатая между ними Фландрия умудряется не только выживать, но и процветать экономически. Находясь на перекрестке путей Северной Европы, она активно развивает торговлю и ремесла, в ней бурно растут города — Гент, Брюгге, Дамме, Кортрийк, власть в которых принадлежит уже не столько графам Фландрским, сколько городским коммуна.

Путешествуя по современной Бельгии и Нидерландам, невольно ощущаешь, что именно здесь, в этих краях, родился капитализм, атрибуты рыночной экономики. В Брюгге вам обязательно покажут дом господина Берса, основоположника биржи. Именно ему первому пришла в голову гениальная мысль создать место, где приезжие торговцы могли бы собираться вместе и заключать сделки. Имя собственное «Берс» и стало названием этого института — «бурс» по-французски, «берс» по-немецки, «биржа» по-русски. Да и в самом центре Брюгге возвышается отнюдь не собор, как в большинстве европейских средневековых городов, а стометровая башня, часть огромного здания купеческих гильдий...

Нарождающаяся местная буржуазия, чувствуя, что ее благосостояние зависит прежде всего от Англии, все больше ориентируется на союз с Альбионом. Достаточно сказать, что в самом начале Столетней войны, в 1340 году, король Англии Эдуард III провозглашается королем Франции именно во Фландрии, на рыночной площади Гента. Сей акт — дело рук фландрских буржуа, графы Фландрские пока еще преданно сражаются на стороне короля Франции, своего законного сюзерена. Парадоксально, но только когда графами Фландрскими станут бургундцы, ближайшая родня французских королей, они, заразившись настроениями подданных, открыто возьмут сторону англичан...

Итак, герцоги Бургундские присоединяют к своим владениям вольнолюбивую, процветающую Фландрию. В эту эпоху, стоящую на грани двух миров — средневековой готики и светлого Возрождения — рождается эта удивительная династия гордых герцогов Бургундских, одновременно благородных и страстных рыцарей, щедрых покровителей искусств, но и жестоких, коварных интриганов. Так рождается и беспримерная вражда между правящим королевским домом и отпочковавшейся от него младшей ветвью, вражда, которая при жизни отца нашей героини перейдет в ничем не прикрытую ненависть. Эта ненависть будет отражением переходного характера эпохи, еще грезящей романтикой крестовых по-

ходов, и в то же время уже думающей о прозе пополнения государственной казны.

Если первый бургундский правитель, Филипп, ведет себя еще как принц французской крови и, умирая, завещает в 1404 году сыновьям «быть хорошими французами», то его наследники уже чувствуют себя независимыми суверенами, только формально остающимися вассалами французской короны, но на деле вступающими с ней в смертельный бой. Из Бургундии, из Дижона сердце Великого герцогства Запада окончательно перемещается на север. Отныне резиденции герцогов Бургундских располагаются в Брюгге и Генте, в западной Фландрии.

Сын Филиппа Иоанн Бесстрашный мало интересуется, однако, делами своих северных провинций, предпочитая «делать французскую политику», оказавшись одним из регентов при своем племяннике, малолетнем французском короле. Пользуясь недовольством французов тяжелым экономическим положением страны, налогами, Иоанн становится, как бы мы сказали сегодня, откровенно популистским политиком, возглавляющим движение простолюдинов, нарождающейся буржуазии за большую экономическую свободу.

Это несомненный предтеча Филиппа Эгалите, кузена Людовика XVI, голосовавшего, как известно, за казнь монарха, но затем в свою очередь сложившего голову на гильотине — что наводит на мысль, что предание интересов класса, к которому принадлежишь от рождения, всегда карается Всевышним. Иоанн не гнушается самыми крайними средствами. По личному приказу бургундца в Париже убит его политический соперник, возглавлявший движение военных и дворян, другой дядя короля Франции, герцог Орлеанский.

Много томов потребуется, чтобы описать обрушившиеся затем на Францию несчастья: сведение счетов между двумя партиями, гражданские войны, к которым добавляется вновь активизирующаяся английская интервенция. Перемирия между лагерями, время от времени все-таки осознающими, что их вражда на руку лишь чужеземцам, сменяются новыми столкновениями. Наконец в 1419 году Иоанн Бесстрашный в свою очередь становится жертвой покушения.

Его сын, вошедший в историю как Филипп Хороший, принимает решение окончательно сделать ставку на союз с Англией. С его стороны это — четкий и взвешенный политический шаг. От Англии, от нормальных торговых связей с ней, от английской шерсти, наконец, зависит благополучие Фландрии. Да и непосредственно Бургундия во многом зависит от английских закупок вина и зерна.

Обратим внимание на этот примечательный факт — экономическая выгода начинает диктовать политические ориентиры. Конечно, всегда, во все времена экономические соображения присутствовали при решении вопросов войны и мира. Но раньше это была просто глобальная тяга к завоеванию новых территорий, рабов, золота, рудников. Теперь же довлеют интересы национальных торговцев, банкиров, ремесленников. Политически, исторически, наконец, географически, Фландрия — естественный союзник Франции, и только дух коммерции толкает ее в объятия Альбиона. Удивительный парадокс: Филипп, герцог Бургундский, продолжает грезить эпохой крестоносцев и даже обещает отправиться в поход, чтобы освободить Европу от турок, хозяйничающих в Константинополе. И все-таки выше законов рыцарской чести, диктующих верность до гроба своему сюзерену, он ставит интересы мелких лавочников и ремесленников.

Продолжая политику своего деда, Филипп расширяет владения, постепенно присоединяя к унаследованной им Фландрии и Бургундии также Брабант, Люксембург, Голландию и в итоге становится властителем территории, охватывающей сегодняшние Бельгию, Нидерланды, Люксембург, часть севера и востока Франции, и создает по сути дела самостоятельное государство, лежащее между Францией и Англией, само решающее, чью сторону принять в их столетнем конфликте. Оставаясь формально в составе Франции, огромное герцогство Бургундское начинает проводить самостоятельную, более того, диаметрально противоположную внешнюю политику. Во Франции возникает «внутреннее зарубежье»...

Некоторые новые приобретения Филиппа, в частности запад нынешней Бельгии и Люксембург, входят в состав Священной Римской империи, следовательно, в отношении этих территорий он является вассалом германского императора. Но этот «слуга двух господ» становится сам себе господином, поскольку его формальные сюзерены — и слабее, и беднее его.

Филипп явно нарушает заповедь своего тезки-деда «быть хорошим французом», но, отказавшись следовать в фарватере Франции, он может гарантировать экономическое процветание своих владений, и именно он становится «Великим герцогом Запада», территории, простирающейся между Соммой и Рейном. По своему географическому положению, протяженности границ, в том числе морских, числу и богатству городов, развитию промышленности, численности населения Бургундское герцогство не имеет в Европе равных, кроме севера Италии, но в отличие от последнего Бургундия едина. Землей обетованной называют этот край современники.

...В современной Европе, как часто говорят, существует «банан процветания», территория, по форме напоминающая этот плод и охватывающая Нидерланды, Бельгию, Люксембург, северо-восток Франции и юго-запад ФРГ, Швейцарию, — регион, составляющий индустриальное сердце континента и имеющий более высокий доход на душу населения. И этот «банан» XX века во многом совпадает с «бананом», который в свое время представляло славное герцогство Бургундское...

Филипп Хороший оказывается в политике реалистом, гением маневра. Он прекрасно усваивает заповеди государя, хотя Макиавелли сформулирует их только сто лет спустя. Все средства хороши ради достижения цели — таков девиз нового герцога Бургундского. Прийдя к власти в 1419 году, Филипп клянется отомстить за смерть отца. Ради этого он признает короля Англии законным правителем Франции, а французского дофина Карла объявляет не имеющим прав на престол.

Но затем начинается эпопея Жанны д'Арк, всколыхнувшая Францию. Юная крестьянка, услышавшая небесные голоса, поверила в свое предназначение спасти Францию и ее дофина. Она смогла убедить сторонников дофина доверить ей командование отрядами, сняла осаду с Орлеана и открыла путь на Реймс, священный город коронаций.

Что делает Филипп Бургундский, дотоле сторонник англичан? Он присутствует при коронации Карла VII в Реймсе. Впрочем, это не помешает ему затем пленить и продать англичанам дошедшую дофина до Реймса Жанну д'Арк.

...Коронацию французского дофина вскоре затмевает другое событие, вошедшее в анналы истории как одно из самых грандиозных и пышных празднеств. Филипп справляет свою третью свадьбу. Дважды овдовев и оставшись бездетным, Филипп берет в жены Изабеллу, дочь короля Португалии. Свадьба играется в Брюгге, и именно во время ее Филипп учреждает Орден Золотого Руна, самый престижный рыцарский орден всех времен, чести стать одним из тридцати одного члена которого домогались самые блестящие рыцари Европы. В Вене в сокровищнице австрийских императоров — почему именно там, мы узнаем дальше — поныне хранятся бесценные регалии этого ордена. Даже выбором символа своего рыцарского ордена Филипп демонстрирует свои симпатии. Золотое руно — символ экономического благосостояния Фландрии, процветающей за счет суконной индустрии.

Вскоре Филипп заключает исключительно выгодный мир с королем Франции, закрепляя за собой новые территории, а потом

и с королем Англии. Слава и влияние Филиппа столь велики, что в 1453 году после взятия Константинополя турками именно к герцогу Бургундскому, а не к королям Франции и Англии, не к императору германскому, обращается папа римский с призывом возглавить новый крестовый поход против неверных.

Вторжение турок, возможно, самое страшное событие европейской истории после падения античного Рима. Да, между этими двумя событиями было множество варварских нашествий, о которых мы часто говорили на страницах этой книги. Но они не имели для экономического и политического развития Европы столь катастрофических последствий. Германцы, викинги или венгры были не менее жестоки, чем турки, но, сталкиваясь с более высокой цивилизацией, они быстро принимали ее достижения, переходили в христианство и вскоре ассимилировались с местным населением. Отличить завоевателей от побежденных уже через пару поколений было невозможно.

Турецкое нашествие — иного плана. Для покоренных народов Болгарии, Сербии, Румынии, Албании, Греции оно означало столетия экономического упадка и жизни под чужеземным игом. Турки не ассимилировались, сохраняли свою веру, хотя особо и не навязывали ее побежденным. Это был бесспорный триумф ислама, и католическая церковь не сразу смирилась с этим.

Но призывы церкви к новому походу против неверных принцами Запада встречены ледяным молчанием, похороны Византии оставляют их бесчувственными. Лишь некоторые пылкие европейские души внемлют пламенным словам римских пап, требующих покарать мусульман. В ходе очередного пышного празднества Филипп и рыцари Золотого Руна дают торжественную клятву освободить Европу от мусульман. Но этому походу так и не суждено состояться: Филипп боится, что за время его отсутствия Франция, Германия и Англия растащат его владения.

Тем временем могущество Филиппа растет. Именно при его дворе находит убежище, рассорившись с отцом, французский дофин, будущий король Людовик XI, которому Филипп не только дает кров, но и назначает денежное содержание. Людовик достаточно близко сходитя с наследным герцогом Бургундским Карлом и проводит с ним все время. За гостеприимство бургундского дома Людовик в будущем оплатит самой черной неблагодарностью.

Двор Филиппа отличает невиданная дотоле в Западной Европе роскошь. Одно празднество следует за другим. Филипп покровительствует артистам, музыкантам, литераторам, художникам. Мно-

гие шедевры фламандского возрождения, картины Ван Эйка, Мемлинга, других мастеров созданы по его личному заказу.

В противоположность реалистично мыслящему Филиппу, наследовавший ему в 1467 году его сын Карл, отец нашей героини Марии, оказывается в политике романтиком, если не сказать авантюристом. Его, как и Фридриха Барбароссу, манит извечная мечта о единой Европе, о короне Карла Великого, титуле императора Запада. И в этих его замыслах, как вскоре оказывается, Марии уготована не последняя роль.

...Еще девочкой Мария теряет мать. Отец, мечтающий о сыновьях, женится вновь, благо это дает возможность насолить бывшему другу, а ныне смертельному врагу, Людовику XI, королю Франции. Невеста — Маргарита Йоркская, сестра короля Англии. Мария сразу проникается искренней симпатией к этой английской розе — розе и в прямом смысле этого слова, поскольку на родине Маргариты только-только закончилась кровавая междоусобица между Алой и Белой розой, и Белая роза, ветвь Йорков, в этот раз победила.

Карл Бургундский устраивает в честь своей новой жены невиданное празднество, которое превосходит все, что видела Фландрия. И это тем более необычно, поскольку, в отличие от отца, Карл не любитель пышных церемоний. Герцогскую казну он предпочитает пускать на укрепление армии. Но на сей раз он изменяет своим привычкам. Он должен показать всей Европе, что он действительно Великий герцог Запада, с богатством и куртуазностью которого не может сравниться ни один монарх. Один банкет следует за другим, рыцарские турниры, представления музыкантов, торжественные церемонии сменяют одна другую.

Празднества как бы воскрешают дух ушедших эпох. В реальной жизни от подвигов благородных рыцарей и истовости крестовых походов остались только баллады и романы. Идеи, которые когда-то вдохновляли рыцарей на дальние странствия и служение Прекрасной даме, уже только повод для театрального представления или костюмированного бала. Душа раннего средневековья уже отлетела. Но Карл, полный романтических замыслов, искренне верит в возможность воскресить былую эпоху во всем ее блеске.

Мария принимает участие в торжествах, она грустит о матери, но новая жена отца становится ей не мачехой, а старшей сестрой, подругой. Однако и сама малышка Мария — уже завидная европейская невеста. Ее руку оспаривают многочисленные претенденты, в том числе сын императора Священной Римской империи Максимилиан Австрийский, брат французского короля Карл, многие

другие отпрыски королевской крови. Всего у Марии будет семь женихов. Отец не спешит распорядиться рукой дочери, у него по-прежнему нет иных наследников, и замужество Марии — эффективное средство для дипломатического шантажа.

Наиболее завидным представляется Карлу союз с Габсбургами, в то время уже приобретшими по сути дела наследственное право быть избранными императорами Священной Римской германской империи. Семья Габсбургов, как уже упоминалось, когда-то владела всего-навсего скромным замком на территории нынешней Швейцарии, но постепенно смогла расширить свои владения, и в 1273 году ее представитель впервые стал германским императором. Не потому, что Габсбурги к этому моменту очень влиятельны, напротив, потому, что германским князьям нужен «скромный», безвластный император.

Первые Габсбурги не смогли завоевать право наследовать титул императора, но им удалось большее — они существенно расширяют свои личные владения, постепенно присоединяя к ним Австрию, Богемию, Венгрию. Их главное орудие не меч, а обручальное кольцо. Сквозь века пройдет эпитаграмма-девиз Габсбургов:

Пусть другие воюют, —

Ты, счастливая Австрия, вступаешь в брак.

И действительно, Габсбурги, как никакая другая европейская династия, обязаны своему возвышению продуманным брачным союзам, включающим в их орбиту все новые и новые территории. И второе пришествие Габсбургов, состоявшееся с восхождением на императорский трон в 1438 году, происходит уже не с позиции слабости, а с позиции силы.

Новый император, Фердинанд III, также ищет своему сыну невесту с хорошим европейским приданым. Интерес к этому браку обоюден: отца Марии, в свою очередь, манит корона императора. Однако Габсбургам подобная плата представляется чрезмерной, и матримониальная сделка заходит в тупик. Пока...

Следующий претендент на руку Марии — Карл Французский, враждующий со своим братом, королем Франции, что является в глазах Карла Бургундского лучшей рекомендацией. Перспектива, что его младший брат может стать некоронованным владыкой Запада, приводит короля Франции в бешенство. Он начинает длительные переговоры, пытаясь соблазнить старого бургундского друга-врага еще более блестящим браком. Он предлагает выдать Марию за своего собственного сына, которому, правда, всего ... один год. Но зато Мария в один прекрасный день станет королевой Франции!

Но Карл прекрасно понимает, что в случае, если у него так и не будет других наследников, Бургундские владения тогда станут частью Франции и утратят свою самостоятельность. И он решительно отвергает предложение короля, по-прежнему обдумывая брак с его младшим братом. Но тот вскоре умирает.. Карл обвиняет Людовика XI в убийстве брата с целью помешать его женитьбе на Марии. Хотя подобный метод политической борьбы в духе Людовика, в данном случае он, скорее всего, невиновен. Французский принц страдал венерической болезнью, от которой ранее скончалась его давняя фаворитка.

Взоры Карла вновь обращаются в сторону Габсбургов. Вновь идут тайные переговоры. В качестве первого шага бургундец требует в обмен на брак Марии с Максимилианом своей коронации Римским королем, то есть законным наследником империи. Он настаивает, чтобы затем, после смерти нынешнего императора, отца Максимилиана, он, Карл Бургундский, был бы провозглашен императором Запада, а уже после его смерти корона была бы возвращена Максимилиану и передана затем его потомкам от брака с Марией. Император обещает, и вот мы оказываемся в Трире, императорском городе, хранящем следы Константина Великого, где уже все готово к коронации.

Затаив дыхание, Европа ждет встречи императора с Великим герцогом Запада. При свете факелов, сопровождаемый сотней пажей, одетых в бело-голубые костюмы, эскортируемый шестью тысячами кавалеров, Карл совершает торжественный въезд в Трир. Его встречает император. Карл почтителен, он целует руку формального владыки Запада. Но все понимают, кто из двух — реальный правитель. В свите герцога — высокие прелаты церкви, послы дюжины европейских государств.

Карл начинает череду празднеств. Под их прикрытием два месяца идут личные переговоры между двумя владыками. Но напуганный могуществом своего будущего зятя, перспективой чрезмерного возвышения Бургундского дома, в последний момент император, передумав, тайно покидает Трир. Легко понять его мотивы. А если у Карла, молодого еще человека, родится сын? А если у него появится вполне естественное желание передать императорскую корону ему, а не зятю? Власть над империей тогда вновь ускользнет от Габсбургов. Риск слишком велик, и Фердинанд III предпочитает нарушить обещание. Карл Смелый в гневе от предательства императора, от того, что стал посмешищем всей Европы. О браке Марии с Максимилианом не может, естественно, быть и речи. Невесте в это время пятнадцать лет..

Впрочем, в претендентах недостатка нет. Но большинство из них умирают — кто от болезни, кто от руки убийцы. Карл, продолжая использовать руку дочери как дипломатическую приманку, тем временем начинает новую политическую авантюру. Раз не удалось сразу стать императором Священной Римской германской империи, Карл решает восстановить королевство Лотарингию, среднюю часть империи Карла Великого, обширную территорию между Массом и Рейном. Карл уже владеет двумя его составными частями — северной, нидерландской, и южной, бургундской. Не хватает только третьей, центральной, непосредственно Лотарингии. Ее аннексия позволит собрать воедино эту географическую мозаику и соединить французские владения бургундского дома с их нидерландскими территориями.

Карл прекрасно знает, что именно на территории Лотарингии, в Аахене, столице Карла Великого, и именно Лотарю была отдана корона императора, лишь затем оказавшаяся у его германских кузенов. Восстановить Лотарингию, а потом уже не по-хорошему, а силой потребовать у Габсбургов корону императора — новая «идея фикс» бургундца.

Во имя этого Карл пускается в германские авантюры. Сначала все идет хорошо: он добивается успеха в своей экспедиции, овладевает Кельном, заключает союз с герцогом Лотарингии, который дает Карлу фактический контроль над территорией.

Все эти завоевательные походы происходят на фоне постоянной, непрекращающейся войны с королем Франции, бывшим другом Карла — Людовиком XI. Они оба во многом похожи — прежде всего страстным стремлением к заветной цели. Но идеал Людовика реалистичен — он хочет создать единую Францию, мощное централизованное государство под полной властью монарха. Более того, он хочет вернуть Франции «естественные границы» — то, что впоследствии на краткое время осуществит Французская революция и Наполеон, то есть выйти на берега Северного моря.

К моменту восхождения Людовика на престол Франция уже восемь лет как свободна от английских захватчиков, но королевская власть еще крайне слаба. На смену старым феодальным владыкам, поставленным на колени предшественниками Людовика, пришли новые — отпрыски различных ветвей королевского рода. Забыв о страшных усилиях, которых потребовало собирание французских земель, короли династии Валуа стали беспечно отдавать своим младшим сыновьям в управление целые провинции. Именно так, как уже упоминалось, приобрел свое влияние бургундский род,

а также герцоги Бретонские, Анжу и другие. Хотя число этих новоявленных могущественных вассалов и сократилось, но власть их, особенно учитывая тесное родство с королевским домом, только возросла. Более того, блеск их дворов, роскошь образа жизни стали затмевать скромность королевского Парижа.

Как монарх Людовик нетипичен для своей эпохи. По вкусам, привычкам он несомненный буржуа, мечтающий как можно лучше обустроить свой дом, Францию. Как человек он совсем не симпатичен — скуп, мелочен, коварен, нечистоплотен в выборе средств и неразборчив в приближенных. Но именно он создаст великую страну, даст ей тот запас прочности, которого хватит на триста лет. Людовик первым потребует обращаться к себе «Ваше Величество» — ранее так именовались лишь императоры. Его преемники будут блестящими монархами, они оставят после себя Фонтенбло и Версаль, картины Леонардо и скульптуры Лужона, превратят Францию в законодательницу европейской моды и оазис цивилизации. Людовик XI же с его бедным, обветшалым двором, просто оставит после себя *Францию*, на которую его потомки смогут уже наводить лоск...

Страстная же мечта Карла Бургундского принадлежит другой эпохе. Его предки были, как говорилось, одновременно гордыми рыцарями и весьма хозяйственными правителями. Карл же унаследовал только одну грань бургундского характера. Он романтик, влекомый страстью возродить империю. В Европе XV века он уже редкий правитель-космополит. Он не чувствует себя ни бургундцем, ни французом, хотя по мужской линии он прямой потомок французских королей. В беседе с Людовиком он даже прямо отрекается от связывающих их уз французской крови. «У нас, у португальцев, принято...», говорит он, обращаясь к кузену. Да, мать Карла — из рода португальских королей, его бабушка — англичанка. Но ведь это не редкость, у других монархов не меньше иностранной крови, но те уже привыкли олицетворять «коренную» нацию. А Карл — он олицетворяет свою мечту. При этом гордый герцог забывает, что и отец, и дед его были любимцами простых французов, которые были преданы Бургундскому дому более, чем королям.

Но Карлу не нужна Франция, ему не нужна даже Бургундия, он мечтает о европейской империи. В этом он находит союзника — короля Богемии Георгия Подебрада, взошедшего на престол после угасания наследников известного нам Карла Люксембургского. Их устремления во многом различны. Если Карл принадлежит к уже

ушедшей эпохе европейских империй, то Подебрад, напротив, на несколько столетий опережает свое время.

Чех мечтает о Европе во многом наднациональной, в которой государства заключают между собой пакты о сотрудничестве и вечном мире, доверяя контроль за их соблюдением некоему новому правителю. Подебрад также именует его императором, но его Европа — это уже не Европа Шарлеманя. Однако мечта Подебрада столь же иллюзорна, как идея Карла Бургундского: прежде чем объединяться, европейским нациям нужно укрепиться. Как уже говорилось, на востоке Европы нации осознали себя нациями даже раньше, чем на западе, и потому именно здесь и родилась идея наднациональной Европы, время для реализации которой придет только в XX веке.

А пока Подебрад поддерживает имперские мечты герцога Бургундского. Но удача отворачивается от Карла. Он погибает в битве под Нанси, столицей Лотарингии. Его тело, обезображенное волками, находят несколько дней спустя. Лишь по шраму и длинным ногтям врач опознает тело Смелого.

Со смертью Карла гибнет возможность появления на европейской карте третьей силы, независимого государства, расположенного между Францией и Германией, которое могло бы стать буфером между ними и рождение которого, может быть, навсегда бы закрыло лотарингский вопрос, который и в XIX, и в XX веке будет вызывать войны. В погоне за наследством Шарлеманя Карл был, бесспорно, авантюристом, но в истории Европы случались и более смелые авантюры. Эта, увы, не удалась...

Судьба бургундского наследства, да что там, Европы в целом, зависит теперь от дочери Карла, Марии. Если бы она пошла по самому легкому пути, став супругой дофина Франции, эта часть Европы, очевидно, навсегда стала бы частью Франции. Бельгия, Нидерланды, Люксембург никогда бы не родились. Была бы только Большая Франция. И кто знает, как бы сложилась судьба европейского единства в XX веке без этих малых государств, пострадавших за столетия нескончаемых войн и потому сегодня самых активных сторонников тесной, необратимой европейской интеграции.

Итак, Мария становится герцогиней Бургундской, герцогиней, против которой интригует французский король и восстают собственные поданные, уставшие от военных авантур ее отца. Сколько нужно мудрости этой двадцатилетней девушке, чтобы распорядиться своей судьбой!

Главная угроза исходит от короля Франции. Поначалу наивная Мария, только-только узнав о смерти отца, обращается к Людови-

ку XI с просьбой о защите и покровительстве. Если бы король, кстати, ее крестный отец, хотя бы лицемерно проявил родительские чувства к сироте и запросил бы за это неизбежную цену — брак с его сыном и наследником, то Мария, скорее всего, согласилась бы. Но Людовик остается глух к мольбам. Вместо того, чтобы прибрать к рукам бургундское наследство в качестве приданого, он, ослепленный торжеством по случаю смерти старого недруга, решает получить все с помощью грубой силы. Он в одночасье аннексирует непосредственно бургундские земли, ссылаясь на то, что они должны были вернуться к королю Франции в случае отсутствия прямых наследников. Тем самым Людовик нарушил закон, поскольку не было оговорено, что необходим наследник мужского пола. Король совершает глупость — он навсегда отталкивает от себя Марию, а вместе с ней — все Нидерланды, которые окажутся потеряны для Франции.

Но Людовик пока не осознает роковых последствий этого шага. Добыча кажется ему столь легкой, что рука дофина видится чрезмерной платой. А вдруг найдется более соблазнительная невеста? И вместо переговоров Людовик начинает военные действия против Нидерландов.

Со смертью Карла ситуация в бургундских провинциях выходит из-под контроля. Конечно, подданные обожают свою юную правительницу, но прежде всего они любят собственную свободу. И чувствуя, что более удобного момента может и не быть, они начинают бунтовать против той жесткой централизации власти, которую успешно проводили прежние герцоги Бургундские. Вольнолюбивые жители нидерландских провинций требуют вернуть им старые коммунальные привилегии — выбирать местную власть, собирать Генеральные штаты. У Марии нет выбора: без армии, без казны она не может, как это делали ее предки, силой усмирить повстанцев. Она вынуждена в торжественной обстановке подписать Великую Привилегию, своего рода хартию муниципальных свобод, обещая отныне советоваться во всем с Генеральными штатами. Но на этом демократизация не кончается, она быстро превращается в регионализацию — своих, более конкретных привилегий требует теперь каждая провинция — Фландрия, Брабант, Голландия и т.д. Но развал центральной власти не завершается и на этом, свободы и независимости требуют теперь отдельные города — Антверпен, Брюгге, Гент... Они хотят жить по своим законам, платить свои налоги, сами определять торговую политику. Пивовары требуют, например, запретить импорт пива. При этом импорт означает не ввоз из Франции или хотя бы другой провинции, а даже из соседнего

города. Своекорыстие и эгоизм городов и провинций грозит разрушить процветающее Бургундское герцогство, на протяжении столетий внушавшее другим европейцам зависть.

Но у Марии нет выбора, она в ловушке, ее шантажируют. Сценарий всегда один и тот же: горожане начинают бунт, требуя свободы, жестоко расправляются с несколькими чиновниками, и, устранив власть, смиренно просят герцогиню о прощении и «привилегии». Мария вынуждена прощать и даровать привилегии.

Самые страшные события разворачиваются в Генте, где толпа казнит ближайших советников покойного Карла Бургундского, его лучших министров. Мария, узнав о готовящейся расправе, босая и простоволосая, бежит из герцогского дворца на рыночную площадь Гента, где уже установлен эшафот, и, рыдая, молит пощадить верных сподвижников Бургундского дома. Напрасно. Ее слезы оставляют толпу равнодушной. Но на завтра зачинщики мятежа, преклонив колена, просят герцогиню простить их... И Мария вновь прощает.

Она понимает, что является заложницей собственного народа, народа, который ведет себя к гибели и разрушению. Остановить неминуемый распад бургундского наследства на конгломерат мелких провинций и городов, которые станут для могущественных соседей легкой добычей, может только твердая мужская рука. Кто обладает ею?

И Мария делает свой выбор. Суженым станет ее первый жених, избранник отца, Максимилиан Австрийский.

Напрасно советники склоняют Марию отдать руку семилетнему(!) сыну французского короля, напрасно Маргарита Йоркская, вдова Карла, предлагает брак с собственным братом, герцогом Кларенсом, Мария непреклонна. Она сама пишет письмо Максимилиану, сообщая о готовности выполнить прежнюю волю отца и стать его женой.

В чем секрет привлекательности этого юного эрцгерцога, привлекательности тем более загадочной, что она действует на «юных дев в беде» даже на расстоянии? Ведь одиннадцать лет спустя еще одна осиротевшая девочка-герцогиня обратится к Максимилиану: «Я к вам пишу», но это будет потом...

Максимилиан, конечно, весьма недурен собой, у него тонкие, аристократические черты лица, орлиный нос, пронзительный взгляд. Но самое главное в глазах Марии — он в силах защитить ее наследство от притязаний французской короны. Людовик XI и так уже отобрал у нее непосредственно Бургундию, но защитить Бур-

гундию у Марии нет сил. Она хочет сохранить хотя бы независимость Нидерландов. Кто может поспорить с королем Франции? Только германский император, отец Максимилиана.

Другие претенденты на руку Марии не сдаются, но их опять преследует рок. Брата английского короля, герцога Кларенса, ждет Тауэр и эшафот. Герцог и ранее интриговал против собственного брата, короля, и даже первым браком был женат на дочери его противника, но затем помирился. Когда же герцог осмелился попросить руки Марии, король вновь стал подозревать, что младший брат хочет получить власть большую, чем у короля Англии, и казнил его. Другой претендент, кузен Марии, герцог Гельдр, доблестно погибает в сражении против короля Франции. А ведь, возможно, именно брак с ним даровал бы Нидерландам независимость. Действительно, если бы Мария вступила в брак с собственным вассалом, герцогом местной крови, не имеющим никаких претензий на другие европейские престолы, то тогда продолжилась и упрочилась бы национальная правящая династия и, возможно, Большие Нидерланды стали бы абсолютно самостоятельным государством еще в XV веке. Почему не подумала об этом Мария и ее советники? Возможно, в этом сценарии их волновало только одно: сможет ли мелкопоместный принц защитить Нидерланды от могущественных монархов Франции, Англии, Германии? Смерть герцога Гельдра, блестящего военачальника, окончательно закрыла вопрос о подобном «национальном» браке. Даже небеса, кажется, толкнули Марию в объятия Австрии. Послам императора, прибывшим в Брюгге, она дает утвердительный ответ, даже не посоветовавшись, как обещала, с Генеральными штатами...

18 августа 1477 года в одиннадцатом часу вечера после практически трехмесячного путешествия из Вены Максимилиан прибывает в Брюгге. Толпы народа приветствуют его как защитника их юной герцогини и независимости бургундских государств. На следующий день назначено венчание.

В белом платье с золотым шитьем, в герцогской короне отправляется Мария в придворную церковь, где, несмотря на печальные воспоминания, связанные с недавними похоронами Карла Смелого, уже царит атмосфера радости и надежды. После венчания, во время банкета Мария впервые может близко взглянуть на своего мужа, избранного согласно разуму. Юный герцог статен, ловок, хорошо воспитан. Девятнадцатилетний Максимилиан, не говорящий по-французски, и двадцатилетняя Мария, не владеющая немецким, с первого взгляда влюбляются друг в друга. Более того, эта юная

пара покоряет сердца подданных. Да, те бунтовали против слабой женщины, но теперь, добившись привилегий, они искренне приветствуют своих правителей. Торжественный въезд молодоженов в Брюгге по своей пышности и всенародному ликованию превосходит все празднества, которые видел этот город.

Но, пожалуй, ни одна свадьба в истории Европы не имела для судеб нашего континента столь далеко идущих последствий. Это тот случай, когда личность в истории играет определяющую роль. Если бы не решение Марии, будущее Европы было бы абсолютно иным. Брак с французским дофином вернул бы Нидерланды в родные объятия Франции, возродилась бы старая Галлия, конечно, с фламандским акцентом, но тем не менее единая. Напротив, Австрия так, очевидно, и осталась бы окраинной «восточной страной». Случилось иначе...

Австрия, казалось бы, традиционно ориентирующаяся на укрепление своих доминирующих позиций на Дунае, оказывается вовлеченной в большую европейскую политику, получает выход на Северное море, неожиданно становится в Европе третьей силой. Но если Карл Смелый думал о Лотарингии, о третьей силе между Францией и Германией, то третья сила в лице Австрии оказывается буфером между Францией и Англией. Лотарингский вопрос в Европе остается открытым, но появляется еще и нидерландский. Открывается долгий конфликт между Австрией и Францией, который будет длиться вплоть до XX века.

Что касается Нидерландов, приветствовавших Максимилиана как спасителя их независимости, этот брак оказывается для них прологом к тому, чтобы оказаться разменной монетой европейской политики. Против их воли народы бургундских владений окажутся вовлеченными в войны за чужеземные интересы. Но никому и в голову не приходит мысль получить от Габсбургов какие-либо гарантии. Согласно брачному контракту, дети Марии и Максимилиана наследуют все их владения, при этом не оговорена автономия ни Нидерландов, ни других бургундских территорий от дома Габсбургов. Более того, вскоре после свадьбы Мария назначает мужа своим прямым наследником в случае, если она умрет бездетной. В чем причина такого легкомыслия?

Может быть, в самом простом — в любви. Брак по расчету превращается в брак по искреннему чувству. Что-то все-таки есть в этих Габсбургах XV века, что лишает девушек разума! Сын Марии и Максимилиана Филипп будет считаться самым красивым принцем Европы, сводящим с ума многочисленных дам. Одну из них

он сделает безумной в буквальном смысле этого слова. Свою жену Хуану, дикая ревность и экстравагантные выходки которой дадут не один повод для европейских сплетников той эпохи. Но к этому мы вернемся в следующей главе.

В отличие от своего галантного и ветреного сына, Максимилиан вполне верный супруг. Многие годы спустя он будет вспоминать романтические прогулки по цветущим садам Фландрии, шатеновые волосы Марии, ее серо-голубые глаза. Они учат друг друга своим родным языкам, но и без этого уже понимают друг друга без слов. С того момента, когда Мария добровольно передает супругу тяжкое бремя военной и дипломатической защиты бургундского наследства, она внешне самоустраняется от активной политической жизни. Могла ли Мария поступить иначе? Несомненно. Ведь именно она герцогиня, она и только она обладает всей полнотой власти. Ее слово — выше слова супруга. Мария может принимать любые решения без совета с мужем, но она этого не делает. Она ничем не похожа на ту же Алиенор Аквитанскую, с которой мы недавно расстались, или свою современницу Изабеллу Кастильскую, с которой еще познакомимся.

Мария не хочет быть государыней, она стремится быть только хорошей женой и матерью. Она может быть мужественной и решительной, когда это необходимо. Она доказала это, самостоятельно приняв решение о своем замужестве. Но ей самой сложно просчитать последствия этого шага. Она спасла Нидерланды от Франции, это бесспорно. Но что будет с ее родиной дальше? Она старается об этом не задумываться, она веряет ее своему мужу.

Своим отношением Мария всячески демонстрирует подданным полную свою поддержку действиям Максимилиана. Во время перемирий в войне с Людовиком XI, перемирий столь же многочисленных, сколь и непродолжительных, Мария сопровождает мужа во всех его передвижениях по стране. Во время торжественных приемов и обедов, устраиваемых городами, Мария решительно говорит о необходимости проявлять в отношении французов твердость.

В июне 1478 года у Марии рождается сын, нареченный Филиппом. Радость подданных нельзя преувеличить — есть продолжатель правящей династии, а следовательно, надежда на то, что французского ига удастся избежать. Никто еще не осознает, что угроза независимости Нидерландов исходит уже не из Парижа, а из Вены. Никто еще не понимает, что родился не только наследник бургундского рода, но и наследник Габсбургов, и, как окажется много лет спустя, единственный наследник. Полтора годами позже рождается дочь, Маргарита.

Несмотря на то, что радость Марии омрачают постоянные отлучки мужа — война с Францией не прекращается — она счастлива. Воспитание детей занимает все ее время, и даже тревога за Максимилиана не может нарушить ее гармонии. В редкие моменты перемирий бургундский двор по-прежнему устраивает пышные празднества, охоты, страстной любительницей которых является герцогиня. Одна из них оказывается роковой...

В начале марта 1482 года по инициативе Марии в окрестностях Брюгге устраивается охота на дичь, во время которой молодую герцогиню и подстерегает фатальное падение с лошади. Отчаянию Максимилиана нет предела.

В соборе Нотр-Дам, в Брюгге, 3 апреля 1482 года отпевают Марию. Ее хоронят рядом с отцом, Карлом Смелым. Никто не знает, что это последние похороны правителя Бургундии, последнее надгробие этой славной династии. Только один человек радуется смерти Марии — Людовик XI, король Франции. Он уже организует всю свою разветвленную сеть шпионов для провоцирования «народных восстаний» против Максимилиана, «чужеземца», оставшегося регентом при малолетних детях. Пользуясь сложной для Максимилиана ситуацией, французский король заставляет его подписать унижительный мир, согласно которому дофин Франции, за которого в свое время, как мы помним, прочили саму Марию, получает в невесты ее дочь, двухлетнюю Маргариту. Малышка должна воспитываться при дворе короля Франции, а ее приданое — часть Фландрии, север нынешней Франции — немедленно отходит к короне.

Маргарите не суждено, однако, стать королевой Франции: дофин затем предпочтет ей более выгодную невесту, Анну, герцогиню Бретонскую, приданое которой, полуостров Бретань, покажется ему более соблазнительным. Интересно, что именно Анна, одиннадцати лет потеряв отца, напишет Максимилиану-вдовцу письмо с предложением своей руки, и даже успеет заключить с ним заочный брак. Король Франции Карл VIII, сын Людовика XI, признает этот брак недействительным и, разорвав помолвку с Маргаритой, сам женится на Анне Бретонской. В итоге Маргарита потеряет нареченного, ее отец — суженую. Так родится ненависть, которая века будет раздирать королевские династии Франции и Австрии, несмотря на то, что Габсбурги дадут Франции пять королей и одну императрицу.

Оставшись регентом, Максимилиан окружает себя немецкими советниками, мечтает о приумножении своих владений — отсюда и интерес к юной герцогине Бретонской, начинает длительные

конфликты со своими подданными. Конфронтация с городами достигает такого накала, что граждане Брюгге даже возьмут Максимилиана в плен и вернут ему свободу, только получив новые привилегии. Франция потирает руки...

Позже Максимилиан вступит в брак с Бьянкой Сфорца. Этот новый союз принесет Австрии надежды на контроль над Миланским герцогством. Именно благодаря активности Максимилиана Священная Римская империя обретает новое дыхание — теперь уже как наследственная вотчина Габсбургов. Он подписывает декрет о вечном мире, запрещающем войны между государствами и территориями, входящими в состав империи, а для рассмотрения конфликтов между ними создает императорскую палату. Наконец, он выполняет завет Шарлеманя — отныне император никогда не будет короноваться папой римским.

Словом, Максимилиан, этот мудрый и активный политик, думает прежде всего о прославлении Габсбургов и империи, и эти два понятия отныне сливаются воедино. Но надо все-таки отдать должное Максимилиану: он будет верен памяти своей первой супруги и использует завещанную ему власть над Нидерландами для того, чтобы потом честно передать ее их подросшему сыну. Не все европейские супруги, как мы узнаем из дальнейшего рассказа, были столь щепетильны.

Триумф французской короны не более чем временное событие. Когда в 1494 году сын Марии Филипп Красивый провозглашен совершеннолетним, и Максимилиан, ставший к тому времени по смерти своего отца императором Священной Римской империи, передает ему в наследственное правление Нидерланды, маятник вновь качается в сторону. Филипп уже не австриец, он родился и воспитан во Фландрии, ее интересы для него превыше всего.

Но здесь история играет злую шутку. Филипп женится на дочери короля и королевы Испании Хуане, нареченной позднее за свой ревнивый, неврастенический характер и сумасбродные выходки «безумной». Подробный рассказ о превратностях испанского престолонаследия нас еще ждет впереди, но сейчас скажем, что волею случая из-за смерти трех прямых наследников Хуана становится королевой Испании. Сын Филиппа и Хуаны, Карл V, уроженец фламандского города Гента, становится королем испанским и одновременно, оказавшись единственным наследником Максимилиана, императором германским. Внук Марии получает империю, превосходящую все ранее существовавшие. Это первая империя, над которой никогда не заходит солнце!

«ВЕЛИКИЕ ГЕРЦОГИ ЗАПАДА» — ГЕНЕАЛОГИЯ БУРГУНДСКОГО ДОМА

Мечту Карла Бургундского реализует его правнук, и только благодаря выбору, сделанному Марией. Но новая империя просуществует недолго, последствия же для европейской политики будут сказываться на протяжении столетий. Вплоть до 1794 года южные Нидерланды будут находиться под властью Габсбургов.

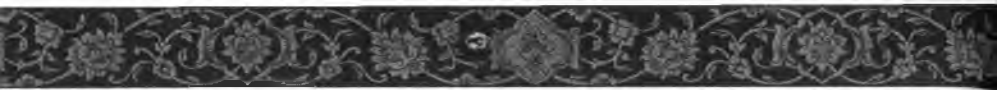
...В 1555 году в брюссельском дворце Куденберг, где родилась Мария, ее внук отрывается от своих испанских и нидерландских владений в пользу сына, Филиппа II. В этом холодном и безумном садисте нет уже ничего от страстной, но благородной бургундской крови. Впереди жестокие экспедиции герцога Альбы, инквизиция, первая буржуазная революция в истории человечества, провозглашение Нидерландской республики, нескончаемые войны между европейскими державами за испанское, австрийское и иные наследства. Нежная и хрупкая Мария, могла ли она знать об этом...

ИЗАБЕЛЛА КАСТИЛЬСКАЯ: Последний бросок на юг

Посреди всеобщего недоверия Всевышний, однако, ниспослал благородной королеве разум и решимость. В то время как все обращали внимание лишь на сложности и опасности предприятия, она единственная соизволила его одобрить и поддержать всей своей властью.

Христофор Колумб

11. ИЗАБЕЛЛА КАСТИЛЬСКАЯ: ПОСЛЕДНИЙ БРОСОК НА ЮГ

В истории Европы есть удивительная дата — 1492 год. Колумб открывает Америку, Европа находит свое альтер эго. Отныне будут Старый Свет и Новый Свет, такие разные и такие похожие. Если, колонизируя Азию и Африку, европейцы не смогли полностью уничтожить следы былых цивилизаций, былых богов, былых времен, то в случае с Америкой им это почти удалось. У Северной Америки вообще не осталось своего прошлого, ее история начинается с белых пришельцев. Центральная и Южная Америка сохранили следы былого величия ацтеков и инка, но и эти материки — прежде всего дети Европы.

В этот же год Европа обретает утраченное духовное единство. В 1492 году капитулирует Гренада, последний оплот мусульманства на континенте. Отныне Европа вновь исповедует только христианство, которое она будет кровью и мечом насаждать в Америке...

И оба эти события, как бы к ним ни относиться, — дело рук одного человека, вернее, одной женщины, одновременно страстной и холодной, одной испанки, истово верующей в свое предназначение.

...Гений Пушкина мог перевоплощаться в чужие души. И русский поэт определил географию Европы глазами испанца: «Там, далеко на севере, в Париже...» Пока далеко на севере Европы, еще севернее Парижа, в Брюгге, разворачивается вдохновенная и драматическая история Марии Бургундской, в Испании другая коронованная наследница также решает судьбу. И опять же, не только свою. Судьбу Европы.

Ее зовут Изабелла. С Марией они никогда не встретятся, но их судьбы сплетутся навеки. К ним обеим будет безуспешно свататься один жених — брат французского короля. Но они предпочтут других претендентов. И у них будет общий внук. Великий император Карл V, которого в равной степени считают своим сыном и родина Марии, Нидерланды, и родина Изабеллы, Испания.

Но в те времена нет еще ни Нидерландов, ни Испании. Как уже говорилось, Бургундское герцогство, в состав которого входили современные Нидерланды и Бельгия, является во второй половине XV века могущественнейшим политическим образованием на се-

вере Европы, но не самостоятельным государством. И брак Марии Бургундской отложит рождение самостоятельных наций в этой части Европы на столетия.

Испания, напротив, родится именно благодаря замужеству Изабеллы, ее воле и разуму. Родится как единая нация, может быть, позже, чем многие другие государства Европы, но столь стремительно и ярко, что, минуя детство, сразу вступит в свой золотой век.

...Когда в 711 году готы, обосновавшиеся к тому времени на Пиренейском полуострове, капитулируют перед арабскими завоевателями, Испания, уже христианская, войдет в состав мусульманского мира.

Остатки разбитых отрядов готов-христиан найдут прибежище в горах Астурии; именно оттуда, постепенно, исподволь поколения их потомков начнут войну за обретение утраченного, испанскую реконкисту. Отвоевывание собственной страны займет семь веков непрерывных сражений, штурмов, побед и поражений. Это скажется на характере испанской нации, склонном в итоге более к военным авантюрам и героическим приключениям, чем к повседневному труду и практическим делам.

Первые три века реконкиста идет медленно. Арабский халифат переживает период расцвета, он нерушим. Более того, ислам проявляет терпимость к убеждениям неверных. И, как мы помним, даже «освободительная миссия» Карла Великого окончится неудачей, наткнувшись на сопротивление «освобождаемых». Лишь когда единство мусульманского мира будет поколеблено, когда он распадется на отдельные мусульманские королевства, христиане начнут, пользуясь междоусобицей, добиваться решительных побед. Под их властью окажутся Толедо и Сарагосса, Лиссабон и Севилья. Но увы, испанцы, в свою очередь, не понимают блага единства. На месте отвоеванных у мусульманских владык территорий образуются христианские королевства — и тоже во множественном числе. Появляются Португалия, Кастилия, Леон, Наварра, Арагон, Каталония, Галиция, Астурия и другие.

Постепенно в итоге войн и династических браков мелкие королевства укрупняются. Наконец, к середине XV века на карте современной Испании остается пять «игроков» — христианские Кастилия, Арагон, Наварра, Португалия и мусульманская Гренада. До воссоединения полуострова остается, казалось бы, совсем немного.

В это время Кастилией правит король Энрике IV, из-за слабости характера и склонности к распутству давно уже утративший любовь подданных и поддержку церкви. Архиепископ Толедо во всеуслы-

шание призывает монарха передать корону более достойному — младшему брату Альфонсу, поскольку у Энрике нет детей от его нынешней жены.

Но у короля Кастилии иные планы, он аннулирует бесплодный союз и берет новую жену, сестру короля Португалии. На сей раз это исключительно «удачный» брак: как сплетничают окружающие, королевская чета имеет общих любовников и любовниц. Спустя семь лет после начала этой «идиллии» у королевы рождается дочь, которую нарекают Хуаной. Но в историю она войдет как Белтранейя, по имени ее истинного, как полагают, отца — графа Белтрана де ля Куэва, фаворита короля и королевы.

Столь очевидно для всех истинное происхождение «инфанты», что королева идет на немыслимую дикость — новорожденной девочке ломают нос, чтобы придать хоть какое-то сходство с «официальным» отцом. Делается это для посторонних. Самого же Энрике этот вопрос не волнует. Как и королева, он с удовольствием делит постель с фаворитом и если кого ревнует, то его, а не собственную жену..

Многие кастильские сеньоры, дотоле мирившиеся со слабостями Энрике, напуганы возвышением Белтрана и перспективой престолонаследия. Они восстают, вновь требуют отречения в пользу младшего брата. Архиепископ Толедо во всеуслышание провозглашает короля низложенным и объявляет монархом его младшего брата. Но Энрике совершает умелый дипломатический ход — он решает обезвредить лидера оппозиции, маркиза Виллену. Для начала, как сплетничают придворные, он делает его своим «интимным другом», а затем даже решает породниться с ним. Король предлагает руку своей сестры, шестнадцатилетней инфанты Изабеллы, брату Виллены, престарелому дебоширу. Так Изабелла появляется на сцене истории.

Будущая «католическая королева» родилась в 1451 году от второго брака своего отца, короля Кастилии Хуана II с умной и обаятельной Изабеллой Португальской. Отец умирает, когда дочери всего четыре года. Вдовствующая королева удаляется в один из замков в провинции Сеговия и посвящает себя воспитанию дочери и ее брата Альфонса. Покойный супруг оставил ей достаточно средств, и она ни в чем не нуждается.

Вдали от королевского двора, где правит распутный и слабовольный сводный брат Изабеллы, и проходит юность будущей королевы. Она получает хорошее воспитание: прекрасно осваивает латынь, историю, литературу. И в то же время становится отличной

наездницей, любительницей охоты. Правда, детство инфанты весьма одиноко, поскольку протокол запрещает ей общаться с детьми низкого звания, а других при отдаленном дворе практически и нет. Изабелла скромна, набожна и добродетельна, но наделена волей, незаурядной решительностью и потрясающей интуицией. Высокой белокожей шатенке с удивительными сине-зелеными глазами, Изабелле не нужно приданого для того, чтобы пленять мужчин. Да особого приданого, кроме высокого происхождения, у нее пока и нет.

В этот уединенный уголок Кастилии не доходят сплетни о нравах ее брата и его жены. До одиннадцати лет Изабелла вообще не появляется при дворе, но в 1462 году Энрике призывает ее к себе. Он начинает все больше опасаться за свой трон и полагает, что за детьми от второго брака отца нужен присмотр. Он даже заставляет Изабеллу стать крестной матерью Белтранеи, как бы засвидетельствовав тем самым ее законное происхождение. Как юной Изабелле удастся сохранить моральную и физическую чистоту в атмосфере разнузданного распутства, царившего при дворе, — загадка истории.

Задуманный братом брачный союз приводит шестнадцатилетнюю девушку в ужас. Ей известна дурная репутация суженого. Совсем недавно он даже пытался соблазнить ее собственную мать, вдовствующую королеву, возможно, по заданию Энрике — с целью скомпрометировать ее и ее детей. На счастье Изабеллы, в самый разгар подготовки к бракосочетанию жених умирает. Судьба или яд?

Расстроенный маркиз Виллена вновь становится в оппозицию к королю, делая ставку на его младшего брата. Вновь Кастилия ввергнута в братоубийственную войну, поделена на два лагеря, вновь разворачиваются сражения, кровавые драмы, уличные бои в Севилье и Кордове.

Об Изабелле пока забывают, и она находит убежище в доминиканском монастыре, где ее исповедником становится отец Томас де Торквемада. Запомним это имя...

Но два года спустя, в 1468 году, молодой Альфонс умирает. От яда? Вопреки своей воле, Изабелла отныне занимает его место как знамя оппозиции, которая считает ее единственной законной наследницей короны Кастилии, единственной, кто может преградить дорогу к трону ненавистной «незаконнорожденной» Белтранеи и ее сторонникам. Противники правящего монарха, поддерживаемые церковью, предлагают Изабелле поддержку в устранении брата от престола. В монастырь, где по-прежнему находится Изабелла, прибывает представительная делегация знати, которая предлагает

ей трон. Но — удивительное дело! — Изабелла не соглашается на нарушение закона. Ее речь не по возрасту разумна: «Если вы считаете меня достойной трона, то провозгласите меня единственной наследницей брата, большего мне не надо».

Оппозиция столь могущественна, что Энрике вынужден уступить. Он официально отрекается от своей сомнительной «дочери» и признает единственной законной преемницей Изабеллу. Ей восемнадцать, и ей теперь срочно нужно найти достойного супруга.

Как и у Марии Бургундской, недостатка в претендентах у этой отныне завидной наследницы нет. Один из них — Фердинанд, сын короля Арагона. Если брак состоится — Кастилия и Арагон объединятся под одной короной, единение Испании станет реальностью.

Но есть и другой серьезный кандидат — Карл, брат короля Франции Людовика XI. Брак с ним — дружба с могущественной Францией, но в то же время признание доминирующей роли северного соседа на Иберийском полуострове. Одновременно Карл безуспешно сватается и к уже известной нам Марии Бургундской, но кастильский вариант кажется также исключительно привлекательным для этого принца без королевства.

Решать Изабелле. Она велит прислать портреты женихов. Карл тощ и невзрачен, светловолосый Фердинанд достаточно мил. Как говорят, он блестящий наездник, прекрасный охотник, уже в свои семнадцать лет проявляет твердость характера и задатки монарха. Правда, он суховат и чересчур любит деньги, плохо воспитан и мало начитан. Но ведь для мужчины это не порок!

Пока Изабелла выбирает жениха, ее переменчивый брат, король Кастилии, вновь успевает помириться со своим врагом Вилленой, и они в очередной раз замышляют династические браки, где Изабелла — разменная монета. Теперь ее прочат за короля Португалии, Фердинанд же Арагонский предназначается дочери Виллены.

Но Изабелле планы брата не по душе. Ей уже заочно полюбился Фердинанд. Но, что важнее, рассудительная не по летам, она понимает, что залогом единства Испании является прежде всего союз Кастилии и Арагона. Редкий случай в истории Европы, когда порывы сердца и доводы рассудка совпадают. Тем более, что даже став королевой Португалии, Изабелла не может рассчитывать объединить ее с Кастилией. У ее жениха уже есть взрослый сын, который, естественно, получит приоритет перед возможными сводными братьями. С точки зрения Изабеллы, смысла для Кастилии в этом браке нет. Значит, нужно потянуть время, а там — как рассудит Бог...

Изабелла, ссылаясь на близкое родство с португальским монархом, настаивает на получении письменного разрешения папы римского на брак. Ее просьба законна и естественна — все знают о глубокой набожности инфанты. Правда, когда Изабелла сама захочет выйти замуж, она вовсе не будет ждать одобрения Рима.

Тем временем начинается настоящее романтическое приключение — Изабелла по собственной инициативе вступает в тайную переписку с Фердинандом, предлагая заключить брак, даже без согласия короля Кастилии. Как видим, в европейской истории немало случаев, когда юные наследницы без ложной скромности распоряжались своей рукой и сердцем. Несмотря на то, что Изабелла и Фердинанд кузены, на их стороне — архиепископ Толедо, одобряющий этот союз.

В своем стремлении стать женой Фердинанда, которого она уже заочно любит, Изабелла, однако не забывает о родной Кастилии. У нее нет советников, но она сама просчитывает все возможные риски замужества и заставляет мужа подписать брачный договор, ограничивающий права Фердинанда. Он не сможет принимать самостоятельных решений, он обязан назначать на все должности только кастильцев, он должен уважать вдовствующую королеву, мать Изабеллы. Наконец, он не имеет никаких наследственных прав на Кастилию — его дети от Изабеллы — да, но не он сам. Какой разительный контраст с ее современницей Марией Бургундской, которая, вступая в брак, не оговаривает ничего и даже отписывает свои земли мужу в случае, если у них не будет детей!

И в 1469 Фердинанд и Изабелла по сути дела тайно вступают в брак. Даже на свадьбу им приходится занимать деньги — своего у них еще ничего нет. Король Кастилии в гневе. Его сестра ослушалась, она разрушила все его планы. В ярости также несостоявшийся супруг Изабеллы, король Португалии, в ярости король Франции, в ярости маркиз Виллена. Король Кастилии отрекается от Изабеллы и вновь приближает к себе Белтранейю, обещая отдать ее замуж за Карла, брата короля Франции. Но Карл неожиданно умирает. Как уже говорилось, от дурной болезни, но, возможно, усугубленной «странной трапезой» с родным братом, королем Людовиком XI. Вскоре умирает и маркиз Виллена. Яд или судьба?

Наконец в 1474 умирает слабовольный король Кастилии. Изабелла, понимая, что это тот случай, когда промедление смерти подобно, велит короновать себя на следующий день, несмотря на то, что Фердинанда нет с ней рядом. Ее супруг находится в Арагоне, где помогает отцу в его войне с французами. Это задевает гордость

Фердинанда. Несмотря на брачный договор, Фердинанд все-таки надеялся быть реальным правителем Кастилии. Изабелла, прекрасно понимая, что любые размолвки на руку лишь их противникам, обещает мужу, что его имя всегда будет первым.

Так Фердинанд и Изабелла восходят на трон. Ей двадцать три года, ее мужу, наследнику Арагона, двадцать два. В этот день рождается Испания, новое государство на политической карте Европы. До того раздробленные испанские королевства были слишком слабыми, чтобы участвовать в европейских делах. У них была одна задача — освободить Испанию от арабов, вновь сделать Иберийский полуостров христианским. Война с исламом поглощала все их силы.

Теперь же Кастилия и Арагон могут думать в масштабе Европы. Но сначала надо отстоять свои права на Кастилию. Отвергнутый жених Изабеллы, король Португалии, объявляет войну, отказываясь признать ее законной наследницей брата. Он предпочитает видеть на престоле Белтранейю, на которой готов жениться. Для войны с Португалией нужны деньги, а казна Кастилии абсолютно пуста. Основное богатство страны сосредоточено в руках церкви. Один только архиепископ Толедо богаче королевы, ему принадлежит множество городов, пятнадцать тысяч крестьян. И Изабелла конфискует у церкви половину принадлежащего ей серебра, пообещав вернуть его через три года. Она сдержит свое обещание, а пока у нее есть на что купить пушки в Италии и Германии, оплатить наемников. Война продлится два года, победительницей из нее в 1477 году выйдет Изабелла. Это первая и последняя внешняя агрессия, которой подвергнется Испания за время правления Изабеллы.

Теперь королева может спокойно править. К этому она готовилась все пять лет вынужденного безделья, прошедшие между замужеством и смертью брата. Изабелла не импровизирует, у нее есть четкая программа царствования, созданная ее острым умом и трезвым рассудком Фердинанда. Вообще их брак представляет собой удивительно гармоничный союз двух в общем-то совершенно разных людей.

Изабелла — проницательная государыня, мыслящая измерениями блага нации. Фердинанд — политик, которому ведомы все ухищрения и интриги. Он умело совершает то, что необходимо государству, но о чем возвышенная Изабелла даже помыслить не может. В будущем король Франции скажет о Фердинанде: «Он дважды обманул меня».

Узнав об этих словах, араговец искренне рассмеется: «Я обманул его не дважды, а десять раз».

В то же время нельзя отрицать очевидных талантов Фердинанда: он смел, настойчив в достижении цели, неутомим. И он, и Изабелла мечтают об одном — величии Испании, потому они станут единственным случаем в европейской истории: их имена всегда упоминаются рядом — Фердинанд и Изабелла, Изабелла и Фердинанд.

Их партнерства не разорвет ничто, они всегда действуют в унисон. Если случаются размолвки, супруги не будут их афишировать. Изабелла не хочет сплетен, она понимает, что страна устала от дурных слухов о нравах королевской четы. Изабелла будет закрывать глаза на многочисленные измены Фердинанда, на то, что у него будет по крайней мере пять незаконных детей. Шок юной девушки, узнавшей по выходе из-под венца о том, что у новобрачного уже есть ребенок от другой, проходит быстро. Она никогда, в отличие от своей безумной дочери, не будет устраивать мужу сцен.

Изабелла будет всегда ровной, преданной, приветливой. Она, и только она, будет шить мужу рубашки, а польщенный Фердинанд всегда будет возвращаться под супружеский кров. Изабелла понимает, что брак, даже если он начинается как романтическая авантюра, не может ею оставаться, здесь нужны терпимость, компромисс, гибкость. И она в полной мере одарена этими качествами. Королева действительно глубоко любит мужа, но не требует от него невозможного. Ей достаточно, что он самый верный ее союзник и соратник. Она же для него всегда самая надежная опора и добрый гений. Вместе они начинают реализовывать великие дела...

Сначала — обустроить Кастилию. Затем — довести до конца дело предков, окончательно очистить Испанию от мавров. На Иберийском полуострове к этому времени остается только один бастион мусульманства — Гренада. Изабелла обдумывает свой крестовый поход. А там — Европа? Африка? Заморские экспедиции?

Но прежде всего необходимо навести порядок в собственном доме, охваченном анархией и братоубийственными распрями. Кастилия того времени не знает покоя. В ней хозяйничают разбойники с большой дороги, и большинство из них — представители знатнейших родов. Жители боятся путешествовать, опасаются заниматься торговлей или сельским хозяйством, они вообще избегают лишний раз покидать собственный кров. Всюду царят насилие, грабежи, разбой.

Изабелле надо решать одновременно несколько задач. Ей надо поставить на место знать, привыкшую «делать королей». Ей надо

восстановить справедливый суд. Разумная и энергичная королева справляется с этим неженским делом. Ее супруг не вмешивается во внутренние дела Кастилии, он король-консорт, Изабелла же — королева-«владетельница». Совместно они принимают решения только по вопросам внешней политики, да и то не всегда.

Королева создает Святую Эрмандаду, по сути дела муниципальную жандармерию, подвластную не местным сеньорам, а королю, и потому способную творить настоящий суд. И Изабелле удается восстановить общественный порядок. Трибуналы Святой Эрмандады не смотрят на происхождение преступника — они карают людей самого благородного звания. Для того, чтобы придать им вес, Изабелла лично присутствует на нескольких трибуналах в Севилье, где выносятся смертные приговоры знатнейшим людям Кастилии, виновным в разбое, насилии, воровстве.

Каждую пятницу Изабелла в торжественном зале севильского Альказара вершит справедливый суд. Доступ к ней открыт для всех подданных. Если же королева не может сразу вынести решение, то она поручает это своим чиновникам, давая только три дня срока, чтобы подданные «не тратили денег и времени». Этот удивительно слаженный механизм становится предупреждением всей Кастилии. Времена беззакония ушли в прошлое, в стране есть высшая власть.

Тем временем здесь же, в Севилье, рождается ее первый ребенок, дочь Изабелла. Но королева мечтает о сыне — по законам Арагона только мальчик может унаследовать корону, а следовательно, чтобы реализовать ее заветную мечту и объединить Арагон и Кастилию, ей нужен наследник. Ее молитвы услышаны, и вскоре рождается сын Хуан. Радость Изабеллы столь велика, что она даже позволяет по этому случаю устроить ненавистный ей бой быков, зрелище, которое она не поощряла, но не пыталась запретить, зная пристрастия своих подданных.

Изабелла наводит порядок и при королевском дворе, во времена ее брата погрязшем во всех мыслимых и немыслимых пороках. Карл Маркс назовет Изабеллу «ханжой-фанатичкой». Несправедливое обвинение! Изабелла никогда не была ханжой. Безусловно, она примерная супруга своего не слишком верного Фердинанда и добродетельная мать четырех детей, что на фоне образа жизни ее предшественницы на троне, помимо Белтранейи, произведшей на свет еще несколько детей от вообще неизвестных отцов, выглядит, возможно, «ханжеством».

Изабелла не была и фанатичкой. Набожная католичка, Изабелла всегда стремилась оградить государство от чрезмерного вмеша-

тельства в его деятельность церковников. Она помнит, как архиепископ Толедский объявлял Энрике низложенным. Хоть распутный и жалкий, тот был законным *монархом*, и не церкви, убеждена Изабелла, распорядиться судьбой короны. Мы помним, что сама Изабелла отказалась от предложения узурпировать власть и дождалась дня, когда получила ее по закону. Изабелла лучше других понимает, куда может завести Испанию церковь, если последняя к своей абсолютной духовной власти присоединит еще и светскую. И она, как мы увидим, не допустит этого. Словом, в ее отношении к религии нет никакого фанатизма.

Но, действительно, придворные порядки при Изабелле меняются, и меняются заметно. Уходят в прошлое оргии и беспутства прошлого царствования, когда порок считался добродетелью, а добродетель — пороком. Изабелла, темпераментная и пылкая по натуре, все дремлющие в ней страсти подчинит только одной цели — сделать Испанию сначала единой, а затем великой державой. Увы, ее супруг, как вскоре понимает Изабелла, отнюдь не во всем готов следовать ее примеру. Фердинанд, истинный сын Арагона, не может устоять перед страстным взором черных очей, каждый вечер новых. Но и он, покоряясь супруге в ее стремлении очистить королевский двор от скверны, таит от всех своих авантюры.

Королева отнимает у знати многие привилегии, что существенно пополняет государственную казну. Она запрещает без королевского разрешения возводить новые замки. Это конец старой Кастилии, (Кастилия, кстати, так и переводится — «страна замков»). Она отбирает у вассалов право чеканить монету. При ее предшественнике было 150 монетных дворов, при ней остается только пять и все — под ее властью. Когда недовольные «гонениями» кастильские гранды начинают угрожать тем, что вообще покинут двор, Изабелла заявляет им: «Вы можете следовать за моим двором или удалиться в свои владения, это ваше дело. Но пока Господь позволяет мне сохранять власть, которую он даровал, я не буду следовать примеру моего брата Энрике и не стану игрушкой в руках моей знати».

Совсем еще юная женщина, королева понимает, что «перестройку» в государстве нужно начинать с привилегированного сословия, что нужно обуздать власть наиболее высокопоставленных особ! И ей это удастся в полной мере.

Изабелла — блестящий экономист, один из первых правителей Европы, оценивших преимущества свободы торговли. Она устанавливает между Кастилией и Арагоном свободу передвижения скота и товаров, то есть, говоря современным языком, создает зону сво-

бодной торговли. Эта удивительная женщина понимает то, что до сих пор не понимают многие современные политики — государствам, стремящимся к объединению, надо начинать с введения между ними свободной торговли, затем идти к таможенному союзу, единому рынку и только потом — к политическому союзу. Арагон и Кастилия — по-прежнему два разных государства, но Изабелла верит, что они сольются воедино при ее сыне, и она делает все для того, чтобы это единство было реальным, а не надуманным, желанным, а не вынужденным. Интересно, что королева вообще отменяет импортные сборы на иностранные книги, стремясь сделать страну просвещенной. После изобретения книгопечатания прошло всего тридцать лет, а Изабелла, предчувствующая идеи гуманизма, уже делает все для их распространения.

Следующий объект деятельности Изабеллы — церковь с ее непомерными аппетитами и амбициями. Изабелла истово верует, но она, как уже говорилось, не фанатичка. Выше интересов церкви для нее интересы Кастилии. И она решает сразу две задачи. Во-первых, стремится очистить от скверны саму церковь, под флагом которой Изабелла мечтает объединить Испанию. Высшие прелаты церкви ее в этом поддерживают. Они знают, что монахи погрязли в распутстве и мздоимстве.

Во-вторых, Изабелле надо сделать церковь подвластной интересам Испании, менее зависимой от папы. В 1482 году представляется удобный случай — освобождается вакансия архиепископа, и папа назначает на этот пост священнослужителя-генуэзца. Изабелле не нравится выбор папы, она против иностранца и хочет видеть на этом посту своего, испанца. Папа настаивает. Не для того папы вели упорную борьбу с германскими императорами за право абсолютной власти при назначении священнослужителей, чтобы капитулировать перед женщиной. Но Изабелла, не вступая в прямой конфликт, упорствует. Она не идет войной на Рим, как Фридрих Барбаросса, она вступает в почтительную переписку, проявляя мудрость, сдержанность и дипломатический такт. И ей удается то, что не удалось германским императорам: папа вынужден идти ей навстречу. Отныне королева имеет право сама назначать архиепископов на освободившиеся места. Она это будет делать с исключительной мудростью, возвышая не тех, кто имеет благородное происхождение и родственные связи, а тех, кто предан интересам Кастилии и ее королевы.

Именно Изабелла в будущем назначит человека низкого звания, Хименеса Циснероса, своим министром и архиепископом Толедо.

Напрасно Фердинанд будет стремиться отдать освободившуюся вакансию своему побочному сыну, получившему сан епископа в шестилетнем возрасте. Изабелла будет непреклонна. Нет, не ревность и обида движут королевой. Просто она хочет видеть на этом посту истинного государственного деятеля и подлинного христианина, а не человека абсолютно светского по наклонностям, взлетевшего к высотам церковной иерархии только благодаря происхождению.

Хименес станет ее Ришелье. Продолжая очищать церковь от скверны, он лично посетит все монастыри Испании и гуманно предложит тем их обитателям, которые не могут сойти с пути порока, скромную пенсию, если они покинут святые стены. Его рвение вызовет возмущение папы римского. Вполне, надо сказать, естественное, если учесть, что папой в этот момент является Александр Борджиа, окруживший себя гаремом доступных девиц и устраивающий в Ватикане подлинные оргии. Усматривая в деятельности испанца скрытый упрек ему, папе, Александр требует, чтобы Хименес прекратил реформу. Но Изабелла вновь восстает против Рима, восстает, как всегда, дипломатично. Королева столь мудро ведет переписку с папой, что тот позволяет архиепископу продолжить начатое. Но это будет несколько позже.

А пока, наведя в церкви порядок самостоятельно, Изабелла берется за очищение от скверны всей Испании. На полуострове много евреев, которые, приняв христианство, тем не менее не отрекаются окончательно от традиций предков. Для того, чтобы следить за поведением обращенных евреев, Изабелла еще в 1478 году создает святую инквизицию.

Евреи — неотъемлемая часть истории, жизни и быта Испании. Привечаемые мусульманскими правителями, приближавшими их ко двору, ценившими их как советников, врачей и ученых, приверженцы иудейской веры пустили на полуострове прочные корни. Во многом именно они — залог его процветания, хранители древних традиций Востока с его высочайшей культурой и знаниями. Они врачи и астрологи, торговцы и ростовщики, наконец, искусные ремесленники.

Впервые на земле Испании инквизиция появилась в 1242 году в Арагоне, но особо не расцвела. В Кастилии же ее вообще не существовало. Решение дается Изабелле нелегко. Вопреки легендам о жестокосердии, королева — тонкая и впечатлительная натура. Она мечтает о триумфе христианства, но триумфе мирном. Целых два года, даже получив папскую буллу, она колеблется подписать

указ об инквизиции. Фердинанд, напротив, настроен решительно. Он выдвигает дополнительный довод: конфискация имущества еретиков в пользу короны позволит значительно пополнить казну. Это еще более пугает Изабеллу, она справедливо начинает опасаться возможных злоупотреблений. Напрасно священники напоминают ей, что сам французский король Людовик XI, причисленный к лику святых, сын, кстати, как уже говорилось на страницах этой книги, кастильской принцессы, ввел у себя инквизицию и даже лично подносил вязанки хвороста к кострам еретиков. Изабелле страшно... Но наконец она поддается уговорам своего бывшего исповедника, сладкоголосого и благообразного старика, Торквемады...

Можно по-разному трактовать фигуру Изабеллы и ее роль в рождении инквизиции, которая погубит тысячи невинных жизней, но нельзя оспорить факт: борьба за национальное освобождение Испании настолько была увязана с борьбой за распространение христианства, что придала испанской монархии уникальный характер. Фердинанд и Изабелла, единственные в мире, официально именуют себя католическими монархами.

Нигде, ни в одной стране Европы союз государя и церкви не был столь неразрывен. Нигде религиозные чувства масс не были столь искренни, столь трепетны — и столь фанатичны и безжалостны. Испания, во времена ислама показывавшая яркий пример религиозной терпимости, взаимопроникновения, ассимиляции культур ислама, иудейства и христианства и благодаря тому процветавшая экономически, на долгие десятилетия становится Испанией воинствующего католицизма, Испанией инквизиции и костров. И ключевая роль, увы, принадлежит ей, Изабелле.

С 1480 года инквизиция, созданная для контроля за евреями, принявшими крещение, становится из религиозного государственным учреждением. Именно правящий монарх назначает Великого инквизитора. Его решения не могут быть обжалованы даже у римского папы. В тени Изабеллы и Фердинанда появляется Торквемада. Нельзя сомневаться в искренности этих истово верующих католиков, они хотят бороться с тем, что считают ересью, они хотят спасти души грешников. Но вскоре, равно как Шарлемань в отношении саксонцев-язычников, они уже стремятся не столько обращать неверных, сколько уничтожить их.

В страхе Севилья в 1481 году наблюдает первый кортеж обреченных на смерть. В Севилье никогда не любили евреев, да и где в Европе их любили? Но смерть? Но костер?

Покончив на время с евреями, Изабелла и Фердинанд обращают свои взоры на иных неверных, на мусульман. Они строят планы их изгнания из королевства Гренада, простирающегося по южному побережью полуострова от Гибралтара до Алмерии, а на севере — до истоков Гвадалквивира. В этот момент Гренада поделена на два воюющих между собой лагеря. Разлад в королевство принесла женщина, красавица-христианка, принявшая ислам. Попав против воли в гарем, она покоряет своего повелителя. Ради нее он забывает о законных женах и о том, что от старшей из них у него есть признанный наследник. Подобно сыну Шарлеманя Людовика, султан Гренады думает только о том, как бы упрочить позиции своей новой возлюбленной.

Часть подданных поддерживает султана Гренады и его наложницу, другая — старшую жену султана и ее сына Боабдила. Пока султан предается любви в прохладе садов Альгамбры, отвергнутая жена коронует своего сына. Эта семейная распря — на руку Кастилии. Сам папа римский благословляет крестовый поход, посылая свою буллу и серебряный крест. Война продлится одиннадцать лет. Не так уж много, если учесть, что Гренада с трехмиллионным населением по территории равна Бельгии или Швейцарии. В королевстве четырнадцать городов и около сотни крепостей. В ряды испанцев вливаются наемники из Англии, Франции, Швейцарии. Сто тысяч солдат идут войной на Гренаду. Им удастся захватить все королевство. Только сама Гренада, жемчужина Андалузии, оказывает сопротивление.

Крестоносцы возьмут ее измором. Боабдил вынужден капитулировать. 2 января 1492 года он вручит Изабелле и Фердинанду ключи от крепости Альказар. Условия капитуляции достаточно почетны, и Фердинанд даже приглашает Боабдила к королевскому двору: «Ты будешь мне как брат», — говорит католический монарх.

Но Боабдил отвергает милость победителей и отправляется в изгнание.

...В Гренаде до сих пор можно видеть холм, называемый «Вздох мавра». Именно там, обернувшись, со слезами на глазах, последний раз Боабдил смотрел на родную Гренаду, на ее стройные минареты и цветущие сады. И его мать сурово сказала: «Оплакивай как женщина то, что ты не мог отстоять как мужчина...»

А над минаретами Гренады, над башнями Альказабы, над садами Альгамбры уже звучал «Te Deum». Католические монархи отмечали возвращение Гренады в лоно христианской Испании. Бесспорно, это величайший день в жизни Изабеллы, свершение самого заветного ее желания.

Вздых облегчения проносится над Европой. Если мусульмане наступают на востоке, то на западе они изгнаны. Навеки. Именно здесь, в Гренаде, символе единения Испании, Изабелла завещает похоронить себя. Еще при жизни она начинает строительство королевской капеллы, где и покоятся Изабелла и Фердинанд, их дочь Хуана и ее муж — сын Марии Бургундской, Филипп. Этот собор виден с холмов Альгамбры, он стоит в самом центре Гренады как символ веры, как символ триумфа Изабеллы. Так в религиозном порыве завершается освобождение Испании от ислама.

Но Изабелле мало победы над мусульманами. Торквемада убеждает ее, что следующий шаг — окончательно очистить Испанию от иудейской веры. В том же 1492 году из Испании высылаются евреи. Им дается три месяца, чтобы покинуть пределы королевства. Они не могут взять с собой деньги, вырученные от продажи имущества, только кое-какие пожитки. Указ не распространяется на обращенных евреев, но они живут в вечном страхе перед костром инквизиции.

Что движет Изабеллой, не жестокой от природы? Что заставляет ее совершать поступки, навлекающие на нее проклятья сотен тысяч людей? Ответ все тот же: она любой ценой стремится обеспечить религиозное единство страны, политическая целостность которой скроена из кусочков. Более, чем любая другая страна Европы, Испания — настоящая расовая, языковая, религиозная, национальная мозаика из потомков коренных жителей полуострова иберов, римских завоевателей, германских племен, арабов и евреев. В Испании вот уже тысячу лет, со времен королевства гóтов, нет даже столицы, нет королевского двора. Сама Изабелла кочует из края в край своих владений. Даже все ее дети рождаются в разных уголках Испании, там, куда ее приводит королевский долг. И Изабелла боится, что Испания, этот калейдоскоп местных характеров, ранее обособленных королевств, может легко разрушиться без объединяющей силы христианской веры.

Двести тысяч евреев покидают пределы Испании. Изабелла столь преуспевает в своей этнической чистке, что и четыре с половиной столетия спустя иудеи будут держаться от Иберийского полуострова подальше. В канун Второй мировой войны на всю Испанию будет приходиться только четыре тысячи евреев! Для сравнения: во Франции их будет 260 тысяч, в Германии — полмиллиона, в Нидерландах и Марокко, где находят приют многие, гонимые Изабеллой, — 140 тысяч и 200 тысяч соответственно.

Исход евреев обернется процветанием севера Европы. Обосновавшись в Антверпене и Амстердаме, они приумножат богатство Ни-

дерландов. Евреи еще не знают, что испанская инквизиция настигнет их и здесь. Роковой брак между сыном Марии Бургундской, к тому времени уже покойной, и дочерью Изабеллы еще не заключен...

Пока же инквизиция ищет новые жертвы в Испании. Забыты условия капитуляции Гренады, обещания терпимости к исламской вере. Церковь начинает жечь арабские рукописи, преследовать мусульман. Они поставлены перед выбором: или обращение в христианство, или изгнание. Десятки тысяч предпочитают второе.

Изгнание евреев и арабов оборачивается для Испании экономической катастрофой. Она теряет самую образованную, самую трудолюбивую часть населения. Она лишается, в частности, ювелиров и ткачей по шелку и золотым материалам. Эти ремесла приходят в упадок. Но это Испания осознает только в будущем. Пока же немаловажным итогом становится обогащение испанской короны — все имущество осужденных инквизицией, изгнанных из Испании, поступает в королевскую казну. Именно за этот счет Изабелла и Фердинанд финансируют заморские экспедиции, завоевание Нового Света. Испания переживает новую авантюру.

...Среди эскорта, сопровождавшего Фердинанда и Изабеллу в торжественном въезде в Гренаду, был генуэзец Христофор Колумб. Уже шесть лет он пытается убедить католических монархов в том, что его проект проложить новый путь в Индию — не химера. Под стенами Гренады, пользуясь атмосферой победы и всеобщего ликования, он предпринимает последнюю попытку, и она оказывается успешной.

Эпоху великих открытий, как известно, начали португальцы. В 1418 году они высаживаются на Мадере, в 1431 — на Азорских островах, в 1471 году доходят до экватора, а затем — и до южной оконечности Африки. В 1478 году начинаются первые морские экспедиции самой Изабеллы — с покорения Канарских островов.

Тем временем Колумб доказывает, что можно пойти другим путем и достичь Азии, не огибая Африки, как это делают португальцы. Земля ведь круглая, и если плыть на Запад, приплывешь на Восток! Изабелла — единственная! — верит этому странному человеку и финансирует его экспедицию, исключительно за счет казны Кастилии, поскольку Фердинанд считает Колумба авантюристом. Она соглашается на выдвинутые генуэзцем условия и назначает его адмиралом и вице-королем будущих заморских владений, а также признает за ним право на одну десятую будущих доходов. Более того, она немедленно возводит Колумба в дворянство. Несомненно, без Изабеллы предприятие Колумба не состоялось бы.

3 августа 1492 года каравеллы Колумба отплывают от берегов Испании. Колумб вернется весной 1493 года в сопровождении странных людей, аборигенов далеких островов, и расскажет повелительнице, что она поверила ему не зря. Ни Изабелла, ни Колумб еще не знают, что они изменили представление о мире, что они открыли Новый Свет, который будет строиться по образу и подобию Европы. Но изменится и сама Европа — в нее потоком хлынет золото, изменится география торговли, начнется процветание тех городов, которые стоят на Атлантике. Испания, вчера еще слабая и раздробленная, в одночасье становится великой державой — не только европейской, но и мировой. Изабелла еще не знает, что ее родное кастильское наречие станет в будущем одним из самых распространенных языков мира.

Изабелла всегда и во всем будет поддерживать Колумба, хотя порой не будет разделять его взглядов. Она прикажет ему освободить привезенных из Америки индейцев и будет противиться введению рабства в колониях. Ей кажется необходимым обращать туземцев в христианство и делать их подданными испанских монархов, но все-таки не рабами. Проницательная Изабелла видит стяжательство и жестокость Колумба, но одновременно — и его гений. Даже когда на него будут возведены во многом справедливые обвинения в злоупотреблениях в Вест-Индии и он по прибытии из третьей экспедиции будет арестован, королева велит освободить великого мореплавателя.

Изабелла скончается чуть раньше, чем Колумб вернется из своей четвертой экспедиции. Последние годы ее жизни будут драматичными. Один за другим следуют мятежи непокорных арабов, их придется усмирять огнем и мечом. Вновь в Испании льется кровь, много крови.

Провидение не щадит и близких Изабеллы. В 1496 году умирает ее мать, под конец жизни потерявшая рассудок. Изабеллу начинают мучить страшные предчувствия, она боится за детей, которым могла передать возможно унаследованное от матери безумие. Страхится, увы, не напрасно...

Изабелле, сделавшей для Испании столь много, остается одно — обеспечить престолонаследие. Казалось бы, и это ей удастся решить наилучшим образом. У Изабеллы один сын, наследник короны, и четверо дочерей. Все они заключили блестящие браки. Старшая дочь, названная также Изабеллой, выдана замуж за наследника португальского трона. Но он умирает через несколько месяцев после свадьбы. Искренне оплакивающая его молодая вдова возвращается

к родителям, но вскоре ее руки просит очередной наследник Португалии, и родители настаивают на этом браке. После долгих колебаний Изабелла-младшая соглашается. Надо сказать, что этот союз, хотя опять же недолгий, был счастливым.

Но самый, казалось бы, блестящий матримониальный успех Изабеллы приходится на 1496 год, когда играется двойная свадьба. Наследник Изабеллы и Фердинанда дон Хуан женится на дочери Марии Бургундской и Максимилиана Австрийского Маргарите, к тому времени отвергнутой невесте дофина Франции. Одновременно дочь католических монархов донья Хуана становится женой сына Марии и Максимилиана, Филиппа Красивого, наследника бургундских владений.

«Обмен невестами» происходит по морю — сначала Хуана в сопровождении ста двадцати кораблей отправляется в Нидерланды, а затем этим же маршрутом в Испанию прибывает Маргарита. Оба путешествия через бурный и коварный Бискайский залив чуть не оканчиваются трагически, но еще более опасным представляется родителям отправить дочерей по суше. И Нидерланды, как мы знаем, и Арагон по-прежнему враждуют с Францией.

Изабелла тяжело переживает разлуку с дочерью. Она уверена, что Хуана никогда не вернется в Испанию. Зачем? Она будет править Нидерландами, а потом, после смерти тестя, станет, очевидно, германской императрицей. Но королева очарована прибывшей Маргаритой — умная, интеллигентная, веселая дочь Марии Бургундской кажется ей идеальной женой для ее «ангела», инфанта Хуана, и она искренне рада, что королевой Кастилии в будущем станет эта мудрая не по летам северянка. Маргарита, в свою очередь, уверена, что прибыла в Испанию навсегда. Все они ошибаются...

Наконец, следующая дочь Изабеллы, Каталина, вошедшая в историю как Екатерина, просватана за наследника английского престола Артура, а после его преждевременной смерти становится женой его брата, будущего Генриха VIII. Чтобы впоследствии разорвать свой брак с Екатериной, король Англии откажется от католичества и введет собственную, англиканскую веру.

Не имея возможности заглянуть в будущее, Изабелла гордится делом своих рук. Действительно, ее сын Хуан станет королем Испании, дочь Изабелла — уже королева Португалии, дочь Хуана — уже герцогиня Бургундская и станет в будущем императрицей Германии и Австрии, другая дочь — будущая королева Англии. Они будут править половиной мира! Мало того, что Изабелла создала Испанию, она сделала ее европейской страной и дала ей надежных

союзников. Ведь заключая все эти браки, Изабелла преследует лишь одну цель — обезвредить Францию, единственное, как она полагает, государство, способное посягнуть на независимость Испании. И, казалось бы, ей это удастся: Англия, Португалия, Бургундия, Германия, Австрия оказываются связанными тесными узами с Испанией, но Испания сохраняет свою собственную династию, свою национальную независимость. Все брачные союзы направлены на то, чтобы сделать австрийских Габсбургов и кастильско-арагонскую династию союзниками, прежде всего против Франции, а не на объединение их владений.

Судьба распорядится иначе. Колесо Фортуны отворачивается от Изабеллы. Сбываются проклятия сожженных на костре?

В 1496 году, как уже говорилось, начинается череда смертей. Ее единственный сын, уравновешенный, но физически слабый дон Хуан умирает в 1497 году, всего через год после свадьбы, не оставив детей. Его вдова, Маргарита, предпочтет вернуться в родные Нидерланды, которыми много позднее будет управлять от имени племянника. Но она еще не знает, что это опять будет «встречный рейс», что вскоре в Испанию вернется Хуана...

А пока наследницей короны Кастилии провозглашается старшая дочь Изабелла, к этому моменту королева Португалии. Возникает, правда, вопрос об Арагоне — там действуют старые законы франков, по которым наследовать может только мальчик. Но авторитет Изабеллы столь высок, что знатоки старинного права находят лазейку в старых актах — да, дочь не может стать королевой, но она может без проблем передать корону своему сыну. И если у Изабеллы-младшей будет сын, то ничто не помешает признать его королем Арагона. Даже воссоединение Испании и Португалии становится реальностью.

Изабелла, горюя о смерти сына, тем не менее приветствует возможность еще дальше продвинуть заветную мечту и воссоединить под испанской короной весь полуостров. Но, увы, этой мечте не суждено сбыться. Изабелла-младшая умирает в родах. Младенец, нареченный Мигелем, провозглашается наследником Кастилии, Арагона и Португалии. Но и он вскоре умирает. За овдовевшего короля Португалии Изабелла позднее выдаст еще одну дочь — Марию, но брак окажется бездетным.

Наследницей Кастилии и Арагона становится следующая дочь католических королей — Хуана, которая вместе с супругом Филиппом приглашается в Кастилию, где они официально провозглашаются наследниками короны. Изабелла опасается мужа Хуаны, ей не хо-

чется, чтобы Габсбурги, эта чужая династия с севера, правили ее родиной. Но выхода нет. И Изабелла стремится, пока у нее еще есть силы, привить Филиппу любовь к Испании. Невозможная задача! В своих личных вкусах он — несомненный франкофил. Филипп привык к роскошному двору бургундских герцогов, торжественным празднествам. Более того, в отличие от отца и деда ему даже симпатична французская королевская династия. С ужасом Изабелла и Фердинанд узнают, что Хуана и Филипп отправляются в Испанию не морем, а по суше, через владения короля Франции Людовика XII. Ходят даже слухи, что Филипп собирается женить своего первенца — будущего императора Карла V — на дочери короля Франции. Оба ребенка пока в колыбелях, но если Филипп заключит подобный союз, то вся выстроенная Изабеллой схема политического противостояния могущественному северному соседу рухнет. Ведь Испания слишком еще слаба, чтобы быть Франции равным партнером.

Людовик устраивает в Париже в честь герцога и герцогини Бургундских пышные торжества. Он принимает Филиппа как первого пэра Франции. Тому это льстит, он не понимает, что пэр — это тот же вассал. Но Филиппу нравится пышный французский двор, нравится играть в теннис с королем. Уже тогда многие политические сделки совершались за игрой в этот великосветский вид спорта!

Наконец, Филипп и Хуана прибывают в Испанию, которая разочаровывает бургундца. Пыльная, степная страна, где нет ни пышного двора, ни столицы, но есть жесткий этикет и суровые нравы, есть Фердинанд и Изабелла, пытающиеся наставить Филиппа в азах европейской политики и сделать его испанцем. Наконец, экзальтированная жена, все чаще устраивающая невероятные сцены ревности. И бургундец объявляет, что дела государства требуют его немедленного возвращения на родину. Но Хуана беременна и не выдержит утомительного путешествия. Тем лучше, Филипп, вопреки воле хозяев, уезжает один. Правда, он вовсе не едет в Нидерланды, куда его якобы призывали срочные дела, а совершает европейское турне по Франции, Савойе, Австрии и Баварии протяженностью в год.

За это время герцог не пришлет жене ни одной весточки, даже не поздравит с рождением очередного сына. Хуана решает отправиться вдогонку за супругом, но Изабелла не может допустить такого унижения дочери. Если бы Филипп хотел видеть жену рядом, он давно послал бы за ней. А вымаливать внимание — не в кастильском характере. Изабелла убеждена, что место ее дочери — на ро-

дине, королевой которой ей предстоит стать, ей надо осваивать ремесло государыни, пока живы ее родители. Рассудительная, логично мыслящая Изабелла пытается внушить Хуане, что главный ее долг — перед Испанией. У нее уже есть дети, которым она может передать наследство, и муж ей в общем-то более и не нужен.

Так начинаются страшные сцены между матерью и дочерью. Они очень разные, эти две гордые испанки. Одна, Изабелла, — прежде всего государыня, другая, Хуана, напротив, просто страстно и слепо влюбленная женщина. Дочери мать кажется бездушной машиной, в которой нет никаких человеческих чувств. Хуана же все больше и больше тревожит Изабеллу, которая подмечает в ней патологические странности. Она устраивает сцены, закатывается в припадках, не занимается детьми, она требует, чтобы ее отпустили к ее мужу. Она так и войдет в историю как Хуана Безумная.

Наконец, из Нидерландов приходит письмо: Филипп, вспомнивший о правилах приличия и об испанском наследстве, сообщает, что ждет свою супругу. Родители уже не могут удержать дочь, и та уезжает на север. Изабелла ее больше не увидит. Прибыв в Нидерланды, Хуана найдет своего мужа в объятиях очередной любовницы. Она устроит безумную сцену и попытается снять с соперницы скальп. Взбешенный Филипп избивает жену. Он не может понять, почему судьба наградила его такой жуткой супругой. Они заключили политический союз, выгодный всем, он не пренебрегает женой и регулярно делает ей детей. Что еще надо от него этой безумной нимфоманке? Все его предки всегда имели любовниц и кучу побочных детей, не брезговал этим и его собственный тесть, отец Хуаны. Почему та не берет примера со своей мудрой и спокойной матери?

Сцены, разыгрывающиеся в Брюгге и Генте, смакуются сплетниками всех европейских дворов. Это — самая скандальная пара средневековья. Хуана устраивает истерики, голодовки, прилюдные скандалы. Все это доходит до Изабеллы, изрядно подрывая ее силы.

Тем временем здоровье Изабеллы ухудшается. Чувствуя приближение смерти, она стремится распорядиться делами Кастилии. Ее тревожит только одно — чтобы неприкосновенным осталось главное дело ее рук — единство Испании. Ее завещание — акт мужества, потрясающий документ, пронизанный заботой о будущем Испании.

Она просит своего супруга не вступать во второй брак и свято уважать права Хуаны и ее детей (а у нее уже два здоровых сына) на престол Кастилии и Арагона. Фердинанд клянется. Хуане и Фи-

липпу же она завещает хранить целостность Испании, никогда не выпускать Гибралтар из своих рук — какое провидение! — и назначать на государственные должности только испанцев. 26 ноября 1504 года Изабелла умирает. Ей всего пятьдесят четыре года, из них тридцать она провела на троне.

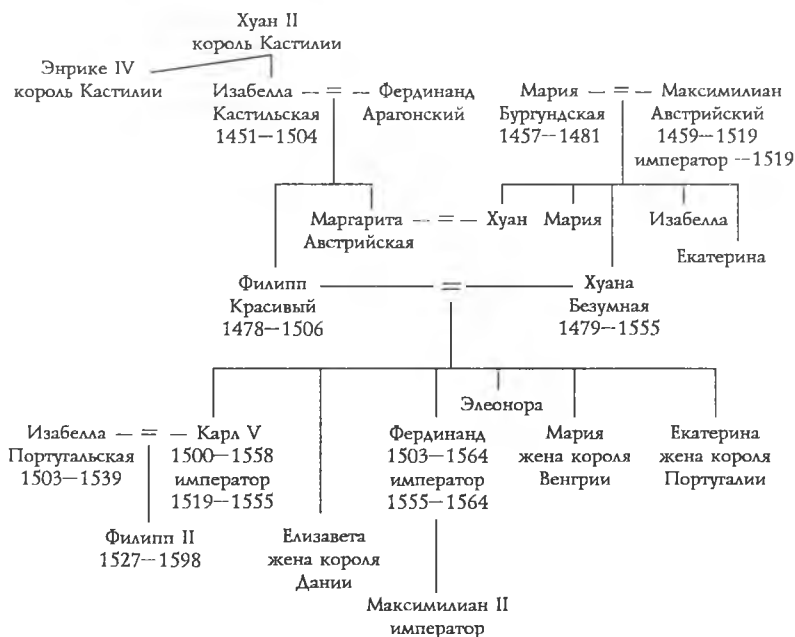
Испания оплакивает свою королеву. В соответствии с завещанием Хуана провозглашается, как в свое время сама Изабелла, королевой-«владетельницей» Кастилии, а ее муж королем. Но Хуана не может править, ее безумие становится все заметнее, и бразды правления берет в свои руки ее двадцатилетний супруг. Но Филипп неожиданно умирает. По стране ходят слухи, что его отравил Фердинанд, отстраненный зятем от дел Кастилии. После безвременной смерти супруга Хуана много лет не даст похоронить его тело, будет возить его с собой и все ждать воскрешения любимого.

После смерти Филиппа, ввиду явного помешательства королевы Хуаны и малолетства ее сыновей Фердинанд вновь возвращается к власти. И он быстро забывает о покойной жене. Он строит планы лишиться собственную дочь и ее детей законного права на Арагон и даже на Кастилию. Чтобы избавиться от Хуаны, формально все еще являющейся королевой Кастилии, Фердинанд уговаривает ее вновь выйти замуж — за короля Генриха VII, за сыном которого замужем ее младшая сестра! Хуана отказывается променять Кастилию на Англию, и тогда отец, ссылаясь на ее невменяемость, впрочем, реальную, сажает ее под замок. Хуана проведет в заточении почти пятьдесят лет! Став совершеннолетним, ее сын Карл, будущий император, официально попросит безумную мать передать ему престол Кастилии, и она, в короткий промежуток возвращения рассудка, сделает это.

...В истории Европы будет еще несколько безумных королей, которые после трагической смерти своих мужей потеряют рассудок. И равно как Хуана в своем безумии создав особый, недоступный нормальным людям мир, они будут жить удивительно долго, не замечая смены эпох. По иронии судьбы они будут супругами Габсбургов, потомков Хуаны. Одна из них — Шарлотта, жена эрцгерцога австрийского Максимилиана, погнавшего за призрачной короной императора Мексики и расстрелянного повстанцами в 1867 году. Вернувшись в Европу, Шарлотта впадет в беспамятство, она уже не заметит ни Первой мировой войны, ни краха германской и австро-венгерских империй. Она скончается только в 1927 году.

Ее младшая современница, бельгийская принцесса Стефания, любимая супруга другого австрийского эрцгерцога, Рудольфа, сой-

РОЖДЕНИЕ ДОМА ГАБСБУРГОВ

дет с ума, когда в 1889 году ее муж таинственно покончит с собой в Майерлинге. Он переживет и первую мировую войну, и вторую, пленение бельгийской королевской семьи нацистами и тихо скончается в 1945 году. Но о об этих драмах истории речь еще впереди, вернемся в Испанию начала XVI века...

Избавившись от дочери, Фердинанд просит руки ...Белтранейи, той самой, что была соперницей его и Изабеллы в борьбе за власть. Это повергает Кастилию в шок. Если Фердинанд женится на Белтранейе, тем самым он признает ее истинной дочерью брата Изабеллы и, следовательно, законной наследницей Кастилии. А если от этого брака родятся дети, хотя Белтранейе уже 43 года? Страна реально видит призрак гражданской войны. Но даже Белтранейя отвергает это недостойное предложение. И тогда Фердинанд вступает в брак с племянницей короля Франции, восемнадцатилетней Жерменой. Он надеется занять сына, который по законам Арагона будет иметь приоритет в престолонаследии перед дочерью.

Если бы эгоистические мечты Фердинанда сбылись, воссоединение Арагона и Кастилии было бы нарушено. Дети Хуаны сохранили бы за собой Кастилию, но потеряли бы Арагон. Однако первенец Фердинанда в новом браке рано умирает, в надежде все-таки произвести новое потомство шестидесятилетний монарх принимает чудодейственные снадобья. От них, как утверждает молва, и умирает в 1516 году, оставив по себе недобрую память. Творение же Изабеллы — единая Испания — вступает в свой золотой век.

ЭРАЗМ:
Первый гражданин Европы

На один чудный час Европа оказалась объединенной мечтой об общей цивилизации, которая благодаря единству языка, религии и культуры положила бы конец старым раздорам.

Стефан Цвейг

12. ЭРАЗМ: ПЕРВЫЙ ГРАЖДАНИН ЕВРОПЫ

Середина XV века. Весна Возрождения. Закат средневековья. Европейские нации прощаются со своим детством, вступают в пору мужания. Средневековье, как и любое детство, не могло быть мрачным, хотя и было непростым. В нем была своя героика, свои удивительные черты — искренность, даже наивность веры, устремленные к небу шпили готических соборов, романтика крестовых походов, пробуждение любви.

Но теперь все это уходит в прошлое. Христианская вера растворяется в догматике богослужений, духовными авторитетами становятся погрязшие в распутстве священники и разложившиеся папы; вместо того, чтобы вместе распространять христианские идеалы добра и справедливости, европейские нации воюют между собой. Чтобы возводить новые соборы, постоянно испытывающие нехватку денег папы римские продают индульгенции, дарующие отпущение грехов. И люди искренне верят, что за презренный металл можно спасти душу.

Во всей Европе царит ужасающее невежество. Страшно далеки времена античности, когда каждый свободный гражданин был грамотен и образован. Точных наук практически нет. Папство, миновавшее апогей своего величия, видит в невежестве масс залог сохранения своей власти над ними.

Но Европа в этот переходный возраст уже живет предчувствием того, что скоро-скоро проснутся умы, вернуться музы, засияет Новое время. И в этот предрассветный мир приходит Желанный. Эразм Роттердамский...

Его настоящее имя — Герард, что по-голландски и значит «желанный». Позднее, в соответствии с новыми веяниями, он переведет свое имя на греческий — Эразм, а также на латынь — Дезидериус. Под этими именами он и войдет в историю.

Но для родителей он более чем нежеланный ребенок. На нем от рождения лежит страшное в то время клеймо незаконнорожденного. Мало того, сына священника. Многие авторы, правда, рассказывают романтическую историю родителей Эразма, как бы искупающую их грехи.

Его отец Герард был последним, девятым ребенком в зажиточной голландской семье, и родители с детства предназначали его церкви. Но сын не проявлял к этому призванию и не стремился связать себя обетом безбрачия. Встреча с юной Маргаритой, дочерью врача, только укрепила в нем отвращение к церковной стезе. Но родители не одобрили этого союза, и он начал жить с любимой, не венчаясь, что впрочем, в те времена было обычным явлением. После рождения сына Питера Герард, однако, дает родителям слово больше не встречаться с Маргаритой, но вскоре вновь возвращается к возлюбленной. Их жизнь в грехе продолжается.

Через три года Маргарита опять ждет ребенка. Все это происходит в 1466, а может быть, 1467 или 1469 году — точная дата рождения Эразма не установлена. Разгневанная неповиновением сына семья заставляет Герарда оставить Маргариту и уехать подальше. Тот повинуется и отправляется в Рим, где зарабатывает на жизнь копированием античных рукописей. Его родители, стремящиеся навсегда положить преграду между молодыми людьми, извещают Герарда о смерти Маргариты. С отчаяния тот, наконец, принимает сан священника.

Только вернувшись домой, Герард узнает об обмане — Маргарита жива. Она в Роттердаме, где в доме своей матери и произвела на свет Герарда-младшего, будущего Эразма. Но поздно — их союз, до того просто греховный, становится святотатственным. Герард покидает Маргариту, хотя продолжает финансово помогать ей и детям.

Скорее всего, эта история весьма приукрашена. Но не Эразм ее автор, он, напротив, всегда искренне говорил о своем греховном происхождении. Когда Эразму исполняется девять лет, Маргарита забирает его из местной школы и везет за сто километров в Девентер, чтобы отдать в самую хорошую в Голландии школу. Поразительная интуиция! Эта бедная, обделенная судьбой и, наверно, не очень образованная женщина видит в своем ребенке нечто, заставляющее ее бросить все и уехать далеко от родного дома только для того, чтобы дать сыну образование. Именно этому самоотверженному поступку матери Эразм обязан своей будущностью. Он получает хорошее образование: латынь, греческий, философия. Все идет хорошо, но, когда Эразму исполняется тринадцать, вспыхивает чума, жертвой которой становится Маргарита. Эразму и его старшему брату приходится возвращаться к родственникам.

Эразм-подросток — спокойный, серьезный, не по летам вдумчивый мальчик с соломенными волосами и голубыми глазами. Слабого сложения, он всю жизнь будет страдать многочисленными бо-

лезнями, что, впрочем, не помешает ему стать неутомимым путешественником — а путешествовали в те времена верхом.

Вскоре умирает отец, оставив сыновьям небольшое наследство и назначив опекунов, правда, не самых удачных. Эразм, несмотря на свои тринадцать лет, уже мечтает о Париже, об университете. Он буквально одержим страстью к учению и к знаниям. Опекуны смотрят на дело иначе. Зачем это безродному сироте? Они видят Эразма и его брата монахами. А для монашеской стези особого образования не нужно. И подростков отдают в местную школу.

Эразм считает, что он теряет в ней два года. Он уже знает больше, чем учителя. Царящая в школе суровая дисциплина, направленная на подавление духа, воспитывает в Эразме ненависть к современной ему образовательной методе. Потом вновь чума, вновь возвращение домой. Денег, оставшихся от отца, становится все меньше. Несмотря на сопротивление Эразма, опекуны все-таки отправляют его в монастырь, где он проводит пять лет.

Для Эразма это время глубокого духовного кризиса. Он чувствует, что монашеская жизнь, ограниченная четырьмя стенами, не для него. Но иного выбора, кажется, у него уже нет. И Эразм старается примириться с судьбой, глубоко уходя в себя. Он много читает, совершенствует познания в латыни, размышляет, даже начинает сам заниматься литературством.

На волю его выпускает счастливый случай. Местный епископ, надеющийся вскоре получить кардинальскую шапку, ищет секретаря, хорошо знающего латынь, для планируемого путешествия в Рим. Ему рекомендуют Эразма, который рад появившейся возможности выйти из кельи. Туда он больше никогда не вернется. Год спустя он, тем не менее, будет рукоположен в священники, хотя практически никогда не наденет сутану. Иногда, читая книги этого ироничного, насмешливого человека, издевающегося над попами и монахами, забываешь, что сам он принадлежал к церковному словию.

Епископ не дождался обещанного производства в кардиналы, и поездка в Рим так и не состоялась. Но Эразм остается у него на службе и проводит пять лет при его дворе. Своей тягой к знаниям, начитанностью, трудолюбием он обращает на себя внимание, и в 1495 году сбывается его давняя мечта. Ему позволяют отправиться в Парижский университет, чтобы подготовиться к получению степени доктора богословия. Епископ даже назначает ему скромную стипендию. Эразму 28 лет. К этому времени он уже один из самых эрудированных людей своего времени, сложившийся литератор.

Жить в Париже на одну стипендию оказывается невозможно, и Эразм начинает брать учеников — молодых людей знатного сословия, отправленных семьями в университет. В те времена система образования в Европе не имеет еще национальных границ. Люди ученого сословия сохраняют свой язык «международного общения» — латынь. И выбор университета продиктован только его репутацией. Париж, один из старейших просветительских центров Европы, притягивает студентов из всех ее уголков. Но одно из самых больших иностранных землячеств — английское. И многие ученики Эразма — англичане. Так он знакомится с юным лордом Маунтджою, дружба с которым круто изменит его жизнь.

В 1499 году молодой англичанин предлагает Эразму поехать с ним в Англию. Неожиданно для себя Эразм входит в круг блестящей английской аристократии. Он знакомится с Томасом Мором, будущим канцлером. Эта дружба — на всю жизнь. Оба уже заочно много наслышанные друг о друге, встретившись лицом к лицу, моментально сходятся. Хотя, казалось бы, что между ними общего? Двацатидвухлетний Томас Мор, аристократ по происхождению, входящий в высшее общество, которому все прочит блестящую стезю, и тридцатидвухлетний Эразм, несущий бремя своего незаконного происхождения, влачащий полунищенское существование и зависящий от милости покровителей, к тому же терзаемый массой хронических недугов. Но за все тридцать лет, что продлится их дружба и переписка, никогда даже тень раздора не коснется их взаимного доверия, искренней привязанности и глубочайшего уважения к интеллекту другого.

Мор представляет Эразма детям короля Генриха VII. Так Эразм впервые встречается с будущим Генрихом VIII. Эразм еще мало кому известен, но принцы уже ищут общения с этим незаконным отпрыском, очарованные его энциклопедическими познаниями. Дело не только, конечно, в самом Эразме. Дело и в принцах. Государи эпохи Возрождения преклоняются перед интеллектом. Они готовы признать верховенство принцев разума, принцев гуманизма. Император Карл V скромно поднимет кисть Тициана, потому что тот — Мастер.

Настает эпоха Гуманизма. В отличие от революционеров XX века, презиравших прошлое и зовущих в будущее, гуманисты стремились исправить недавнее прошлое, погрузившись в прошлое более дальнее. Для Возрождения это античное искусство, для Реформации — Евангелие.

Европа, просыпаясь от тьмы невежества, возносит на пьедестал тех, кто является носителем новых идей. Эразм наконец становится

действительно Желанным. И таковым он впервые почувствует себя в Англии. Блестящее общество эрудированных, светских, общительных людей распахивает перед ним свои двери, интересуется его мнением, прислушивается к его речам. Но и Эразм многому учится у них. До того застенчивый, он начинает легко сходиться с людьми, осваивает искусство завоевывать их сердца.

Один из самых верных способов при этом — лесть. Переписка Эразма может повергнуть современного читателя в шок. Один из бесспорно образованнейших людей эпохи в своих письмах, адресованных порой весьма ординарным личностям, безмерно превозносит их достоинства, расточает неумеренные похвалы, буквально заискивает перед ними. И это тот всевидящий оракул, смело бичующий в своих трудах пороки церкви и ее распутных слуг? Или он двуликий Янус?

Не будем судить мерками современной эпохи. Да, и Эразм, и его современники предаются восхвалению друг друга и не чуждаются откровенной лести. Но таковы законы жанра Гуманизма.

Давайте восклицать, друг другом восхищаться,
Высокопарных слов не надо опасаться! —

слова Булата Окуджавы с легкостью можно вложить в уста человека эпохи Гуманизма. Дотоле восхвалять можно было Бога, но не человека. Пробудив интерес к людям, к друг другу, Гуманизм и создал свои законы обыденного общения. Войдя в этот круг избранных, Эразм принимает и его правила.

Общение с английской аристократией не только меняет — в лучшую сторону — характер Эразма, но и расширяет горизонты его интеллекта. По примеру новых друзей, того же Томаса Мора, Эразм начинает серьезно учить греческий язык. Это открывает перед ним новый мир. Многие рукописи античных авторов знакомы были ему только по поздним латинским, не всегда точным переводам. Теперь же он потихоньку приобщается к первоисточникам.

При возвращении из Англии во Францию с Эразмом происходит малоприятное происшествие. Английский таможенник конфискует у него деньги, весьма скромную сумму, которую он сумел скопить за счет щедрот друзей. Оказывается, вывозить из Англии деньги запрещено. Любопытный факт! Уже в те времена Европе, как выясняется, знакомы валютные ограничения, осложняющие жизнь простых граждан. В итоге Эразм возвращается в Париж столь же бедным, каким он уезжал оттуда.

Какое-то время Эразм продолжает занятия в университете, но даже не доведя диссертацию до конца, решает вернуться на родину.

В 1501--1505 годах, живя в Нидерландах, он продолжает свою литературную деятельность и, в частности, пишет книгу, которая вскоре принесет ему известность, сделает советником императора, знаменем либералов, духовным ментором Европы. Это «Кинжал христианского воина», изданный в 1504 году в Антверпене.

В этой работе впервые провозглашено кредо Эразма-богослова. Он недвусмысленно призывает вернуться к истокам христианства, к его первоначальной простоте. Он не осуждает церковь за возникшие впоследствии догмы и сложный церковный церемониал, он просто считает их малозначащими. Он призывает вернуться к Библии, к трудам отцов церкви, которые он считает единственным источником христианской доктрины.

В 1505 году Эразм возвращается в Англию и проводит там полтора года. Оттуда он отправляется в Италию, куда так давно и тщетно рвался. Эта поездка оказывается возможной благодаря тому, что придворному врачу короля Англии, итальянцу по происхождению, нужен наставник для детей, которых он отправляет учиться на родину. В Италии Эразм много работает в библиотеках. А главное — учит греческий язык. После падения Византийской империи в 1453 году многие греческие ученые и философы перебираются в Рим, привозя с собой уцелевшие древние манускрипты.

В Риме Эразму оказывают покровительство многие кардиналы, в том числе будущий папа Лев X. Но Рим вызывает у Эразма смешанные чувства. Он, конечно, наслаждается обществом утонченных, интеллектуальных, эрудированных собеседников, и в то же время сталкивается с тем, что его новые покровители, высшие прелаты церкви, мыслят и поступают как миряне. В своем кругу они даже не пытаются притворяться скромными слугами Господа. Они ведут себя как знатные светские вельможи, предаются порокам и распутству, используют свою духовную власть над миром в собственных политических и личных интересах.

...В середине XIX века католическую церковь порадует неожиданное известие. Лео Таксиль, автор злобных атеистических памфлетов и книг, остроумно высмеивающих основы христианской веры, вдруг публично ...раскается и объявит себя верующим. Его как яркий пример прозревшего грешника, полезный в религиозной пропаганде, приблизит к себе сам папа римский, при дворе которого Таксиль проведет несколько лет в качестве весьма доверенного лица. Итогом станет скандальная книга о закулисной жизни папы и его окружения. «Раскаяние» окажется не более чем журналистским трюком... Мало кто задумывается, что первым его проделал с Ватиканом,

сам, возможно, того не сознавая, Эразм Роттердамский, оказавшийся допущенным в святая святых католической церкви. Но об этом чуть позже...

Тем временем старый знакомый Эразма становится королем Англии Генрихом VIII. Он зовет Эразма к себе. И проведя в Италии три года, Эразм возвращается в Англию. Вначале он останавливается у Томаса Мора, где за несколько дней, как пустячок, как развлечение, пишет, пожалуй, самое известное свое произведение — «Похвалу глупости».

Этой книжке, которой сам автор не придавал особого значения, считал безделицей, суждено было прославить имя Эразма в веках. В этой непревзойденной по остроте сатире на современное общество Эразм бичует всех — попов и епископов, королей и принцев. Пощады нет никому. Поразительно, но те, кого высмеивает Эразм, становятся его преданными поклонниками. Произведение, родившееся, как уже говорилось, из близкого знакомства с изнанкой высшего светского и духовного общества, только увеличивает славу Эразма в глазах тех, кто является объектом его сатиры. Парадокс?

Наверное, закономерность. Европа переживает период оттепели, период перестройки, когда дозволено практически все — критиковать светскую власть, критиковать церковь — в умеренных, конечно, дозах и если это не грозит крушением всех устоев.

Всеобщее ликование в связи с концом средневекового невежества, восстановлением в своих правах искусств и знаний создаст узкий, привилегированный круг европейской элиты. Эразм становится его признанным духовным наставником. Европейская элита стремится как бы отмежеваться от невеж прошлого, показать, что в отличие от прежних владык она интеллектуальна, образованна, готова к диалогу. Если вскоре Лютер начнет говорить с крестьянами и буржуа, то Эразм разговаривает только с просвещенными людьми.

Это переломное для духовной жизни Европы время начинается с изобретением книгопечатания в 1445 году. Книги становятся доступными, хотя и не всем. По Европе быстро начинают распространяться знания, но от них произрастает и ересь — слово Божье, долгие годы недоступное даже большинству священников, идет в массы и рождает вопросы. Оттепель кончится быстро, когда Гуманизм приведет к Реформации. Свободе слова скоро придет конец. Те книги, которыми зачитывались короли и папы, окажутся под запретом. После смерти Эразма в 1542 году новый папа, в свое время тоже друг Эразма, включит все его труды в «Индекс запре-

щенных книг». Но пока произведения Эразма выглядят как освежающий глоток живой воды. Да, он фрондирует, но в меру.

Эразм вновь отправляется в Англию, где проводит два года в Кембридже. Затем — вновь Нидерланды, где он задержится на семь лет — с 1514 по 1521 год. Он, однако, нигде не сидит на одном месте, периодически наезжая то в Англию навесить друзей, то в Базель к своему издателю. Эразм шутит: «Если Одиссей был мудрейшим человеком в Греции, потому что посетил так много городов, то моя лошадь — самая умная в Европе, поскольку посетила так много университетов».

Не случайно современный Европейский союз назвал свою программу международного студенческого обмена «Эразмус» — по имени неутомимого ученого-путешественника!

Но в эти годы его дом — Нидерланды, и в основном — Лувен с его знаменитым университетом. Финансовое положение Эразма по-прежнему сложное. Он живет за счет подарков от богатых покровителей, доходов от издания книг, но лишних денег нет. В 1516 году его назначает своим советником Карл V, правитель Испании и Нидерландов, однако жалование это чисто символическое. Эразму часто приходится выбирать: или содержать лошадь, необходимую для разъездов, или иметь приличную одежду.

Главный труд, над которым он работает все эти годы, — подготовка к печати греческого оригинала Евангелия и его нового перевода на латынь с комментариями. В 1516 году он, наконец, публикует его.

Современному читателю сложно представить масштабы совершенного Эразмом подвига. Но попытаемся вообразить, что где-нибудь в середине 80-х годов, в канун перестройки, кто-нибудь осмелился опубликовать новый перевод Манифеста коммунистической партии и показал бы, что некоторые места, на которые привычно ссылаются марксисты, в оригинале имеют несколько другой смысл. Допустим, кто-нибудь покусился бы на знаменитые слова «Призрак коммунизма бродит по Европе» или «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» «Это же классика!» — сказали бы многие, на нее нельзя замахнуться, даже в целях уточнения смысла. А Эразм замахнулся на книгу книг, на Новый завет!

Европейцы были знакомы с Библией в переводе святого Иеронима, жившего в IV веке на родине Христа в Вифлееме и отрешившегося от мира специально для того, чтобы перевести главный труд христианской веры. Эта Библия получила название «Вульгата», то есть переведенная на доступный язык — латынь. Эразм не оспаривает заслуг Иеронима, напротив, он тратит много времени на изу-

чение его трудов, но, увы, истина превыше всего... И в его переводе действительно обнаруживаются расхождения с Вульгатой. «Вначале было слово», — гласит Библия. В Вульгате используется латинское слово «verbum», Эразм же предлагает «sermo», что, как он считает, более точно отражает греческий оригинал — «logos».

Однако, несмотря на расхождения с привычным текстом, книга хорошо принята церковью. Папа римский благодарит Эразма за сделанное ему посвящение. И зовет его в Рим, но Эразм уже вернулся в Брюссель, чтобы быть ближе ко двору Карла V, советником которого он по-прежнему является.

1516–1518 годы — апогей духовного триумфа Эразма, который, кажется, ничто не сможет омрачить, период бесспорного владычества великого гуманиста над умами европейцев. Знакомства с ним домогаются, его письма вставляют в рамку и вешают на стену, короли и принцы, папы и университеты соревнуются между собой за право пригласить к себе это «величайшего из величайших». Начинается «просвещенное паломничество» к обители Эразма. Для европейцев он бесспорный авторитет в вопросах веры и морали.

Сегодня, пожалуй, непросто понять, почему современники столь благоговели перед Эразмом, воспринимали каждое сказанное им слово как высшую истину. Ведь Эразм не гений и не творец. Но он обладает потрясающим аналитическим умом и непревзойденной эрудицией, необыкновенным трудолюбием. Его стезя — критика, ирония. Этот болезненный и скромный человек обладает потрясающим чувством юмора, иногда горького, но никогда жестокого. Его ум — скептический, ищущий, но не догматичный. В свой непримиримый век Эразм старается быть апостолом здравого смысла, но у него не окажется приверженцев, Европа опять рвется на части.

В 1517 году начинается новая эпоха — эпоха Реформации. Дотоле неизвестный августинский монах Мартин Лютер выступает против продажи папских индульгенций, обещающих за деньги спасение души, и публикует свои знаменитые тезисы. Во времена крестовых походов папы обещали рай любому, кто пожертвует деньги на снаряжение этих экспедиций. Позднее спасение души периодически обещалось тем, кто активно жертвует на храмы, школы и прочие богоугодные дела. Но папа Лев X, родной сын Лоренцо Медичи, не смог противиться текущей в его жилах крови финансистов и менял и в 1516 году поставил производство и продажу индульгенций на поток, чтобы завершить строительство собора Святого Петра в Ватикане. Папа-банкир распространяет индульгенции как векселя! Отныне можно грешить и даже не каяться — лишь покупать

всем доступные бумажки. Это оказывается последней каплей, переполняющей чашу терпения. Лютер клеймит церковь за отход от принципов первых христиан, за искажение слов Иисуса, призывает вернуться к Евангелию.

Но разве это не то, что вот уже несколько лет проповедует в своих трудах Эразм? Многие начинают говорить, что книги Эразма — тот арсенал, откуда Лютер черпает свои отравленные стрелы. Рождается крылатая фраза: «Лютер разбил яйцо, которое снес Эразм».

Когда Эразма спрашивают о Лютере, он защищает его как человека, но не как мыслителя. Лютер пытается заручиться поддержкой Эразма и в марте 1519 года пишет ему письмо, полное почтения и даже раболепия. «Эразм, наше счастье и наша надежда», так величает Учителя Лютер. Эразм отвечает на послание — но осторожно. Блестящий литератор, он ни словом, ни намеком не высказывается ни за, ни против учения Лютера.

Тем временем учение Лютера приобретает все больше сторонников. Дело не только в том, что он оспорил устаревшую догму. Лютер говорит о необходимости национальной церкви, о независимости от папы римского. Эти слова падают на благодатную почву. Германия к тому времени — странный конгломерат различных государственных образований, власть императора, как уже говорилось, эфемерна. Но духовная власть Рима — реальна.

Как мы помним, схватку с Римом Фридрих Барбаросса проиграл, и после него никто уже не мог заставить повиноваться себе папу римского. Императоры сдались. Но у папства, выигравшего «историческое соревнование» с империей, появляется новый враг — национальный дух, национальное самосознание.

Европейские нации, давно уже забывшие о политическом единстве, начинают сомневаться в необходимости единства духовного. Оно кажется им вмешательством в их внутренние дела. Какое право имеет кто-то в Риме решать, как нам жить? — спрашивают себя европейские народы, и прежде всего — европейские монархи. И не успевает папа завершить противоборство с германскими императорами, его противниками становятся новые, тем временем укрепившиеся силы.

Французский король в начале XIV века вообще переносит столицу христианского мира из Рима в Авиньон, где папу легче контролировать. Однако папам удастся постепенно вырваться из авиньонского плена благодаря ослаблению Франции в Столетней войне и вернуться в Вечный город. Но конфликт наций с папством неизбежен. Народившиеся государства хотят быть независимыми

во всем. Они не против христианства, но оно им видится в национальных одеждах. Гуситские войны, о которых уже говорилось на страницах этой книги, — предтеча этого великого европейского исхода из лона римской католической церкви. Чехия просто раньше, чем многие другие европейские страны, осознала себя как индивидуальная нация. В той или иной форме по следам гуситов пойдут другие.

Неотвратимость конфликта между вновь обретшей суверенитет нацией и вселенской церковью лишний раз подтверждают события конца XX века, когда распад Советского Союза, акт, казался бы, чисто политический, привел и к распаду ранее единой православной церкви, существовавшей на его пространстве под эгидой Московского патриархата. В церкви, подчиненной Москве, та же Украина или Эстония увидели замаскированную «руку Москвы» и потребовали отделения, вызвав кризисную ситуацию в православии. Ничего нового в этом нет. В истории уже все это было.

Когда в 1521 году Лютера призовут для объяснений на собор в Вормсе, Эразм будет среди тех, кто советует императору и прелатам церкви выслушать его, внимательно разобраться в его учении. Но постепенно, с 1521 года Эразм начинает выступать против Лютера, говорить о том, что он обманул надежды христианского мира.

Он даже заявляет: «Я снес куриное яйцо, а у Лютера вылупилась другая особь».

Лютеране чувствуют, что Эразм от них ускользает. И они отворачиваются от этого «принца гуманистов», «звезды Германии», «солнца знаний», как совсем недавно сами его именовали, и подвергают обструкции. С ним прекращают переписываться, встречаться.

Со своей стороны Эразм начинает все более явно дистанцироваться от Лютера. Чем гневнее проповеди немецкого монаха, тем сдержаннее Эразм. Да, Эразм тоже видит грехи церкви и священников, но он считает необходимым критиковать *плохих* пап, а не всех понтификов, *плохих* священнослужителей, а не все сословие.

Но сторону гонителей Лютера Эразм также принять не может. Тем более что многие его старые друзья-гуманисты, которых он по-прежнему уважает, — в лагере лютеран. Тем временем атмосфера накаляется. В Лувене, в этом ранее благодатном оазисе университетской науки, где трудится Эразм, готовится аутодафе из книг Лютера, и Эразм не может предотвратить его.

Этого первого европейского пацифиста пугает накаляющаяся атмосфера схватки, противоборства, взаимной неуступчивости. Его

пугает Европа, в которой жгут книги Лютера, но он не рад в Европе, где Лютер сжигает послание папы. Ни в ком не видящий единомышленников, Эразм даже сравнивает себя с Гектором, труп которого разрывали греки и троянцы, оспаривая его. Интеллектуально он не принадлежит ни к лагерю папистов, ни к лагерю евангелистов, он идет впереди века, воплощая современный дух, все подвергающий сомнению.

Наконец Эразм принимает решение покинуть Нидерланды и уехать в Швейцарию. Он не хочет быть вовлеченным в кампанию против Лютера, а если он останется в Нидерландах, это неизбежно. Новый папа, Адриан Утрехтский, старый знакомый и покровитель Эразма, по-прежнему благоволит к нему и зовет в Рим. Но именно Адриан, будучи епископом в Лувене, приказывал жечь книги Лютера! И Эразм отказывается от лестного приглашения.

Но и в лагерь лютеран, казалось бы, более близкий ему духовно, он не переходит. Эразм словно цепляется за католическую церковь, как за последнюю соломинку. Почему? Что движет этим человеком, лучше других видящим все ее пороки, лучше других понимающим, как далеко ушла она от истоков христианства, и знающим, как сильно искажено слово Божье последующими наслоениями? Ответ, мне кажется, в том, что Эразм не верит в возможность добиться в то время политического единства Европы и, понимая неизбежность плюрализма в политике, стремится сохранить хотя бы духовный монизм.

Эразм, этот скептик-реалист, видит, что Европа, некогда единая, разорвана на части. Что осталось от прошлого единства? Только вера. Если исчезнет и она, что ждет бедный континент? Новые войны, страдания, смерти... Эразм предвидит, что наступит скорбная эпоха братоубийственных религиозных войн, и хочет избежать ее, сохранив католическую церковь, пусть несовершенную, но *универсальную*.

Другого стержня для единства нет. Эразм, советник императора Карла V, над владениями которого не заходит солнце, не верит в устойчивость империи. В этом он не одинок. Многие философы и политики, государственные деятели полагают, что время европейской империи прошло. Вспомним того же Карла IV. Но Эразм понимает и то, что пока никому еще не приходит в голову и что только-только начнут осознавать в конце XX века. Неустойчивы не только империи, неустойчивы большие государства вообще!

В Европе, бывшей когда-то единой и оказавшейся поделенной границами зачастую по-живому, без учета языковых и иных осо-

бенностей, существует множество застарелых национальных конфликтов, которые в рамках сложившихся государств не могут быть преодолены. Поэтому Европа идеальная видится Эразму как совокупность маленьких устойчивых территориальных образований под общей эгидой — христианской церковью.

И Эразм во многом прав. К концу XX века европейцам удалось решить большинство *межгосударственных* конфликтов: помирить Францию и Англию, Францию и Германию и так далее. Никому сегодня даже в голову не может прийти, что кто-либо из участников нынешнего Европейского союза может обратить оружие друг против друга. Да, в ЕС есть конфликты, трения, ссоры, но несомненно, что ни при каких обстоятельствах они не перерастут в вооруженные столкновения.

Но европейцам по-прежнему ничего не удается сделать с *внутренними* конфликтами. Напротив, сепаратизм нарастает. Рвется на части Бельгия, которая, как мы помним из рассказа о Шарлемане и его потомках, достаточно искусственно составлена из двух частей: французской и германской, ныне фламандской. Не смиряется Каталония, которая никогда не была под арабами, оставаясь частью христианского мира и империи Карла Великого, и которая ныне не хочет быть «просто Испанией». Север Италии, бывшее Ломбардское королевство, не прочь отделиться от менее развитого Юга и создает политическое движение — Северную лигу. Перечень можно продолжать долго: единичны те государства, где нет внутренних национальных проблем или где их удалось окончательно и бескровно решить.

И в конце XX века европейцы начинают осознавать, что только объединенная Европа спасет их от внутригосударственных раздоров. Ведь неизбежный в рамках интеграционного объединения процесс ограничения государственного суверенитета означает передачу части полномочий не только на более высокий, наднациональный уровень, но и на более низкий — региональный. Иными словами, укрепляется власть не только Брюсселя, но и Барселоны, Аяччо, Ольстера, Антверпена и других «провинциальных» столиц. Только разрушив доставшиеся нам из глубины веков во многом неверные, странные государственные границы, эти итоги сотен переделов политической карты, можно решить национальные конфликты. И современный Евросоюз к этому идет. А первым вопрос так поставил Эразм Роттердамский...

Эразм, повторим, не верит в устойчивость крупных государств. Но он не верит и в возможность самостоятельного выживания малых. Его родные Нидерланды — тому пример. За время своей

жизни, если бы в те времена было современное гражданство и паспорта, Эразму все время приходилось бы их менять. Он рождается в герцогстве Бургундском, которое формально является частью Франции. Но после брака Марии Бургундской с Максимилианом Австрийским оно переходит в орбиту владений германского императора. Следовательно, он может считаться теперь гражданином Германии и Австрии. Но потом, при Карле V, Нидерланды становятся частью Испании. И уже после смерти Эразма его родной Роттердам станет частью независимых Нидерландов. И все это за сто лет!

Вообще, нужно сказать, Эразм законченный космополит. Он любит все страны, но не принадлежит ни одной. Он все их хвалит и все критикует. Он искренне привязан к своей родине — Нидерландам. Но его второй дом — Англия. И в то же время он с ностальгией вспоминает Италию, часто говорит о Франции, а последние годы проведет в Швейцарии. Когда его дважды приглашают стать гражданином Цюриха, он отвечает: «Я хочу быть гражданином мира, а не одного города».

Эразма удивляет, когда его, казалось бы, невинные замечания или поступки задевают чьи-то национальные чувства. Так, французы недовольны тем, что он, посвящая книгу Генриху VIII, называет его королем Англии и *Франции*. Но ведь тот себя так именует! Это просто элементарная дань уважения, полагает Эразм. Испанцы обидятся на его слова о том, что они *оккупировали* Неаполь. Они считают, что юг Италии принадлежит им по праву.

Уму, который говорит «Вся вселенная — мое отечество», такие мелкие обиды непонятны. Эразм принадлежит двум мирам, и оба эти мира — общеевропейские. Первый — сообщество интеллектуальной элиты. Второй — христианская церковь.

Космополит по натуре и по духу, в политике он, однако, изоляционист. Он не жаждет восстановления древней Римской империи или ее тени — Священной Римской империи. Он считает, что недостаток универсальной монархии в том, что принц не сможет быть знаком со всеми своими владениями. Эразм полагает, что принц должен сидеть дома и править, а путешествовать как можно меньше. И это он советует Карлу V, владеющему половиной Старого и Нового Света!

Принц, считает Эразм, не должен стремиться к союзам с другими странами, даже к матримониальным. Его тревожит, что браки между представителями различных европейских родов постоянно приводят к конфликтам за чье-нибудь наследство. Если непосредственно после угасания прямой мужской линии Карла Великого

в Европе возникли национальные, не связанные между собой коронованные династии, то достаточно быстро, благодаря «смешанным бракам», они оказались кровно связанными между собой.

Действительно, в современной Эразму Европе есть своего рода «наднациональная правящая элита», несколько династий, которые за столетия столь тесно породнились между собой, что сложно сказать, какая кровь течет в их жилах. Мы уже говорили о хитросплетениях истории, связавших через общего внука, императора Карла V, двух моих героинь — Марию Бургундскую и Изабеллу Кастильскую. Но если заняться более глубокими генеалогическими изысканиями, то окажется, что современные Эразму монархи являются в той или иной степени потомками чуть ли не всех коронованных персонажей этой книги.

Возьмем, к примеру, современника Эразма, французского короля Франциска I. Он неоспоримый потомок Карла Великого, хотя и по женской линии: первый известный истории Капет, граф Роберт Сильный, был женат на Аделаиде, внучке Шарлеманя, дочери императора Людовика Благочестивого от его первого брака. Но и кровь второй супруги Людовика, Юдифи, также течет в жилах Франциска, поскольку, как уже говорилось, от ее дочери Юдифи-младшей пошел знаменитый род графов Фландрских, представительница которого стала женой также упоминавшегося на страницах этой книги короля Филиппа Августа.

Сам же Филипп Август — праправнук нашей Анны Ярославны. Его сын, в свою очередь, женат на Бланке Кастильской, внучке другой нашей героини, Алиенор Аквитанской. У Анны и Алиенор — тоже общий потомок, самый великий король Франции, Людовик Святой! В XIV веке кровь французских королев разбавляется люксембургской: о тесных родственных узах императора Карла IV с французским двором уже также говорилось. Наконец, сын Франциска, будущий король Генрих II женат на Екатерине, внучке другого нашего героя, Лоренцо Медичи. Уже после Эразма кровь французских королев смешается — и неоднократно — с кровью Габсбургов, потомков, естественно, Марии Бургундской.

Не менее обширны родственные связи других европейских правящих династий. Их отпрыски в итоге считают себя вправе претендовать на самые различные европейские престолы. Но Европа — та остается национальной!

И это противоречие между наднационализмом ее владык и национальными границами государств постоянно приводит ко все новым войнам. Во времена Эразма разворачивается дуэль между им-

ператором Карлом V и королем Франции Франциском I — из-за итальянского наследства, которого требует Франциск, прабабушка которого была из миланского рода Висконти. Именно поэтому Эразм советует владыкам жениться на соотечественницах — чтобы не давать новых поводов для передела политической карты. Даже договоров о дружбе, считает Эразм, нужно избегать. Они не цементируют дружбу, а только становятся предлогом для взаимных обвинений.

А как же тогда обеспечить мир? Путем союза между маленькими независимыми политическими единицами. Но кто будет верховным гарантом этого союза, объединяющей силой европейского единения? Католическая церковь, иной альтернативы Эразм не видит. Вот в чем, думается, причина метаний Эразма между все более агрессивно настроенными лагерями. Он боится, что стремление к очищению церкви от позднейших наслоений, к возвращению к истокам будет использовано в политических играх. Эразм предчувствует, что Реформация приведет к краху католицизма и к еще большей политической раздробленности. Он боится, что исчезнет единственное, что объединяет — пока объединяет — всех европейцев: универсальная вера. Увы, так и произойдет...

Эразм, стремящийся остаться выше схватки, вскоре становится объектом ненависти для обоих лагерей. Очередной римский папа приказывает потихоньку начать изучение трудов Эразма на предмет выявления «ереси». Прослышав об этом, Карл V предлагает Эразму свое покровительство. Он предлагает ему «отредактировать» и издать книгу Данте «О монархии», в которой говорится о том, что император получает свою власть и империю непосредственно от Бога, минуя церковь. «Петр не должен вмешиваться в дела Цезаря». Карл, словом, готов поддержать Эразма в борьбе против папы, но хочет использовать ученого в своих интересах. Но Эразм не хочет быть игрушкой в руках облеченных властью и отказывается от предложений императора.

Тем временем еретиков начинают посылать на костер. И в это страшное время, когда противостояние папы и Лютера достигает предела, Эразм, который по-прежнему не берет ни одной из сторон, начинает публиковать все более злые сатиры на нравы католической церкви. Парадокс? Не поддерживать противника папы, и в то же время критиковать Рим. Но Эразм идет своим путем, он слушает только свою совесть. Ему не надо новых лавров, он и так уже опередил свой век. «Похвала глупости» ведь появилась тогда, когда о монахе из Виттенберга еще никто не слышал.

Некоторые исследователи пытаются изобразить Эразма ученым в башне из слоновой кости, который, подготовив Реформацию, испугался ее последствий и устранился от активных действий. Все совсем не так, Эразм реагирует на происходящее, но по-своему. Многие его публикации этого периода — гражданский подвиг. Тем не менее его называют двуличным, ренегатом, многие старые друзья — из обоих лагерей — от него отворачиваются.

Бежав из Лувена, чтобы не быть вовлеченным в кампанию против Лютера, Эразм теперь начинает думать о том, что нужно бежать из Швейцарии. Базель становится лютеранским городом, воинственно лютеранским. Происходят беспорядки, в церквях разбивают священные образа, толпа требует запретить католическую мессу. И опять же от Эразма требуют, чтобы он своим авторитетом освятил происходящее. Но Эразм не хочет быть и на стороне лютеран.

У него по-прежнему много приглашений от различных европейских дворов и университетов. Он выбирает германский город Фрайбург, куда его зовет брат Карла V, эрцгерцог Фердинанд, будущий император. Фрайбург недалеко от Базеля, а Эразму уже трудно много путешествовать. Почечная болезнь и другие хвори ограничивают его возможности передвигаться по Европе.

Проходит пять лет. Религиозные страсти в Базеле успокоились, и Эразм в 1534 году предпринимает решение вернуться в этот уютный прирейнский город. Но религиозные раздоры в Европе не утихают. Напротив. Из Англии приходит горестная весть: лучший друг Эразма, Томас Мор, сложил голову на плахе, не пожелав присягать англиканской церкви...

Не поддавшись влиянию Лютера, Англия тем не менее к этому времени также уже пошла на разрыв с римской церковью. Причина — неурядицы в королевском семействе, вызванные стремлением Генриха VIII развестись с Екатериной Арагонской, дочерью знакомой нам Изабеллы Кастильской. У него нет сына, только дочь Мария. Формально девочка может взойти на престол, но Англия, только-только начинающая забывать бесконечные гражданские войны знатных родов, к этому еще не готова. Да и Мария кажется всем не лучшей кандидатурой — нервная, болезненная, она заставляет вспоминать о безумии ее бабушки и родной тетки. Кто знает, сможет ли она быть королевой и в перспективе родить Англии здорового наследника? Генрих VIII хочет перестраховаться, пока есть такая возможность.

Для аннулирования брака есть вполне уважительная причина. Екатерина сначала была женой старшего брата Генриха, Артура, и

только после его смерти была выдана замуж за следующего наследника престола. Не противоречит ли это библейской норме, утверждающей, что брат не может жениться на жене покойного брата?

Но Екатерина Арагонская — истинная дочь своей матери. Настойчивая, решительная, набожная, она не хочет отказаться от той судьбы, которая, как она свято верит, уготована ей Богом, и дать мужу развод. Она утверждает, что оснований для аннулирования брака нет — ее брак с юным Артуром никогда не был фактическим. Папа римский мог бы не посчитаться с доводами королевы — в конце концов, понятно стремление Генриха обзавестись сыном, но ведь дядя королевы — сам император Карл V, католический монарх, опора папского престола. И папа не дает развода. В итоге Екатерина, эта истовая католичка, подталкивает мужа к резким действиям и теряет Англию для Рима.

Когда Генрих впервые начинает просить о разводе, на сцене еще нет Анны Болейн. Ее появление форсирует события: амбициозная Анна не хочет быть просто любовницей Генриха, ролью которой довольствовалась, например, ее старшая сестра, она хочет быть королевой. И Генрих, получивший ранее от папы за свой трактат против Лютера титул защитника веры, решается на разрыв с церковью. Но прежде чем пойти на этот шаг, он спрашивает мнения своего старого друга — Эразма. К Эразму за советом обращается и семья Болейн.

Эразм же и на сей не хочет раз быть втянутым в политические и светские интриги, он уклоняется от ответа. Генрих провозглашает независимость англиканской церкви от Рима и назначает себя ее главой. За отказ присягнуть королю в этом качестве и сложит в 1535 году голову на плахе Томас Мор.

Эразм ненадолго переживет старого и преданного друга. Он скончается 11 июля 1536 года в Базеле. В последний час с ним рядом нет исповедника...

Эразм умирает тогда, когда Европу вновь начинают сокрушать конфликты. Относительное затишье начала XVI века уходит в прошлое. В Германии бушует Великая крестьянская война, порожденная Реформацией, соперничество императора Карла V и французского короля Франциска I нарастает, Англия переживает раскол церкви и кровавый религиозный конфликт. Увы, сбывается предвидение Эразма: в Европе начинается эпоха гражданских религиозных войн.

МИШЕЛЬ НОСТРАДАМУС: Европейский пророк

Я не могу объяснить этого, но вся древняя и современная история подтверждает, что никогда не происходило великих несчастий, которые не были бы предсказаны заранее.

Н. Макиавелли

13. МИШЕЛЬ НОСТРАДАМУС: ЕВРОПЕЙСКИЙ ПРОРОК

Где-то в самом конце перестройки, году в 1989 или 1990, советские люди открыли для себя Нострадамуса. Согласно его предсказанию, утверждали многие, коммунизм в России существует только 73 года и семь месяцев, затем ему придет конец...

Действительно, у Нострадамуса есть удивительное пророчество: «И в октябре вспыхнет великая революция, которую многие сочтут самой грозной из всех, когда либо существовавших. Жизнь на земле перестанет развиваться свободно и погрузится в великую мглу. А весной и после нее произойдут грандиозные перемены, падения королевств и великие землетрясения; и все это сопряжено с возникновением нового Вавилона, мерзкой проституцией, отвратительной духовной опустошенностью, и это продлится 73 года и 7 месяцев».

Мне даже кажется, что дата выборов президента России, 12 июня 1991 года, была кем-то специально выбрана, чтобы совпасть с назначенным Нострадамусом сроком. Действительно, между 7 ноября 1917 и 12 июня 1991 года — дистанция в 73 года и семь месяцев. В любом случае все предсказанное Нострадамусом свершилось: произошла Великая Октябрьская революция, на следующий год — грандиозные перемены в Европе, приведшие к «крушению королевств» — Австро-венгерской и Германской империи, и все это было сопряжено с «рождением Нового Вавилона», Советской России, которая просуществовала ровно столько, сколько предвидел пророк.

Октябрьскую революцию Нострадамус упоминает не единожды. В своих «Предзнаменованиях», помеченных месяцами, об октябре он говорит следующее:

Вот месяц, страшный своими ужасами,
Принесенные красным стягом смерть, болезнь, голод,
Гражданская война:
Противники будут осуждены на изгнание,
И нельзя будет контролировать смерть Великих,
Которая останется секретом.

(Предзнаменование 89, октябрь)

Расшифровки, очевидно, не требуется: революция 1917 года, последовавшая за ней гражданская война, тайный расстрел царской фамилии, который совершается как бы без чьего-либо ведома...

Более того, если внимательно изучить текст послания Нострадамуса Генриху II, королю французскому, в котором и содержится вышеприведенное предсказание об октябрьской революции, то можно найти не менее потрясающие пророчества. Нострадамус прямо говорит, что уже после октябрьской революции два народа «будут продолжать поход на Восток Европы; но здесь их силы будут остановлены превосходящей мощью противника... Германия падет, и варварская дружина будет совсем изгнана из латинских пределов. Тогда великая империя Антихриста воскреснет с восхождением нового Аттилы...»

И ведь правда, в нескольких словах здесь изложена история Второй мировой войны: два народа — Германии и Италии, поход на восток, где они остановлены противником, падение Германии, демилитаризация ее «варварской дружины», торжество великой империи Антихриста — СССР и восхождение к вершинам славы нового Аттилы — Сталина...

Не случайно, что Нострадамусом мы стали зачитываться в конце восьмидесятых — начале девяностых годов, в наше «судьбоносное» время. К нему всегда обращались европейцы в смутные периоды своей истории, заново открывая его для себя. Его труды активно использовала гитлеровская пропаганда, чтобы доказать неизбежность победы Третьего рейха. А англичане и французы использовали пророка для обоснования противоположного тезиса. Нострадамусом зачитывались и в период Великой Французской революции, и наполеоновских войн. Словом, на всех поворотах европейской истории Нострадамус, как, впрочем, любой другой «классик», использовался для пропагандистского обоснования совершенно противоположных тезисов.

Итак, кто же он, Мишель Нострадамус? Он родился 14 декабря 1503 года на юге Франции, в Провансе, в небольшом городке Сен-Реми в еврейской семье, принявшей крещение уже после рождения Мишеля. Три столетия спустя в такой же еврейской семье родится еще один будущий пророк, также крещенный в христианство уже позже. Речь, конечно, о Карле Марксе...

Отец Мишеля — нотариус. По преданию, предки его были врачами при дворе анжуйского короля Рене. В те времена врачи выполняли роль советников, иногда даже министров. Словом, в венах Мишеля текла древняя кровь образованных людей. Уже в детстве Мишель

обращал на себя внимание редкими талантами — логикой, сообразительностью, способностью к языкам. Его дед Жан обучил его латыни, греческому и еврейскому языкам, математике и астрологии.

Посланный в Авиньон учиться философии, которая в те времена включала в себя и астрологию, Мишель быстро начинает делать успехи. Он отличается удивительной, божественной памятью и вскоре начинает превосходить учителей. В те времена астрология была прежде всего астрономией, и Нострадамус, за сто лет до Галилея, воспринял учение Коперника о том, что Земля круглая и вращается вокруг Солнца. Это было, естественно, опасной ересью, и родители не могли не тревожиться за юного вольнодумца.

Инквизиция свирепствовала всюду, а как крещеный еврей Нострадамус был особенно уязвим. Поэтому отец посылает его учиться еще дальше, в Монпелье. Причем отец выбирает для сына менее опасное, чем философия, поприще — медицину. Приехав в 1522 году в Монпелье, Нострадамус и во врачебном ремесле делает блестящие успехи и вскоре сам становится профессором университета. Уже в 22 года он завоевывает славу как один из немногих врачей, осмеливающихся бороться с чумой. Он использовал нетрадиционные методы, чем снискал себе опасную славу чародея. Еще в Авиньоне Нострадамус пристрастился к изучению оккультных наук, благо тамошняя библиотека была богата древними книгами. Но пока его дар пророка остается для окружающих, да и для него самого тайной.

Мишель успешно продвигается по избранной стезе. Он с блеском защищает диссертацию и становится доктором медицины, что по тем временам было выдающимся достижением. Доктора наук были наперечет! Молодой талантливый ученый обращает на себя внимание многих отцов, имеющих дочерей на выданье. Да и сами девушки заглядываются на высокого, хорошо сложенного юношу с серыми глазами и орлиным носом. Но Нострадамус сторонится их, утверждая, что никогда не женится.

Однако вскоре он почему-то меняет решение и вступает в брак. О его первой жене ничего не известно, кроме того, что она была из хорошей семьи, очень красива и родила ему сына и дочь. Остепенившись — во всех смыслах этого слова — доктор Нострадамус продолжает со все большим успехом практиковать медицину. Но вновь на юг Франции приходит чума. Она не только уносит всю семью Нострадамуса, она ставит под сомнение его репутацию врача. Действительно, не смог же он спасти собственную жену и детей... Казалось бы, удача отвернулась от Мишеля, но он твердо верит, что вскоре обретет известность на новом поприще.

Оставшись вновь один, Нострадамус начинает много путешествовать — по югу Франции, Лотарингии, в Венецию, на Сицилию. Для него это — уникальная возможность познакомиться с лучшими представителями своей профессии, научиться от них новому. Нострадамус легко сходится с людьми и быстро завоевывает их расположение. Он отличается исключительной трудоспособностью. Он спит 4–5 часов в сутки, а остальное время проводит, составляя новые рецепты лечения болезней, читая древние рукописи.

В отличие от многих других предсказателей будущего, Нострадамус, бесспорно, ученый, а не авантюрист. Он искренне верующий католик, следующий заповедям церкви, но в своей работе, он, конечно, использует средства, ею не дозволенные. Нострадамус изучает запретные рукописи египтян, халдеев, других народов. Как бы он ни отрицал это публично, для того, чтобы увидеть будущее, Нострадамус прибегает к магии и колдовству.

В этот период и начинает расти его известность провидца. Легенда гласит, что во время пребывания в Италии он столкнулся с молодым монахом, выполнявшим обязанности пастуха, и низко поклонился ему, назвав «Ваше святейшество». Много лет спустя, уже после смерти Нострадамуса, этот юноша стал папой Сикстом V.

В 1545 году Нострадамус решает обосноваться в Марселе, где вскоре начинается страшная чума. Многие врачи из страха заразы покидают своих больных, но Мишель остается и лечит. Он проявляет хладнокровие, мужественность и решительность. Его слава вновь растет, целые города, такие, как Лион, когда сталкиваются с эпидемиями, посылают за Нострадамусом, и он помогает.

Был ли он как врач действительно чародем? Наверное, нет. Его рецепты, по сегодняшним меркам, были исключительно просты — первым из европейских врачей он осознал важность простейших мер гигиены и санитарии, которые помогают обуздать эпидемии. Он прописывал своим больным свежий воздух, незараженную воду, чистоту. В те времена, когда Европа прочно забыла традиции Римской империи с ее банями и общественными туалетами, деньги от которых «не пахнут», санитарное состояние городов было просто ужасающим. Все это, естественно, способствовало развитию эпидемий. Нострадамус одним из первых понял это, но его рецепты в те времена казались нетрадиционными и даже опасными.

Наконец, Нострадамус после своих странствий обосновывается в городе Салон. Он берет новую жену — богатую вдову по имени Анна, которая родит ему трех сыновей и трех дочерей. Сорока семи лет отроду Нострадамус начинает писать свои Предсказания, которые впервые издает в неполном виде в 1555 году.

Предсказания состоят из десяти центурий, каждая из которых должна содержать 100 четверостиший. Однако седьмая центурия по неизвестным причинам осталась неполной; ее, правда, завершает упоминавшееся выше послание Генриху II, которое традиционно именуется Большим Апокалипсисом Мишеля Нострадамуса. Четверостишия написаны иноязычным языком, их словарь включает не только французские и прованские слова, но и латынь, греческий и еврейский языки. В них много анаграмм, требующих расшифровки. Для того, чтобы избежать преследований инквизиции, Нострадамус, по его собственному признанию, сознательно нарушил хронологический порядок стихов, с тем чтобы они стали тайной для непосвященного.

Наверное, не случайно, что пророчества Нострадамуса появились в середине XVI века. Если рассматривать второе тысячелетие нашей эры как период существования современной Европы, ведя отсчет от Карла Великого, то где-то посередине. Уже проявились законы развития европейской истории, и Нострадамус, ученый и пророк одновременно, сумел познать их, воплотить в необычной форме, форме сознательно зашифрованных стихов.

Что же представляет собой Европа в середине XVI века? Ее карта в основном уже сформирована, сложились нации, не все они, как немецкая или итальянская, обрели свою окончательную государственную форму, но они уже существуют. Словом, Европа уже далеко ушла от своего единства. Ей уже знакомы войны между нациями, войны за чужие территории, за наследство, войны во имя восстановления былых империй. Но Европа пока не знает, наверное, самых страшных войн — войн на почве убеждений.

Они вот-вот начнутся, страшные религиозные войны, когда брат будет убивать брата не потому, что он хочет отнять у него что-либо или что тот его чем-то обидел — в этом есть хоть страшная, но житейская логика, — а просто потому, что тот думает несколько иначе. Читатель может удивиться: но ведь то же самое происходило в период христианизации Европы, когда вера в Иисуса насаждалась огнем и мечом, когда тот же Карл Великий тысячами убивал непокорных саксов-язычников. Да, это так — и не совсем так.

Христиане и язычники не были братьями во Христе, они поклонялись совсем разным богам, и, как правило, принятие христианства, пусть насильственное, означало для язычников скачок к цивилизации. Религиозные же войны ужасны тем, что в них противостоят друг другу люди, верующие в одного бога, но чуть по-иному. Бога, кстати, сказавшего: «Не убий»... Войны с инакомыслием будут

отныне преследовать Европу вплоть до наших дней. При этом страшный парадокс: европейские государства достаточно спокойно будут сосуществовать с инакомыслием за своими пределами, но огнем и мечом истреблять его у себя дома. То, что простительно чужому, непозволительно своему...

Примечательно, что раскол церкви на католическую и православную в XI веке не вызвал войн. Наверное, потому, что он прошел по и без того существовавшей в Европе границе между Западом и Востоком, и православными оказались в общем-то чужие для Западной Европы народы Византии. На протяжении столетий европейские монархи, убивая собственных еретиков, с легкостью будут идти на политические альянсы с владыками другой веры. Родина Нострадамуса, Франция, будет вступать в альянсы с мусульманской Оттоманской империей, направленные против европейцев-христиан. Еще более страшные примеры двойного стандарта даст XX век...

Итак, Европа, и прежде всего Франция, родина Нострадамуса, стоит на пороге религиозных войн. Чтобы понять их истоки, нужен краткий экскурс в историю религии. XVI век — век реформации христианства. Реформа, однако, отнюдь не означает изменение предыдущего или создание чего-то нового. Изначальный смысл этого слова — обновление, возвращение к истокам. Но в европейской истории реформы, то есть возврат к истокам, всегда вели к окончательному крушению старого. Реформа церкви завершилась ее новым расколом, реформа Советского Союза — его распадом, обновление социалистической идеи — ее крушением.

Инициаторы церковной реформы: Мартин Лютер, Гус, Кальвин, как мы уже знаем из рассказа об Эразме, хотели очистить церковь от позднейших наслоений, вернуться к простоте, равенству первых христиан, избавиться от «скверны». Они предложили свое прочтение заветов отцов-основателей церкви и главное, оспорили роль папы.

Реформа самым тесным образом связана с одним из величайших изобретений человеческого гения — книгопечатанием. Пока книги были недоступны большинству не просто населения, но даже и священнослужителей, ересь не могла родиться, ей не от чего было оттолкнуться. Книгопечатание, сделав священные тексты доступными для всех желающих к ним прикоснуться, сделало возможным их альтернативное прочтение. Каждый отныне был волен толковать их по-своему. У истоков реформы, следовательно, Пугенберг.

Церковь быстро поняла опасность печатного слова, она не могла запретить издание священных книг, что было бы самым надежным методом борьбы с ересью, но немедленно, всего через сто лет после

изобретения книгопечатания, в 1542 году, ввела списки запрещенных книг.

Тоталитарные режимы будут всегда в истории Европы бояться средств распространения знаний. В XX веке будут сначала регистрировать пишущие машинки, затем охранять ксероксы и принтеры. И всегда, во все эпохи, рывок к демократии и свободе будет идти параллельно прогрессу в облегчении доступа к новейшим средствам печатной техники.

Начавшись как чисто духовное движение, реформаторство, протестанство постепенно оказались вовлеченными в сферу большой политики. Раскол церкви окончательно похоронил единство Европы, которая уже была Европой наций, но по-прежнему была единой идейно, признавая верховенство папы римского в духовной сфере.

На севере континента — в Скандинавии, в Германии — протестанство стало выражением национального самосознания и способствовало становлению наций и государств. Немцы вообще не отличались особой религиозностью, поскольку традиционно, по воле своих императоров, были вынуждены вести борьбу с римскими папами, что, бесспорно, способствовало процветанию различных ересей.

Раскол церкви как бы завершил крушение империи Карла Великого, поскольку даже ее осколок, Священная Римская германская империя, перестал быть единым. В Германии местные принцы увидели в протестанстве возможность уйти от власти императора, и многие из них сделали его своей официальной религией.

Даже Великий магистр Тевтонского ордена, Альберт Бранденбургский, который, казалось бы, с мечом в руке должен был первым карать вероотступников, принимает лютеранство. Почему? Да потому, что это позволяет ему «приватизировать» земли ордена, превратить их в обычное светское герцогство и сделать его наследственным владением своей семьи!

Наблюдающие за происходящим немецкие католические принцы требуют от императора положить конец бесчинству и жестко выступить против сторонников новых веяний. Но Карлу V, поглощенному борьбой с королем Франции и турками, осадившими Вену, не до германских дел. Идеи лютеранства распространяются все шире. И следующий император был вынужден признать свершившийся факт, и германская империя оказалась конгломератом католических и протестантских государств, властители которых стали более независимы от императора и папы, чем это было ранее.

Интересна история Маастрихта, который еще до того, как стал символом объединения Европы XX века, был в средние века при-

мером редкого тогда сосуществования двух религий. Маастрихт одновременно подчинялся юрисдикции католического епископа и протестантского принца.

В испанских Нидерландах протестантство стало флагом, под которым объединились сторонники национальной независимости. Первая в истории буржуазная революция свершилась под флагом борьбы за свободу вероисповедания, но порождена была стремлением освободиться от гнета Габсбургов, ставших хозяевами этих краев вследствие замужества Марии Бургундской. И посланный королем испанским герцог Альба и инквизиторы карали не только, да и не столько за религиозную ересь, сколько за стремление к свободе. Как известно, Испании удалось сохранить контроль только над своими южными владениями, будущей Бельгией, ныне католической страной.

Северные же территории провозгласили себя республиками и создали семь «объединенных провинций». Достигнув независимости, они тут же отказались от религиозного фанатизма. Приняв протестанство как официальную религию страны, тем не менее они высказались за терпимость и либерализм в вопросах вероисповедания. Эта терпимость и стала залогом процветания Нидерландов, которые стали домом для изгоняемых из южных Нидерландов и других стран протестантов, евреев и других «еретиков». Правда, будучи терпимы в религии, голландцы оказались весьма коварны в экономике. Одним из первых их актов по отношению к южным Нидерландам, с которыми еще вчера они были одним народом, оказалось закрытие устья реки Шельды. Стоящий на ней Антверпен перестал быть северными морскими воротами Европы и пришел в упадок. Его место тут же занял голландский Амстердам, обретший благодаря этому богатство.

Самые страшные последствия религиозный раскол имел, однако, там, где крушить что-либо уже не было необходимости — во Франции, которая ранее многих других европейских стран сформировалась как единая нация и к середине XVI века уже имела прочную государственность, достаточно обоснованные внешние границы. Здесь религиозная ересь стала оружием в руках узкой кучки политиков, которые использовали стремление народа к «настоящей», «справедливой» церкви для удовлетворения собственных политических амбиций. Высшая знать мечтала с помощью религиозного фанатизма ослабить позиции короля и вернуть себе утраченные феодальные привилегии. Этим принципам не столь важны были каноны церкви, они просто хотели прийти к власти любой ценой.

Спустя четыреста лет очередная реформа «правящей идеологии» станет для политиков оружием в их борьбе за высшую власть, но, в отличие от Франции, им удастся развалить единую страну. Речь, увы, о нас...

Но вернемся теперь к Нострадамусу. В 1558 году появляется полное издание книги, получившей немедленную известность. Еще бы, в одном из четверостиший Нострадамус предсказывает смерть короля Франции.

Молодой лев победит старого

В странном поединке на ратном поле.

Он ему проколет глаз через золотую клетку:

Две раны в одной, затем мучительная смерть. (I, 35)

Не проходит и года, как в 1559 году, по случаю двойного бракосочетания в королевской семье — дочери Генриха II с герцогом Савойским и сестры Генриха с королем Испании Филиппом II, в Париже устраивается торжественный рыцарский турнир. В первые два дня король одерживает победы во всех своих поединках, но на третий, когда он вызывает на поединок капитана своей шотландской гвардии Монтгомери, происходит трагедия. Молодой офицер по неосторожности не успевает вовремя отвести копьё, протыкает позолоченный шлем короля и поражает его в глаз и лоб. Конец короля мучителен — он страдает десять дней. «Старому льву» — Генрих часто использовал символ льва как свою эмблему — было сорок, Монтгомери был его младше на семь лет.

Пророчество, как видим, сбылось полностью. Неизвестно, как бы сложилась судьба Нострадамуса, если бы в тот момент королевой Франции не была Екатерина Медичи, с почтением относившаяся к магии, ворожбе и прочим таинствам и считавшая, что с ними надо не бороться, а ставить себе на службу. Еще до того, как Генрих II погиб на турнире, в 1556 году, Нострадамус был приглашен в Париж, обласкан королевской четой, имел долгую беседу с Екатериной. Флорентийку интересовало прежде всего предсказание, что среди ее детей будет четверо королей. Мишель подтвердил его, однако не сказал, как долго процарствуют ее дети. И действительно, в будущем четырежды корона будет возлагаться на сыновей Екатерины — сначала на голову Франциска II, затем Карла IX, и дважды — на голову Генриха III, который успеет побывать и королем Польши, и королем Франции.

По возвращении домой из Парижа Нострадамус начинает вести более замкнутый образ жизни, поскольку даже явное королевское

покровительство не может спасти его от обвинений в колдовстве. Его тревожит внимание, которое проявляют к нему члены созданного совсем недавно, в 1548 году, Ордена Иезуитов. Когда же в 1559 году Генрих действительно погибает на турнире, обвинения со стороны церковников начинают звучать все громче. Год спустя реализуется еще одно пророчество Нострадамуса:

Первый сын, неудачный брак,
Бездетная вдова, начало вражды двух островов.
Еще не достигнув восемнадцати лет помолвлен,
Но следующий будет помолвлен еще раньше. (X, 39)

После смерти Генриха II королем Франции становится его старший сын Франциск II, женатый на Марии Стюарт. Брак был недолг и бездетен. Овдовев, Мария возвращается на родину, что вскоре вызовет раздор между Шотландией и Англией, двумя государствами на острове. Франциск умирает, не достигнув восемнадцати лет, nasledовавший ему брат, Карл IX, был помолвлен в возрасте одиннадцати лет с Елизаветой Австрийской.

Совпадение пророчества и реальности повергает Францию в шок, Нострадамус становится, прежде всего в глазах церкви, не просто опасным магом, но почти что дьяволом. От преследований его вновь спасает расположение Екатерины Медичи. В 1564 году, совершая вместе с малолетним Карлом IX путешествие по Франции, Екатерина специально приезжает к Нострадамусу, посещает его дом, одаривает деньгами и почестями. Легенда гласит, что во время этого визита Нострадамус заинтересовался мальчиком в королевской свите и попросил разрешения взглянуть на его родинки. Ребенок застенялся и убежал. Но Нострадамус проявил настойчивость и пришел взглянуть на мальчика, когда тот спал, и провозгласил, что он будет королем Франции. Это показалось всем нелепицей: у Карла IX, даже если бы он умер бездетным, подрастало еще два здравствующих брата, которые, в свою очередь, могли обзавестись многочисленным потомством. Мальчик же был родственником короля всего в двадцать втором колене! Пророчество, однако, сбылось четверть века спустя, когда подросший мальчик, родственник королевской династии Валуа, стал королем Франции — Генрихом IV.

Именно приход к власти несколько раз менявшего веру Генриха IV из рода Бурбонов и завершил кровопролитный период религиозных войн во Франции, примирил католиков и протестантов. Во многом, однако, здесь заслуга его предшественника, Генриха III, последнего короля из династии Валуа.

Генриха III мы представляем — в основном по «Королеве Марго» Дюма — как изнеженного, феминизированного, «голубого» монарха, не сделавшего ничего для блага страны. На самом деле это был один из самых мужественных правителей, каких знала европейская история. Он первым поверил в незыблемость права. В те времена существовало, конечно, только одно право — право наследования короны. Законным наследником бездетного Генриха III был ближайший кровный родственник — Генрих Наваррский, весьма неудобный наследник — протестант, иноверец.

Сложившаяся в тот момент во Франции Католическая Лига, можно сказать, первый прообраз политической партии, формально поддерживая короля, тем не менее стремилась заставить его изменить существующий порядок наследования, с тем чтобы корону мог унаследовать только католик. Тон в Католической Лиге задавали сами рвущиеся к трону Гизы, считавшие французского короля мягкотелым и менее католиком, чем они сами. Они считали, что с помощью Лиги, достаточно массового движения, заставят короля признать их наследниками. Гизы распространяют по всей Франции генеалогические таблицы, доказывающие, что их род происходит от Карла Великого, а следовательно, они имеют больше прав на престол, чем Бурбоны. Но Генрих III устоял. Он понимал, что даже единственное нарушение сложившегося за века порядка приведет к анархии. Нравится он или нет, но Генрих Наваррский, и только он, — законный наследник французской короны.

Можно сказать, что Генрих III являлся проповедником высшего принципа демократии, хотя демократии тогда и не было, — закон выше всего. И другого непреложного принципа — закон нельзя менять только для того, чтобы подстроиться под конкретную политическую ситуацию. Возможно, Генрих III помнил, на какие страдания обрекло Францию предыдущее изменение закона о престолонаследовании, когда для того, чтобы устранить от престола малышку Маргариту, дочь Людовика X, в законном происхождении которой у всех были серьезные сомнения, было вообще принято решение, что женщина не может править Францией. Последовавшая затем Столетняя война между Францией и Англией стала карой за отступление от закона во имя удовлетворения сиюминутных политических амбиций.

Генрих III понимал это. И, чтобы обезопасить страну, подослал убийц к главе Лиги, Генриху Гизу, что, кстати, также было предсказано Нострадамусом:

Король убьет своего друга в Блуа,
Власть окажется в двойном сомнении. (III, 55)

За свою твердость король Франции заплатит жизнью — в свою очередь он падет от кинжала ревностного католика. И Франция окажется в «двойном смятении» — есть законный наследник, но он придерживается веры меньшинства. Но твердость Генриха III и гибкость Генриха IV спасут единство страны. Франция все равно осталась католической, поскольку Генрих IV, как мы знаем, понял, что «Париж стоит мессы».

А всего с 1562 по 1598 год Франция пережила девять религиозных войн. Может быть, Нострадамус, зная об этом, и умер так рано, чтобы не видеть, как француз будет убивать француз. В 1566 году Нострадамус почувствовал приближение смерти. Говорят, он точно предсказал ее день и час — 2 июля 1566 года.

Французские короли всегда с уважением относились к Нострадамусу, его могилу посещали Людовик XIII и Людовик XIV. Причем последний тогда, когда свершилось еще одно из блестящих пророчеств, о том, что «Лондонский сенат осудит на казнь своего короля». Как известно, Карл I был казнен в 1649 году.

С каждым десятилетием, когда сбывалось все больше и больше пророчеств Нострадамуса, слава его росла: и добрая, и опасная. Наверное, никого в истории столь истово не превозносили как гения и одновременно столь же страстно не клеймили как шарлатана. Нострадамус внушал многим страх, особенно когда его пророчества стали сбываться одно за другим. И чтобы преодолеть этот ужас перед неведомым, многие европейцы пытались просто отмахнуться от того, что не укладывалось в их к тому времени сложившиеся представления о мире.

Если бы Нострадамус родился веков на пять раньше, его, наверное, причислили бы к лику святых. Но многие его современники предпочитали считать его шарлатаном. Окружавший Нострадамуса мир Возрождения истово боролся со средневековыми предрассудками и старался разучиться верить в чудеса и предсказания. Чем дальше взрослело человечество, тем громче звучали голоса тех, кто называл Нострадамуса обманщиком. К концу XVIII века о Нострадамусе почти забыли.

Прозрение пришло во время Великой Французской революции, с точностью до года предсказанной пророком. «Год 1792 станет возобновлением века». Действительно, в 1792 году, после казни Людовика XVI, также предсказанной Нострадамусом, Франция провозгласила новое летосчисление — Первый год республики.

Нострадамус точно предсказал многие события французской и европейской истории: появление Наполеона и Гитлера, имена ко-

торых в форме анаграмм встречаются в его сочинениях, казнь Людовика XVI, а еще раньше — Карла I в Англии. С точностью до года он предсказал создание Пастером своего знаменитого института. Эти предсказания достаточно многочисленны и настолько точны, что их нельзя считать случайными совпадениями. И все-таки большинство предсказаний довольно туманны и могут быть интерпретированы по-разному.

И не исключено, эти туманные предсказания — самые интересные. Поскольку они, возможно, отражают некоторые закономерности европейской истории и могут сбываться неоднократно, в разных временах и странах. Есть масса пророчеств Нострадамуса, которые можно толковать по-разному, в зависимости от того, кто их толкует — француз или англичанин, немец или русский.

Огромная звезда будет гореть семь дней,
Дым заставит солнце двоиться.
Огромный зверь будет выть всю ночь,
Когда великий Понтиф сменит почву. (II, 41)

Традиционные толкователи связывают это пророчество с 1986 годом, годом прохождения кометы Галлея. Отталкиваясь от этой даты, в конце семидесятых годов многие зарубежные исследователи не исключали возможности начала в этом году ядерной войны. Войны в 1986 году, слава Богу, не случилось. Случился Чернобыль... Не звезда ли Чернобыля горела семь дней?

В этой же центурии есть еще одно предсказание Чернобыля:

На восходе увидим огромный огонь,
Шум и свет охватит Аквилон.
В замкнутом кругу смерть и слышны крики.
Ждет смерть от оружия, огня, голода. (II, 91)

Аквилон для Нострадамуса — это Россия. Смерть людей внутри атомной станции стала предвестницей смертей от оружия, огня и голода в Чечне, да и в других «горячих точках» СНГ. В других четверостишиях эта тема продолжается, Нострадамус прямо описывает последствия радиации, атомного взрыва.

Мабус вскоре умрет и придет
Страшное уничтожение людей и животных.
Внезапно откроется вражда,
Жажда, голод, когда пройдет комета. (II, 62)

Нострадамус знал, что обычно болезни не убивают людей и животных одновременно. А радиация — убивает, что и случилось пос-

ле Чернобыля. Но кто такой Мабус? Может быть, это сокращение имен советского руководства? Машеров, Андропов, Брежнев, Устинов, Сулов... Ведь именно после смерти «старой гвардии», в год кометы Галлея, случился Чернобыль, а уже после него последовали трагические события на пространстве СССР, когда открылась вражда между народами, наступил голод.

Или еще одно потрясающее четверостишие:

Еретический закон падет,
 На смену ему придет иной, более привлекательный:
 Первым его воспримет Днепр,
 Уступив дарам и сладким голосам. (III, 95)

Действительно, если еретический закон — коммунизм, то его закат начался с Днепра, ведь прологом крушения СССР стал референдум на Украине, которая в тот момент верила, что, став «незалежной», тут же попадет в щедрые объятия Запада. Вполне вероятное толкование. Или еще один пример:

Новый закон появится на оккупированных землях
 В районе Сирии, Иудеи и Палестины.
 Великая варварская империя падет еще до того,
 Как кончится век Солнца. (III, 97)

Советская империя пала еще до конца XX века, века Солнца. Одновременно на Ближнем Востоке начался процесс мирного урегулирования, создания палестинской автономии на оккупированных землях.

А вот еще пророчество:

Перемены будут трудными,
 Города, провинции от них выиграют:
 Осторожный высокопоставленный человек будет изгнан
хитроумным.
 Море, земли, народы поменяют свою принадлежность. (IV, 21)

Перестройка действительно была трудной, но в ее итоге «провинции» выиграла, став «суверенными государствами». «Осторожный» Горбачев был лишен власти «хитроумным» Ельциным; народы, земли, моря бывшего СССР поменяли свою государственную принадлежность. Что можно возразить против такого толкования? Французы, конечно, толкуют это по-своему, как события периода 1940–1941 года, когда де Голль был изгнан в Англию. Но это лишь подтверждает мою веру в то, что пророчества Нострадамуса могут сбываться неоднократно, поскольку они отражают закономерности истории.

Нострадамус предсказал сближение в конце XX века СССР и США.

Когда власть будет оставлена двоим, они удержат ее недолго,
Через три года и семь месяцев они начнут войну.

Против них восстанут двое.

Победитель будет рожден в Америке. (IV, 95)

Сближение СССР и США, Горбачева и Рейгана, явно было продемонстрировано в 1986 году, когда мы приняли американскую помощь в момент Чернобыля. Рейган и Горбачев, действительно, достаточно быстро лишились власти — первый в 1988, второй — в 1991 году. Прибавив к 1986 году три года и семь месяцев, мы абсолютно точно получаем конец 1990 года, когда две сверхдержавы впервые стали союзниками — сначала в войне против Ирака, затем в ходе югославского конфликта. От этого выиграла Америка.

Нострадамус, однако, утверждает, что союз между двумя великими державами будет не вечен и продлится только тринадцать лет.

Двое не останутся союзниками долго;

Через тринадцать лет они уступят варварской власти.

Потери будут страшными с обеих сторон,

И одна благословит скипетр святого Петра. (V, 78)

Нострадамус прямо говорит, что альянс двух сверхдержав, сложившийся благодаря крушению коммунизма, продлится всего тринадцать лет. Отсчет, как уже говорилось ранее, я начинаю с 1986 года. Следовательно, в 1999 году начнется конфликт, порожденный варварской силой.

Но еще до этого, утверждает Нострадамус, падет великая стена:

Королевская птица над городом Солнца

Семь месяцев будет предупреждать ночью.

Стена на Востоке падет, гром и молнии.

Через семь дней враги будут у ворот. (V, 81)

Берлинская стена после нескольких месяцев народных волнений, ночных манифестаций падет среди торжественных фейерверков, через несколько дней бывшие враги будут праздновать конец холодной войны у Брандербургских ворот...

А что же будет с Европой, со всем миром дальше? А будет год 1999, упоминавшийся уже мною выше:

В году 1999 и семь месяцев

С неба придет Великий король ужаса.

Он вернет к жизни Великого короля Монголов.

До и после войны счастливое правление. (X, 72)

Здесь Нострадамус прямо предсказывает приход Антихриста и конец нынешнего политического устройства как следствие прихода нового владыки с Востока — Монголией в те времена именовалось все, что за Уралом. У Нострадамуса в его предсказаниях не так много дат из названных цифрами, а не через астрологические символы, практически всего две. Первая — 1792 год, год «возобновления века», что сбылось с Великой французской революцией, вторая — 1999 год — приход Антихриста и начало войны. Наверное, сбудется и оно.

Что же, Нострадамус предсказал конец света? Как ни грустно, я думаю, да. Но он предсказал конец «этого» света, но не света вообще. Он предсказал, что грядет новая цивилизация. Все цивилизации считают себя бессмертными, но увы... Только развалины храмов, амфитеатров и гигантских акведуков напоминают о великом Риме, равно как пирамиды Гизы и обелиски Фив — о древнем Египте. Современные Италия и Египет — лишь географически преемники Рима и Египта, но это другие страны, это иные цивилизации.

Нострадамус, полагаю, предсказал конец Европы, но той Европы, в которой он жил, Европы империй, Европы монорелигии, Европы христианской. Его предсказание свершается — исчезают последние империи. Крах СССР — это конец империи российской, хотя и возрождение российской государственности. Трагедия Югославии, распад Чехословакии — это последняя точка в крушении империи Габсбургов, дающая государственность тем, кто не смог ее получить после Первой мировой войны.

Одновременно мы видим закат католицизма, менее явный, но не менее серьезный. Католицизм уже более не объединяющая религия континента. Даже христианство как таковое уже перестает быть духовной основой Европы. Достаточно вспомнить конфликт в Боснии, когда симпатии европейцев, причем не только политиков, но и обычных граждан, оказались на стороне не христиан, а мусульман. Именно усилиями западных политиков в Европе, в Боснии, создается мусульманское государство!

Словом, на смену христианской, имперской Европе идет новая Европа, идет через страшные катаклизмы и войны, и не все из них, боюсь, еще позади... Но, как сказал Нострадамус, — до и после войны будем жить счастливо... Кончается эра Рыб, эра революций, мир вступает в эру Водолея.

Труд Нострадамуса — это не футуристические прогнозы, это просто История, рассказанная заранее...

ПЕТР ВЕЛИКИЙ: Реформатор Третьего Рима

Мы стали гражданами мира, но перестали быть в некоторых случаях гражданами России—виною Петр.

Н. М. Карамзин

Гений Петра выказался в ясном уразумении положения своего народа... Он сознал, что его обязанность—вывести слабый, бедный, почти неизвестный народ из этого печального положения посредством цивилизации.

С. М. Соловьев

14. ПЕТР ВЕЛИКИЙ: РЕФОРМАТОР ТРЕТЬЕГО РИМА

Если всемирная история делится на период до рождения Христа и после него, то история России — на эпоху до Петра Великого и после него. Впрочем, последнее замечание относится к истории всей Европы. В допетровские времена никому в голову не приходила дикая мысль дискутировать, является Россия частью Европы или нет. «Цивилизованные европейцы» твердо считали Россию отдаленной варварской державой, находящейся под властью деспотов, характер и нравы которых мало изменились со времен татаро-монгольских нашествий.

Да, с Россией торговали, равно как торговали с Индией, Китаем или Персией — государствами, ничем не связанными с цивилизацией европейской. Но никто не стремился к союзу с Россией, которая была вне европейской политики, европейских альянсов, ссор, войн. Словом, Россия была где-то далеко. Россия была Азией... Не будь Петра, возможно, и сегодня в голову бы никому не приходило, что мы — неотъемлемая, хотя и очень самобытная, часть общей европейской цивилизации.

Пройдет совсем немного времени после смерти Петра, как русские славянофилы обрушатся на императора-реформатора. Они будут возмущаться тем, что царь осуществлял реформы, противоречащие национальному духу, изуродовал Россию, нарушил преемственность русской истории, презирал Россию и ее прошлое. А потому дело его проклято...

Любых реформаторов неизбежно поджидает жестокий суд истории. Потомки всегда пытаются найти в их творениях уязвимые места. Одни утверждают, что реформы надо было проводить не так, а иначе, другие — что следовало проявлять гуманизм, третьи — что не стоило спешить, четвертые — что реформы вообще были вредны. История не знает великих реформаторов, которые бы однозначно восхвалялись потомками.

Участь Петра еще более незавидна — не просто его реформы, сама его личность вызывает разноречивые, порой исключительно жестокие оценки. Действительно, можно ли оправдать необходимостью «цивиловать» Русь смерть тысяч замученных стрельцов,

гибель тысяч крестьян на болотах Санкт-Петербурга, смерть наследника-цесаревича?

Парадоксально, что «цивилизованные иностранцы», которые, казалось бы, первыми должны были осуждать Петра за многие его действительно бесчеловечные поступки, всегда были более снисходительны. Со стороны, наверное, было легче по достоинству оценить титанические масштабы того бремени, которое взвалил на себя Петр, и беспристрастно засвидетельствовать разительный контраст между допетровской Русью и новой российской империей.

Во время траурного заседания в память Петра в Парижской академии наук будут произнесены пророческие слова: «Деспотизм законен, если он служит идеям прогресса». Прусский король Фридрих II, которому было всего тринадцать, когда скончался Петр, напишет, что тот «заставил Европу уважать свою страну и ее достоинства». Да, до Петра Россия никому не внушала ни любви, ни уважения, ни даже страха, а только безразличие...

...В конце XVII века Россия страшно отстает в своем экономическом и духовном развитии от Западной Европы. Примитивное сельское хозяйство, практически полное отсутствие промышленности, необученная и из рук вон плохо вооруженная армия, невежественная и ленивая знать, нищий и забитый народ — вот та Россия, которая является нам в блестящую эпоху расцвета Западной Европы, уже познавшей Возрождение, Реформацию, промышленную революцию. На Руси же нет ни школ, ни университетов, никто не слышал о геометрии или астрономии. В чем причина столь грустного контраста? Ведь, рассказывая о судьбе Анны Ярославны, я говорила, что в начале XI века Русь не только не отставала, а напротив, опережала в своем развитии запад континента. В нашествии татаро-монголов, прервавшем на два с лишним века нормальное развитие цивилизации, считает большинство историков. То, что потом удастся наверстать последним Рюриковичам, в первую очередь, Ивану III, затем подрывается Смугным временем, вновь погружающим Россию в пучину страданий.

Но бедной, слабой, невежественной считают Россию лишь иностранцы, которым удастся добраться до этого отдаленного края. Сама Россия твердо верит в свое величие и предназначение оставаться Третьим Римом, единственным оплотом истинной веры. Россия не завидует Европе и не испытывает «комплекса неполноценности». Она о Европе мало что знает. Тому способствует строжайший запрет россиянам выезжать из страны без особого разрешения самодержца.

Никогда в российской истории не будет такого прочного железного занавеса! Нельзя не только выезжать из страны, нельзя даже заочно знакомиться с чужой культурой, с иным образом жизни. Ведь так можно впасть в латинскую ересь, погубить душу! В 1672 году издается указ, запрещающий россиянам владеть любыми книгами на латыни или на польском языке. Запретные тома нужно сдать властям. Но в принципе указ излишен — число грамотных людей ничтожно. Однако сам автор указа, царь Алексей Михайлович, прекрасно образован, много читает. Но западную культуру он намерен держать под замком. Все это, разумеется, не способствует развитию науки и просвещения.

Конечно, в Европу время от времени выезжают посольства. Но это целые события, которые заносятся в летописи как знаменательные факты. Например, Иван Грозный направляет миссии в Венецию, Рим, Вену, Лондон, Константинополь, Стокгольм. Более или менее постоянные контакты осуществляются с Персией, Китаем, Польшей. Но российские посольства — скорее торговые миссии. Из Византии русские государи взяли обычай снабжать послов ценными предметами — мехами, золотыми и ювелирными украшениями, которые те продавали по дороге, чтобы покрывать расходы, да и чтобы купить и привезти обратно в Москву различные заморские диковинки. Более того, царь имел монополию на внешнюю торговлю, поэтому подобные посольства преследовали подчас откровенную цель пополнить царскую казну.

Но торговля с Западом практически равна нулю. Причина — в географии. Россия, потенциально богатая страна, зажата со всех сторон недружественными соседями — Польшей, Швецией и Турцией. В итоге торговать с Европой через Балтику ей мешают шведы и датчане, по земле — поляки. Как позднее скажет Наполеон, «политика государства определяется его географией».

К началу царствования Петра у России по-прежнему нет выхода к морю. Все предыдущие попытки добиться этого терпели провал. У этого огромного тела нет легких. В итоге Россия не имеет в Европе ни малейшего веса, никто не домогается союза с ней.

Унылая картина! Конечно, и до Петра предпринимались попытки преобразовать Русь. Иван III выписал из Италии мастеров и возвел Кремль, напоминающий дворцы Флоренции, женился на Софье Палеолог, племяннице последнего византийского императора, и имел просвещенный двор. Иван IV, как уже говорилось, посылал в Европу многочисленные посольства, в том числе ко двору императора Карла V, поддерживал книгопечатание, его сын Федор покрови-

тельствовав людям искусства и ученым, Борис Годунов отправлял молодежь учиться в Париж, Алексей Михайлович устраивал спектакли в Кремле. Но все это не меняло общей картины — Россия отставала от Европы на пару столетий. Наверстать упущенное мог только титан-реформатор. И он родился 30 мая 1672 года...

У его отца, второго царя из династии Романовых, Алексея Михайловича, было многочисленное потомство от первой жены. Овдовев, царь взял в жены Наталью Нарышкину, которая и родила ему сына Петра. В 1676 году Алексей Михайлович умирает, оставив двух сыновей, Федора и Ивана, от первого брака, и Петра — от второго. На царство восходит старший сын и крестный Петра, Федор Алексеевич. Девятнадцатилетний Федор — образованный и просвещенный монарх, владеющий польским и латынью. Увы, физически он слаб, и два его ребенка умирают во младенчестве. В 1682 году умирает и он. Кому отдать власть? Следующему по старшинству, Ивану? Но он слаб рассудком. Петру, который хоть помоложе, но покрепче?

Надо сказать, что на Руси никогда не было твердого порядка престолонаследия. По традиции власть переходила к старшему сыну, но это не было обязательным. Свое весомое слово могла сказать высшая боярская знать и духовенство. Так случилось и на сей раз. Я не буду останавливаться на общеизвестных страницах биографии Петра — двоевластии Петра и Ивана, регентстве Софьи и притеснениях, которые при ней терпел юный царь и его родные, на кровавых бунтах стрельцов, навечно врезавшихся в память Петра, и прочих событиях его юности, известных по учебникам и романам. Петр, как никакой другой герой этой книги, близко знаком любому читателю. Нас прежде всего интересует Петр с точки зрения судеб Европы.

...Не знаю, задумывался ли кто-нибудь о том, что петровские реформы состоялись во многом благодаря географии Москвы? Если бы село Преображенское, где Петр, устранившийся из Кремля правительницей Софьей, провел свои детские и юношеские годы, располагалось бы в ином месте, а не на северо-востоке современной Москвы, еще неизвестно, как бы развивалась российская история. Живому, энергичному, нервическому подростку скучно сидеть в четырех стенах; ни мать, ни позднее жена не могут усмирить его буйного темперамента. И Петр, благодаря своему полусысльному положению не связанный протоколом и этикетом, активно и отважно познает окружающий мир. А ведь совсем рядом с Преображенским лежит таинственная и манящая Немецкая слобода, где испокон

веков селились осевшие в Москве иностранцы — немцы, голландцы, англичане, французы.

Конечно, это далеко не лучшие представители своих наций. Скорее — авантюристы и спекулянты, которым не нашлось места на родине. Но на фоне нравов и быта тогдашней Москвы они являют собой оазис европейской цивилизации, культуры и прогресса. Немецкая слобода не похожа на окружающую Русь, это особый мир. Здесь чистые, аккуратные дома, украшенные на немецкий лад цветами, общительные и приветливые жители, наделенные чувством собственного достоинства. Наконец, здесь женщины не заперты в теремах, а украшают собой любую компанию. Здесь играют в карты и курят табак, пьют, веселятся и танцуют, говорят о науках и путешествиях в дальние страны.

В Немецкой слободе Петр находит своих первых друзей — Лефорта, Гордона, которые станут его сподвижниками, и свою первую любовь — обворожительную и неверную немку Анну Монс, роман с которой продлится несколько лет.

Идет время, Петр взрослеет, но у него по-прежнему нет власти. Лишь в 1689 году, после неудачного стрелецкого бунта, ему удается заточить сестру в монастырь и стать полновластным царем. Но пока он не правит — это делает за него его материнская родня, для Петра еще не кончилась пора ученичества. И, как столетие спустя это будут делать молодые американцы, прежде чем начать свою взрослую жизнь, Петр собирается в европейское турне.

Как уже говорилось, поездка за рубежи России без разрешения царя считалась изменой и каралась смертью с конфискацией имущества. Оставшимся на Руси родственникам «изменника» грозили допросы, пытки с целью установить, не были ли они причастны к преступному замыслу. В те времена, когда подданные европейских правителей беспрепятственно, по собственной воле, путешествовали из страны в страну — достаточно вспомнить неутомимого Эразма Роттердамского — российские подданные оставались за железным занавесом. Граница была на замке. Но то, что русские государи не позволяли свои подданным, они не позволяли и себе. Лишь великий князь киевский Изяслав в XI веке нанес визит в Майнц германскому императору Генриху IV. Но на то была «сверхважительная» причина — брак его дочери Евпраксии с императором.

И вот Петр решает отправиться в Европу, с осколком которой он познакомился в Немецкой слободе, в Европу, о которой ему так много рассказывали его тамошние приятели. Но это не ознакомительная поездка. Европейскому турне Петра предшествует гибель-

ная азовская кампания, в которой необученная и невооруженная русская армия терпит сокрушительное поражение в попытке отвоевать у турок, у Оттоманской империи, выход к Азовскому морю. И Петр хочет, во-первых, заручиться поддержкой европейских дворов в борьбе с Турцией, а во-вторых, найти специалистов в военном и инженерном деле, ремеслах, которые помогли бы ему модернизировать армию и создать флот.

Но Европа переживает не самое лучшее время. Конец XVII века — беспокойный период в ее жизни. Длющаяся вот уже семь лет война коалиции Германской империи, Испании, Нидерландов и Савойи против Франции еще не завершена и создает России многие проблемы, в том числе торговые. Опасаясь французских корсаров, голландские суда на протяжении всего 1696 года не рискуют отправляться в Архангельск. С другой стороны, король Польши Ян Собеский, непримиримый враг Турции, на поддержку которого могла бы рассчитывать Россия, только что умер. Кто станет его преемником? Если Франция возведет на польский трон своего ставленника, не прекратит ли Польша свою войну с Турцией? Не останется ли Россия в одиночестве?

Установление дружбы с европейскими нациями и нахождение среди них союзников в борьбе с мусульманами — официальная цель Великого посольства, которое возглавляет Лефортов. Посольство действительно великое — двести шестьдесят человек, не считая карликов и обезьяны. В числе знатных молодых людей, «волонтеров», сопровождающих посольство, — Петр Михайлов, под именем которого скрывается царь. В общем-то присутствие царя — секрет Полишинеля. Увы, власти Риги, первого иностранного города на пути посольства, воспримут его слишком буквально, и шведский губернатор не окажет царю должных почестей. Петр запомнит это на всю жизнь и припомнит «дурное с собой обращение», когда ему потребуются найти повод для Северной войны.

Другие европейские дворы окажутся мудрее и не будут слишком уважать инкогнито царя. Первая встреча с цивилизованной Европой происходит в Кенигсберге, где курфюрст Бранденбургский Фридрих I оказывает Петру наилюбезнейший прием. Эта встреча во многом определяет дальнейший ход европейской истории: Бранденбург стоит на пороге превращения в королевство Пруссия, Россия — на пороге превращения в империю, и своим дружественным альянсом два молодых европейских государства, объединенные в борьбе против более мощного соседа, Швеции, делают заявку на активную роль в европейской политике.

Но, пожалуй, самая интересная встреча поджидает Петра в Ганновере, где общения с царем Московии с нетерпением ждут две из самых образованных и утонченных дам Европы — курфюрстина Ганноверская София и ее дочь, курфюрстина Бранденбургская Шарлотта, будущая королева Пруссии. Смущенный поначалу, Петр быстро осваивается в обществе светских немецких дам, беседует с ними, даже танцует. Правда и он, и его спутники удивлены коствлявостью немецких дам — их корсеты они принимают за ребра. Вердикт, который заносит в свой дневник младшая из курфюрстин, пожалуй, наиболее точно определяет отношение европейцев к Петру: «Это царь очень хороший и вместе с тем очень дурной».

16 августа 1697 года Петр вместе с Меньшиковым приезжает в Голландию, в Амстердам. Не теряя ни минуты, он отправляется в его предместье, городок Заандам, на родину голландского флота. Совершенно случайно он сталкивается там с голландским мастером, с которым ранее познакомился в Воронеже, и нанимает у него дом. Этот деревянный, из двух маленьких комнат, домик сохранился и до сих пор. Музей Петра посещали и российские императоры, и Наполеон.

В Заандаме Петр проводит восемь дней, и все это время — на верфях. Голландцы с удивлением наблюдают, как царь-плотник прилежно осваивает непривычное ремесло, как запросто общается с мастерами, как с явным удовольствием проводит с ними все время, не гнушаясь их простыми развлечениями.

...Нельзя представить себе две страны, более непохожие друг на друга, чем Россия и Голландия. Необъятные просторы одной — и скудные земли другой, которые приходится неустанно отвоевывать у моря. Малонаселенная, бездорожная Россия с покосившимися избами — и уютная, ухоженная, обжитая Голландия. Страна, привыкшая ко власти деспота, — и свободолюбивая республика, скинувшая чужеземных правителей и поменявшая веру. Но именно Голландия, как никакая другая страна, полюбилась Петру. Он взял у нее даже цвета национального флага — белый, синий, красный, ее бело-синий дельфтский фаянс, ставший подмосковной Гжелью, ее каналы и мосты, обрусевшие на петербургском болоте. Однако он не пытался взять то, что не прижилось бы в российской действительности — аскетизм личной жизни, суровость протестантской морали, трезвость. Он вообще не брал у Европы душу, только тело, как позднее скажет поэт Херасков. Но об этом чуть позже.

А пока Великое посольство торжественно въезжает в Амстердам. Начинаются долгие переговоры с Генеральными штатами — Россия

требует поддержки в войне с Турцией. Но в официальной части посольства Петр практически не принимает участия. Он ездит по стране, посещает лаборатории ученых, знакомится с инженерным мастерством. Наконец, наслышанный о том, что лучшими судостроителями являются все-таки англичане, царь с несколькими приближенными переезжает в Англию.

Посещение Альбиона многое дает Петру. «Если бы я не съездил в Англию, я бы остался плотником», позднее признает царь. Примечателен один эпизод пребывания Петра в Англии. Одному из лордов он щедро дарует право ввозить в Россию табак, что раньше находилось под строжайшим запретом, поскольку курение осуждалось церковью. Англичанин, однако, боится, не запретит ли эту сделку российский патриарх, на что Петр величественно отвечает: «Неужели вы думаете, что я не могу заставить повиноваться себе священника?»

Вот она, разница в положении церкви! Церковь в истово верующей России — под властью светской. Так было в Византии, так остается и в Третьем Риме. Позднее, как мы знаем, Петр вообще упразднит патриархат и сделает церковь надежной опорой самодержавной власти — но именно подконтрольной опорой, а не самостоятельной духовной силой.

В европейском вояже Петра отсутствует Париж, в то время самая блестящая столица мира, где по-прежнему царствует король-солнце, Людовик XIV. Но визит туда неуместен — Франция является союзником противника Петра, Турции, и, напротив, противником потенциальных союзников Петра — Голландии, Англии, германской империи. И вместо Парижа русский царь отправляется в Вену. Его инкогнито давно забыто, и он активно встречается с императором, императрицей, принцем Евгением Савойским, гениальным военачальником, спасшим Австрию от нашествия турок. Петр даже посещает костюмированный бал, нарядившись крестьянином. Но вообще Вена кажется Петру самым усыпляющим городом мира. Здесь правит Эtiquette, столь ненавистный русскому царю.

Но на фоне празднеств переговоры идут плохо. Император Леопольд хочет мира с турками во чтобы то ни стало. В Европе назревает новая война — на сей раз за освободившийся испанский престол, куда французский король хочет посадить своего внука, а император — своего. Австрия не может воевать на два фронта и готова к миру с турками. Петр же хочет войны, и он понимает, как сложно найти союзников. В последней попытке Петр решает отправиться в Венецию, чтобы попытаться заручиться там поддерж-

кой, а главное — ознакомиться с новейшими достижениями в судостроении. Но тут приходит весть о восстании стрельцов.

Петр спешит в Москву, но по дороге все-таки задерживается для встречи с курфюрстом Саксонским Августом II, избрание которого королем Польши было обеспечено Россией. Протурецки настроенный французский кандидат потерпел поражение. И в маленьком польском местечке Рава за несколькими бутылками вина рождается идея будущего альянса против шведов, идея, которая меняет ход русской истории. Зачем продолжать войну с Турцией, войну, в которой у России нет союзников? Не лучше ли обратить взоры на север, на берега Балтики, а не на берега Черного моря?

Таков главный политический итог Великого посольства продолжительностью восемнадцать месяцев, которое стоило России огромную по тем временам сумму — три миллиона рублей. Отправляясь в Европу договариваться о войне с Турцией, Петр возвращается с намерением воевать со Швецией.

Но если официальная цель поездки — нахождение союзников для войны с Османской империей — оказалась невыполненной, то вторая — привезти в Россию специалистов, закупить материалы, необходимые для создания флота и армии, — была перевыполнена. С разрешения голландских Генеральных штатов и английского короля Петр рекрутирует специалистов — морских инженеров, офицеров, математиков, хирургов, ремесленников, рабочих. Шестьсот сорок европейцев отправляются в Россию. Первая в истории программа «технического содействия России» начинает действовать. Надо сказать, что еще в годы юности Ивана Грозного была сделана попытка рекрутировать в Германии более сотни ученых, инженеров и мастеров для службы при царском дворе, однако императора Карла V убедили в опасности более просвещенной, а, следовательно, более сильной Московии, и им было запрещено отправиться на Русь. На сей раз гению Петра удалось преодолеть предубеждение европейцев.

Но, может быть, самый главный результат европейского турне в том, что огромное посольство, полтора года прожившее в Европе, открыло для себя новые горизонты. В Россию возвращались совсем другие люди. Железный занавес оказался частично прорванным...

Покидая Вену, Петр знал, что император Леопольд стремится как можно скорее заключить мир с Турцией, чтобы развязать себе руки и включиться в начинающуюся войну за испанское наследство. Можно даже сказать, что именно Испании, воспрепятствовавшей формированию антитурецкой коалиции, Россия обязана выходом

на Балтику. В январе 1699 года мир с мусульманами действительно заключен. Турция уступила Австрии нижнюю Венгрию и Трансильванию, Польше — Подолию, часть Украины и крепость Каменец, Венеции — часть Далмацкого побережья и несколько островов. И в то же время турки не отдали России Керчь, а союзники, удовлетворенные достигнутым, Россию покинули. Но нужно признать, что вклад России в победу над Турцией был весьма скромным. Оставшись один на один с Турцией, не получив от Голландии просимого флота, Петр отправляет гонцов в Константинополь на переговоры. Но добиться выхода к Черному морю послам не удастся.

Окончательно признав поражение на юге, Петр обращает свои взоры на север. Тут он и припоминает немилостивый прием, оказанный его посольству в Риге. Таким образом, в 1700 году внешние приоритеты России кардинально меняются. Петр начинает воплощать в жизнь план, который безуспешно предлагался его отцу: сблизиться с Польшей против Швеции с целью завоевать Ливонию и балтийские порты, создать флот на Балтике и стать во главе славянских народов. Этот план тем привлекательнее для Петра, что он проникся симпатией к польскому королю Августу Саксонскому и считает его своим искренним другом. Безвольный и слабый Август как союзник, увы, доставит Петру немало хлопот, но царь, тем не менее, всегда будет верен своему протезу на польском престоле.

Хотя враги и направление удара меняются, цели России остаются прежними — открыть окно в Европу. Петр скажет в 1704 году королю Польши: «Великие империи не могут обходиться без выхода к морю: это артерии, которые заставляют биться сердце государства».

Но объявление войны Швеции — жест горячий, неосторожный. Петр переоценивает силы России и недооценивает возможности противника. Так начинается дуэль между Петром I и Карлом XII, которая продлится двадцать один год...

Карл восходит на престол в 1697 году, когда ему всего пятнадцать с половиной лет. О его характере говорит примечательный факт: на церемонию коронации он является уже с короной на голове, не желая доверить свое миропомазание никому, даже священнику. Он не признает посредников между собой и Богом. В 1700 году Карлу XII всего восемнадцать, он на десять лет моложе Петра. Швеция процветает, живя в мире с запуганными соседями, справедливо опасавшимися шведской армии. Ей принадлежит Финляндия, Карелия, Ингрия, Висмар, Гольштейн, Западная Померания, Эстония и Литва. Балтийское море — просто шведское озеро.

Карл в этот момент — легкомысленный юноша, пренебрегающий обязанностями государя, неделями не принимающий министров, танцующий ночи напролет, а днем выезжающий на охоту. Стоит ли бояться этого изнеженного и легкомысленного короля, ни дня не посвятившего благу государства? Наслушавшись подобных отзывов о «шведском мальчишке», Петр вместе с королем Польши, курфюрстом саксонским Августом II и королем Дании Фридрихом IV заключают союз против Швеции.

Но, узнав об угрозе, Карл в одночасье преображается. Из легкомысленного юноши он превращается в подлинного государя. Карл отказывается от общества приятных дам и буйных собутыльников. Король становится главнокомандующим. Он отдает приказ о мобилизации. Отправляясь на войну, Карл прощается с сестрами и родными, уверяя, что разлука продлится несколько дней. Он их не увидит никогда. Карл больше не вернется в Швецию.

Кампания начинается для Карла благоприятно — его противники действуют вразброд, и шведы легко расправляются сначала с саксонцами, потом с датчанами. Затем приходит черед России..

Под Нарвой Петр терпит сокрушительное поражение и позорно бежит с поля битвы. Что ж... Царь следует ныне малоизвестной русской поговорке: «Бегство хоть нечестно, да здорово». Но тому, что этой поговорки больше нет в нашем словаре, мы обязаны Петру. Это он научит русскую армию сражаться, это благодаря ему возродится русская воинская доблесть.

Петр начинает создавать современную армию и современный флот. При этом война со Швецией идет без перерыва, правда, в основном на чужих территориях — в Ливонии, Литве, Польше. Постепенно Россия начинает одерживать пусть маленькие, но победы. Она завоевывает Ингрию и на этих землях в 1703 году закладывает Петербург.

Но удача все-таки на стороне шведов. В том же 1703 году Карлу удается возвести на трон Польши своего ставленника Станислава Лещинского. В Польше оказывается два короля — Станислав и Август, по-прежнему поддерживаемый Петром.

Тем временем в Европе активно идет война за испанское наследство. Сталкиваются две мощные коалиции: с одной стороны, Франция, поддерживаемая Испанией и Баварией, с другой — восемь государств, в том числе германская империя, Англия, Голландия и Пруссия. Как и в Польше, в Испании два короля: один — провозглашенный в Мадриде Филипп V, внук Людовика XIV, другой — провозглашенный в Барселоне, Карл III, эрцгерцог Австрийский. И, как это

всегда было в истории, у обессиленной междоусобицей Европы нет сил противиться нашествию извне, вторжению новых викингов...

Карл одерживает убедительные победы над Данией и Польшей и навязывает им унижительный мир. У шведского короля развязаны руки для дальнейшего марша по Европе. Может быть, он пойдет в Вену и потребует императорскую корону, о чем мечтал один из его предшественников? Тайна окутывает намерения шведского властелина. Чтобы скрыть свои намерения, он требует принести ему карты, описывающие дороги от Лейпцига, где разбит его лагерь, ко всем(!) столицам Европы. На первом досье, поданном ему главным маршалом, написано: «дороги из Лейпцига в Стокгольм». Карл XII холодно бросает: «Я знаю, куда вы хотите, чтобы я отправился. Но мы не вернемся в Стокгольм так рано».

Опасаясь за свою судьбу, император принимает самые невыносимые условия Карла. Он даже отдает протестантам сто церквей. Когда папа упрекает его в этом, Иосиф I отвечает: «Скажите спасибо, что он не попросил меня перейти в лютеранство. Я не знаю, как бы я ему на это ответил». Карл в своем походном лагере принимает почтительные делегации германских принцев. Людовик XIV, напуганный возвышением своего вчера еще второстепенного союзника, направляет послов, чтобы заручиться поддержкой Карла. Над Европой нависает угроза стать шведской провинцией. От этого ее спасет Россия...

Как уже говорилось, война России со Швецией, тянущаяся вот уже восемь лет, происходит в основном за пределами тогдашней России. Но в 1708 году Карл повторяет ошибку завоевателей до и после него и вторгается непосредственно на ее территорию, на Украину. Швед следует советам своего союзника гетмана Мазепы, обещающего ему поддержку тысяч казаков, недовольных унией с Россией. Карл надеется и на помощь Станислава Лещинского, возведенного им на польский престол, и на помощь Турции. Но на деле он остается без союзников: призывы Мазепы вдохновляют не более пяти тысяч человек, турки предпочитают выжидать, а Станислав терпит поражение от союзников Петра.

Победа российской армии под Полтавой меняет все. Швеция разгромлена, Россия празднует свой триумф. Воодушевленный победой Петр милостив к побежденным — он пьет за здоровье шведских генералов, своих учителей. Война еще не кончена, но ее исход предрешен. За одну ночь из варварской азиатской страны Россия становится сильной европейской державой, союз с которой отныне будет почитаться за великую честь. Дворы Европы наперегонки

стремятся поздравить нового владыку северо-востока континента. Полтава раскрывает европейцам глаза на Россию, эту удивительную страну с неиссякаемыми возможностями, которая может моментально воспрянуть духом после поражения и возродиться после разгрома. Наступает закат Швеции, которая отныне будет в европейской политике лишь второстепенной державой. Польша, где вновь властвует Август II, креатура Петра, отныне оказывается втянутой в российскую орбиту.

Победа под Полтавой дает Петру передышку. Он может сконцентрироваться на делах реформы. Подобно Константину, он решает создать новую столицу. Петр не любит Москву. Она для него — олицетворение прошлого, она напоминает царю бунты стрельцов, смерть, кровь, сопротивление. Но, может быть, корни петровского неприятия Москвы еще глубже. Ведь князья московские добились своей власти над Русью путем коллаборационизма. Во времена татаро-монгольского нашествия, когда князья киевские, ростовские, рязанские и другие непримиримо боролись с татаро-монголами, князья московские стали с ними сотрудничать. Да, в этом была их великая мудрость, да, Москва возьмет свой реванш за унижения, которые заставляли ее пережить чужеземцы, но Петру, возродившему славу русского оружия, Москва, ассоциирующаяся с интригами, кознями, изменами, не мила.

Петр строит новый город, и строит по-новому. Петербург возводится не на высоком месте, как русские города, а на низине, в дельте, как города голландские. Русская знать ненавидит этот проклятый искусственный город на болоте. Но Петр заставляет триста пятьдесят боярских семей переселиться в новую столицу. А после пожара Москвы в 1712 году Петр приказывает еще пяти тысячам семей погорельцев обосноваться в Петербурге. Он запрещает возводить в Москве новые здания или ремонтировать старые. В Петербурге же, чтобы избежать пожаров, все здания возводятся из камня. И в 1713 году, в год столетия династии Романовых, Петербург провозглашается столицей России.

Тем временем с победителем шведов начинает заигрывать ранее заносчивая Франция. Осознавая растущую силу России, она готова предложить ей торговый договор. Давая инструкции своему послу, Людовик XIV пишет: «Если царь начнет высказывать недовольство тем, что ранее мы его презирали и плохо обращались с его послами, можно ему ответить, что Московию не знали до того момента, пока Петр не вызвал к ней уважения со стороны других наций своими великими деяниями и своими личными качествами и что именно

благодаря этому наихристианнейший король стремится искренне предложить свою дружбу».

«Франция не знала Московию», — пишет Людовик. Плохо же знал свою родословную этот пусть отдаленный, но потомок Ярослава Мудрого! Хотя род Рюриковичей уже угас на Руси, их кровь по-прежнему течет в жилах их потомка по женской линии, короля Франции, и будет течь вплоть до 1848 года...

Но личная встреча Петра Великого и короля-солнца так и не состоится. Когда в 1716 году Петр, наконец, вновь отправляется в европейское турне, во Франции уже царствует его правнук, малолетний Людовик XV, за которого правит регент, Филипп Орлеанский. На сей раз Петр, победитель шведов, едет в Европу уже как царь, а не как «волонтер Михайлов».

Прибыв в любимую Голландию, Петр останавливается на пару недель в Гааге, которая в тот момент являет собой центр европейских переговоров. Затем он направляется в австрийские Нидерланды, то есть современную Бельгию. Он морем прибывает в Антверпен, а затем отплывает на яхте в Брюссель. Отказываясь от роскошных резиденций, царь по привычке облюбовывает скромный домик императора Карла V в самом центре Брюсселя, рядом с королевским парком.

... В глубине этого парка до недавнего времени можно было видеть бюст царя, напоминающий о его пребывании в современной столице Европы. Красивая легенда гласит, что он установлен был местной принцессой в память о незабываемом русском госте, подарившем ей любовь. Действительность прозаичнее. Бюст был подарен городу Брюсселю в 1856 году российским послом князем Демидовым в память о пребывании государя. А году в 1995-м бюст вообще таинственно исчез. Похитили нахлынувшие российские туристы?..

Затем Петр отплывает в Гент, а затем в Брюгге, родной город нашей героини Марии Бургундской. Наконец, он перебирается на французскую почву, в Дюнкерк. Интересно, что свою жену Екатерину, до того сопровождавшую его в поездке, он оставляет в Голландии. Может быть, боится, что она покажется неуклюжей при французском дворе, о роскоши и изысканности которого он столь слышан? Наконец, в мае 1717 года Петр добирается до Парижа. Зная о вкусах своего гостя, регент велит приготовить две резиденции — роскошные апартаменты в Лувре и скромный частный дом в городе. Петр отправляется сначала в Лувр, проходит по его роскошным громадным залам, а затем отправляется жить в городскую резиденцию.

На следующий день его посещает регент, но Петр требует, чтобы ему нанес визит сам король. Через три дня семилетний Людовик XV посещает русского царя. Петр обнимает ребенка, целует его, и на сем протокольные формальности выполнены. Петр начинает осматривать Париж. Что его интересует в этом городе? Как и всюду — лаборатории ученых, мастерские ремесленников, инженерные академии. Он пешком, удивляя парижан, обегает весь город, пьет с мастерами, ест суп с солдатами-ветеранами в Инвалидах, засыпает на представлении в Опере. Во время спектакля он требует пива и находит вполне естественным, что ему подает его сам регент. В Сорбонне он обнимает бюст Ришелье, восклицая: «Я б отдал ему половину своей империи, если бы он научил меня управлять оставшейся половиной!».

Множество светских дам, красивых и холеных, хотят составить компанию победителю Карла XII, этому «балтийскому медведю», но Петр предпочитает привести в Версаль уличную девку, которой платит всего два экю. Вообще Петр не отличался щедростью по отношению к женщинам — ни светским, ни полусветским. Во всем следуя примеру господина, русская свита также приводит в дворцовые апартаменты доступных уличных девиц. Париж действительно такого не видел!

И это при том, что французов сложно чем-нибудь шокировать. Нравы эпохи свободны как никогда, «интимные ужины» у регента и его приближенных превращаются в оргии — знать как бы компенсирует вынужденную строгость морали последних лет царствования Людовика XIV. Но придворные удивлены: зачем царю нужны девки низкого происхождения, если в этот галантный век самые изысканные аристократки, принцессы крови ведут себя как шлюхи?

Но столичные развлечения не отвлекают Петра от главной цели его приезда во Францию — он настойчиво добивается заключения франко-русского альянса. Царь чувствует, что время для этого союза пришло. Он трезво оценивает политическую карту Европы, родившейся из Утрехтского мира, который положил конец войне за испанское наследство. Согласно этому договору, короны Франции и Испании оказываются окончательно разделенными. Испания теряет Португалию и Бельгию, Австрия утверждается в Сардинии, Неаполе, Милане и в Бельгии. Фридрих II признан королем Пруссии. Англия приобретает Гибралтар — вспомним пророческий завет Изабеллы Кастильской никогда не отдавать Гибралтар! — и Менорку. Англия и Голландия, дотоле, как мы знаем, вечные враги Франции, становятся ее союзниками.

Но в этой Европе по-прежнему три сверхдержавы — Англия, Франция и Австрия, между которыми сохраняется баланс сил. Испания приходит в упадок, Польша разделена, с Пруссией еще никто не считается. Рождение новой силы, России, грозит взорвать хрупкое европейское равновесие. Петр, однако, чувствует себя искусственно изолированным от этой Европы. Он хочет, чтобы европейские державы гарантировали незыблемость его побед над Швецией, ему нужны торговые союзы, которые позволят экспортировать в Европу российские продукты и покупать машины и инструменты. Он вовсе не стремится, как будут позднее упрекать его славянофилы, копировать Европу и перестраивать на ее лад Россию, он просто хочет взять у нее то, чего России пока не хватает, чтобы стать Европе равной, а возможно, и превзойти ее. В этом своем стремлении он проявляет непостижимую настойчивость и целеустремленность, безжалостно искореняя то, что кажется ему отголоском старого боярского прошлого.

Но Петр вовсе не слеп в своем преклонении перед Европой. Юношеская любовь к ней, которую Петр питал в начале своей деятельности под влиянием рассказов друзей из Немецкой слободы, с возрастом становится все менее горячей и все более прагматичной. Он знает, что ему нужно от Европы — знания, техника, инструменты и станки, с помощью которых будут созданы российские армия, флот и промышленность. Ему нужны иностранцы, чтобы они обучали русских, а не заменяли их. Вполне в духе Петра приписываемое ему высказывание: «Нам нужна Европа на несколько десятков лет, а потом мы к ней должны повернуться задом».

Как видим, Петр совсем не собирался делать Россию прихожей Европы, он лишь хотел заимствовать то, чего не было в России, и идти дальше. Более того, он не собирался заимствовать в Европе ее духовные обычаи и традиции. Он собирался сделать Россию похожей на Европу внешне, а не внутренне.

Брить бороды и обряжать бояр в польские кафтаны — да, но уважать европейские порядки общежития — нет. Ни капли не задумываясь, Петр шокирует Европу своими нравами — безумными оргиями в различных европейских дворцах, пьянством, разгулом низкого пошиба, обжорством. Он не намерен соблюдать дипломатический протокол, он хочет его диктовать.

Словом, он берет из Европы то, что считает полезным для России в сфере промышленности, армии, государственного устройства. Но духовность Европы ему неинтересна. Может быть, это связано с тем, что Петр видит — Европа более не едина духовно. Есть две

Европы — Европа латинская, католическая, гуманитарная, преуспевающая в искусствах и художествах, и Европа более земная, протестантская, отдающая предпочтение техническим наукам, ремеслам, инженерному делу. И он обращает свое лицо к этой второй Европе — Голландии, Германии, Англии. Естественный выбор, если в Европе искать прежде всего науку и технику.

Ему удастся взять у Европы то, что он ищет, и с силой России отныне считаются. Россия не станет частью той Европы, которая на протяжении столетий проделывала путь от античного Рима к империи Шарлеманя, а потом долго искала утраченное единство. Но он сделает из России азиатской Россию евразийскую. Ему этого мало — он стремится сделать Евразию равноправным партнером Европы, и поэтому он прежде всего мечтает о союзе с Францией, дотоле поглядывавшей на Россию свысока.

Петр полагает, что Россия способна заменить Швецию в той системе дружественных союзов, которые ранее имела Франция. Он пытается убедить посланцев короля в том, что Швеция была полезна Франции, пока имела владения и интересы в Германии и тем самым балансировала силу извечного противника Франции — Священной Римской империи, то есть Габсбургов. Но теперь Швеция практически уничтожена, и если Франция выступит посредником в заключении мира между нею и Россией, Петр готов подписать союзнический договор с Францией, более того, он гарантирует, что к нему присоединится и Пруссия.

Но переговоры о заключении договора о дружбе оказываются бесплодными. Франция готова лишь к чисто формальным связям и торговле, но не к военным союзам. К тому же Петр настаивает, чтобы те денежные субсидии, которые ранее Франция давала шведам, стали поступать России. Этого добиться не удастся. Подписанный договор между Россией и Францией по сути своей — лишь пустая декларация.

Столь же бесплодной оказывается попытка Петра заключить с Францией родственный союз, выдав свою дочь Елизавету за одного из французских принцев крови. От этой мысли он не откажется до самой своей смерти, а после уже императрица Екатерина I попытается продолжить его замысел, предлагая дочь в жены самому королю, Людовику XV.

Страшно подумать, что ждало бы Россию, если бы усилия Петра и его жены оказались успешными... Елизавета, возможно, стала бы королевой Франции, но Россия, бесспорно, потеряла бы одну из своих самых ярких государынь, продолжившую дело Петра.

Более того. Не будь Елизаветы, Россия потеряла бы еще одну великую императрицу. Ведь только выбор Елизаветы сделал из лютеранской принцессы Софии Ангальт-Цербстской Екатерину II. А не будь этих двух великих дам русской истории, кто правил бы Россией XVIII века? Поэтому дипломатическое поражение Петра обернулось для России величайшим благом.

Интересно, что и Россией, и Францией XVIII века правят исключительно женщины. Но во Франции — от имени монархов. Маркиза де При, возлюбленная премьер-министра страны, определяет политику королевства в юношеские годы Людовика XV. Потом приходит черед фавориток самого Людовика — маркизы де Помпадур, графини Дюбарри и, наконец, законной жены Людовика XVI — Марии-Антуанетты. В России же женщины правят сами, не прикрываясь мужчинами-марионетками. Если верить классику, утверждавшему, что степень свободы общества определяется степенью свободы женщины, то в XVIII веке Россия явно опережает Францию...

Но в тот момент отказ французского двора породниться с русским царем кажется оскорблением. Причина ясна — сомнительное в глазах Европы происхождение Елизаветы, появившейся на свет еще до оформления брака родителей. В глазах церкви Елизавета — незаконнорожденная. Ко всему этому добавляется и низкое происхождение второй супруги Петра, Екатерины, урожденной ливонской крестьянки Марты Скавронской, перекочевавшей в императорскую постель из постелей его приближенных. Кому нужна королева Франции с такой родословной!

Ни бесспорная красота и грация невесты, ни могущество ее отца не могут перевесить бремени сомнительного происхождения. Старшую дочь, Анну, Петру все-таки удастся выдать замуж за герцога Голштинского, но Германия после победы над шведами — во многом вотчина России, нахально вмешивающейся в ее дела. Франция же столь могущественна, что ей не нужно идти на уступки России. В зеркальном изображении неудачное французско-русское сватовство повторится сто лет спустя, когда, напротив, надменный российский император откажет французскому выскочке в руке Великой княжны. Тогда уже Россия будет диктовать свои условия...

Но пока Петр терпит поражение в своих матриониальных планах. Уже после его смерти Людовик XV нанесет ему двойное оскорбление, избрав в качестве невесты дочь бывшего польского короля Станислава Лещинского, свергнутого с трона приятелем Петра курфюрстом Августом с помощью российских штыков и

с той поры проживавшего во Франции на подачи французской короны. Этот явный мезальянс вызывает недовольство в самой Франции.

Кстати, именно упоминая выше маркиза де При и выбирает невесту четырнадцатилетнему Людовику XV, у которого, правда, уже есть суженая, причем живущая при французском дворе, — дочь короля Испании. Но той всего восемь лет, и брак может быть заключен еще не скоро. Здоровье же Людовика внушает постоянные опасения — ребенком он перенес ветрянку, и лишь невнимание врачей спасло ему жизнь. Эскулапы столь усиленно лечили кровопусканием первоочередных наследников короны — родителей и старшего брата Людовика, что те скончались. Когда же после этого врачи переключили внимание на последнего наследника, он уже был вне опасности и погубить его своими варварскими методами они не смогли.

Но с той поры любой чих юного короля кидает двор в лихорадку, и единственное спасение видится в женитьбе и срочном обзаведении потомством. Инфанта грубо отправляется в Мадрид, а в Париже составляется список лучших невест Европы, но по разным причинам все они отпадают, и тогда маркиза де При вспоминает о дочери бесславного польского короля — девице без выдающихся достоинств, но подходящего возраста и вероисповедания, и брак оказывается делом решенным.

Однако по иронии судьбы худородная польская дворянка принесет Франции самое блестящее приданое со времен, наверное, Алиенор Аквитанской. Она подарит Франции исполнение ее заветной мечты — вечно ускользавшую серединную часть империи Шарлеманя, овладеть которой пытались многие герои нашей книги, Лотарингию.

Это один из самых странных поворотов истории, заставляющий вспомнить старый анекдот времен разрядки.

«Что такое челночная дипломатия?

Это когда госсекретарь США Киссинджер звонит председателю совета директоров крупнейшего американского банка и говорит:

— У меня есть отличная кандидатура на пост президента вашего банка. Он русский парень, немного знающий банковское дело и чуть владеющий английским.

— Вы с ума сошли?

— А если я добавлю, что при этом он — зять Рокфеллера?

— Ну, это, конечно, меняет дело. Присылайте.

Затем Киссинджер звонит Рокфеллеру и говорит:

— У меня есть отличный жених для твоей дочери. Он крепкий русский парень и даже немного говорит по-английски.

- Ты с ума сошел, зачем он мне нужен?
- А если я скажу, что он к тому же — президент нашего крупнейшего банка?
- Это меняет дело. Когда играем свадьбу?»

Примерно так же развивались события и вокруг Станислава Лещинского. Оказавшись неожиданно для себя тестем короля Франции, он спустя двенадцать лет, в итоге очередных дипломатических маневров по перекройке карты Европы, получает предложение стать герцогом Лотарингии, тогда самостоятельного владения, которое он завещает затем дочери, а следовательно, Франции... То, за что французы вели на протяжении столетий кровопролитные войны, удастся заполучить в качестве приданого...

Хотя полноценный союз с Францией оказывается недостижим, Петру удастся заставить Францию, да и другие европейские державы почувствовать стойкий интерес к России. Но для закрепления этих первых дипломатических успехов нужно, понимает царь, заниматься внешней политикой не от случая к случаю, не от войны к войне, а повседневно, кропотливо и профессионально. «Выездных посольств» для этого недостаточно, и Петр создает настоящую дипломатическую гвардию России.

Дотоле немногочисленные российские посланцы в своей одежде азиатского покроя, нелепых в мягком западноевропейском климате меховых уборах и со странными византийскими манерами вызывали улыбку при изысканных дворах Версаля и Вены. Уже после своей первой поездки в Европу Петр понял, что великой стране нужны достойные представители. Сначала он вербует их из числа иностранцев, но вскоре, как во всех остальных сферах, он меняет их на своих, русских, прошедших зарубежную школу. И совсем скоро российские посланцы ни утонченностью манер, ни изысканностью вкусов, ни умением принимать гостей, ни лингвистическими талантами не будут отличаться от блестящих дипломатов Запада. Конфузы, подобные истории с послом при английском дворе Матвеевым, посаженным в тюрьму за неуплату долгов, будут встречаться все реже и реже.

Как и из своей первой поездки, Петр вновь привозит в Россию много европейских ремесленников и людей искусства. Он точно оценивает ситуацию при французском дворе: король-солнце умер, казна истощена, малолетний Людовик XV вряд ли пока будет возводить новые дворцы, их создатели оказываются не у дел. И Петр приглашает французских архитекторов, художников, скульпторов, мастеровых в Россию, в Петербург.

Сам же царь, утомленный столичными развлечениями, отправляется в Спа, курортный городок на западе современной Бельгии, воды которого, как утверждают, «помогают от болезней, вызванных излишествами любви». Следуя советам врачей, которые в наивной надежде оздоровить монарха предписывают ему воздерживаться от алкоголя, Петр проводит здесь четыре недели. Но лечится он своеобразно: он действительно ежедневно отправляется за четыре километра к целебному источнику и в надежде поправить здоровье выпивает до двадцати стаканов воды. Воды или размеренный образ жизни делают свое дело — с новыми силами Петр возвращается в Россию.

Силы ему нужны — дома ждет очередная проблема. Если первое возвращение Петра из Европы было ускорено бунтом стрельцов, то второе — бегством единственного сына и наследника престола, царевича Алексея.

...Вернемся к общеизвестным фактам биографии Петра. Шестнадцати с половиной лет, женившись по воле матери на Евдокии Лопухиной, молодой царь быстро теряет интерес к необразованной, неразвитой жене. Но от этого брака рождается сын и наследник Алексей, не награжденный природой ни умом, ни хваткой, ни энергией отца. Списать бездарность Алексея и его дурной нрав только на «тяжелое детство», разлад в семье, насильственное пострижение матери в монастырь нельзя. Петр постольку, поскольку позволяли ему дела государственные, пытался следить за обучением сына, и в итоге Алексей получает образование намного лучшее, чем в свое время его отец. Тем не менее царевич не выделяется никакими достоинствами. Он ленив, равнодушен к интересам государства, склонен к пьянству. Но у Петра нет других наследников...

В 1710 году, когда Алексею исполняется двадцать лет, Петр предпринимает шаги, призванные обеспечить престолонаследие. Он женит своего единственного сына на немецкой принцессе Шарлотте. Так складывается новая традиция российских монархов — брать жен из германских правящих домов, благо что их огромное множество. Со времен Ярослава до Петра русские цари, за редкими исключениями, женились на соотечественницах. Но Петр восстанавливает обычай династических браков. В итоге Романовы родятся не только со знатным немецким домом, но и с Габсбургами, поскольку старшая сестра Шарлотты замужем за императором.

Брак неудачен и непродолжителен. Алексей пьет и избивает беременную жену. В 1714 году Шарлотта умирает, успев, однако, произвести на свет сына, которого в честь деда нарекают Петром. Рож-

дение этого ребенка делает Алексея излишним звеном в престолонаследии, и Петр не скрывает, что если сын не переменится, то будет насильственно пострижен в монахи, а престол перейдет к внуку. Но Алексей не меняется, он все больше презирает то, что делает отец, он откровенно ненавидит его.

Многие мои герои не ладили с сыновьями: Константин Великий казнит своего старшего сына и наследника Криспа, Людовик Благородный ведет постоянную битву с сыновьями и становится их жертвой. Не исключение и Петр. Обычный конфликт отцов и детей здесь, однако, проявляется иначе: это Алексей толкает к старому. Нет, он вовсе не невежественен. Как уже говорилось, неплохо образованный, говорящий на иностранных языках, он признает преимущества европейской цивилизации, но он против их насильственного пересаживания на российскую почву, он против революционных потрясений, он за медленные, естественные преобразования. Если бы Россия не потеряла два столетия, украденных татаро-монгольским игом, это было бы, возможно, не страшно. Но в реальной жизни альтернативы петровскому ускорению не было.

Когда вскоре у Петра рождается собственный сын от Екатерины, также названный Петром, Алексей окончательно понимает, что отцу он больше не нужен. И наследник принимает странное решение — бежать из России. Первый российский диссидент столь высокого ранга ищет убежища при дворе своего бывшего шурина-императора, в Вене. Парадоксально: Алексей, ненавидя Европу, пытается найти у нее защиту. Однако европейские правители, не желающие портить отношений с русским царем, избегают высококородного беженца. Петр же, со своей стороны, посылает гонцов, обещая полное прощение, если Алексей вернется домой. И, поверив обещаниям, царевич отправляется в Россию.

Петр, однако, не может простить сыну измены, того, что тот выставил его перед Европой в дурацком свете. Начинается следствие, но, не дожив до его окончания, Алексей умирает в камере Петропавловской крепости...

И вновь перед Петром встает неразрешимый вопрос: кто унаследует Россию, кому передать его творение? Да, если проклятие первых европейских императоров — в многочисленном потомстве, из-за чего Европа делится на части, то проклятие правителей позднейших времен — в отсутствии сыновей. У Петра есть что оставить преемнику, но нет этого преемника. Алексей умер. Его сын, как опасается Петр, повзрослев, может начать мстить за отца. Сыновья Петра от Екатерины умирают во младенчестве. Дочери? Но Петр,

равно как английский король Генрих VIII, не верит, что дочери смогут править страной, только-только выходящей из переломной эпохи. Может быть, Петр раскаялся в этом предубеждении в свой смертный час, но мы так и не узнаем окончания начертанной им фразы: «Отдайте все...»

В подобной же ловушке — империя без наследника — окажется столетие спустя и Наполеон, попытавшийся решить проблему путем развода и нового брака. Петр же ищет выход в принятии в 1721 году особого закона о престолонаследии, закрепляющего за императором право самому назначать преемника.

Что ж, это в традициях империи римской... Но вследствие другой римской традиции российские императоры начнут умирать насильственной смертью, а новый правитель будет восходить на престол на штыках гвардии. Иоанн Антонович убит в Шлиссельбурге, Петр III — удушен в Ораниенбауме, Павел I — убит в Михайловском замке, Александр I, возможно, добровольно ушел в странники, Николай I, не исключено, покончил жизнь самоубийством, Александр II — убит террористом, Николай II расстрелян большевиками.

Среди российских монархов лишь женщины избежали этой участи. Екатерина I, Анна Иоанновна, Елизавета, Екатерина II, правившие по-разному и по-разному любимые подданными и приближенными, спокойно умирали в собственной постели. Увы, сын последней императрицы, Павел I, ввел новый порядок наследования, устранивший женщин от престола. Не знаю, стали бы столетие спустя Николай и Александра, зная о наследственной гемофилии, мечтать о сыне, когда у них были здоровые дочери, если бы не этот закон. Были бы они столь слепы к нуждам России, если бы все силы не уходили на поддержание здоровья наследника любой ценой, включая Распутина?..

1721 год вообще знаменателен в российской истории. Подписывается Ништадтский мир со Швецией, по которому Эстония, Литва навечно отдаются России. В ознаменование этого великого события Сенат дарует Петру титул императора. Так отныне будут именоваться российские государи. Правда, еще в 1514 году германский император Максимилиан, муж нашей героини Марии Бургундской, называл в переписке царя Василия «императором и самодержцем всея Руси». Людовик XIII также обращался к русскому царю «император». Но это были просто знаки уважения. В Европе был лишь один император — Священной германской империи, столица которой, как уже говорилось, с XV века находилась в Вене. Отныне

же в Европе появляется второй император и вторая столица империи.

Россия получает желанную передышку, и Петр может, наконец, сосредоточиться на внутренних делах государства, которыми до сих пор занимался урывками. Но удивительно, сколько он успевает свершить, ведя постоянные войны...

Все историки согласны с тем, что Петр не родился реформатором. У него не было какого-то заранее обдуманного плана преобразований. Все это была цепочка шагов, обусловленных один другим. Для того, чтобы взять реванш за первые военные неудачи, он реорганизует армию и систему набора солдат. Чтобы покорить Азов, он строит флот, но чтобы создать флот, ему нужны мастера и материалы. Он создает промышленность и привлекает иностранных учителей. Поскольку все это стоит дорого, он реформирует налоговую систему. И так одно за другим. Все вроде бы просто... Но гений Петра в том и состоит, что он знал, какой необходимо предпринять шаг в той или иной ситуации, он не принимал или почти не принимал ошибочных решений.

Бессмысленно пытаться изложить все сделанное Петром. Достаточно сказать, что он создал государственное устройство России, многие институты которого, например министерства, система чиновничьих рангов, существуют до сих пор. Его реформы касались всех сфер жизни общества.

Именно Петр создает российское дворянство. Такого искусственного создания благородного сословия не было ни в одной другой стране, кроме, пожалуй, наполеоновской Франции. К немногочисленным боярским семьям Петр добавляет тысячи служивых людей, добивающихся дворянства благодаря заслугам перед государством. Если в начале правления Петра на Руси было около двух тысяч благородных семей, то в конце — уже девять тысяч. В России, этой деспотической и азиатской стране, оказывается самая демократическая в мире система приобретения дворянства — надо усердно служить Отечеству.

Демократизации правящей элиты способствует и принятый Петром указ о единонаследии, согласно которому недвижимое имущество может быть завещано только одному из сыновей, не обязательно старшему, или, в отсутствие таковых, одной из дочерей. Петр был убежден, что необходимо положить конец дроблению имений знати, поскольку только так можно избежать усиления бремени на русских крестьян. Наследники должны были делать военную или гражданскую карьеру на государственной службе. Считалось,

что их доходы будут позволять безвозмездно служить государю. А обделенным сыновьям предлагалось идти в инженеры, торговцы, священники, промышленники.

Петр создает отечественную индустрию и вводит в нее начала государственности, устанавливая, что промышленность и ремесла развиваются « по указу ». Вот они, истоки плановой экономики!..

Среди важных нововведений Петра — новый подушный налог, который помог пополнить казну, истощенную милитаризацией страны. На протяжении всего царствования Петра мучил вопрос, где взять деньги, и он даже склонялся к использованию в этой области « передового зарубежного опыта ». Когда Петр находился во Франции, весь Париж говорил только об одном — гениальном финансисте Джоне Лоу, научившемся делать деньги буквально из воздуха. Этому шотландскому авантюристу удалось убедить регента, унаследовавшего от Людовика XIV совершенно пустую казну, что есть невиданное средство пополнить ее — кредит. И Лоу создает сначала Банк Франции — нынешний центральный банк страны, а затем — финансовую компанию, по акциям которой обещает безумные дивиденды. Парижане сходят с ума. Аристократы и буржуа, знатные светские дамы и лавочницы продают, что у кого есть, — земли, замки, драгоценности, домашнюю утварь и вкладывают деньги в акции Лоу! Не правда ли, знакомая картина! Конец этой финансовой пирамиды также известен: разорение тысяч вкладчиков, семейные трагедии, самоубийства. В отличие от руководителей МММ, « Чары » и прочих российских последователей Лоу, шотландец отличается личной честностью — он теряет состояние вместе с вкладчиками и умирает в изгнании и бедности...

Но когда Петр интересуется системой Лоу, печальный финал еще далеко — Франция процветает, шотландец назначен ее министром финансов. И русский царь всерьез подумывает о том, чтобы использовать этот опыт в российской экономике. Но, к счастью для России, пирамида Лоу рушится в 1720 году, не успев распространиться на Россию. И Петр довольствуется реформой налоговой системы.

Не перечисляя других нововведений Петра, отметим любопытную деталь. Все великие реформаторы имели склонность распространять свои усилия на календарь. Вспомним того же Юлия Цезаря. Не уступал им и Петр — именно петровским указом начало года было перенесено на Руси с 1 сентября на 1 января, и год стал исчисляться не от сотворения мира, а с рождества Христова. Нововведение вызвало естественное недовольство россиян и многочисленные вопросы — как Господь мог создать мир посередине

зимы? Но Петр не осмелился пойти дальше и ввести давно уже распространявшийся в Европе григорианский календарь, разница с которым составляла тогда одиннадцать дней. Это сделают другие реформаторы двести лет спустя.

Конечно, Петр в своих реформах порой разменивается на, казалось бы, мелочи. Борьба с исконно русскими бородами выглядит столь же пустой затеей, как горбачевская борьба за трезвость. Однако благодаря настойчивости Петра даже она увенчалась успехом, а главное — казне приносила доходы в виде штрафов, а не убытки.

...Завершив войну со Швецией, Петр вновь обращает свои взоры на юг, на берега Черного моря. Россия вновь воюет... Лишь 1724 год будет мирным годом за всю историю царствования Петра. Это внушает надежду: Петру идет всего пятьдесят третий год, он может успеть завершить свое великое дело и распорядиться наследством. Но силы императора были подорваны и работой, и образом жизни. Припадки лихорадки, мучившие его всю жизнь, становились все чаще. В январе 1725 года, после того, как он, стоя по пояс в ледяной воде, принимал участие в спасении попавшей на мель барки с солдатами, ему становится совсем плохо, и 28 января Петр умирает — в день святого Карла Великого, в день смерти другого европейского императора...

С Петром меняется традиция отношения современников и потомков к своим выдающимся правителям. Если первые великие императоры превозносились как боги — Юлий Цезарь обожествлен при жизни, Карл и Константин причислены к лику христианских святых, — то их позднейшие духовные преемники, напротив, воспринимаются часто как антихристы. Таковым многие будут считать Петра, антихристом провозгласят и Наполеона. Но история все расставит по своим местам...

И сложно оспорить тот факт, что реформа Петра — первая известная России, да и не только ей, успешная попытка реформы сверху, попытка, которая не привела к революции. Как справедливо пишет Ключевский, это было скорее потрясение, чем переворот, начатое и проведенное верховной властью, привычной руководительницей народа. То, что удалось Петру, — осуществить именно реформу, не разрушая до основания прежнее общество, — не удастся многим реформаторам будущего — ни Людовику XVI, ни Горбачеву. Их реформы обернутся кровавыми революциями и будут стоить кому жизни, кому власти. Лишь Петр Великий интуитивно нашел сочетание прогресса и твердой руки, о котором с той поры безнадежно мечтает Россия.

НАПОЛЕОН:
Тысячу лет спустя

Император родится около Италии,
он дорого будет стоить империи.
От простого солдата он взойдет к империи,
поменяв короткий плащ на длинную мантию.

Мишель Нострадамус, 1555 год

15. НАПОЛЕОН: ТЫСЯЧУ ЛЕТ СПУСТЯ

Если попросить назвать трех самых великих императоров, которых знала Европа, наверное, большинство ответит: Цезарь, Шарлемань и Наполеон. Парадокс в том, что Цезарь, лаврами которого мечтали завладеть многие его последователи, как мы знаем, императором не был вообще. Наполеон же был императором «Французской республики», а отнюдь не французской империи.

О Наполеоне писать сложно. Жизни не хватит, чтобы прочитать то, что уже написано. История маленького корсиканца, ставшего императором, изложена в многотомных исследованиях, популяризована в романах, кинофильмах. Сам Наполеон сказал на острове святой Елены: «Какой роман — моя жизнь!» Но все-таки попробуем.

Итак, будущий император Наполеон родился на острове Корсика в 1769 году в семье мелкопоместного дворянина, адвоката Шарля Буонапарта, предки которого переселились на остров из Флоренции.

Как же из месье, а затем гражданина Буонапарта он стал Его императорским величеством Наполеоном I? Благодаря тому, что обладал блистательным умом, необычайной памятью, потрясающей трудоспособностью, выдающимися талантами полководца? Даже всего этого мало. Истории известно немало гениев, так и не востребованных эпохой, в которой они жили. Два великих исторических события определили жизненный путь Наполеона и позволили свершиться необычайной метаморфозе.

Первое, казалось бы, и совсем не великое: за три месяца до рождения Наполеона Корсика перестала принадлежать Генуе и вошла в состав Франции. Но последствия для судьбы Наполеона — драматические. Если бы Корсика стала, допустим, английской или обрела бы, как, кстати, мечтал отец Наполеона, независимость, история не знала бы европейского императора по имени Наполеон. Он мог бы стать лидером корсиканской нации или офицером английской армии, но он никогда бы не свершил того, что он свершил. Лишь Франция, его официальная родина, дала ему этот шанс. И в то же время корсиканское происхождение не повредило его блистательной карьере, напротив, способствовало ей, а возможно, даже сохранило ему жизнь. Но об этом позже.

Второе звездное событие, величие которого доказывать не надо — Французская революция, которая вызвала к жизни целую плеяду великих людей, в том числе и Наполеона. О ней стоит поговорить подробнее, особенно потому, что она напоминает мне Великую русскую революцию, но не 1917 года, как все привыкли считать, а революцию, начавшуюся на наших глазах в 1989 году, ровно двести лет спустя после начала французской. Впрочем, о русско-французских параллелях также позже.

Почему началась Французская революция? Отнюдь не потому, что король был неуклюж, ленив и недалек — именно таким его описывают в наших учебниках истории, — а Мария-Антуанетта — надменна, властолюбива и расточительна. В иную эпоху они прекрасно дожили бы до глубокой старости, окруженные восхвалением двора и народа. И отнюдь не потому, что жизнь простых людей стала хуже, чем была раньше. Напротив, Франция переживала экономический подъем. И отнюдь не потому, что усилился гнет власть имущих, репрессии, эксплуатация. Напротив, правительство предпринимало шаги по приданию общественной системе большей справедливости. Другими словами, французы совсем не жили хуже, чем другие европейские народы, в чем-то даже лучше. Так почему?

Наверное, просто пришло время... Конец XVIII века, время великих перемен во всех областях жизни — в духовной, экономической, технической — требовало радикальных изменений в устоях общества, без чего оно не могло дальше развиваться. И прав был Ленин, когда говорил о возникновении периодически в разных странах и в разных эпохах революционных ситуаций.

Правда, я всегда затруднялась понять характеристику, данную им такой ситуации: «низы не хотят жить по старому, а верхи не могут». Меня смущало: а почему это верхи вдруг не могут жить по-старому, если по-старому им жилось очень неплохо? Но однажды я осознала, что ленинскую цитату нужно продолжить и сместить акценты. Низы не хотят жить по-старому, но они могут жить по-старому. Это еще не революционная ситуация. Она становится таковой тогда, когда верхи не могут жить по-старому, потому что на эту жизнь не хватает денег. Все революции начинаются с финансового кризиса. Но главное в том, что верхи хотят жить по-старому, и потому начинают по собственной инициативе реформы, с тем чтобы, чуть-чуть «подправить» общество, найти средства для жизни по-старому.

Но, начиная реформы, как мы помним из истории самого первого Людовика, незадачливого сына Шарлеманя, верхи невольню, своими руками. вытаскивают кирпичик за кирпичиком из фундамента,

на котором держалась их власть, показывают слабость и неуверенность в своем «божественном» праве управлять, и тогда низы, которые могли бы продолжать жить по-старому, во весь голос заявляют, что они этого более не хотят и наносят удар по зданию старой системы, фундамент которой был подорван, однако, не ими, а самими властью имущими... Словом, я убеждена, что все революции начинались «в верхах». Очевидно, это закон европейской истории: время от времени к власти приходят правители или слабые и неуверенные в себе, или идеалисты, которые искренне хотят всеобщего процветания, и из их благодушия и снисходительности рождаются великие революции, которые и двигают историю.

Все либеральные идеи мира, все творения Дидро, Вольтера, Руссо не разрушили бы старый порядок, если бы его не стали разрушать те, кто был его неотъемлемой частью. Крестьяне, ремесленники об этих идеях даже не слышали, а просвещенная буржуазия сама по себе никогда бы не пошла на мятеж, ни прибегла к насилию. Но Франция верхов, действительно, не могла жить по-старому, при всем промышленном и торговом буме ей элементарно не хватало ...денег. А точнее — налогов. Парадокс заключался в том, что во Франции духовенство и дворянство, то есть те, кто получал львиную долю доходов, в государственную казну не платили ни франка. Это были привилегированные сословия, освобожденные практически от всех налогов. И монарх, при всей его абсолютной власти, не мог сам изменить этот средневековый порядок вещей. И хотя те, кто платил налоги, отдавали в итоге королю, сеньору и церкви четыре пятых своих доходов, бюджет был пуст из-за несовершенства налоговой системы. Именно попытка ее реформы в конечном счете и привела к революции.

Если бы король пошел старым испытанным способом и увеличил бы налоги с тех, кто их платил, с простолюдинов, он столкнулся бы с бунтами, мятежами, но революции — на время — избежал. Но Людовик XVI, принадлежавший к породе неуверенных в себе людей, хотел, вопреки этому, свершать великие дела. И, взойдя на трон в 1774 году, полный благих замыслов и высоких принципов, он дал Франции первое профессиональное правительство за всю историю ее существования, назначив министрами финансов известных экономистов и финансистов — Тюрго, а затем Неккера. И это открыло путь к революции. Он восстановил парламенты, которые благополучно ликвидировал его предшественник. Парламенты во Франции, безусловно, не имели таких прерогатив, как английский парламент. Они были по существу судебными инстан-

циями, в них заседали представители привилегированных сословий, купившие себе эту должность. Парламенты противились всем реформам, предлагаемым правительством.

Людовик, следуя вольнолюбивым идеям века, оказал поддержку восставшим североамериканским колониям в их борьбе с английской монархией. Он начал бороться с привилегиями, которыми пользовались дворянство и духовенство, и ради этого решил посоветоваться с народом и созвал, впервые за полтора столетия, Генеральные штаты, представлявшие все сословия — дворянство, духовенство и третье сословие — буржуазию, крестьян, ремесленников. Все его благие порывы показывали, что он понимает невозможность жить дальше по-прежнему.

И что же?

Министр Тюрго, которому Вольтер в знак преклонения перед его гением целовал руки, верит, что залог процветания нации — в сельском хозяйстве. Отстаивая, современными словами, «аграрное лобби», Тюрго неизбежно затрагивает интересы других влиятельных кланов, представлявших промышленность и финансы. Тюрго выступает за свободу торговли внутри страны, тем самым он покушается на привилегии торговцев зерном. Он пытается оздоровить налоговую систему, сделать ее более справедливой, что не по нраву крупным сеньорам. А главное — для того, чтобы претворить программу Тюрго, по его собственному признанию, нужен мир. Но в 1776 году североамериканские колонии Англии восстали, и Франция не могла упустить этот шанс, чтобы не подорвать могущество своего извечного врага, разгромить «тирана морей».

И вновь в европейской истории разность в политике берет верх над общностью идеологии: абсолютная монархия, делящая всех на привилегированных и прочих, встает на сторону республиканцев, провозгласивших людей равными и равно имеющими право на счастье. Королевский двор не только снисходительно смотрит, как в Америку отправляется Лафайет со своими добровольцами, но позднее посылает туда регулярные войска. Война за океаном обходится французской короне в полтора–два миллиарда франков, и, как и предсказывал Тюрго, ведет к банкротству страны.

Король тогда призывает в министры финансов известного женеvского банкира Неккера, либерала и друга «философов», который предлагает чудодейственное средство — жизнь взаимности...

Помнится, в конце восьмидесятых годов многие наши экономисты предлагали осуществить советскую перестройку также взаимности. Этого не получилось ни сейчас, ни двести лет назад. И именно по-

литика Неккера приводит Францию к краху, хотя в глазах рядовых граждан виноваты его преемники, а он останется для современников гением финансов, который и бюджет сводил, и налоги не повышал.

Какое-то время рецепт Неккера работает, но в конце восьмидесятих годов казна полностью истощена, кредитов взяты неоткуда. Нужны новые налоги, и вот тут к революции сделан следующий шаг. В верхах возникает революционная идея: сократить привилегии и обложить налогами духовенство и дворянство, но это не во власти одного короля. Его новый министр Калон предлагает созвать ассамблею нотаблей, наиболее авторитетных представителей привилегированных сословий, с тем чтобы посоветоваться, как жить дальше. Своего рода партийный съезд стоящих у власти. Он собирается в феврале 1787 года, и это уже подлинное начало революции.

Среди нотаблей много видных представителей просвещенной аристократии, сторонников либеральных идей: Мирабо, Лафайет, Талейран! Именно тогда они начинают свою политическую карьеру. Калон надеется получить одобрение ассамблеи на то, чтобы осуществить реформы, которым противится парламент. Он надеется получить их согласие на более справедливое распределение налогов, на сокращение привилегий. Идеалист! Нотабли обвиняют его во всех грехах, он становится козлом отпущения. Король вынужден отправить его в отставку. Нотабли не хотят ничего менять. Они не понимают, что по-старому жить более нельзя. Это понимают король и его министры, но не аристократическая «номенклатура».

Очередной министр все-таки надеется провести реформы в обход нотаблей и предлагает созвать Генеральные штаты, чтобы заручиться их моральной поддержкой. Идея совета с народом, съезда депутатов всех сословий ассоциируется в стране с новыми либеральными, демократическими веяниями. В то же время советники короля говорят о том, что это не новация, а, напротив, возвращение к истокам монархической идеи, к традициям Шарлеманя, собиравшего народные ассамблеи.

Созыв Генеральных штатов происходит, словом, в возбужденной обстановке, но надо сказать, что никто — ни власть, ни народ — не ждали от них революционных перемен. Никому в тот момент не приходило в голову, что в ближайшие годы будет сломан устоявшийся веками порядок вещей. Да к этому никто и не стремился. Реформы, более справедливое распределение налогового бремени, большая социальная справедливость? Да. Но все ожидали, что все это осуществит сам король, выслушав наказания депутатов и заручившись их поддержкой в борьбе с консервативными силами. Но рес-

публика? Казнь короля? Смерть десятков тысяч людей? Этого не желал никто. Отличие Французской революции, например, от Октябрьской в том, что на момент ее начала революционеров в стране не было вообще, как не было и партий, требовавших изменения общественной системы.

5 мая 1789 года, однако, джинн революции выпущен из бутылки: в Версале торжественно открываются Генеральные штаты, но уже в июне от них отделяются представители третьего сословия, составляющего 96 процентов населения страны. Они объявляют себя Национальным собранием и дают клятву дать Франции конституцию. Людовик не хочет крови и смиряется с этим.

А дальше Французскую революцию двигают «революционные дни», когда парижская толпа берет инициативу в свои руки и заставляет Национальное собрание, а позднее — пришедшие ему на смену иные представительные органы уходить все дальше и дальше от тех идей, с которых все начиналось.

14 июля толпа атакует и уничтожает Бастилию, символ французского самодержавия. Людовик проглатывает и это. Парадоксально то, что народ рушит Бастилию, где обычных узников-то и не бывало. Это тюрьма для привилегированных, простолюдины туда и не допускались. 17 июля Людовик приезжает в парижскую мэрию, где совершает символический жест — прикрепляет к шляпе трехцветную кокарду, родившийся в эти дни символ революционной Франции. Красный и синий — цвета Парижа, белый — цвет монархии, и их единение призвано отражать единение народа и короля. Но триколор станет символом Франции революционной, Франции республиканской.

Но опять же мысль о республике пока еще никому не приходит в голову. Парижане всерьез обсуждают идею воздвигнуть на месте Бастилии памятник Людовику XVI в знак признания его заслуг. Ситуация, однако, быстро меняется. Страна, и так находящаяся на грани банкротства, потеряв привычный руль управления, на полных парах мчится к экономической катастрофе.

В октябре, после похода голодных женщин на Версаль, Людовик и его семья становятся по сути пленниками толпы, их перевозят в Париж — пока еще в королевский дворец Тюильри, но они находятся под неусыпным надзором национальной гвардии.

Начав с подготовки конституции, Национальное собрание полностью меняет политическую систему страны. За те два года, пока ему на смену не пришло Учредительное собрание, оно национализировало земли церкви, покончило с цензурой, создало систему

централизованной представительной власти, новую систему административного деления страны — на департаменты, ввело равенство перед законом, отделило законодательную власть от исполнительной, и многое другое. Иными словами, создало основы демократической политической системы.

Но, создавая законы, по которым и поныне живет цивилизованный мир, Учредительное собрание абсолютно не контролирует того, что происходит в самой Франции.

Наступает период анархии, когда люди не платят налогов, дискутируют о демократии, а местные власти требуют полномочий и самоопределения. Король во Франции вроде бы и есть, но в то же время он уже не управляет происходящими процессами, которые сам вызвал к жизни. Он их заложник — пока еще не физически, а политически.

К 1791 году анархия становится всеобщей, и Людовик в июне пытается отмежеваться от происходящего, предприняв попытку бегства за границу, но он опознан по дороге в Бельгию и под конвоем возвращен в Париж. Отныне Людовик узник новых властей окончательно и бесповоротно, и судьба его решена. Он еще может отречься от престола и спасти свою голову. Но короли Франции не отрываются...

Лето — осень 1791 года — смутное время. Бешеная инфляция, нехватка продовольствия, голод — все это подстегивает революцию. Парижские простолюдины требуют суда над королем, но Учредительное собрание, опасаясь, что народ затем направит свой гнев против буржуазии и землевладельцев, еще пытается спасти короля. Оно даже утверждает, что король не бежал, а был «пленен», а затем освобожден законной властью. Против толпы, требующей низложения короля и провозглашения республики, посылается гвардия, и герой американской революции Лафайет без тени колебания расстреливает безоружных соотечественников.

Тем временем в Пруссии, в Кобленце, вокруг бежавшего из Франции принца Конде группируются эмигранты, сторонники старого режима, поддерживаемые Пруссией и Австрией. В августе 1791 года они пытаются контратаковать. Слухи о путче, о заговоре волнуют народ, и французский парламент ставит заговорщиков вне закона, обязуя вернуться во Францию. Между тем Франция в сентябре 1791 года обретает конституцию, по которой монархия сохранена, и король даже может на четыре года приостанавливать действие законов, принятых Собранием. Он и пользуется этим правом, налагая вето на декрет об эмигрантах. Людовик окончательно стано-

вится в глазах народа противником реформ. На улицах Парижа собираются толпы санкюлотов, призывающие физически уничтожить старый режим.

На основе конституции избирается Законодательное собрание, и в октябре 1791 года оно приступает к работе. Революционной Франции объявляют войну монархии Европы. Жребий брошен, и Франция, еще до Наполеона, начинает вести бесконечные войны, которые оправдывает не только необходимостью защиты, но и стремлением принести другим народам Европы свободу.

В умах европейцев начинают вновь бродить идеи единства. В последние столетия они, казалось, вдохновляли лишь философов и ученых, а не политиков. Действительно, гениальный Лейбниц безнадежно пытался убедить Людовика XIV в необходимости восстановить европейскую империю, начав с возвращения в лоно христианства Египта и других частей Северной Африки. Он верил, что объединившись против общего врага, мусульманства, Европа вновь обрела бы целостность. Король-солнце тогда не внял философу, но время для египетской авантюры уже скоро придет.

Мирабо, Лафайет, Робеспьер верят в необходимость нового единства Европы. Их поддерживают в этом и за океаном. Джордж Вашингтон пишет Лафайету: «Я гражданин великой Республики Человечества. Я вижу род человеческий, объединенный в единую семью братскими узами. Мы посеяли зерна свободы и союза, которые потихоньку дадут всходы по всей земле. Когда-нибудь, по модели Соединенных Штатов Америки будут созданы Соединенные Штаты Европы».

Слово брошено — Соединенные Штаты Европы. Так у Старого Света появляется новая цель. Но революция мечтает о «республиках-сестрах», Наполеон позднее даст ей «королевства-братья»...

Пока же война оборачивается для Франции трагедией: неподготовленная армия, пассивные офицеры старого режима — все это влечет одно фиаско за другим, что приводит к очередному политическому кризису. В дни, когда революции грозит опасность, на улицы выходит народ. 10 августа 1792 года парижская толпа штурмом берет королевский дворец, Людовик арестован и заключен вместе с семьей в тюрьму Тамплль.

Но ситуация на фронтах остается тяжелой, прусская армия подходит уже к Вердену. Революционно настроенные депутаты — Дантон, Марат, Робеспьер провозглашают отечество в опасности, и на голом энтузиазме французская армия останавливает интервенцию и даже закрепляется в Бельгии.

Тем временем на смену Законодательному собранию приходит Конвент, где исключительно активны самые крайние экстремистски настроенные политики, якобинцы. Но они еще не имеют всей полноты власти — она пока еще у жирондистов, достаточно умеренных представителей торгово-промышленной буржуазии. Франция официально провозглашается республикой. Наступает Первый год республики. 1792 год, как и предсказывал Нострадамус, знаменует возобновление века.

В январе 1793 года казнен Людовик. В июне к власти приходят якобинцы — Робеспьер, Сен-Жюст. В октябре 93-го начинается кровавая драма — повозки везут на гильотину всех врагов нового режима, включая Филиппа Эгалите, герцога Орлеанского, голосовавшего в свое время за смерть короля, но теперь ставшего врагом бывших соратников. 16 октября приходит черед Марии-Антуанетты. 31 октября на гильотину отправлен 21 депутат-жирондист.

Гильотинированы многие генералы, даже победители врагов революции, на их место заступает молодежь. Террор приносит плоды: Франция начинает одерживать на фронтах победы. Весной 1794 года французская армия освобождает всю территорию страны и даже овладевает Бельгией. Республика спасена. Террор больше не нужен. Но Робеспьер обнародует все новые и новые списки врагов народа. На гильотине еще падут Дантон и Демулен, выдающийся химик Лавуазье и поэт Шенье. Робеспьера остановить невозможно.

Более умеренно настроенные депутаты — Тальен, Баррас и Фуше плетут интригу против Неподкупного. Приходит 9 термидора — 27 июля, и Робеспьер в свою очередь становится жертвой революции. Он арестован, на следующий день — гильотинирован. Париж, неверный Париж, аплодирует смерти «тирана». Террор завершился. Но завершилась и революция. Об этом еще никто не подозревает, но ее апогей позади. Начинается реставрация — нет, не официальная, которая придет в 1814 году, а пока скрытая, когда бывшие революционеры вкупе с новой кровью, «новыми французами», будут восстанавливать привилегии старого режима. Не для старой аристократии, а для себя, для новой буржуазии, разбогатевший на спекуляциях за годы революционной анархии.

Новое правительство Франции — Директория в составе пяти директоров, избранных на пять лет. Но неоспоримый лидер — Баррас. Именно в его салоне решается все — делятся национализированные богатства, совершаются многомиллионные спекулятивные сделки. Франция 94 года успешно завоевала Бельгию и Голландию.

Но если Робеспьер и его сторонники хотели осуществить крестовый поход во имя свободы, равенства и братства, то термидорианцам нужны войны, которые что-то приносят, не освобождают, а присоединяют. Если раньше французы хотели дать другим народам Европы свободу и демократию, то теперь начинают говорить о необходимости восстановить «естественные» границы Франции, прежнюю Галлию, то есть обеспечить выход к Северному и Балтийскому морям. Весной 95 года Франция заключает почетный мир с Пруссией, сохраняя за собой земли по левому берегу Рейна, то самое яблоко раздора, возникшее после крушения империи Шарлеманя — Эльзас и Лотарингию.

Но война с Австрией и Англией продолжается. Начинается эра генералов. И тут восходит звезда Бонапарта.

К этому времени Бонапарт уже прославлен победой над англичанами под Тулоном в 93 году, за что и произведен в генералы. Но что делал Бонапарт все это бурное время, время Великой Французской революции? А ничего... Был простым солдатом.

Как мы уже говорили, Бонапарт происходил из дворянской семьи, но семьи небогатой. Именно поэтому он получил право быть принятым в военную школу, созданную Людовиком XV для детей обедневшего дворянства. Окончив школу в шестнадцать лет, в 1785 году он начинает военную карьеру офицера артиллерии. В начале революции Бонапарту двадцать лет, многие его сверстники активно участвуют в революции. А Бонапарт? Бонапарт же относится к ней равнодушно. Для него это внутрифранцузское дело, а он корсиканец! Все первые, драматические годы революции он проходит не политиком, а солдатом, не участвует в политических клубах или дискуссиях, не берет ничью сторону, он просто наблюдает за происходящим и воюет, когда ему приказывают.

Более того, в этот бурный революционный период он практически и не живет во Франции, хотя находится на воинской службе. С сентября 1785 года по июнь 1793 года более половины времени он проводит в отпуске на Корсике, где пытается играть в свои, корсиканские политические игры, правда, не очень успешно. До французской политики ему дела нет. Он не француз!

Корсиканское происхождение, возможно, спасло ему жизнь. Когда на гильотину стали посылать генералов революции, этот неуклюжий корсиканец со странным выговором не привлекает ничего внимания. Революция пожирала своих детей, посторонние ее интересуют меньше. Но когда ряды французской армии обезглавлены, восходит звезда Наполеона. Как уже говорилось, под Тулоном.

Этот чужак кажется всем своим, он не скомпрометировал себя политическими симпатиями или антипатиями, от чего не удержался его сверстники-французы. Он в хороших отношениях с младшим братом Робеспьера, и в то же время близко сошелся с Баррасом, его политическим антиподом. У Наполеона чистые руки, не обгаренные кровью братьев-французов, у него нет прошлого, которого можно было бы стыдиться.

Он пока еще не имеет собственных политических амбиций — идеальное воплощение военного, стоящего вне политики, надежной сабли, на которую всегда может положиться правящий режим, постольку, поскольку он правящий. К его услугам прибегает Директория в вандемьере 1795 года, когда надо подавить роялистский мятеж. После этого следует почетное назначение командующим в армию, направляющуюся в Италию для войны с Австрией. Однако назначение в Италию — не столько признание военных заслуг генерала Бонапарта, сколько приданое его жены, Жозефины, бывшей любовницы всемогущего главы Директории Барраса, от которой последний уже устал.

...С Жозефиной Богарнэ Бонапарт знакомится в доме Барраса в конце 1795 года. Он моментально попадает под ее креольское очарование и уже через четыре месяца на коленях просит ее руки. Предмет его страсти не слишком красив, скорее пикантен. Жозефина — так ее назовет сам Бонапарт, а крещена она как Мари-Жозефа-Роза — уже многое повидала в жизни. Ей тридцать два года, у нее двое детей-подростков — сын Евгений и дочь Гортензия.

У Жозефины есть врожденное, впитанное с молоком матери умение пленять мужчин. Она прекрасная собеседница, она может дать почувствовать мужчине, что он мужчина, вся ее жизнь в том и состоит, чтобы кружить головы и покорять сердца. Наконец, она аристократка до мозга костей, светская женщина, непринужденно чувствующая себя в любом обществе. Ее последней победой станет император Александр I, который, вступив в Париж в 1814 году, посещает Жозефину в ее дворце Мальмезон. Александр настолько пленяется пятидесятилетней императрицей, что обещает ей свое покровительство и сохранение всех ее привилегий. Но свидание с Александром становится роковым — во время прогулки с ним по парку Жозефина, кокетливо одетая по легкомысленной моде того времени, простужается. В разгар торжеств по случаю вступления союзников в Париж Жозефина умирает от воспаления легких. В ее жизни не случится второго императора...

Первый муж Жозефины, виконт де Богарнэ, перешедший на сторону революции, занимавший даже пост председателя Учредитель-

ного собрания, командовавший рейнской армией, гильотинирован за три дня до 9 термидора. Та же участь ждет томящуюся в тюрьме Жозефину. Но падение Робеспьера спасает ей жизнь. В тюрьме, в ожидании казни, она знакомится с другой аристократкой, Терезой де Фонтене, будущей женой Тальена, одного из всемогущих руководителей Директории. Красивая легенда гласит, что именно для того, чтобы спасти возлюбленную от гильотины, Тальен и совершает контрреволюционный переворот.

Оказавшись на свободе, Тереза и Жозефина погружаются в пучину развлечений, стремясь забыть ужасы тюрьмы. Тереза вводит подругу в дом другого руководителя Директории, Барраса, с которым их вскоре связывают более чем нежные отношения. Термидорианская Франция представляет собой нескончаемый праздник. Очнувшись от ужасов террора, пережив тюрьмы и чудом спасшись от неминуемой смерти, бывшая аристократия и новая буржуазия предаются всем радостям жизни. Никогда пиршества не были столь роскошными, а женские туалеты столь вызывающе прозрачными, как во времена Директории...

Жозефина полностью вытесняет из памяти Наполеона образ оставшейся в Марселе Дезире Клари, на которой тот ранее собирался жениться. Юная провинциалка буржуазного происхождения, конечно, не может сравниться с опытной светской львицей ни обаянием, ни темпераментом, ни элегантностью. Наполеон, не колеблясь ни секунды, рвет помолвку. Однако Дезире останется в поле его внимания в силу родственных связей — ее старшая сестра Жюли замужем за старшим братом Наполеона Жозефом. И придет день, когда Наполеон вознаградит свою отвергнутую возлюбленную за терпение и покорность судьбе, содействуя восхождению ее мужа, маршала Бернадота, на шведский трон. Потомки Дезире правят Швецией и поныне. Кстати, сын Бернадота и Дезире Клари в силу своего «особого» происхождения долго не мог найти достойную европейскую принцессу и в итоге женился на ... внучке Жозефины, дочери ее сына Евгения Богарнэ и баварской принцессы. Так что и кровь Жозефины течет в шведских монархах...

Познакомившись с Бонапартом, Жозефина сначала равнодушна к неотесанному корсиканцу. Но ей надо устраивать свою жизнь, будущее детей. Баррас от нее устал и дает ей это понять, советуя принять ухаживания Бонапарта. Преклонение юного генерала — на шесть лет младше ее — льстит креолке. Обещание Барраса буквально сразу после свадьбы услатить новобрачного подальше от Парижа, в Италию, перевешивает чашу весов в пользу брака. И в марте

1796 года Жозефина становится гражданкой Бонапарт, а ее муж отправляется в итальянский поход.

Аппенинская кампания Бонапарта становится подлинным триумфом. Малочисленная, плохо вооруженная армия французских «мальчишек», где самым старым считается двадцатисемилетний генерал Бонапарт, молниеносно покоряет весь полуостров. Ее встречают как освободительницу от чужеземного австрийского ига. Бонапарт искренне стремится дать Италии свободу — не забудем, что в его жилах течет корсиканская, а значит, итальянская кровь. Он по-прежнему республиканец, он по-прежнему верит в великие идеалы революции и хочет принести свободу, равенство, братство и на многострадальную итальянскую землю. Наполеон проходит по Италии как освободитель, а не как завоеватель. На месте старых, прогнивших монархий он создает республики по образу и подобию французской. Республики самостоятельные, но, конечно, зависимые от Франции.

Но Наполеон прежде всего прагматик. Освобождая Италию, он одновременно приносит деньги французской казне. На вновь созданные республики он налагает существенные контрибуции, объясняя это необходимостью финансировать окончательный разгром австрийцев. Италия не возражает. Наполеон, однако, все еще — человек 1789 года и требует, чтобы бремя контрибуций несли привилегированные сословия — церковь и знать, а не простой люд. Это также завоевывает ему симпатии простых итальянцев.

Итальянская весна — счастливейшее время в жизни Бонапарта. Он удачлив на войне, он верит, что удачлив и в любви. В Париже его ждет обворожительная жена, которой он каждый день отправляет по несколько столь страстных писем, что историки избегают их цитировать полностью. Наполеону не может прийти в голову, что новобрачная уже нашла ему замену и этим-то и объясняется ее нежелание разделить с Бонапартом его итальянский триумф. Наконец, Жозефина поддается уговорам и приезжает в Милан, в окрестностях которого благодарные итальянцы подарили Наполеону дворец. И уже отнюдь не неотесанный корсиканец встречает Жозефину, а всемогущий освободитель Италии, перед которым преклоняются и заискивают. Трансформация утенка в сером сюртуке в императорского лебедя еще не завершена, но уже началась. У Наполеона появляются деньги, и Жозефина устраивает в Милане подлинный двор, где даются приемы и балы. Молодые освободители купаются в обожании Италии.

По сути дела Апеннины принимают Наполеона не как военачальника, командующего армией, а как наместника-правителя, прокон-

сула французской республики. Италия сыграет в жизни Наполеона ту же роль, что Галлия — в жизни Юлия Цезаря. Она даст ему славу, верных солдат и деньги. А главное — нимб неприкосновенности, который позволит, когда придет время, так же, как Цезарь, «перейти Рубикон», безнаказанно совершить государственный переворот и растоптать республику под бурные ее аплодисменты.

Но пока для Бонапарта главное — довести до конца разгром неприятеля, и, перейдя через границу с Австрией, он доходит почти до самой Вены. В 1797 году с Австрией заключается мир, по которому северная часть Италии официально превращается в несколько зависимых от Франции республик.

Пока из всех врагов республики неуязвима только Англия, и Франция решает нанести удар, завоевав ее колонии, прежде всего Индию. Но начать поход решено с Египта. Во главе его — вновь генерал Бонапарт, благо для Директории это удобный способ отправить его подальше от Парижа, где он становится чересчур популярен у народа.

Поход тяжел, и даже достигнутые победы — бессмысленны. Французский флот при Абукире уничтожен Нельсоном, и Бонапарт с его войсками блокирован на севере Африки. Наполеон оказывается в ловушке. Его солдаты гибнут от болезней и африканского зноя. Забитое местное население, в отличие от итальянцев, отнюдь не воспринимает французов как освободителей, и проповеди идеалов французской революции засыхают на каменистой африканской почве. В довершение всех несчастий Наполеон получает страшную весть — Жозефина неверна ему.

Удар почти смертелен. Значит, удача действительно отвернулась от него. В поисках выхода Наполеон принимает решение покинуть Египет по суше и отправиться в Сирию, чтобы затем выйти к Евфрату, а оттуда дойти все-таки до Индии и сломить Англию. Безумная авантюра! С великим трудом Наполеону удается взять Яффу, что ныне стала пригородом Тель-Авива, и дойти до старинной крепости крестоносцев Сен-Жан д'Акр. Но ее двухмесячная осада не приносит успеха. И когда в армии начинается чума, Бонапарт окончательно понимает обреченность своего великого похода и дает приказ отступить назад. Истощенная болезнями армия под палящим солнцем возвращается в Египет. Ее командующий вновь оказывается в той же ловушке, из которой пытался выбраться. И принимает решение теперь не просто безумное, но преступное. Ссылаясь на полученное из Парижа известие о поражении французских войск от армии Суворова, на то, что Италия вновь потеряна, Бонапарт

тайно покидает армию, бросая ее по сути дела на произвол судьбы. Он забирает с собой своих лучших генералов и возвращается в Париж.

На сей раз фортуна обращается к Бонапарту лицом. Мало того, что ему удается пересечь Средиземное море, не попав в руки англичан, — Франция встречает его не как дезертира, а как прежнего героя итальянского похода. Марсель, Лион, другие города устраивают Бонапарту восторженные встречи. Но что скажет Париж? Что скажет Директория, указания которой генерал, бесспорно, нарушил, самовольно покинув Египет?

Но в Париже уже все созрело для смены власти. Более того. Один из членов Директории, хитрая лиса Сийес, даже подготовил все к перевороту и нуждается только в послушной сабле. Возвращение Бонапарта кажется ему гласом судьбы. Сийес еще не знает, что неожиданно найденную саблю ему не удастся контролировать.

Директория падет легко — потому что начиная с термидорианского переворота 94 года вплоть до 99 года она не может дать стране стабильное правительство. За десять лет, прошедших после 89 года, революция опротивела всем, включая тех, кто от нее выиграл, кто приобрел национализированные богатства, отнятые у церкви и аристократии.

Все хотят стабильности, всем надоела анархия. Даже сторонники нового режима понимают, что для того, чтобы консолидировать его, нужно вернуться к порядку и авторитарности. Финансовый кризис и разруха в армии достигли крайних степеней. Сам министр обороны не знает, сколько под его ружьем стоит раздетых и голодных солдат, но зато все знают, что брошенная на произвол армия потихоньку начинает заниматься мародерством и разбоем на территории собственной страны. Буржуазия требует «твердой руки», которая подавила бы и сопротивление монархистов, и демократические чаяния народа, да еще и защитила бы территориальные завоевания. Словом, Франция ждет Бонапарта. Он оправдывает ее ожидания. Членам Директории, цепляющимся за власть, он бросает исторические слова: «Что вы сделали с Францией, которую я вам оставил в таком блестящем положении? Я вам оставил мир; я нашел войну. Я вам оставил миллионы из Италии; я нашел нищету и хищнические законы. Что вы сделали со ста тысячами французов, которых я знал, моими товарищами по славе? Они мертвы».

Никто не осмеливается в ответ спросить: «А что ты сделал с армией, доверенной тебе республикой? Как смел ты обречь “своих товарищей по славе” на верную смерть?»

Позор Египта и Сирии никто не вспоминает. И 18 брюмера (9 ноября) 1799 года он легко свергает Директорию. На следующий день приходит черед законодательной власти. Правда, депутатов не убеждает красноречие Бонапарта, и они сгоняют его с трибуны криками: «Вне закона». Но верный генерал Мюрат приказывает своим солдатам: «Вышвырните всю эту свору вон», и законодатели, даже не дожидаясь исполнения приказа, разбегаются сами.

Переворот оказывается быстрым и бескровным. Режим Директории не защищает никто. Даже искренние республиканцы, «последние якобинцы», не встанут на его защиту. Их можно понять: кучка продажных политиков, узурпировавших имя республики и опошливших ее идеалы, им ненавистна еще более, чем блестящий генерал, с чьим именем связаны военные триумфы республики. Так звезда Наполеона окончательно утверждается на европейском небосклоне.

Когда еще при жизни Наполеона историки начнут рыться в архивах, чтобы определить генеалогию его семьи и найти достойных императора предков, сам Наполеон скажет: «Эти поиски — ребячество. Для всех, кого интересует, с какого времени существует дом Бонапартов, ответ очень прост: с 18 брюмера».

Читатель, я думаю, сам уже увидел параллели с нашей, российской революцией, параллели, которые потрясают. Действительно, наша современная история, мне кажется, пока точно следует графику Великой французской революции, которая, повторим, началась в 1789 году с созыва Генеральных штатов (вспомним Первый съезд народных депутатов весной 1989 года!), пережила голод и путчи в 91-м, подвела черту под монархией в 92-м (мы тем временем узаконивали свои суверенитеты!), прошла свой кровавый апогей в октябре 93-го, и встретила термидорианское затишье в конце 94-го с тем, чтобы позднее привести к империи... Будет ли у нас погоня за российской империей, российский Наполеон, который придет ко власти в 99 году, покажет время. Но если он будет, то не тот ли Великий царь монголов, приход которого в 1999 году, как мы помним, предсказал Нострадамус? Все может быть... Но тем интереснее вновь вернуться в прошлое, чтобы увидеть наше будущее.

Бонапарт дает Франции очередную конституцию, по которой представительная власть теряет практически все полномочия. Они переходят к Первому консулу, перед которым стоит трудная задача: навести порядок в уставшей от анархии и непрерывных восьми-летних войн стране, восстановить внутреннюю и внешнюю стабильность.

Успех во всем сопутствует Наполеону. Из антифранцузской коалиции выходит российский император Павел I. Он стремится к альянсу с Наполеоном, на которого обратил внимание сразу после 18 брюмера. Нашедшему приют в Митаве после бегства из Парижа брату казненного Людовика XVI, будущему Людовику XVIII, Павел в начале 1800 года буквально указывает на дверь, лишая к тому же ранее назначенного денежного содержания. А адресуя послание Наполеону «господин Первый консул», он по сути дела признает законность его режима. Европа шокирована экстравагантностью российского монарха. Симпатии к Наполеону, возможно, во многом и стоили Павлу I жизни. Во всяком случае, в Париже убеждены, что убийц российского императора вдохновляли те, кто хотел сорвать его наметившийся союз с Францией, а именно — англичане.

Англия и Австрия по-прежнему отказываются от предложенного им Бонапартом мира. Наполеон тогда решает нанести удар сначала по Австрии, с тем чтобы, разбив ее, загнать в угол оставшуюся без союзника Англию. Он переходит Альпы и на севере Италии одерживает победу под Маренго, в то время как другая часть армии под командованием генерала Моро разбивает противника неподалеку от Мюнхена. Австрия просит мира и отказывается от своих притязаний на Италию, признает все завоевания революционной Франции, включая Бельгию и левый берег Рейна, а также четыре республики-саттелита Франции: Батавскую (Нидерланды), Гельветическую (Швейцарию), Цизальпинскую и Лигурийскую на севере Италии. Это бесспорный триумф: впервые со времен Цезаря Франция обретает «естественные» границы прежней Галлии.

Более того, унижая Австрию, Наполеон наносит удар по тому, что еще остается от прежней германской империи. Он уже мыслит в масштабах новой Европы, мечтая упразднить эту пришедшую в упадок реликвию средневековья, создав новые государства-нации также с «естественными» границами — Италию и Германию. Вскоре Наполеон предлагает восстановить историческую справедливость и переименовать Цизальпинскую республику в Итальянскую. Благодарные жители Аппенин единодушно избирают Наполеона своим президентом. Может быть, если бы Наполеон остался верен этой идее государств-наций и не увлекся бы вскоре мечтой о новой европейской империи, история сложилась бы по-другому. Но, увы, Первый консул уже втянут в извечную европейскую погоню за империей.

Поражение Австрии заставляет идти на переговоры и Англию. Но заключенный в 1802 году мир — не более чем передышка. Франция,

сделав Нидерланды своим сателлитом, заставляет их переориентировать на себя экономические связи. Потеря морских гаваней на континенте угрожает процветанию английской коммерции и индустрии. Война неизбежна. Англия это понимает и просто копит силы.

Франция же убеждена, что отныне в Европе настает вечный мир. Даже Первый консул верует в эту иллюзию, и полностью переключает свое внимание на организацию государства. Он официально объявляет революцию законченной и провозглашает своей целью поддержание стабильности. Наполеон даже урегулирует отношения с католической церковью, заключая с папством конкордат. Этот шаг значит больше, чем только восстановление прав граждан на свободу совести. Это даже более, чем попытка использовать церковь как традиционный инструмент управления подданными. Это — признание того, что религиозная идеология, несмотря на десять лет принудительного атеизма, остается идеологией основной части французов.

Наполеон идет на этот шаг вопреки мнению парижской интеллектуальной элиты, убежденной наследнице идей века Просвещения, вопреки многим своим сподвижникам, опасаящимся мести со стороны церкви. Действительно, тому же всесильному министру иностранных дел Талейрану, бывшему епископу, в годы революции требовавшему конфискации церковных богатств, есть основания опасаться кары за отступничество. Они есть и у не менее всесильного министра полиции, бывшего убийцы Фуше, попа-расстриги.

Но Наполеон понимает, что миллионы простых французов и особенно француженок, крестьян и ремесленников втайне остаются христианами и страдают от невозможности исповедовать веру предков. И ради них Наполеон восстанавливает католическую церковь как государственную религию Франции.

Возрождаются индустрия, торговля и даже финансы. В 1800 году, следуя советам экономистов, он создает Банк Франции, который до сих пор является главным банком страны. Наполеон восстанавливает косвенные налоги, тем самым уничтожая одно из завоеваний революции, но зато оздоравливая экономику страны. Франция начинает действительно процветать.

В жизни Наполеона-человека годы его консульства — наверное, самый счастливый период. Он достиг вершины власти в расцвете сил и может пользоваться ей по своему усмотрению. Он становится предметом восхищения и обожания миллионов французов и француженок. Даже его собственная жена, наконец, понимает, что вышла замуж за великого человека. По возвращении Наполеона из Египта Жозефина на коленях и рыдая вымолила у него прощение за из-

мены. Но теперь уже не он, а она ревнует супруга. Поводов достаточно: Наполеон заводит роман то с блестящей итальянской певицей, то с гениальной трагической актрисой, то с женой боевого товарища.

Жозефину, эту светскую львицу, интрижки супруга особенно бы не тревожили, если бы не отсутствие детей. Она понимает, что ей уже не удастся родить Наполеону ребенка и боится, что тот из-за этого разведется с ней. Вот почему она так активно берется за устройство брака своей дочери от первого брака Гортензии с братом Наполеона Луи. Почему бы в будущем, думает Жозефина, Наполеону, если это потребует, не провозгласить наследником ребенка от этого брака, который окажется одновременно его племянником и внуком самой Жозефины? Франция еще республика, Наполеон только консул, но Жозефина предчувствует, что восхождение к власти еще не завершено. Она вспоминает предсказание собственной судьбы, сделанное ей еще на Мартинике: «Ты выйдешь замуж за сверхчеловека и взойдешь на трон». Но трону потребуются наследник.

И в 1802 году играется свадьба Гортензии и Луи. Многие современники утверждают, что для жениха это был брак поневоле и что это сам Наполеон был неравнодушен к чарам своей семнадцатилетней падчерицы. Согласно одной из версий, первый ребенок Гортензии даже, дескать, был не племянником Наполеона, а его сыном. Но истину, конечно, установить сложно. Наполеон, во всяком случае, неоднократно пытался официально усыновить мальчика и сделать его наследником, но неизменно наталкивался на сопротивление брата. Вопрос решится сам: в пятилетнем возрасте мальчик умрет. Других детей Гортензии — а их у нее будет еще трое — Наполеон объявлять наследниками уже не хотел. Это, наверное, о чем-то все-таки говорит...

Дом Наполеона в эти годы — Мальмезон, очаровательное имение неподалеку от Парижа. Официальная резиденция Первого консула, конечно, дворец Тюильри, но Жозефина предпочитает Мальмезон, купленный ею в долг, пока Бонапарт был в Египте. Когда генерал вернулся во Францию, он пришел в ужас от трат жены, но и сам вскоре был очарован этим уютным дворцом с прекрасным парком, где Жозефина разобьет непревзойденный розарий. Здесь Жозефина устраивает «интимные» празднества, куда с радостью приезжают старые товарищи Бонапарта, его братья и сестры, артисты и музыканты.

Только одно волнует Наполеона: его личная власть еще крайне непрочна, он только Первый консул. И Наполеон начинает шаг за

шагом упрочивать свои позиции. Ему на руку, что в 1800 году совершаются попытки покушения на его жизнь и что его экипаж только чудом на несколько секунд опережает взрыв поджидавшей его по дороге в Оперу «адской машины». Наличие воинственно настроенной оппозиции, пусть немногочисленной, дает Наполеону повод потребовать новых полномочий. Титул консула для начала становится пожизненным, а затем — наследственным. Наполеон получает право назначить своего преемника. Кстати, эти решения принимаются всенародным плебисцитом! Франция готова к возрождению монархии.

Итак, от Директории образца 1795 года в составе пяти директоров, назначенных на пять лет, в 1799 году Франция перешла к Консулату в составе трех консулов, назначенных на десять лет, затем один из них был сделан пожизненным. Следующий шаг, наследственная монархия, был логичен.

Опять же судьба помогает ему. Необходимое подспорье — очередной заговор сторонников Бурбонов. Заговор, равно как и угроза жизни Бонапарта, вполне реальны. Но помимо истинных виновников Наполеон карает абсолютно непричастного к замыслу младшего отпрыска дома Бурбонов, принца Энгиенского. Тот даже не думал приезжать во Францию, но Наполеон идет на невероятное нарушение всех норм и правил — принца похищают на территории нейтрального государства, герцогства Баденского, привозят во Францию и после короткого военного трибунала расстреливают. Сам Наполеон позднее скажет об этом эпизоде: «Это хуже, чем преступление, это — ошибка».

Зачем Наполеону, дотоле неповинному в крови Бурбонов, это убийство? В будущем он всегда будет отвечать, что того требовали государственные интересы. Не совсем так: требовали интересы его ближайшего окружения, напуганного перспективой того, что Наполеон, лично не проливавший кровь Бурбонов, может стать «новым Монком». Английский генерал, как известно, после смерти Кромвеля использовал доставшуюся ему власть для того, чтобы восстановить на престоле Стюартов.

Многие бывшие республиканцы, голосовавшие за казнь короля, запятнанные репрессиями во время террора, боятся возвращения Бурбонов и неизбежной мести. Им нужно повязать Наполеона кровью. И это удастся. Отныне примирение Бонапарта и Бурбонов невозможно. Но потребность в монархе остается. И выбора теперь нет — им станет Наполеон. Как отец Карла Великого когда-то окончательно отодвинул в сторону предшествующую ему династию Ме-

ровингов, так теперь Наполеон навсегда, казалось бы, убирает со сцены истории Капетов-Бурбонов.

Сам Наполеон позднее напишет: «Я наследую не Людовику XIV, а Шарлеманю. Я — Шарлемань, поскольку, как он, я объединил корону Франции с короной Ломбардии и моя империя выходит на Восток».

В 1804 году Бонапарт становится Наполеоном и коронован императором французов. Как следует из решения сената, «управление республикой доверяется императору Наполеону». Решение сената также одобрено плебисцитом: за — 3 752 329 человек, против — всего 2 569. Наполеон становится первым в истории всенародно избранным императором. Его примеру последует племянник, Луи-Наполеон, который также в 1852 году уверенно победит на плебисците по вопросу о возрождении наследственной империи.

Империя провозглашена 18 мая 1804 года, а 2 декабря того же года происходит торжественная коронация — не в Реймсе, как монархов старого режима, а в Париже, в соборе Нотр-Дам, практически тысячу лет спустя после того, как был коронован Шарлемань. Но есть разница, и принципиальная, между этими двумя церемониями. Шарлемань прибыл в Рим, и корона на его голову была возложена папой, хотя сам Шарлемань и не хотел этого. Наполеон же не удосуживается отправиться в Рим, он вызывает папу в Париж, как обычного священнослужителя, без особых почестей встречает его, и главное, без предупреждения нарушает тысячелетний церемониал коронавания. Взяв корону из рук папы, Наполеон сам возлагает ее на свою голову. Новый император получает свою власть от французского народа, а не от папы римского.

Одновременно императрицей коронуется Жозефина. В канун церемонии она раскрывает папе римскому страшную тайну — ее брак с Наполеоном так и не освящен церковью. Франция уже примирилась с церковью, все браки близких Наполеона совершаются в церкви, сам же Бонапарт не делает этого шага. Скорее всего, он оставляет лазейку для возможного развода с Жозефиной, к которому его давно толкают и родные, люто ненавидящие креолку, да и многие приближенные, указывающие, что у сорокалетней Жозефины уже никогда не будет детей. Но Наполеон пока колеблется. От его былой страсти к Жозефине уже мало что осталось, но он по-прежнему ей предан — и будет предан всегда. Она хороший советчик, надежный друг, наконец, она прекрасно умеет ладить с иностранными дворами, дипломатами.

А главное — Бонапарт сам не уверен, что у него могут быть дети, во всяком случае, ни одна из его возлюбленных пока так и не сде-

дала его отцом. А если император разведется с бесплодной супругой, женится вновь и опять не дождется потомства? Он же станет посмешищем всей Европы! Лишь когда у Бонапарта появятся незаконные дети, он решится на развод. А пока тайно, накануне торжественной церемонии, в Нотр-Дам свершается церковный брак императора и императрицы.

...Франция торжествует: корона Шарлеманя, так долго возлагавшаяся на немецкие головы, наконец, возвращается во Францию. Но в Европе не может быть двух европейских империй, и спустя два года тысячелетняя Священная Римская германская империя будет, как мы вскоре узнаем, упразднена обычной дипломатической нотой. Но этого европейцы, ослепленные блеском новой империи, даже не заметят.

Империя Наполеона не уступает империи Шарлеманя. Помимо Франции, она включает Бельгию, Голландию и Италию. Постепенно Наполеон отказывается от идеи создать «братские республики», а создает зависимые от Франции королевства. Здесь он идет по стопам Шарлеманя — великий император, как мы знаем, делал своих сыновей королями частей империи, но королями, полностью зависимыми от него. Точно так же поступает Наполеон. У него, правда, нет сыновей, но есть масса другой родни. Итальянскую республику он преобразовывает в итальянское королевство и возлагает на свою голову знаменитую железную корону ломбардских королей. Своего пасынка Евгения Богарнэ он делает вице-королем и женит на дочери короля Баварии. Батавскую республику он преобразовывает в королевство Нидерланды и отдает его своему брату Луи. Он без проблем изгоняет с юга Италии последних Бурбонов и делает королем Неаполя другого брата — Жерома. В этой роли его вскоре сменит его зять маршал Мюрат, а Жером станет королем Испании.

Все эти короли — однодневки, держащиеся на власти императора, указания которого они выполняют свято, боясь ослушаться. Любопытно, что единственный король, который сразу окажется не очень послушным, — Луи, получивший Нидерланды. Этот край, родина нашей героини Марии Бургундской, вновь соблазнит своего сюзерена, который, как когда-то герцоги Бургундские, также ближайшие родственники французских монархов, начнет проводить проанглийскую политику. И позднее Наполеону во имя борьбы с Англией придется включить Нидерланды в состав Франции.

Всех своих родных он провозглашает принцами и принцессами королевской крови, но мира и согласия в этом семействе нет. Вче-

рашние нищие корсиканцы, могуществом брата вознесенные к вершинам власти, постоянно ссорятся между собой, ревнуют друг друга, требуют все новых почестей, привилегий и денег. Эта вздорная семейка доставит Наполеону множество проблем и в конечном счете предаст его, но сам император до конца будет оставаться корсиканцем, верным своему клану. Увы, сделать из своей родни подлинную опору власти Наполеону не удастся, и если империя Шарлеманя начала рушиться с его смертью в 814 году, империя Наполеона — с его отречением в 1814 году.

Но пока Наполеон в зените славы. Молодой император — всего 35 лет! — для молодой империи, Наполеон начинает возвращать стабильность. Он сохраняет все наиболее существенные завоевания революции — систему представительной власти, равенство перед законом, он делает их устоявшимся порядком. Даже реставрация Бурбонов не изменит этого. То, что Наполеон возьмет из революции, в основе своей сохранится и после него. В то же время он признает, что не все было плохо при старом режиме, и возвращает некоторые элементы его налоговой системы, упраздненные революцией. Наполеон прощает эмигрантов и даже возвращает им их имения, если они не проданы. Он составляет Гражданский кодекс, библию буржуазного общества. Ее основа — признание права собственности. Наполеон был справедлив, когда уже на острове Святой Елены сказал: «Мои победы перечеркнуты поражением под Ватерлоо, но Гражданский кодекс увековечит мое имя».

Наполеон постепенно становится демократическим деспотом. В отличие от прежних монархов он приведен к власти с прямого согласия народа. Он зависит от поддержки народа, который дает ему армию. В этом смысле он близок к правителям XX века. И в то же время он правит единолично, мало прислушиваясь к сохраненным демократическим институтам представительной власти. Он вводит цензуру, возвращается к системе государственных тюрем, где людей можно содержать без суда и следствия. Словом, он — то, что нужно в этот переходный период Франции, которая стремится закрепить завоевания революции, но понимает, что сделать это можно только авторитарным методом. Этот тот самый просвещенный деспотизм, о котором вспомнят в конце XX века политики стран ЕС, создающие Европейский союз.

Тем временем кончается мирная передышка, поднимают голову старые враги Франции: Австрия, Англия и Россия. Душа этой коалиции — Англия, и Наполеон полон стремления нанести по ней удар. Франция собирает грандиозный флот, но он наголову разбит

под Трафальгаром, на юге Испании, адмиралом Нельсоном. Англия навсегда спасена от высадки французских войск.

Однако сухопутные сражения неизменно приносят Наполеону только победы. В декабре 1805 года он разбивает русскую и австрийскую армию. Для Наполеона сияет солнце Аустерлица.

Главный итог этой победы для Европы — уничтожение в 1806 году Священной Римской империи, во главе которой по традиции стоял император Австрии. Обломки Священной Римской империи оказываются во власти Наполеона, из них он создает зависимую от него Рейнскую конфедерацию, куда не входят ни Пруссия, ни Австрия. Французская империя отныне — единственная преемница империи Карла Великого.

В 1806 году Наполеон разбивает и прусскую армию, французские войска вступают в Берлин. Он идет дальше, разбивает русскую армию под Фридландом и оказывается в Польше, население которой видит в нем, как когда-то жители Италии, освободителя. Поляки надеются на восстановление их независимости, на то, что Наполеон перечеркнет позорные разделы страны между тремя державами — Австрией, Пруссией и Россией — и вернет на карту Европы одно из старинных ее государств. Наполеон не отвергает просьбы патриотов, но и не идет им навстречу. Даже мольбы прекрасной Марии Валевской, которая становится его настоящей любовью, его «польской женой», напрасны. Хотя, казалось бы, почему не восстановить самостоятельность Польши и в духе традиций империи не дать ей короля собственной крови, его сына Александра, которого вскоре родит ему светловолосая Мария? Поляки были бы в восторге от такой чести...

Но Наполеон не делает этого величественного шага. Ему безразлично, как отнесутся к этому Австрия и Польша. Но Россия, к союзу с которой он столь страстно стремится, будет тогда для него потеряна. И чтобы не раздражать возможного союзника, Наполеон ничего не делает для Польши. Поступок мудрый: в 1807 году Франция с Россией подписали знаменитый Тильзитский мир. Происходит встреча Наполеона с Александром I, который обязуется стать союзником в борьбе против Англии и присоединиться к объявленной Наполеоном континентальной блокаде, то есть не допускать английские товары и в Россию. Это не в интересах российской экономики, но такова цена мира.

Тильзит, рукопожатие двух императоров — апофеоз империи. Наполеон верит, что в союзе с Россией он непобедим. Двум империям делить нечего — Наполеон признает право России вершить

судьбы Восточной Европы, оставляя за собой Западную. Во имя русского альянса Наполеон жертвует всеми традиционными союзниками Франции. Как мы помним из предыдущего рассказа, попытки Петра I сблизиться с Францией разбивались о непреодолимое препятствие: враги России были извечными друзьями Франции. Но Наполеон меняет традиционные вектора французской дипломатии — он отворачивается от Польши, Швеции и Турции, развязывая руки русскому царю. И Александр извлечет из этого максимальную выгоду: он укрепитя в Польше, отберет у Швеции Финляндию, а у Турции — Молдавию и Валахию. Наполеона это не смутит — Россия ему дороже других союзников.

Окрыленный Тильзитом, Наполеон чувствует себя неуязвимым и начинает совершать то, что раньше не осмеливался. Император начинает планомерно закрывать бреши, которые существуют в континентальной блокаде. Наполеона не смущает, если ради этого приходится пожертвовать союзниками. Он оккупирует Рим и изгоняет оттуда папу, совсем недавно помазавшего его на царство. Он вторгается в Испанию, которая ранее всегда была его верным союзником. Да, формально французы оказываются за Пиренеями по просьбе законного наследника короны принца Фердинанда, который просит помощи в борьбе со своим отцом Карлом. Но французские войска уже не освобождают территории, они их аннексируют. И когда Наполеон низлагает Карла, он оставляет корону себе, вернее, возлагает ее на своего брата Жозефа, который в свою очередь уступает неаполитанский трон маршалу Мюрату. Наполеон жонглирует королями как префектами! Но Жозефу не удастся закрепить власть Франции. Испания, ранее поделенная на сторонников враждующих Карла и Фердинанда, объединяется против чужеземцев. Это первая страна, которую Наполеону не удастся подчинить. Как, впрочем, не удалось ее подчинить и Шарлеманю за тысячу лет до этого.

Но в других частях Европы Наполеон пока властвует безраздельно. И в то же время зреет понимание того, что аннексия не может продолжаться вечно. Империя Наполеона как картонный домик, скрепленный его личной властью. Что будет после него, особенно учитывая, что у него нет законных детей? Империи нужен наследник, и Наполеон наконец разводится с Жозефиной. Он хотел бы видеть своей женой сестру русского императора, но согласия не получает. У Александра к этому времени только одна незамужняя сестра, шестнадцатилетняя Анна, и Наполеон мечтает браком с ней свершить то, что не удалось даже Шарлеманю — связать династическими узами Запад и Византию. Ведь брак Шарлеманя с Ириной,

императрицей Византии, так и не состоялся. Но не состоится и этот брак, и на престол Франции не взойдет вторая русская женщина по имени Анна. Не доставшаяся Наполеону невеста станет королевой Голландии. Именно ей подарит супруг тот самый деревянный домик в голландском Заандаме, в котором жил Петр Великий, обучаясь корабельному делу...

Отказ Александра понятен: несмотря на политический союз с Наполеоном, последний в глазах монархов Европы узурпатор, преемник кровавого Робеспьера. Пожертвовать ему свою сестру Александр мог бы только в крайней ситуации, если бы Россия была бы оккупирована, поставлена на колени, унижена... В таком положении находится не Россия, а Австрия, и именно австрийский император отдает Наполеону дочь.

...Интересно, что обычно счастливый в женщинах Бонапарт так никогда и не встретил в своей жизни русскую любовь. Его обожали представительницы многих европейских наций: француженки, итальянки, полька, гордая Валевская, наконец не менее гордая австриячка Мария-Луиза, ставшая его второй императрицей. Но «русского романа» у него не было.

Итак, Наполеон связывает себя брачными узами с дочерью австрийского императора. «Новую австриячку» французы встречают в штыки, особенно те, кто в свое время послал ее тетушку на гильотину. Но шаг Наполеона логичен: основатель новой европейской империи берет в жены дочь последнего владыки империи старой, как уже часто случалось в истории. Легитимность, преемственность империй обеспечена. Но выбор даже «генетически удачный», поскольку Наполеону нужна прежде всего мать будущих наследников. А женщины из рода Габсбургов отличаются завидной плодовитостью: у матери Марии-Луизы было тринадцать детей, у бабушки — восемнадцать, у прабабушки — шестнадцать. Если бы императорская чета совместно прожила бы долго, то очевидно, что Наполеон обзавелся бы множеством потомков. Но судьба успела подарить ему только одного сына, нареченного, в традициях Шарлеманя, Римским королем.

Наполеон стремится заставить забыть свое корсиканское происхождение, тем самым придать своей империи ореол законности и традиций. В Сен-Дени, в усыпальнице французских королей, он грустно говорит о Людовике XVI: «Наш несчастный дядюшка». Людовик ведь был женат на тетушке Марии-Луизы.

Но даже рождение наследника уже не может спасти обреченную империю. Франция состоит уже из 130 департаментов — в начале

революции их было 83, выходит на берега Балтики, простирается от устья Эльбы до устья Тибра. Наполеон к тому же — король Италии, члены его семьи восседают на престолах «королевств-братьев»: брат Жозеф в Неаполе, а затем в Мадриде, другой брат, Жером — в Вестфалии. Маршал Мюрат, женатый на сестре Наполеона Каролине, меняет Жозефа как король Неаполя. Наполеон, кроме того, протектор Рейнской конфедерации и по сути дела управляет великим герцогством Варшавским. Даже наследником Швеции, ее кронпринцем назначен французский маршал Бернадот, женатый, как уже говорилось, на отвергнутой невесте Наполеона, Дезире Клары.

Но империя Наполеона все больше напоминает германскую империю времен Барбароссы, где император — вечный странник. Наполеон и его маршалы одерживают одну победу за другой, они ночуют во всех дворцах Европы, спят в постелях всех королей, но не в своей собственной. Личный дворец императора — его походная палатка.

Побежденные страны ждут только удобного момента, чтобы взять реванш, особенно Россия, император которой оказывается в незавидном положении. Союз с Францией в России не популярен. Знать, вдохновляемая матерью и сестрой царя, откровенно возмущается противоестественным альянсом законного монарха с узурпатором. Торговцы и промышленники все громче требуют отмены континентальной блокады, лишившей их возможности поддерживать связи с традиционным партнером, Англией. Александр чувствует, что кольцо вокруг него сужается и что вот-вот его может постигнуть участь собственного отца, покойного императора Павла. В конце 1811 года он отказывается продолжать практику континентальной блокады Англии, и конфликт Франции с Россией становится неизбежным.

24 июня 1812 года Наполеон пересекает Неман, с тем чтобы наконец покорить Россию, на полях которой он безвозвратно теряет Великую армию. Просторы России — не для французской армии. Все ее победы в Европе были одержаны за счет быстроты, натиска, неожиданности.

Наполеон вел иные войны, чем его предшественники, — он не осаждал города, не вел длительные изнурительные кампании, а одерживал одну молниеносную победу, которая обеспечивала капитуляцию противника. Это позволяло французской армии практически обходиться без разветвленной системы снабжения, обустроенных лагерей. Она жила за счет побеждаемых народов, ко-

торые предоставляли провиант, постой и все прочее. Именно так была легко покорена Италия. Но чем дальше Наполеон шел на восток, тем труднее становились победы. Но и Австрия, и Пруссия, и Польша — достаточно густонаселенные страны, с большим количеством городов и деревень, где армия могла пополнить припасы. Пустынные же по сравнению с Европой российские территории оказались для Наполеона ловушкой.

На что рассчитывал Наполеон, вторгаясь в Россию? Вряд ли он считал ее бескрайние просторы и леса более гостеприимными территориями, чем египетские и палестинские пустыни. Вряд ли он мог рассчитывать на то, чтобы сделать Россию провинцией французской империи. Нет, он шел в Россию, чтобы возродить «дух Тильзита» и сделать ее своим союзником. Наполеон верит, что ему надо только напугать царя и тот вновь станет его союзником. Он не собирается воевать. Его шестисоттысячная армия — лишь инструмент устрашения. Ему кажется, что достаточно перейти Неман, и русские попросят мира. Они не просят, тогда Наполеон берет Вильну. Гонцов все нет. Наполеон доходит до Минска, Смоленска. Гонцов нет, равно как нет и решающего сражения. Наполеон, изучивший все труды о кампании Карла XII, тем не менее сам идет в ловушку. Русь рассыпается перед ним, затягивая его в свои железные объятия...

У Наполеона есть еще шанс победить. Ему надо только надеть сюртук итальянского покроя 1797 года и провозгласить, что он пришел как освободитель. Поляки, литовцы, другие покоренные народы, крепостные крестьяне, возможно, тогда стали бы его надежными союзниками. Но Наполеон считает себя монархом, ему претит идти на поводу у черни. Он вовсе не хочет разрушать устои России или менять правящую династию. Он лишь хочет вынудить ее вновь стать союзником. Когда Наполеон осознает свою ошибку и начнет думать о том, чтобы провозгласить себя освободителем народов от прогнившего режима, будет поздно — крестьяне возьмутся за топоры. Позднее Наполеон скажет: «Счастье России в том, что она имеет цивилизованных правителей и дикий народ».

Бородинскую битву Наполеон считает своей победой, ждет «цивилизованной капитуляции» и ключей от Москвы. Вместо этого — пустой город, объятый пожаром, отсутствие противника, с которым можно было бы вести переговоры о мире. Вступив в Москву 13 сентября, уже 19 октября он вынужден ее покинуть, начать тяжелое отступление, в ходе которого он потеряет четыре пятых своего войска.

Остальное уже эпилог его жизни — «битва народов» под Лейпцигом, вступление армий коалиции в Париж, отречение Наполеона, его ссылка на остров Эльба. Еще будет второе пришествие Наполеона, его славные «сто дней», а затем окончательное поражение под Ватерлоо. Но империи уже не будет. Никогда...

Собравшись в Вене, державы-победительницы — Россия, Австрия, Англия и Пруссия — начинают делить Европу. Пожалуй, это первый случай со времен Верденского трактата, когда на столе переговоров лежит карта всей Европы. Нет числа дипломатическим переговорам, состоявшимся за тысячу лет, прошедших между этими двумя «саммитами», но они все-таки сводились к урегулированию отношений между участниками конфликтов. Даже Вестфальский мир 1648 года, подведший черту под Тридцатилетней войной, все-таки определял прежде всего отношения между непосредственно воюющими державами.

В Вене же обсуждаются судьбы всей Европы, причем несколько стран провозглашают свое право решать за всех. Принцип один: награждать себя и своих союзников, карать противников. Подобно Вердену, это встреча на самом высшем уровне. В столицу Австрии собираются монархи, в честь которых постоянно даются приемы, балы. Современники так и назовут этот форум: «танцующий конгресс».

Но в промежутках между балами великие державы успевают основательно перекроить европейскую карту. Внешне все выглядит как возвращение к «легитимным» режимам, существовавшим до 1793 года. Да, действительно, на троны возводятся свергнутые династии — во Франции, в итальянских государствах, в Испании. Но удивительно: восстанавливаются только монархии, а не республики, существовавшие до революции. Венеция, принудительно объединенная с Миланом, делается королевством под властью Австрии. Генуя отдается королю Сардинии. Из свободных городов Германии остается только четыре. Возникшая во второй половине XVI века Нидерландская республика, превращенная Бонапартом в карманную монархию, по воле союзников монархией и остается. К ней насильственно присоединяется территория нынешней Бельгии, в эпоху Наполеона являвшаяся департаментом Франции.

Вообще любопытно, что две самые старые республики Европы — Великобритания и Нидерланды — сегодня являются монархиями. Возвращение на круги своя?..

У короля Дании, союзника Наполеона, в наказание отбирается Норвегия и отдается Швеции. Король Саксонии, также союзник Наполеона, вынужден отдать Пруссии часть своей территории.

Россия, сделавшая для разгрома Наполеона больше всех, получает меньше всех — Польшу, да и то не всю. Кто же в выигрыше?

На первый взгляд, Австрия, которая, как уже говорилось, завладела севером Италии и подтвердила свои права на Венгрию, Чехию, Хорватию. Но Австрия, даже оказавшись победительницей, уже не может восстановить бренную Священную империю. Это едва ли кажется особой потерей. Но вместе с империей Австрия теряет свое влияние в Германии. И как покажет история, главные плоды Венского конгресса получает ...Пруссия, самый незначительный, трусливый, непостоянный участник антифранцузской коалиции.

Да, часть Польши, на которую она претендовала, отдана России, но в качестве компенсации она получает часть Вестфалии, королем которой был провозглашен в свое время Жозеф Бонапарт. Земли эти лежат на самом западе Германии и отделены от непосредственно самой Пруссии практически всей Германией. Так Пруссия, изначально восточная, сельскохозяйственная страна оказывается, благодаря близорукости России, Австрии и Англии, втянутой в большую европейскую политику. Так рождается ее заветная цель: воссоединить свои западные и восточные земли. Для этого надо совсем «немного» — объединить под своей властью Германию. И Пруссия сделает это ценою новой войны. Но пока на Пруссию смотрят снисходительно. Германия, равно как и Италия, остаются разделенными на множество владений.

Страны антинаполеоновской коалиции удовлетворены итогами Венского конгресса. Им, как когда-то наследникам Шарлеманя, кажется, что они исключительно удачно поделили Европу, навсегда обеспечив европейское равновесие. Теперь остается его только поддерживать. Каким образом? Да таким же, каким оно было создано — волею европейских супердержав, провозглашающих свое незыблемое право вмешиваться в дела других стран. Так, едва родившись, «европейский концерт» превращается в Священный союз. У него две основные цели. Первая — гарантировать нерушимость установленных границ. Цель естественная и традиционная. Но есть и вторая — обеспечивать незыблемость правящих режимов.

Когда страны Варшавского договора полтора столетия спустя провозгласят свое право вмешиваться в дела друга, если социализму угрожает опасность и оказывать интернациональную помощь, они не изобретут ничего нового. Доктрина Брежнева просто модернизирует цели Священного союза.

Правда, из «Большой четверки» добровольно уходит Англия. Она не считает себя в полном смысле европейской державой. Англия.

получившая новые колонии, удовлетворена итогами конгресса и более не хочет ангажироваться в европейскую политику.

Опять же не удержусь от параллели. После Второй мировой войны первым политиком, который скажет о необходимости создать Соединенные Штаты Европы, будет англичанин Уинстон Черчилль. Это может показаться парадоксальным, когда сегодня мы знаем, что Англия вступит в ЕС с большим запозданием, нехотя и до сих пор не разделяет его основных целей, выступая против создания федерации. Но противоречия здесь нет — Черчилль имел в виду, что это Европа должна создать Соединенные Штаты, чтобы не допустить новой войны. Но Англия — это не Европа! И Соединенные Штаты ей ни к чему!

Так и в начале XIX века Англия приветствует «европейский концерт», но она предпочитает сидеть в зрительном зале, а не в оркестровой яме. Что ж, Англии проще — она имеет естественные границы, на которые давно уже никто не покушается. В континентальной же Европе появляются государства, не совпадающие с национальными границами. Германия и Италия по-прежнему разъединены, Нидерланды, напротив, насильно объединены с Бельгией, а Австрия, как уже говорилось, вообще превратилась в сложнейшую мозаику наций и народностей. Все это зерна будущих конфликтов, которые вспыхнут уже через тридцать лет.

Пока же большинству европейцев кажется, что наступил вечный мир. Пророков, предчувствующих будущее, очень мало. Но вот что пишет один из них, Шатобриан, пишет с нескрываемой тревогой: «Я не верю в европейское общество. Через пятьдесят лет в Европе не останется легитимных суверенов. От России до Сицилии не будет ничего, кроме военного деспотизма, а через сто лет — сто лет! — облака на человеческом горизонте сгущаются до того, что невозможно предсказать что-либо с точностью. В этом несчастье нашей ситуации. Мы переживаем, может быть, не только сумерки Европы, но и сумерки мира. Мне бы хотелось разглядеть будущую Россию, чтобы лучше оценить угрозу, ожидающую мир».

Но пока Европа торжествует триумф согласия. Священный альянс — изнанка наполеоновской империи. Та была Европой по-французски, эта — Европа на австро-прусско-русский манер. Но Наполеон не зря все-таки провозгласил себя «Шарлеманем сегодня». Великий Карл когда-то заложил основы феодального общества. Наполеон сделал то же самое с обществом буржуазным. Его армия несла на своих штыках идеи государства и права, воплощенные в его знаменитом кодексе. И эта идея пережила империю.

Одряхлевшие монархии Европы травили Наполеона не потому, что он был выскочка-узурпатор. Ведь оставили же они на шведском престоле его маршала Бернадота, который до самой смерти избегал показываться врачам из-за татуировки на груди времен его молодости: «Смерть королям и тиранам». Потомки Бернадота правят по сей день! Нет, Наполеон был страшен прежде всего как провозвестник нового государства, как символ неминуемого торжества буржуазной демократии.

И, несмотря на реставрацию, во всех покоренных Наполеоном странах — Франции, Италии, Швейцарии, Германии, Испании — останется введенное французской революцией равенство граждан перед законом, обеспечение личных свобод: вероисповедания, передвижения, занятия профессиональной деятельностью и т.д.

Наверное, не случайно, что в начале перехода к новой общественно-экономической формации Европа всегда была единой. Так было при Цезаре, когда расцветал рабовладельческий мир, при Шарлемане — когда строилась Европа феодальная, и, наконец, при Наполеоне — когда рождалась Европа буржуазная. Три императора — три эпохи. Этот период единства был порой кратким, но он успевал дать Европе общую точку отсчета, общие законы и правила, которые только потом приобретали национальную специфику.

Не потому ли Маркс, бесспорно, один из самых ярких европейских гениев, пророчески говорил о том, что революция должна произойти во всех европейских странах одновременно? Не мечтал ли и он об этой общей точке отсчета для новой Европы? Его наследники отказались, наверное, от самого пророческого положения его концепции, подогнав ее под политическую конъюнктуру. И вместо романтической мечты о единой справедливой Европе проложили дорогу к новому расколу...

Но в XX веке Европа возродится вновь. И там, где разбилась мечта Наполеона, — сегодня столица объединяющейся Европы. Ведь Ватерлоо ныне — один из районов Брюсселя, штаб-квартиры Европейского союза...

ЕЛИЗАВЕТА АВСТРИЙСКАЯ:
Европейская Кассандра

Великие вопросы нашей эпохи не могут быть решены
путем дискуссий или голосования.
Они будут решены железом и кровью.

*Отто Бисмарк,
канцлер Германской империи*

16. ЕЛИЗАВЕТА АВСТРИЙСКАЯ: ЕВРОПЕЙСКАЯ КАССАНДРА

Ее юность — ожившая сказка.

...В старом, чуть разрушенном, но уютном замке на берегу озера, среди лесов, жила-была юная принцесса, красивая, как картинка. У нее были добрые папа и мама, много братьев и сестер. Мама занималась хозяйством, а папа объезжал свои владения вместе с любимой дочкой. Девочка была отличной наездницей, ее все любили — и люди, и животные. Все дни она проводила в лесах, полях и ни о какой другой жизни и не мечтала, пока в один прекрасный день ее случайно не увидел соседний принц, юный и красивый, как бог, и безумно не влюбился в девочку. У коронованного возлюбленного была злая мать, которая хотела, чтобы он женился не на девочке, а на ее старшей, скучной сестре. Но принц сказал, что женится только на девочке или больше ни на ком.

Юную принцессу с любовью проводили все ее родные, и поплыла она по голубому Дунаю туда, где ждал ее суженый. И сыграли они свадьбу, и стали они жить-поживать и детей наживать...

На этом сказка кончается. Ведь в сказке они жили долго и счастливо...

Но начиналось все именно так. Не случайно жизнь Елизаветы Австрийской — неиссякаемый источник для романтических книг и трогательных кинофильмов. И все в них — почти правда.

По происхождению Елизавета — из старейшего германского рода Виттельсбахов, которым Барбаросса отдал в наследственное правление герцогство Баварское, а Наполеон произвел из герцогов в короли. Но ее отец Максимилиан — из младшей ветви Виттельсбахов, он носит титул герцога, его замок Поссенхофен, расположенный в тридцати километрах южнее Мюнхена на берегу озера Штарнберг, — скорее большое поместье. Мать же Елизаветы, Людовика, — из старшей ветви, ее брат — король Баварии, одна из ее сестер — королева Пруссии, две других по очереди были королевами Саксонии, четвертая была императрицей Австрии, пятая — мать нынешнего императора Австрии. На фоне этих блестящих браков ее собственное замужество выглядит чуть ли не мезальянсом.

Но в целом «деревенские» Виттельсбахи — большая и счастливая семья, где никто не стесняет свободы детей. Юная Елизавета, или Сисси, как зовут ее родные, обожает прогулки по окрестным лесам и вольную жизнь, она любит вместе с отцом зайти в деревенскую таверну, выпить с крестьянами неперменного пива с сосисками. При этом юная Сисси весьма романтична, она много читает и втайне от всех пишет стихи. Стихи, странные для девочки — не столько о любви, сколько о смерти. Но меланхолия пока скрыта очень глубоко в этой юной энергичной душе.

Беззаботное существование Сисси кончается в тот день, когда ее родная тетушка София, мать двадцатитрехлетнего императора Австрии Франца-Иосифа принимает решение женить его на собственной племяннице. Нет, конечно, не на Сисси — той всего пятнадцать, а на Елене, ее старшей сестре. Послушный сын соглашается с выбором матери — его кузина, восемнадцатилетняя Елена, насколько он помнит по детским воспоминаниям, достаточно хороша собой, элегантна, безукоризненно воспитана. Она будет достойной императрицей.

Чтобы сватовство не выглядело слишком натянутым, София приглашает погостить в летнюю резиденцию австрийской императорской семьи не только свою сестру Людовиду и будущую невесту, но и следующую дочь — Сисси. Все идет хорошо, молодой император исправно уделяет внимание Елене. «Ребенка» же — Сисси в поездке даже сопровождает гувернантка — держат подальше от общества взрослых.

Совершенно случайно Франц-Иосиф встречается с Сисси и ...влюбляется с первого взгляда. Его юная кузина не только сказочно красива — безупречные черты лица, густые шатеновые волосы ниже колен, стройная и грациозная, как амазонка, она полна свежести, энергии, жизни, того, чего император не встречал ни в одной из светских дам. Вопреки планам «взрослых» он приглашает Сисси на бал, на котором, как ожидалось, он должен был сделать предложение Елене. У Сисси нет даже настоящего длинного вечернего платья, но тем не менее на этом балу она — бесспорная королева красоты.

Император приглашает свою юную кузину на последний танец и потом дарит ей все букеты цветов, которые, согласно правилам котильона, должен был разделить между всеми присутствующими дамами. Это несомненное признание в любви. Придворные понимают, что перед ними — будущая императрица.

Мать императора в ужасе. Как, эта невоспитанная, непокорная девчонка, суший сорванец, вся в своего «простолюдина»-папашу,

станет императрицей? В шоке и мать Елизаветы: Сисси всего пятнадцать, в цивилизованной Европе XIX века в этом возрасте замуж не выдают, это не какие-нибудь средние века. Да и она согласна с тем, что императрица из Сисси хуже некуда, другое дело — серьезная и рассудительная Елена. Матери, увы, правы...

Но император непреклонен. Впервые за всю жизнь он идет вопреки воле матери, которая до той поры определяла всю его судьбу. Ведь именно ей он обязан тронном.

...После смерти в 1835 году императора Франциска I, столь долго воевавшего с Наполеоном, на престол восходит его сын, Фердинанд I — недалекий человек и посредственный монарх, которому к тому же достается нелегкое бремя править в Европе, почувствовавшей вкус к демократии и свободе. Революции 1848 года пошатнули многие европейские троны. Во Франции свергнут последний Бурбон, Карл X, и страна вновь становится республикой под президентством племянника Наполеона, будущего императора Наполеона III.

Неустойчив и австрийский престол, отречение правящего суверена неизбежно. Но кто придет ему на смену? Спасение видится в том, чтобы найти для старой монархии «новое лицо», нового императора, которому бы поверил народ. Официальный наследник короны — младший брат Фердинанда, эрцгерцог Карл, но и он — ограниченный и несимпатичный человек, который вряд ли сможет завоевать любовь подданных, уставших от недалеких и немолодых правителей. Другое дело — его сын, восемнадцатилетний Франц-Иосиф, уже рассудительный не по летам, серьезный, хорошо образованный и внешне привлекательный.

Голубоглазый и светловолосый принц высок и строен, он отличный наездник и пловец, и, как говорят, лучший танцор своей империи. Как жизнерадостные австрийцы могут не полюбить столь очаровательного юношу? Сторонники монархии надеются, что он покорит сердца подданных. Именно эрцгерцогиня София уговаривает мужа передать свое право наследования сыну, и тот соглашается.

В 1848 году Франц-Иосиф становится императором, и ему действительно удастся восстановить поблекший престиж австрийской монархии. Но собственной воли он пока не проявляет, следуя советам матери и ее приближенных, надо признать, весьма разумным. Не случайно эрцгерцогиню Софию называют «единственным мужчиной» при императорском дворе.

Первый самостоятельный шаг императора — выбор суженой. Сисси становится его женой. Для него это брак по любви, по без-

умной страсти, которую он пронесет через всю жизнь, прощая Сисси ее причуды и слабости. Для нее это сказка, в которой Прекрасный принц увозит ее в свое сказочное королевство.

Но действительность — не сказка. А уж императорский двор — вдвойне не сказка. Это наследие семи веков Габсбургов. Как уже говорилось на страницах этой книги, выходцы с территории нынешней Швейцарии Габсбурги с 1273 года правят Австрией. Более того, они наследственно владеют короной императоров Священной Римской империи. Лишь в 1806 году, когда после наполеоновских побед эта империя прекратила свое существование, они становятся императорами только Австрии.

Но Австрия сама по себе — несомненно, империя, доминирующая в центральной и восточной Европе. В ее состав входят двенадцать народов, она охватывает территории нынешней Австрии, Венгрии, Чехии, Словакии, Хорватии, Боснии и Герцеговины, часть Румынии, Украины, Польши, Сербии, север Италии. Распад этой империи не завершится 1918 годом, когда австро-венгерская монархия официально прекратит существование и последний из Габсбургов потеряет свой трон. Семьдесят лет спустя начнется новый виток крушения австрийского наследия. Распад Чехословакии, коллапс Югославии, кровавые войны в Хорватии, Боснии и Герцеговине — вот продолжение гибели наследия Габсбургов. И даже раздел Боснии и Герцеговины вряд ли поставил последнюю точку в этой исторической драме.

Однако до кровавых событий в Сараево 1914 и 1992 годов еще далеко. Австро-венгерская империя пока только создается — во всех смыслах этого слова. Наслышанный о грандиозном строительстве в Париже, затеянном его префектом, бароном Османном, Франц-Иосиф решает возвести и новую Вену. Та впечатляющая австрийская столица, которой мы любуемся сегодня, создана именно им. До него Вена, восточный форпост Европы, оставалась крепостью, ошестинившейся башнями и бастионами, привыкшей отражать набегии завоевателей, прежде всего турок. Франц-Иосиф приказывает срыть окружающие центр города крепостные стены и проложить кольцевую магистраль, нынешний Ринг, на котором он решает возвести монументальные здания — знаменитую Венскую оперу, парламент, университет, ратушу.

Так рождается новая Вена, новая Австрия. И создатель ее — Франц-Иосиф. Елизавете, чья юность совпала с юностью империи, однако, принадлежит в преображении австро-венгерской монархии не последняя роль. Но характер Сисси, столь созвучный ее вре-

мени, эпохе вальсов Штрауса, не по нраву той, вопреки воле которой юная баварка стала императрицей Австрии. Злой гений первых лет Сисси-императрицы — эрцгерцогиня София. Строгая, властная, холодная, требующая неукоснительного соблюдения этикета Габсбургов, изначально предубежденная против Сисси, она изводит ее своими придирками в малом и большом.

Но София отнюдь не всегда была таким суровым деспотом. Ее юность при венском дворе осенена таинственной и романтической легендой. Когда София становится женой младшего сына австрийского императора, ей всего около двадцати. Она рассудительна и строго воспитана, но в то же время жизнерадостна, хорошо образованна. Как все Виттельсбахи, она увлечена науками и искусствами. Ее муж, напротив, солдафон и любитель охоты. Он примерный супруг, но сложно найти более неподходящих друг другу людей.

Однако при дворе подрастает юноша, «железная маска» XIX века. Нет, у него есть «лицо» — он строен, высок, красив и при этом очень похож на своего отца. Но у него нет имени... При рождении его нарекли Римским королем. Теперь он просто герцог Рейхштадтский. Этот юноша — «Орленок», сын Наполеона I, насильно удерживаемый своим дедом-императором в Австрии под строгим надзором. Он не свободен выйти из дворца, он не может даже поехать к своей матери, Марии-Луизе, впрочем, вовсе не тоскующей о сыне. Благодаря снисходительности союзников, она теперь герцогиня Пармская. В объятиях австрийского генерала Нейпперга она давно забыла другого генерала. У нее новые дети и мorganатический муж.

Юный же Наполеон чахнет в позолоченной королевской тюрьме. Совсем скоро, когда ему будет всего двадцать два года, он умрет от туберкулеза. Его юность скрасит лишь дружба с молодой — всего на шесть лет старше его — эрцгерцогиней Софией. Дружба столь пылкая, что некоторые историки отваживаются утверждать, что это была первая и последняя любовь и для Софии, и для Орленка. И что плод этой любви — старший сын Софии, Франц-Иосиф, муж Елизаветы. Вот он, посмертный триумф Наполеона! Мало того, что в 1848 году его племянник Наполеон III становится президентом, а впоследствии императором Франции, его внук в том же году восходит на австрийский императорский престол!

Конечно, скорее всего, это просто красивая легенда. Так не было. Но так вполне могло бы быть. И это уже история...

Во всяком случае несомненно — София тяжело пережила смерть своего преданного друга. С той поры, как заметили окружающие, у нее резко испортился характер. От романтической девушки в ней

не осталось ничего. Юной Сисси, попытавшейся было обратиться к ней на ты, «милая тетушка», было приказано называть ее не иначе, как «высокочтимая эрцгерцогиня». Она выглядит черствой, бесчувственной женщиной. Но бесспорно одно — она до чрезвычайности привязана к своему старшему сыну и не хочет делить его ни с кем. Она мечтала о жене для него и императрице для Австрии, она огорчена тем, что ее сын нашел возлюбленную.

Нашей героине ее загадочная романтическая история с меланхоличным принцем еще предстоит. Пока же — пробуждение к реальной жизни. Для Елизаветы наступает пора разочарований. Ее дни — череда унылых обязанностей. Ключевое слово — нельзя. Нельзя смеяться, нельзя завтракать в своей спальне, нельзя заходить в рабочий кабинет мужа, нельзя просить подать пиво к обеду, нельзя надевать одно и то же платье или туфли дважды. Императрице нельзя ничего...

Отношения с Францем-Иосифом — еще одно разочарование. Рассудительный не по летам, по-военному дисциплинированный, встающий в четыре часа утра император прежде всего думает о своем государственном долге, лишь затем о жене. Он по-прежнему страстно влюблен в нее, но она — экзотическая птица, мечтательница, слишком сложная и глубокая натура.

С юности мать окружала Франца-Иосифа специально подобранными дамами, «гигиеническими» графинями, которые ублажали императора как мужчину, не требуя от него души. С Сисси же, которой всего шестнадцать, все не так прозаично. Она хочет проводить с мужем все свое время, делить с ним житейские радости, наслаждаться молодостью и счастьем жизни. Но у императора просто нет времени для того, чтобы быть всегда рядом со своей требовательной юной супругой. И вскоре он вновь бросается в удобные объятия актрис и светских дам, которых по-прежнему поставляет ему его мать, не гнушающаяся ничем, лишь бы лишить Сисси ее власти над императором. Нет, Франц-Иосиф по-прежнему обожает жену, но с другими все намного проще, а главное — быстрее...

Рождение желанных детей не меняет ничего в этой жизни. К двадцати трем годам Елизавета выполняет свой долг перед австрийской нацией — рождается наследник престола, которого назовут Рудольфом в честь основателя династии Габсбургов. Увы, для многих европейских династий имя их основателей оказывалось роковым. Последний император Рима носил имя первого царя — Ромул, последний официально правивший Россией Романов звался, как и первый, Михаилом. Рудольфа также ждет трагическая участь.

До него у Елизаветы рождаются две дочери, старшая из них умрет в младенчестве. Но Елизавету лишают даже права воспитывать детей, эрцгерцогиня считает, что легкомысленная Сисси не может быть достойной матерью. Императрица начинает чахнуть. Врачи находят у нее одну загадочную болезнь за другой. Единственное лечение, которое могут предложить эскулапы, — перемена мест, и Сисси отправляется на солнечный остров Мадейра, где проводит райские шесть месяцев. Едва вернувшись к венскому двору, императрица вновь заболевает, на сей раз у нее констатируют туберкулез. Она вновь уезжает — теперь на остров Корфу. Так начинается добровольное изгнание императрицы Австрии, которое продлится всю ее жизнь.

У Сисси страшная и воистину неизлечимая болезнь — аллергия на императорский двор, на Вену. Стоит ей на краткое время вернуться в столицу, как врачи диагностируют у нее все новые и новые заболевания. Но вдали от Вены — она абсолютно здорова. Елизавета в итоге становится подлинной скиталицей-космополитом, которая объедит всю Европу, побывает в Египте, Тунисе, многих других странах. Эта неутомимая путешественница в Австрии будет только заезжей гостьей.

Своим бегством Елизавета скандализирует Вену. Но еще больше шокирует венцев снисходительность императора, который открывает жене неограниченный кредит, чтобы она ни в чем не нуждалась. Позднее он купит ей яхту, чтобы Елизавете в ее постоянных морских путешествиях не приходилось одалживать яхту королевы Англии. Возможно, щедрость Франца-Иосифа, который по-прежнему проводит время в обществе доступных дам, навеяна угрызениями совести. Нет, его измены не отражаются на его чувствах к жене. Но Елизавета требует внимания, времени, которого у монарха нет. Так эти два порядочных, но несхожих человека начинают жить каждый собственной жизнью.

Императорской чете в итоге удастся выработать странный, но устраивающий обе стороны «модус вивенди» — быть вместе и в то же время врозь. Много позднее Елизавета сама найдет для стареющего супруга, которому придется «гигиенические графини», преданную спутницу, венскую актрису Катарину Шратт, которая даст императору покой, домашний уют, женскую заботу — все то, что не может дать ему его неуловимая и незабываемая жена. И все-таки, когда будут позволять дела государства, император будет приезжать на свидания с законной женой как пылкий любовник — на Корфу, в Триест, в Женеву.

Но и Елизавета всегда будет с ним в час испытаний. Редкая гостья в Вене, она неизменно рядом с мужем в трагические дни. А их будет, увы, немало...

Не успевают исчезнуть крепостные стены Вены, ограждавшие ее от набегов с востока, как Австрия оказывается втянутой в новые войны — на сей раз на западе от своих владений. За две короткие и неудачные кампании Австрия теряет свое влияние в Италии и Германии, что прокладывает дорогу к их оформлению в самостоятельные государства. То, к чему призывали сторонники национальной независимости во время революционных потрясений 1848 года в Берлине и в Италии, становится реальностью. И совершают это самые ярые противники революции.

...Революции 1848 года по характеру были совсем иными, чем революция 1789 года. Если тогда речь шла о демократии, правах и свободе для индивидуума, для человека, то на баррикадах 1848 года требуют прежде всего независимости, прав и свободы для наций, будь то Германия или Венгрия. Стремление к национальной независимости подстегивает даже французскую революцию, лидеры которой движимы стремлением аннулировать унижительные условия Венского конгресса 1815 года и вернуть Франции былую славу европейской империи.

Но европейские революции имеют все меньше и меньше шансов на победу. Одна из причин в том, что правящие режимы отныне полагаются на военную силу. Если раньше армия была орудием обеспечения безопасности страны, защиты от чужеземцев, то теперь она все больше становится инструментом борьбы с собственным народом. Людовик XVI не располагал армией, которую он мог бы направить против безоружной толпы. Законно избранные президенты Франции такую армию имеют, и, не задумываясь, используют ее.

И в то же время европейские правящие режимы становятся гибкими. Если раньше, как уже говорилось, власть имущие хотели жить по-старому и шли на косметическую перестройку лишь во имя сохранения прежнего образа жизни, то отныне они не запускают болезнь и соглашаются с необходимостью периодических корректировок режима. В итоге Германию объединяет Бисмарк, Италию — Наполеон III при помощи Кавура. Революционеры Гарибальди и Мадзини — лишь удобные инструменты, отброшенные в сторону, как только в них перестают нуждаться. Но объединение Германии и Италии свершается за счет унижения Австрии.

Из наполеоновских войн Австрия, казалось бы, вышла окрепшей. Хотя Священная Римская империя, упраздненная Наполеоном, вос-

становлена и не была, на ее месте создано иное, более современное образование — Германский союз, тон в котором задает Австрия. Это новое объединение включило 38 государств, причем, кроме чисто немецких, в него также вошли Нидерланды, традиционная вотчина Габсбургов со времен брака Марии Бургундской, и Дания. Австрия также сохранила свое влияние и за Апенниннами. Мало того, что было подтверждено ее право на старые итальянские владения, она получила еще и Венецию. По сути дела вся Италия была отдана на откуп австрийцам.

Такая ситуация, естественно, не могла долго устраивать Францию. И, укрепившись у власти, Наполеон III, совместно с королевством Сардиния, начинает в 1859 году войну с Австрией — под лозунгом освобождения Италии от чужеземного гнета. Итальянцы видят в нем продолжателя дела его великого дяди. Но завершается эта кампания, впрочем, достаточно быстро. Хотя французские войска уверенно одерживают одну победу за другой, Наполеон, напуганный размахом демократического движения в Италии, быстро идет на мир с Австрией, оставляя ей Венецию и отбирая только Ломбардию.

Елизавету не могут не тревожить итальянские походы Наполеона. Ее сестра Мария совсем недавно вышла замуж за короля Неаполя, или как его вновь официально именуют, королевства Двух Сицилий. Пока югу Италии ничто не угрожает, но что будет дальше? Так впервые юную императрицу начинают мучить страшные предчувствия: Европа обречена, она вскоре погибнет в пламени бесконечных войн, и увлечет за собой всех родных Елизаветы и ее саму. Эти предчувствия, увы, сбудутся в полной мере...

Итальянцы, преданные Наполеоном, решают взять дело объединения в собственные руки и обретают истинного лидера — Джузеппе Гарибальди. По его призыву тысяча патриотов становится под знамена новой Италии и в мае 1860 года высаживается на Сицилии. В рекордное время гарибальдийцы сметают неаполитанскую монархию. Сисси умоляет супруга помочь сестре и ее мужу, но Франц-Иосиф, еще не забывший унижительного поражения от французов, отказывается. Гарибальдийцы уверенно идут маршем дальше на север. В сентябре им сдается Неаполь.

Так в цитадель итальянского единства заложен новый камень. Как раз на этот период приходится первое большое путешествие Сисси на Мадейру. Именно там императрица узнает, что ее сестра вместе с мужем находят убежище в Риме, у папы. В Вечном городе изгнанная королева безумно полюбит молодого бельгийца, офицера пап-

ской гвардии, и позднее тайно родит от него близнецов. Скандальный поступок сестры приводит романтическую Сисси в восторг — так и должно быть в истинной жизни! Незадолго до этого столь же экзальтированно Сисси отнеслась к не менее дерзкому шагу своего старшего брата, который отказался от своих наследственных прав для того, чтобы жениться на актрисе. Сама Елизавета пока не бросается в авантюры, она по-прежнему любит законного супруга, но в душе она не менее, чем ее родные, готова к пылким безумствам. В будущем она их изведает немало... Но пока Елизавету, равно как Австрию, ждут новые испытания.

Для Австрии на пороге уже стоит война с Пруссией. Пожалуй, рождение прусской империи, хотя еще официально так не именуемой, было одним из самых заметных итогов Венского конгресса 1815 года. Пруссия, традиционно владевшая восточными германскими землями, неожиданно для себя получила крупные территории на Западе, вдоль Рейна. Но между ними — мелкие германские государства, по-прежнему, несмотря на упразднение Священной Римской империи, входящие в орбиту австрийского господства. И для того, чтобы стать единственной доминирующей силой на территории Германии, Пруссии нужно выкинуть оттуда Австрию. И под предводительством железного канцлера Бисмарка ей это удастся.

Первая задача Бисмарка — поссорить Австрию с другими германскими государствами. Воспользовавшись тем, что на датский престол восходит наследник по женской линии, Пруссия решает отторгнуть от Дании Шлезвиг и Гольштейн, где такое престолонаследие не допускалось. Пруссия предлагает Австрии сговор: Шлезвиг берет себе Пруссия, а Гольштейн — Австрия. Молниеносная военная кампания против Дании оказывается для Австрии пирровой победой. Да, она получает искомое герцогство, но она ссорится из-за этого с другими участниками Германского союза, возмущенными «коварством» Австрии.

Добившись желанного раздора среди германских государств, Бисмарк поворачивается к Австрии спиной. Он заключает союз с Италией, обещая помочь ей отобрать Венецию, а также с Францией, которой сулит левый берег Рейна. Оставшаяся без союзников Австрия оказывается для прусской военной машины легким орешком.

В 1866 году Пруссия одерживает разгромную победу над австрийской армией под Садовой, небольшой деревушкой около Праги. Дуэль между Габсбургами и Гогенцоллернами за господство на германских землях завершена — и не в пользу Австрии, которая теряет даже только что обретенный Гольштейн. Австрия также при-

знает за Пруссией права на Ганновер, Гессен, Франкфурт-на-Майне и другие немецкие земли. По сути дела Пруссия уже объединяет под своей властью Германию. Более того, Габсбурги теряют и Венецию. Австрия практически вытолкнута из Западной Европы, зона ее влияния, впрочем, тоже оспариваемая, отныне ограничена центром и востоком Европы, Балканами.

В эти сложные для австро-венгерской монархии дни Елизавета неизменно находится рядом с мужем. Ее стойкость вызывает уважение даже у ее извечного врага, эрцгерцогини Софии, которая в письме к внуку Рудольфу пишет, что Елизавета — святая. Парадокс: когда в Австрии все идет хорошо, Елизавета воспринимается как экстравагантная и легкомысленная особа, когда же дела обстоят плохо, то наконец-то начинают цениться ее достоинства.

Во всяком случае все это сложное время Елизавета проводит в Австрии, помогая мужу привыкать к новой роли — не германского императора, а императора центральной и восточной Европы, каковым он отныне является. Исключительно важным становится наведение порядка в этих оставшихся владениях Габсбургов. Проблем здесь немало, и главная — Венгрия, которая последние двадцать лет является постоянным источником тревоги. В 1848 году Австрии удалось подавить революционный пожар в Будапеште, призвав на помощь жандарма Европы, русскую армию. Но российский император — более не союзник Австрии. Последняя, удивив мир своей неблагодарностью, выступила против России в Крымской войне 1854–1855 годов. Унижение России, падение Севастополя обернулись в итоге для Венгрии обретением определенной свободы. Наводить там порядок австрийцам приходится теперь в одиночку, без русских штыков.

И Франц-Иосиф отдает предпочтение мирным методам. Он амнистирует венгерских националистов, заочно приговоренных к смерти в 1848 году. Более того, одного из их лидеров, Андраши, он делает сначала премьер-министром Венгрии, а позднее министром иностранных дел всей империи. И в этом — огромная заслуга Елизаветы. Эта эксцентричная императрица обладает исключительной политической интуицией. Она понимает, что Австрия должна перестать довольствоваться отведенной ей Европой, прежде всего Германией, ролью — быть буфером между Западом и Востоком. Она чувствует, что будущее Австрии — в сближении с этим Востоком, что изначально Австрия, «Восточная страна» Шарлеманя, была обращена лицом на Восток. Лишь брак Максимилиана Габсбурга с Марией Бургундской кинул этот окраинный военный гарнизон им-

перии Шарлеманя в самую гущу европейской политики. Но теперь все возвращается на круги своя. И она говорит наставникам сына: «Его образование как можно меньше должно быть немецким».

Елизавете, и только ей, обязан Франц-Иосиф примирением с Венгрией. Она завоеует ему любовь венгров, покоренных красотой, искренностью и доброжелательностью императрицы. Знаменитый компромисс 1867 года, который создает из австрийской империи австро-венгерскую монархию — дело ее рук. Елизавета уже давно окружает себя венгерскими фрейлинами и профессорами, она овладевает сложным венгерским языком, именно она настаивает на том, чтобы венгерская аристократия заняла министерские должности. И она убеждает в этом своего мужа.

И в то же время ей удастся заставить венгерскую знать поверить в искренность намерений австрийского двора. Сторонники венгерской независимости видят искреннюю любовь Елизаветы к их родине, где она проводит гораздо больше времени, чем в Вене. Словом, Елизавете благодаря природному дипломатическому таланту удастся помирить враждующие стороны. Именно ей обязана рождением австро-венгерская монархия, которая по сути строилась на принципах федерации: император Австрии отныне одновременно «по должности» является королем Венгрии, но общими остаются только вопросы внешней политики и обороны.

В 1867 году Франц-Иосиф и Елизавета торжественно коронуются королем и королевой Венгрии. Андраши, за девятнадцать лет до того приговоренный к смерти, возлагает на голову императора знаменитую корону святого Стефана! Это та самая корона, обещание которой, по преданию, предотвратило разграбление Рима гуннами. Когда Атила готовился уничтожить Рим, ему явился с небес ангел и сказал, что если он пощадит Вечный город, то наследники гуннов получают от наследников апостолов вечную корону. Так и случилось — для коронации первого венгерского короля Стефана — а, как уже говорилось на страницах этой книги, «венгр» — это искаженное «гунн» — папа римский прислал ему корону, украшенную латинским крестом и бесценными эмальями. Именно эта корона ныне возлагается на голову австрийской императорской четы. Примирение двух народов — личный триумф Елизаветы, этого видения в белом платье с улыбкой ангела.

...Торжества по случаю австро-венгерского компромисса вскоре омрачает горестная весть о смерти младшего брата Франца-Иосифа, эрцгерцога Максимилиана, несостоявшегося императора Мексики. Призрачная мексиканская корона была предложена Габсбур-

гам императором Наполеоном III в качестве компенсации за утрату владений в Италии. Но погоня за американской мечтой оказалась трагической — Максимилиан расстрелян повстанцами.

Смерть Максимилиана повергает Елизавету в трепет. Ведь она предвидела страшный конец этой авантюры. Совсем недавно Елизавета писала супруге Максимилиана, эрцгерцогине Шарлотте: «Зачем стремитесь вы к бесплодным почестям и рабству трона, если у вас есть сейчас возможность жить собственной жизнью? Зачем ставить под угрозу ваше счастье?»

Но, ослепленная блеском мексиканской короны, чета не вняла пророческим увещаниям. И вот они сбылись — Максимилиан мертв, Шарлотта теряет рассудок. Елизавете страшно. В сбывшемся предсказании ей видится предзнаменование новых трагедий, которые ждут династию Габсбургов. Напуганная, она вновь бежит из Вены. Ее убежище — Венгрия.

Сплетники, однако, утверждают, что Сисси любит не столько Венгрию, сколько венгров. Может быть, и так. Но что из того, если тридцатилетняя императрица, улаживая политические конфликты, наконец находит и свое женское счастье? Дьюла Андраши, приговоренный после восстания 1848 года к смерти и эмигрировавший во Францию, к тому времени покорила не одно женское сердце. Парижанки просто сходили с ума от этого «красавца висельника».

Несомненно, что и Елизавета не может не плениться этим блестящим кавалером, представляющим столь разительный контраст с ее законным супругом. Но роман с Андраши так и остается романом взглядов, намеков, вздохов. Их отношения — прежде всего отношения двух людей, объединенных общей политической идеей примирения Австрии и Венгрии. Другое дело — отношения императрицы с еще одним венгерским аристократом, Николаи Эстергази, который становится первой «взрослой» любовью Елизаветы.

И многое свидетельствует о том, что родившийся в период этого романа ребенок — плод этой тайной «венгерской рапсодии». Да, Елизавета периодически навещает мужа в Вене, но основное время она проводит в Венгрии, в имении, подаренном венгерской знатью императорской чете. Инициатор этого щедрого жеста — Николаи Эстергази. И замок императрицы граничит с собственными владениями Эстергази. Ничто, словом, не препятствует встречам влюбленных.

В ожидании рождения ребенка Елизавета предается мечтам. Если родится сын, который официально будет считаться младшим сыном Франца-Иосифа, то почему бы ему в будущем не стать ко-

ролем Венгрии? Императрица, столько сделавшая для создания австро-венгерской монархии, но чувствующая обреченность этого единства, теперь мечтает дать Венгрии национального правителя. Она хочет назвать сына Стефаном, в честь святого покровителя Венгрии. Но рождается девочка, и Елизавета моментально забывает о своих политических мечтаниях, проникаясь огромной нежностью к Валерии, единственному ребенку, которого не отнимет у нее императорский двор. Эту девочку Елизавета будет возить с собой во всех скитаниях по Европе.

Вена все больше кажется ей тюрьмой, она появляется там только проездом, в основном проводя время или в Баварии, или в Венгрии. Но и путешествовать она предпочитает не как императрица, а как просто Елизавета. Официальные турне приводят ее в трепет. Она не поедет с мужем в Париж на Всемирную выставку или в Египет, на открытие Суэцкого канала. Она страшится не только Вены, она страшится любых церемоний, во время которых ей придется играть роль императрицы.

Елизавету, эту вещую Кассандру, уже преследуют новые страшные предчувствия. Ей видится гибель Европы в пламени пожара, закат европейских династий, сумерки европейских богов. Ее, немку по происхождению, крови и воспитанию пугает происходящее на ее глазах рождение единства германской нации. Это тот редкий случай, когда она готова подписаться под словами своего извечного врага, эрцгерцогини Софии, опечаленной «грустным энтузиазмом немцев, которые полагают, что сражаются за Германию, в то время как они сражаются за Пруссию, которая в конечном счете раздавит всех».

Пруссия стремится к окончательному триумфу. Для этого ей надо поставить на колени Францию. На стороне Пруссии — связанные с ней экономическими и политическими узами многочисленные германские государства, включая Баварию. Вся баварская родня Елизаветы против своей воли втянута в военный конфликт на стороне Пруссии. Австрия, по-прежнему не оправившаяся от недавнего поражения, вынуждена заявить о нейтралитете.

Молниеносный триумф Пруссии, капитуляция французской армии под Седаном, провозглашение республики, бегство императора Наполеона III и императрицы Евгении — сбываются самые дурные предчувствия Елизаветы. Но более всего ее пугает провозглашенное в Версале рождение новой империи, заявляющей себя наследницей Священной Римской империи. Пруссия отбирает у Франции заветный атрибут прежней империи — Лотарингию. От-

ныне ей принадлежат все священные места Европы Шарлеманя — Аахен, Мец, Страсбург, Верден...

Елизавете страшно от того, что, казалось бы, изгнанный навсегда призрак европейской империи вновь обретает плоть, и какую плоть! Облеченной в латы прусского милитаризма, в новой империи уже нет романтики прежних времен, только тяга ко все новой экспансии. После французской катастрофы Елизавета спрашивает мужа: «Мы еще продержимся несколько лет, а потом, наверное, придет и наш черед?»

Но жизнь постепенно входит в обычное русло. В Европе вновь три императора — России, Австрии, а вместо Франции — Пруссии. Но отныне Германию в Европе олицетворяет не Австрия, а Пруссия, которая все более ведет себя как законная наследница Карла Великого, Оттона и Барбароссы. Бисмарк взрывает Европу, созданную Венским конгрессом, Европу, где было несколько сильных государств, он уничтожает Европу, созданную на договорах и балансе интересов. Для Бисмарка не существует непреложности подписанных соглашений, только интересы «Великой Пруссии». Но надо отдать должное железному канцлеру — в отличие от следующего претендента на наследство Шарлеманя, Гитлера, он реалист. Он хочет, чтобы Германия была великой державой Европы, но все-таки не единственной державой. Так в Европе воцаряется вооруженный мир.

Мир мог бы воцариться и в австрийском императорском семействе — умирает символ прошлой эпохи, эрцгерцогиня София. Казалось бы, Сисси отныне освобождена от своего злого гения, от недоброжелательного надзора, от мелких придирок. Она может вернуться в Вену как полновластная хозяйка в своем доме. Увы, поздно... Вена для нее чужой город, император по-прежнему поглощен делами государства, а оставленные при дворе дети как-то незаметно выросли. Старшая дочь рано выходит замуж за одного из своих баварских родственников, и Сисси становится бабушкой в тридцать шесть лет! Рудольф всю увлечен либеральными идеями века и обществом юных венских дам. Все уже привыкли, что Елизавета лишь время от времени радуется своим ярким светом венский небосклон. И смерть старой эрцгерцогини уже ничего не может изменить.

Практически каждое лето Елизавета теперь проводит в Англии, где может без усталости скакать на лошади, наслаждаться суровым климатом страны. Более того, несмотря на политические проблемы, она все больше времени проводит в Ирландии. Странная императрица, которая лечит туберкулез на малярийном Корфу и в туманной Британии!

Шлейф сплетен по-прежнему преследует ее. Героем ее нового романа теперь считают английского джентльмена Бэй Миддлтона — превосходного наездника и неутомимого охотника. Он действительно постоянно следует за императрицей. Некоторые историки даже осмеливаются предполагать, что в этот период жизни у императрицы рождается еще один ребенок, девочка, появление которой на свет от всех тщательно скрывается. Во всяком случае уже после смерти Сисси выйдет книга «Секрет императрицы», в которой некая графиня Ланди будет утверждать что она не кто иная, как незаконная дочь императрицы, которую та отдала в Вене в приемную семью и постоянно навещала и окружала заботой. Может быть, это выдумки очередной самозванки, но все-таки ее рассказ выглядит достаточно убедительно, чтобы задним числом подтвердить сплетни современников Сисси...

Нашептывания угодливых придворных достигают ушей сына Сисси, Рудольфа, который демонстративно отказывается общаться с приближенным матери. Единственный, кого не смущает новая волна обвинений в адрес Сисси, — ее супруг-император. Сам грешный, император даже не допускает мысли об измене жены. Ему кажется, что он лучше других знает натуру своей Сисси — романтической мечтательницы, стихия которой — влюбленная дружба, а не земная страсть.

В своих скитаниях по Европе Елизавета тщательно избегает общества коронованных особ — ей с ними скучно. Она с легкостью обижает королеву Викторию, отвергая ее приглашения на обед, или президента Франции Мак-Магона, встречу с которым в своем вагоне на вокзале Парижа она просто проспит. Но искренность Елизаветы завоевывает ей толпы поклонников среди обычных людей, среди ученых.

Сисси озабочена тем, чтобы сохранить свою красоту. Она действительно незабываема. Ее внешности позавидовали бы сегодняшние супермодели. Очень высокая для того времени — метр семьдесят два, с точеной фигурой и осиной талией — пятьдесят сантиметров! — она считается самой красивой женщиной Европы. Этот титул оспаривает, правда, еще одна императрица — испанка Евгения, жена Наполеона III. Когда, наконец, состоится первая встреча двух женщин, придворные замрут в ожидании... По общему мнению, яблоко Париса должно принадлежать Елизавете.

Красота Елизаветы становится скрытым дипломатическим оружием австрийской империи. Наслышанные об обворожительной государыне, многие иностранные правители стремятся нанести

визит в Вену, приурочив его, естественно, к редкому там пребыванию Елизаветы. Среди них — экзотический для Европы владыка, могущественный шах Персии, который затем скажет, что красота императрицы превзошла все его ожидания.

Елизавета не довольствуется тем, что она красивее всех известных ей женщин, ей хочется убедиться, что она лучше и заочных соперниц. В эту эпоху рождается фотография, и Сисси начинает собирать фотографии красавиц всех наций и народностей. Для коллекции императрицы — а она составляет две с половиной тысячи фотографий — послы Австрии соберут уникальные документы, отражающие эстетику Европы той эпохи. Среди них — портреты жительниц Петербурга и Берлина, Парижа и Рима, и даже обитательниц турецких гаремов.

Впрочем, обожание красоты — семейная черта Виттельсбахов. Дядя Сисси, король Баварии Людвиг I в своем загородном замке Нимфенбург устроил галерею портретов первых красавиц страны, где разместил изображения не только знатных дам, но и простолюдинок, в том числе и известной танцовщицы и авантюристки Лолы Монтез, роман с которой стоил ему трона.

Для того, чтобы сохранить свою красоту, Елизавета ведет совершенно ненормальный образ жизни: она практически ничего не ест. То она соблюдает исключительно молочную диету, то начинает питаться мясными соками. Как только ее вес переваливает за пятьдесят килограммов — это при росте-то в метр семьдесят два сантиметра! — она вообще перестает есть. Стремясь к физическому совершенству, Елизавета совершает многочасовые пешие прогулки. Но самая ее пылкая страсть — охота. Она отважная и неосторожная наездница, соревноваться с ней не смеют и мужчины.

И Сисси удастся сохранить вечную молодость. С фотографий Елизаветы-бабушки на нас по-прежнему смотрит Сисси-невеста. Но причуды императрицы с возрастом становятся все заметнее.

Ее начинает тянуть к безумцам. Во всех странах она посещает дома умалишенных. Ей интересно с ними. Наконец, таинственная дружба связывает ее с безумным королем Баварии Людвигом II. Их платонический роман начинается, когда восемнадцатилетний Людвиг, красивый, как молодой бог, становится королем Баварии. Елизавете в это время двадцать семь лет. Они кузены, они живут неподалеку, на разных берегах озера Штарнберг, поскольку она часто гостит у своих родителей. Они подают друг другу условные знаки, и Людвиг приплывает за ней на яхте «Тристан» и везет ужинать в свой замок на острове Роз. Им прислуживают лакеи в масках. Они пишут

друг другу романтические письма, он — «Орел», она — «Чайка», их отношения столь же невинны и романтичны, как, очевидно, бывшие отношения Наполеона-Орленка и Софии, свекрови Елизаветы. Елизавете не нужна земная, физическая страсть, своей любовью муж-император ее пугает, и она бежит от него. Людвигу вообще не нужна страсть женщины. Эти две романтические натуры находят друг друга в самом, наверное, платоническом романе европейской истории.

Этот роман продлится долгие годы, вплоть до самой смерти короля-безумца. Людвиг даже сватается к младшей сестре Елизаветы, Софии. Та напоминает ему образ его истинной любви. Помолвка, правда, быстро расстраивается. «Оскорбление», нанесенное сестре, никоим образом не разрушит привязанности императрицы к кузену. Она не винит его: даже король не может дать больше того, что он может, а земная любовь к женщине — не в его власти.

Отношения императрицы и короля — потусторонние и возвышенные — продолжают. Она видит, как Людвиг все более становится королем сумерек, как он разоряет страну, возводя свои фантастические замки, грубое подобие французских дворцов, как он вызывает там тени былых времен, ужиная то с Марией-Антуанеттой, то с Людовиком XIV, как его поглощает шокирующая всю Европу страсть к Рихарду Вагнеру, для исполнения опер которого он возводит специальный театр.

Все это не может не тревожить Елизавету, тем более что младший брат Людвига, герцог Отто, давно уже признан сумасшедшим. А ведь эта же кровь Виттельсбахов течет и в ней. Более того, поскольку родители Сисси кузены, то она унаследовала двойную дозу этой голубой крови императоров и принцев, покровителей искусств и коронованных безумцев. Она не может не страшиться за будущность своих детей, и прежде всего Рудольфа, неврастеническая натура которого уже проявляет себя.

Да и кровь Габсбургов тоже дала Европе немало безумцев. Достаточно вспомнить Хуану Безумную, благодаря браку с которой, как мы знаем, Габсбурги получили Испанию. После смерти мужа, которого она безумно ревновала, Хуана не дала похоронить его тело, а в течение сорока четырех лет возила его по Испании, укладывая смрадный труп в одну постель с собой. Безумие периодически затуманивало и гениальный мозг ее сына, Карла V, под конец жизни отрекшегося от трона и удалившегося в монастырь, и уж во всей кровавой ярости проявило себя в его сыне, Филиппе II. Вдобавок ко всему Елизавета и Франц-Иосиф — опять же двоюродные брат и сестра. Какое мрачное наследство получают их дети?

Несомненно, эксцентричность Сисси, равно как и безумие Людвига — во многом вина предков. Но именно поэтому они чувствуют друг в друге родственную душу. Безумие Людвига — истинное или кажущееся — оказывается причиной для его заточения в замке Берг, расположенном на берегу озера Штарнберг. Влиятельные политические силы хотят заставить Людвига отречься от престола. Управляет ими Берлин, а точнее — Бисмарк. Могущественный канцлер уже пережил свой звездный час — в 1871 году в поверженной Франции, в Версале, было провозглашено рождение Германской империи. Король Пруссии стал императором Германии Вильгельмом I. Но для того, чтобы включить в единую Германию по-прежнему независимое королевство Бавария, Бисмарк пошел на компромисс с Людвигом. Ему было обещано, что императоры Германии поочередно будут представлять династию Гогенцоллернов, то есть Пруссию, и Виттельсбахов, то есть Баварию. Конечно, Бисмарк не собирался придерживаться этого секретного протокола, но это была цена, которую пришлось платить за единение Германии «в прусском исполнении».

Но Вильгельм I стар, а Людвиг молод, он вскоре действительно может претендовать на императорский трон. Зная безумную натуру короля, Бисмарк понимает, что именно так и будет, а, учитывая родственные связи Виттельсбахов и Габсбургов, возможно, в этот конфликт будет втянута Австрия, которая все еще не может смириться с тем, что ее вышвырнули на восточные задворки Европы. А тогда единство Германии может быть вновь разрушено, снова начнется дуэль между Австрией и Пруссией за влияние на германских землях. Бисмарк этого допустить не может. И короля Баварии объявляют умалишенным и подвергают заточению.

Но Людвиг ускользает оттуда, и, как гласит легенда, пытается переплыть озеро, добраться туда, где в этот вечер ждет его Елизавета, его спасение. Она единственная не считает его безумным. Более того, ее пронизательный ум понимает политическую подоплеку происходящего. Но Людвиг не доплывет до Елизаветы, он утонет неподалеку от берега. Там, где в серо-голубых водах озера ныне стоит деревянный крест. Когда придет смертный час самой Елизаветы — он застанет ее также на берегу озера.

Но самая страшная потеря Елизаветы еще впереди. Это Маеирлинг, овеянное легендами место около Вены, где в 1889 году погибает тридцатилетний наследник престола, сын Елизаветы Рудольф. По официальной версии он кончает с собой из-за любви к юной Марии Вецере, с которой не может сочетаться браком, поскольку церковь не дает ему развода.

Действительно, брак Рудольфа с дочерью бельгийского короля Стефанией неудачен. Елизавета, кстати, была против него. Она хотела, чтобы ее дети женились по любви. Елизавета сомневается, что пятнадцатилетняя бельгийская принцесса, эта неуклюжая, застенчивая белобрысая девочка, сможет удержать Рудольфа, привыкшего к обществу пленительных и раскованных венских дам. Но Рудольф не противится воле отца, заинтересованного в союзе с Бельгией, в то время одним из наиболее динамично развивающихся промышленных государств Европы. Какое-то время он даже вроде бы увлечен своей блеклой женой, но вскоре охладевает к ней. От этого брака нет наследника престола, и в принципе есть уважительная причина для его расторжения — но, конечно, не ради мелкопоместной дворянки полугреческого происхождения.

Однако официальная версия, растиражированная в кинофильмах, в последнее время подвергается все большему сомнению. Действительно, не странно ли, что Рудольф и Мария решают покончить с собой всего две недели спустя после того, как стали возлюбленными? Если причина только в невозможности быть вместе, то прошло слишком мало времени, чтобы убедиться в безнадежности попыток соединиться друг с другом. Более того. Рудольф, как утверждают окружающие, отнюдь не был безраздельно пленен Марией. У несчастливого в браке наследника трона было слишком много доступных и искушенных подруг, чтобы скромная шестнадцатилетняя девушка могла столь очаровать его.

Другая версия гласит, что Рудольф просто хотел покончить с собой, поскольку не видел для себя места в австрийской действительности. С отцом отношения не сложились, он не одобряет политику императора, более того, флиртуя с оппозицией, публикует статьи под псевдонимом — но это секрет Полишенеля! — в которых резко критикует власти. Однако многие историки считают, что смерть Рудольфа — убийство. В пользу такого вывода говорит и тот факт, что Ватикан, узнав из секретной телеграммы австрийского министра, таинственным образом затем исчезнувшей, об обстоятельствах смерти Рудольфа, разрешил похоронить эрцгерцога по канонам церкви, что недопустимо в отношении самоубийц.

Кому же была выгодна смерть наследника-либерала? Самому императору? Весьма сомнительно. Франц-Иосиф, при всех расхождениях во взглядах, любящий отец. Он не поднимет, как Петр I или Иван Грозный, руку на сына, даже во имя блага империи. Кроме того, убежденный приверженец закона, он знает, что Рудольф — единственный неоспоримый наследник престола.

Скорее всего, в смерти Рудольфа повинны те политические силы псевдолиберального направления, которые хотели использовать наследника в своих интересах, а когда тот попытался выйти из-под их влияния, не желая рушить монархию, убили его. Действительно, Рудольф был либералом, но не революционером. В любом случае кончина Рудольфа окутана тайной. Но, возможно, смерть просто по ошибке настигла Рудольфа раньше времени. Ведь если бы не трагедия Майерлинга, то он, а не наследовавший ему Франц-Фердинанд, был бы в Сараево в тот роковой день 1914 года...

Это не последняя смерть близкого человека, которая поджидает Елизавету. В 1897 году в Париже трагически погибает сестра София, несостоявшаяся жена короля Баварии Людвига II. Во время бала начинается пожар, и, охваченная пламенем, она сгорает заживо. Узнав об этом, Елизавета в шоке произнесет пророческие слова: «Мы все умрем насильственной смертью».

...В 1898 году во время прогулки вдоль Женевского озера Елизавету настигнет кинжал итальянского анархиста. Нет, он не ставил себе цель убить именно императрицу Австрии, просто не подвернулось ему другой именитой жертвы.

Узнав о трагедии, стареющий Франц-Иосиф горестно воскликнет: «Никто никогда не поймет, как я любил ее».

Елизавета совсем немного не доживет до XX века, века, который увидит крушение последних европейских империй. Мятущаяся и прекрасная, вечно юная Елизавета как никто другой олицетворяет судьбу Европы, предчувствующей обреченность старого мира, гибель богов, гибель династий. По сути жизнь Елизаветы — пролог драмы в Сараево, когда смерть наследника австро-венгерского престола от руки сербского националиста развязывает Первую мировую войну.

Елизавета оказывается предпоследней императрицей того, что остается от великих европейских империй. После трагедии Майерлинга преемником Франца-Иосифа провозглашается его племянник, эрцгерцог Франц-Фердинанд. Но тот вскоре совершает традиционный жест Виттельсбахов и Габсбургов — женится по любви на особе некоролевской крови. Франц-Фердинанд сохраняет права на корону, но отказывается от них за своих детей от этого морганатического брака. Наследовать ему опять же должен племянник.

Убийство в Сараево Франца-Фердинанда и его жены, которая была недостойна стать императрицей, но достойна того, чтобы умереть как императрица, развязывает мировую войну. Начинается новый европейский передел...

В 1916 году смерть Франца-Иосифа приводит на трон Австрии последнего императора и последнюю императрицу, Зиту, которая переживет не только крушение империи, изгнание Габсбургов, но и Вторую мировую войну, и крушение социализма, и найдет в 1982 году свое успокоение в могильном склепе Габсбургов в Вене.

Современные Габсбурги унаследовали от предков их европейскую мечту. Сын последнего императора Отто — ныне депутат Европейского парламента — от Германии, не Австрии! — и один из самых яростных сторонников европейского объединения. Его внук Карл вполне в духе традиций семьи женился по любви, введя в шок наследные дома Европы. Не на Золушке — на богатейшей наследнице магнатов Тиссенев-Борнемиссе, но особе не королевской крови. А познакомились молодые люди во время международной акции гуманитарной помощи в Сараево, в 1992 году, когда вновь на Балканах полыхала война, когда продолжался распад империи Габсбургов, который предчувствовала Сисси, европейская Кассандра.

ЭПИЛОГ

...К единству

Придет день, когда французы, русские, итальянцы, англичане, немцы, словом, все нации континента, не теряя своих отличительных качеств и яркой индивидуальности, образуют единство и создадут европейское братство...

... Я принадлежу к партии, которая пока не существует. Этой партии принадлежит XX век... Она приведет к рождению Соединенных Штатов Европы.

Виктор Гюго

Рассказ окончен. Мы расстаемся с героями, судьбы которых олицетворяют несколько веков европейской истории. Как же так? — удивится читатель, — ведь поиски европейского единства не обрываются XIX веком?

Да, погони за империями продолжатся и в XX столетии. Гитлер попытается совершить то, что не удалось Наполеону — восстановить империю Шарлеманя, но не с французским, а с немецким акцентом. Сталин попытается в Советском Союзе одновременно возродить Византию и воплотить в жизнь идеи Маркса о падении национальных границ — в форме, доступной его пониманию. В этом смысле и Гитлер, и Сталин также черпали свои идеи в прошлом великих европейских империй. Но их попытки утверждения «единства» Европе ничего, кроме боли и крови, увы, не принесли.

Конечно, и Карл Великий, и Фридрих Барбаросса, и Наполеон, и другие герои этой книги не были ангелами. Они были детьми

своего времени, они проливали кровь невинных, были тиранами и деспотами. И все-таки они были прежде всего *европейцами*, романтиками, вдохновляемыми великими идеями единства. В их жизни света больше, чем теней. Они верили в будущее многонациональной Европы, в которой разные расы, разные народы, разные языки будут сливаться друг с другом и взаимообогащаться, где выходцы из азиатских степей обоснуются на Дунае, германцы — в Англии и на севере Италии, бритты — во Франции, приднестровские готы — в Пиренеях, скандинавы-викинги — во Франции, на юге Италии и на Руси, арабы в — Испании...

В жизни же самозванных императоров XX века света нет. Они были безумцами, а не романтиками, преступниками, а не тиранами. Они не вняли пророчеству Наполеона, который на закате своей жизни признал: «Я хотел укротить Европу насилем. Но сегодня ее можно покорить только идеей».

И эта идея родилась в середине XX века, после страшной войны, когда уцелевшие европейцы осознали, что еще одного военного Апокалипсиса наш бедный Старый Свет не выдержит, когда победители и побежденные впервые за всю историю решили возрождать Европу вместе. Так сорок лет назад было провозглашено твердое стремление европейских народов создать вечный и тесный союз.

...Когда Юдифь, вольно или невольно, разбила хрупкое европейское зеркало, оно разлетелось на целую горсть осколков — несколько крупных в окружении множества мелких. Возможно, если с прежней единой Европой, Европой Шарлеманя, не обошлись бы столь грубо, если бы ее тщательно распилили алмазным лезвием, чтобы не допустить ни малейших пылинок, не говоря уже об осколках, то, наверное, на новой географической карте появилось бы только несколько крупных образований. Франция, где жили бы ассимилировавшиеся друг с другом потомки кельтов-галлов и германских франков, Германия, где жили бы только германские племена, Великобритания — альянс германских англов и саксов с местными кельтами, Италия — чуть разбавленные германской кровью латиняне, Испания — коктейль из иберов, готов и арабов, одно большое славянское государство в центре Европы, Византия, и, наконец, Скандинавия — страна викингов.

Восемь стран вместо тридцати пяти — сорока! Такая карта Европы, возможно, была бы более разумной, лучше соответствовала бы древним национально-лингвистическим границам. Но как скучна была бы эта Европа без государств-осколков! В этой Европе не было

бы ни Голландии, ни Бельгии, ни Португалии, ни Дании, ни Ирландии, ни Австрии, ни Швейцарии... Не было бы этих малых стран с их удивительной культурой и аурой. В этой Европе, возможно, было бы меньше войн, но они были бы еще более кровопролитными войнами гигантов, поскольку поводов для них все равно было бы предостаточно.

Европа, когда-то разлетевшаяся на части, должна была рано или поздно осознать необходимость вновь стать единой, потому что ее нельзя было поделить умело — всегда оставался бы повод для обид, междоусобиц, войн. Лишь единство Европы навеки успокоит души столетних кровавых конфликтов. Европа рассыпалась как головоломка, и собирают ее уже тысячу лет. Но близок день, когда эта удивительная европейская мозаика воссоединится.

И, очевидно, не случайно, что Европейское экономическое сообщество, ставшее ныне Европейским союзом, родилось первоначально в составе шести стран. Франция, Германия, Италия, Бельгия, Люксембург и Нидерланды — практически точь-в-точь воссоздадут границы империи Шарлеманя. И символично, что переговоры о создании ЕЭС велись в Брюсселе, который и стал по сути столицей объединяющейся Европы. Ведь именно там — родные края семьи Шарлеманя, там истоки его империи. И не случайно, что Договор о создании ЕЭС подписан в Риме, на Капитолийском холме. Конечно, освящение единой Европы могло состояться только в Риме, там, где короновался Шарлемань, куда рвались все его наследники.

На этом перекличка веков не кончается. Договор 1991 года о преобразовании ЕЭС в Европейский союз подписан в Маастрихте, опять же в родовых краях Шарлеманя, всего в двадцати минутах от его столицы Аахена. Это больше, чем совпадение, это — символика европейского единства.

Архитекторы новой единой Европы известны. Я даже думала сделать кого-то из них заключительным героем книги. Но выбрать только одного невозможно. Жан Монне? Почетный гражданин Европы, как написано на его могиле в парижском Пантеоне, он, безусловно, был одним из отцов-основателей Европы, ее духовным вдохновителем. Но не менее славную роль сыграли Робер Шуман, министр иностранных дел Франции, Конрад Аденауэр, канцлер ФРГ, Вальтер Хальштейн, первый председатель Комиссии ЕС. А наш современник, Жак Делор, возможно, самый блестящий президент КЕС, открывший дорогу к единому рынку и единой валюте?

Искать лишь одну фигуру, олицетворяющую новое единство Европы, сложно, да, наверно, и бесполезно. Оно создается прежде

всего обычными европейцами, жителями Европы, которые идут к своему новому единству. Идут непросто, мучительно разгребая накопившиеся за тысячу лет завалы недоверия, предубеждений, страхов, привычек, стереотипов. Каждый прорыв вперед сопровождается затем сомнениями в правильности сделанного шага. Достаточно вспомнить послеродовые муки Маастрихтского договора — когда сначала на референдуме совершенно неожиданно против него проголосовали датчане, а затем французы одобрили договор лишь незначительным перевесом голосов.

Суеверный человек, однако, сказал бы, что сама природа предупредила о предстоящих потрясениях в процессе ратификации Маастрихтского договора — ведь не успели высохнуть чернила на подписанном в Маастрихте договоре, как в апреле 1992 года этот северный и абсолютно равнинный городок оказался в эпицентре невиданного для этих мест землетрясения. Какой катрен сложил бы на этот счет наш герой Мишель Нострадамус!

Да, с Маастрихтом, бесспорно, умерла алхимия европейской интеграции. Она перестала зачаровывать европейцев обещанием вечного мира и процветания, казаться единственной гарантией от сползания в прошлую пучину кровопролитных схваток наций и государств. Идея европейского единства, едва став доступной, потеряла былой ореол. Убежденные в незыблемости послевоенного мира и в прочности демократических институтов, многие европейцы стали евроскептиками, которым единая Европа видится как разрушительница их уютных национальных миров. Как часто Прекрасная дама, едва став женой, превращается для возлюбленного из объекта страсти в виновницу всех его разочарований...

Так и интеграция из магии, из природной силы, которую призывали как спасительницу от всех бед, подобно тому, как наши предки молились дождю и грому, стала обыденным явлением. Европейская идея перестала быть святой и непреложной. Она сошла со своего пьедестала. Но зато она стала реальной. Европа более не искушает своим недостижимым единством, она отныне позволяет наслаждаться им.

Научно-популярное издание

Татьяна Дмитриевна Валова

ИСКУШЕНИЕ ЕВРОПЫ

Исторические профили

Издательский редактор *И.К. Безумнова*

Корректор *Л.В. Краденых*

Художественный редактор *Е.Ю. Молчанов*

Компьютерная верстка *А.А. Петровой*

Оформление переплета и титульных листов *А.Л. Бондаренко*

Художник *Е.А. Адамов*

**Книги «Гардарики»
можно приобрести или заказать**

в объединении «Юристъ — Гардарика»:

107120, Москва, Мельницкий пер., д. 8/1
(ст. метро «Курская», «Чкаловская»)
Тел.: (095) 917-2991, 917-7144
Розница, мелкий опт

107082, Москва, ул. Ф. Энгельса, д. 75, стр. 10
(ст. метро «Бауманская»)
Тел.: (095) 261-9624, 267-7650; Факс: (095) 261-6010
Опт, розница, книга—почтой, доставка

Москва, ул. Знаменка, д. 10
(ст. метро «Арбатская»)
Розница

Санкт-Петербург, Невский пр-т, д. 85/11
(вход с ул. Гончарной, д. 11)
Тел.: (812) 168-4928
Опт, розница

Изд. лиц. ЛР № 071461 от 26.06.97
Подписано в печать 05.10.98. Формат 60 × 90^{1/16}
Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,0.
Тираж 1000 экз. Заказ № 1325

Издательская группа «Юристъ»
107120, Москва, Мельницкий пер., д. 8/1
Тел.: (095) 917-2991, 917-7144

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93
OCR - Давид Титиевский, март 2017 г., Хайфа

16814

Музейная Энциклопедия

50

15.02.99

0

